

В БОЯХ ЗА МОЛДАВИЮ

КНИГА ВТОРАЯ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „КАРТА МОЛДОВЕНЯСКЭ“
КИШИНЕВ * 1968**

Составители: полковник запаса *И. К. Свиридов*
и подполковник в отставке *И. Т. Григорьев*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда волей обстоятельств мы остались живы в те самые страшные дни и жизнь отмерила нам счастье поцеловать за пять лет проклятой разлуки своих близких и с упоением заняться любимым делом — мы не имели права, да и не могли хранить только в своей памяти имена тех, кого та же самая жизнь поила из своей чаши, как мать, и не успела до конца насытить: фашистский кованый сапог выбил из ее рук эту чашу.

Голоса и тени погибших друзей, или просто наших командиров, или просто гвардии рядовых, с которыми мы проходили этот невероятно трудный, но, видят люди, славный путь, — заставили нас снова взяться за перо. То, о чем мы не сказали в первой книге, то, что наша память не сумела тогда воскресить, то, что, по-нашему мнению, необходимо еще добавить, чтобы как можно точнее объяснить военную обстановку тех лет без прикрас и пристрастий, мы попытались сказать в этой книге.

Чувство невысказанной никогда безмерной любви к нашим фронтовым товарищам требовало изыскать в сердце теплые слова и бережно доверить их бумаге, но мы часто бывали в растерянности, ибо в писателях никогда не думали ходить. Тем не менее пульс вдохновения, если так можно сказать, не один раз тревожил наше воображение.

Эту новую книгу мы составили не только для определенного круга фронтовых товарищей — участников Отечественной войны на молдавской земле. Она должна служить как бы своеобразным паролем в воспитании патриотических чувств молодого поколения.

Патриотами, как и солдатами, не рождаются. Патриоты воспитываются на тысячах примеров, достойных подражания и преклонения, и особенно тогда, когда герои эти не выкованы в плену тесного воображения писателя, большого или маленького, когда герои эти — действительно прописанные на земле соотечественники, которых, как говорится, можно и «потрогать».

Мы знаем, что и теперь еще не удалось полностью воспроизвести эту героическую быль на молдавской земле — ведь в запасе у нас целая вечность. Дух погибших товарищей призывает нас снова и снова посвящать читателя в то правое дело, за которое они сложили свои непокорные головы.

И мы говорим им: Слава!

**В САМОМ
НАЧАЛЕ**

С. ЦЫПЛЕНКОВ,
полковник запаса

ПОДНЯТЫЕ ПО ТРЕВОГЕ

Накануне. Утром шестого июня по боевой тревоге полк выступил и, совершив стодвадцатикилометровый марш, к исходу девятого числа сосредоточился на окраине большого молдавского села Пражила, в 30—35 километрах от города Бельцы.

Как теперь стало известно, по планам штаба Одесского военного округа 30-я Иркутская горно-стрелковая дивизия имела задачу вместе с другими дивизиями прикрыть границу на реке Прут на случай развертывания боевых действий. Задача важная и ответственная. Новый район сосредоточения находился от границы в 70—80 километрах. Для преодоления такого расстояния требовался, по меньшей мере, двухсуточный форсированный марш. Следовательно, дивизия к выполнению своей задачи могла приступить с большим опозданием.

Переход полка в новый район, ближе к границе, естественно, вызвал всевозможные разговоры и кривотолки среди личного состава. На собраниях и служебных совещаниях да и просто при встречах нам с командиром полка задавали много вопросов.

- С какой задачей полк прибыл в данный район?
- Почему так далеко остановились от границы?
- Можно ли вызывать к себе семьи?
- Долго ли здесь задержимся?

От нас требовались ясные и вразумительные ответы, а мы и сами толком ничего не знали. На совещаниях в штабе

дивизии и в отделе политической пропаганды не только мы с полковником Сафоновым, но и другие командиры частей и политработники неоднократно задавали подобные вопросы командиру дивизии и его заместителю по политической части. Нам говорили:

— Не разводите панику, больше уделяйте внимания боевой подготовке и работайте с людьми.

Из штаба дивизии я вышел с каким-то тревожным чувством. В раздумьях не заметил, как выехал за околицу села Бокша, где размещался штаб дивизии. Расстегнул ворот гимнастерки, пришпорил коня и километра три проскакал галопом. То ли быстрая езда, то ли прекрасный солнечный день, а скорее всего и то и другое, настроили меня на более оптимистический лад. Я закурил и стал любоваться красотой молдавского пейзажа. После обильных дождей все благоухало. Шумели высокие густые хлеба, а в садах под тяжестью созревающих плодов прогибались до земли ветки фруктовых деревьев — первый богатый урожай свободных тружеников Молдавии!

Подъезжая к штабу полка, я уже думал о том, как лучше организовать учебу солдат, помочь местному населению убрать урожай на полях и в садах и быстрее встать на ноги только что зарождающимся колхозам.

В тот же вечер я созвал совещание всего политсостава полка совместно с секретарями ротных парторганизаций, на котором обсудили вопросы об усилении воспитательной работы, укреплении воинской дисциплины, повышении боевой готовности подразделений. Только сигнал на ужин прервал наше собеседование.

С утра до наступления темноты весь личный состав от повозочного до командира полка напряженно занимался боевой подготовкой. Солдат обучали умелым действиям на поле боя днем и ночью, в любой обстановке как самостоятельно, так и в составе подразделений. Совершенствовались свои знания и офицеры.

Очень много уделяли внимания огневой и тактической подготовке, а также совершенствованию маршей и ночных учений, которые, как правило, начинались подъемом рот по тревоге и заканчивались боевой стрельбой.

Нужно отдать должное командиру полка полковнику Сафонову. Он терпеливо и настойчиво добивался высокой организации и качества боевой подготовки.

— Мы должны использовать каждую минуту для учебы, — часто напоминал он офицерам и солдатам. — На войне некогда будет учиться. Там нужно бить врага, и бить умеючи, с наименьшей потерей живой силы. Поэтому мы обязаны закалять людей, готовить их к трудной боевой жизни.

Он знал, что такое современная война. Ему довелось в течение длительного времени с оружием в руках сражаться с фашистами в героической Испании. О его боевых делах красноречиво говорил сверкающий на гимнастерке орден Красного Знамени, полученный в боях за свободу испанского народа.

Я, как заместитель по политической части, и вся партийная организация полка поддерживали эту требовательность командира, помогали ему во всем. Не случайно наш полк на протяжении длительного времени считался в дивизии лучшим по дисциплине, организованности и боевой подготовке, хотя некоторые офицеры и политработники в полк прибыли из запаса в конце 1939 и в начале 1940 года, не имея достаточной теоретической военной подготовки и практических навыков в руководстве подразделениями. Благодаря упорной работе полковника Сафонова, партийной организации эти офицеры очень быстро освоились и стали хорошими руководителями.

Порой они удивлялись этому даже сами. Однажды инструктор пропаганды полка старший политрук Черкасов сказал мне:

— Смотрю я и удивляюсь, как в армии люди быстро осваивают весь комплекс задач и процесс их выполнения. Вчерашние запасники — рабочие, счетоводы, профсоюзные работники — сегодня уже выглядят заправскими командирами, способными не только обучать солдат военному делу, но и вести их в бой.

— А чему тут удивляться? Ведь и вы, Федор Филиппович, тоже, можно сказать, новичок. Я вот в армии более десяти лет, имею военно-политическое образование, опыт работы. Вы же только год служите, а справляетесь в мое отсутствие не хуже меня.

Черкасов, учитель по профессии, пришел в полк в начале 1940 года, из запаса. Он обладал организаторскими способностями, быстро сумел освоиться с армейской жизнью, найти свое место в огромном и сложном армейском механизме. Вел большую пропагандистскую работу среди личного состава полка, много помогал политрукам и парторгам рот в организации политработы, часто выступал с лекциями и докладами не только в полку, но и среди населения. Правда, был у него один недостаток: неопрятный внешний вид. За это не раз ему попадало от командира полка.

В общем, коллектив в полку сложился хороший, способный решать любые задачи, и в этом была немалая заслуга полковника Сафонова. Уже после войны я встречал многих офицеров-однополчан. Они не раз вспоминали добрым словом полковника Сафонова и 256-й полк, где получили хоро-

шую закалку, которая помогла им громить фашистских захватчиков.

Наряду с боевой подготовкой в полку была развернута большая политическая работа по воспитанию высоких моральных качеств у каждого воина. Политруки рассказывали солдатам о международной обстановке, о героических подвигах, проявленных советскими воинами на озере Хасан и реке Халхин-Гол, в финскую кампанию. В подразделениях выступали непосредственные участники боев — командир огневого взвода лейтенант Злобин, награжденный медалью «За отвагу», старшина 6-й роты Чернышев и другие участники этих событий.

Так в повседневных хлопотах незаметно проходило время. Порой не оставалось лишней минуты, чтобы отправить семье письмо. В мирное время мы мало уделяли внимания своим семьям, которые вместе с нами переносили все тяжести армейской жизни, и только потом, на войне, мы об этом сильно сожалели, рассматривая в свободные минуты фотокарточки родных и любимых.

Суббота, пожалуй, самый напряженный и беспокойный день во всей неделе, особенно для политработников. К обычным обязанностям прибавляются дополнительные — нужно тщательно продумать организацию отдыха личного состава в выходной. А это нелегкая задача. У нас не было ни клуба, ни спортивных городков, ни спортснарядов. Одна-единственная кинопередвижка.

Об этом я как раз и размышлял, находясь на совещании офицерского состава, пока начальник штаба дивизии полковник Кошанский делал доклад об итогах инспекторской проверки полка по боевой и политической подготовке.

В течение трех дней группа офицеров штаба и политотдела дивизии проводила в полку весеннюю инспекторскую проверку. Сколько тревог, волнений пережито за три дня! Отчитывались за весь зимний период. Каждому командиру хотелось, чтобы его подразделение признали лучшим в полку. Инспекторская проверка в жизни части и каждого офицера — большое событие. Одним она несет радости и награды, повышение по службе и в звании, другим — неприятности и огорчения... В общем, кто что заработал, то и получает. На этот раз, судя по выводам доклада, никаких особенных неприятностей как будто не предвиделось.

— Поработали вы, товарищи, в зимний период хорошо, — сказал в заключение полковник Кошанский. — Командование дивизии боевую и политическую подготовку полка оценивает хорошо и надеется, что впредь 256-й полк этих темпов не сдаст и будет ведущим в дивизии.

Проводив офицеров дивизии, мы с полковником Сафо-

новым вернулись к офицерам полка. Здесь он объявил, что уезжает по семейным обстоятельствам в краткосрочный отпуск. За него временно остается начальник штаба капитан Бороднюк.

Распрощавшись с командиром полка и пожелав ему счастливого пути, мы с начальником клуба младшим политруком Касьяновым направились в подразделение, чтобы проверить, как идет подготовка к проведению выходного дня. А потом смотрели вместе с офицерами и бойцами кинофильм «Волга-Волга». Эту картину я видел не раз, но опять смотрел ее с большим удовольствием. Она отвлекала от всех дум и забот, вселяла бодрость. Только почему-то происходили частые обрывы ленты. Нашему киномеханику Галаганову, а заодно и начальнику клуба Касьянову пришлось выслушать от зрителей немало разных колючих слов.

После кино долго еще не расходились. Вечер выдался тихий, теплый. Появился баян — неизменный спутник солдата. Кто-то из бойцов затянул песню. Сначала тихо, а потом все громче и громче звучали солдатские голоса. Пели «Катюшу», «Сулико». Из села тоже доносились песни молодежи.

Долго мы сидели в тот вечер на полянке, вспоминая о семьях, о своих бывших благоустроенных лагерях, и никто не думал тогда, что это был последний мирный вечер для нас и всей нашей страны.

Вот и теперь, спустя более двадцати лет, вспоминая об этом вечере, участники войны говорят: «Сердце подсказывало», «Чувствовали», что завтра что-то будет. Мне же думается, что все это навеяно уже войной, а тот вечер был самым обычным и ничего плохого не предвещал.

Нашу беседу прервал сигнал «отбой».

— Ну, товарищи, пора по «коням», — как говорят кавалеристы.

Через несколько минут полянка опустела. Мы с Черкасовым пошли в свою палатку. На безоблачном небе ярко горели звезды. Воскресный день обещал быть ясным, солнечным.

Так началась война. День 22 июня 1941 года будем помнить не только мы — участники и живые свидетели. Он вошел в историю человечества как день неслыханного вероломства и злодейства немецких фашистов. Четыре года войны унесли миллионы человеческих жизней, пролили реки крови и слез, причинили неисчислимы разрушения и бедствия. В нашей стране нет ни одной семьи, которой бы война не принесла тяжелое испытание.

Прошло более двадцати лет с того незабываемого июньского утра. Давно залечены солдатские раны, перепаханы траншеи и воронки, в лесах заросли травой и кустарником

партизанские тропы, но память, как хорошая кладовая, сохранила все до мелочей о том далеком дне. Запомнил этот день и я во всех деталях.

Было около пяти часов утра. Я почувствовал, что мою койку кто-то трясет. Открыв глаза, я увидел в палатке дежурного по полку командира 3-й пулеметной роты лейтенанта Сизоненко.

— Товарищ батальонный комиссар, из штаба дивизии получена телефонограмма. Приказано поднять полк по тревоге и занять оборону согласно плану, а вам с начальником штаба срочно выехать в штаб дивизии, — доложил он.

Я был очень удивлен. Чем вызвана эта тревога? Ведь прошли только сутки после того, как полк во время инспекторской проверки поднимался по тревоге с выводом в район обороны.

— Что вами сделано? — спросил я дежурного.

— Отдал приказание дежурным поднять подразделения и выслать связных за командирами, которые живут на квартирах.

— Как прошла ночь? Происшествий не было?

— Все в порядке. Только час тому назад в районе Бельц слышались сильные взрывы. Запрашивал оперативного дежурного штаба дивизии. Он ничего не знает. Видимо, артиллеристы или авиаторы проводят ночные стрельбы.

Это сообщение дежурного породило пока не ясную тревогу. Взрывы, тревога, вызов в штадив — все это наталкивало на мысль: неужели война? Нет, не может этого быть.

Я быстро оделся и направился в штаб полка. По улице торопливо шли офицеры с чемоданами в свои подразделения, коноводы вели уже оседланных коней. Улицы с каждой минутой становились все оживленнее.

— Не дадут даже в выходной день отдохнуть по-человечески. Наверное, новое начальство, которое осталось за командира полка, хочет себя показать, — услышал я разговор офицеров возле штаба полка.

Откровенно говоря, я и сам был недоволен таким распоряжением, но приказ есть приказ. Его нужно выполнять.

В штабе полка, который размещался в большой избе, принадлежавшей ранее кулаку, уже находились капитан Бороднюк, начальники служб, офицеры штаба и политаппарата полка.

— А как же будет с физкультурным праздником? — обратился ко мне начальник клуба младший политрук Касьянов.

— Видимо, придется отложить до следующего выходного.

— А вы, товарищ Касьянов, с киномехаником Галагановым побегайте за всех нас до конца тревоги, прихватите с собой лейтенанта Рахно, — съязвил кто-то из офицеров.

Лейтенант Рахно числился помощником начальника штаба, а фактически работал за заместителя командира полка по тылу. Начал службу в дивизии рядовым солдатом, вырос до офицера. Исполнительный, волевой, не по годам грузный, он не мог заниматься физкультурой, что и являлось предметом частых шуток по его адресу.

— Товарищи! Мне кажется, что это необычная тревога, — обратился я к офицерам. — Не могу пока сказать ничего определенного, но через час все выяснится. Мы позвоним из штадива, а сейчас выполняйте свои обязанности согласно плану боевой тревоги.

Дав необходимые распоряжения командирам рот, офицерам штаба и политаппарату полка по организации обороны и контролю, мы с капитаном Бороднюком выехали в штадив.

На востоке, как огненный шар, из-за роши медленно выплывало солнце.

Когда мы въехали в село Бокша, то заметили на улицах необычное движение. Люди куда-то спешили. Лица у всех были озабочены.

— Неужели война? — еле слышно проговорил капитан Бороднюк.

— Похоже на это...

К нашему приезду все командиры частей и их заместители по политической части уже были в сборе, ожидали, видимо, только нас. Как только мы заняли места, командир дивизии генерал-майор Галактионов без всякого предисловия начал свое сообщение:

— Товарищи! Сегодня в три часа противник нарушил нашу границу, перешел реку Прут и вторгся в наше воздушное пространство, бомбил город Бельцы. Командующий округом приказал выступить дивизии в район боевых действий.

— Какой силы переправился противник?

— Какую преследует он цель?

— Больше пока нам ничего не известно, — ответил командир дивизии.

Откровенно говоря, никто из нас в то утро не имел представления о размахе начатых фашистами военных действий. Мы считали, что это не больше как пограничный конфликт и страшного ничего нет. Подойдут несколько дивизий и разгромят зарвавшегося противника, как это было на Хасане, Халхин-Голе.

Это подтверждал и боевой приказ по дивизии № 1, который объявил нам начальник штаба полковник Кошанский. В нем говорилось: «В 3.00 22.6. 41 г. румынские войска перешли государственную границу р. Прут в районе Кухнешты, Қастешты. Численность не установлена, но по характеру дей-

ствий имеют целью захват г. Бельцы». Дальше следовали задачи частям на марш.

Перед выездом из штаба дивизии Бороднюк позвонил в полк и приказал помощнику начальника штаба полка капитану Рудику построить полк в полной боевой готовности для следования в район боевых действий, предупредив, что следует принять соответствующие меры от внезапного воздушного налета противника.

— Как не вовремя уехал командир нашего полка,— пожалел капитан Бороднюк, когда мы выехали из штаба дивизии.

Я понимал его душевное состояние. На его месте, пожалуй, волновался бы каждый. Нужно было руководить боевыми действиями полка, а он в этом деле не имел никакого опыта. В армию призван в 1940 году из запаса, работал не то экономистом, не то бухгалтером. После гражданской войны военной формы не надевал. Да и возраст давал о себе знать: ему было в то время уже за пятьдесят.

— Не падай духом, капитан. Не боги горшки лепят, справимся и без командира полка. И потом имей в виду — полковник Сафонов не такой человек, чтобы где-то отсиживаться в тревожное время. Не сегодня—затра придет. Все будет хорошо,—успокаивал я начальника штаба, хотя у самого на душе кошки скребли. Я вообще не воевал. Знал войну лишь по книгам, рассказам участников, кинокартинам. На командирских полевых занятиях и учениях, как правило, принимали решения и отдавали приказы командиры частей. Самостоятельно командовать на каком-либо учении не приходилось.

К нашему приезду полк был уже построен. Личный состав в общих чертах знал о причинах тревоги. Я смотрел на знакомые лица красноармейцев, офицеров, политработников, с которыми в течение двух лет делил все радости и невзгоды легкой армейской жизни.

Вот красноармеец Яблочкин, отличный стрелок, всегда подтянутый, спокойный и чуть застенчивый. Он мечтал после военной службы поступить в сельскохозяйственный институт, чтобы выращивать новые сорта пшеницы и льна в своей Калининской области. Из-за его плеча выглядывает сержант Пурцеладзе, артиллерийский снайпер, комсомольский вожак 76 мм батареи, лучший танцор в полку, активный участник красноармейской самодеятельности. Стараясь не нарушить строй, он чуть-чуть повернул голову, чтобы лучше разглядеть нас. Наверно, попытается по внешнему виду определить, что же случилось: пограничный конфликт или...

Впереди своей роты стоит вечно улыбающийся лейтенант Броварный. Это неутомимый труженик, снискавший почет и уважение за свое трудолюбие, уравновешенный харак-

тер и командирскую требовательность. Его любили бойцы не только четвертой роты, которой командовал, но и других рот. Он пришел в полк в начале 1940 года и в течение одного года вырос от командира взвода до командира роты.

Можно перечислять без конца. Я смотрел на них и думал, как быстро меняется человек перед лицом опасности. Они как бы сразу повзрослели, стали серьезнее, сосредоточеннее.

Пока штаб полка готовил план марша, мы с капитаном Бороднюком решили провести накоротке митинг. Трибуной служила грузовая машина. Туда мы водрузили полковое знамя, чтобы его мог видеть весь полк. Свою короткую речь и выступления бойцов и офицеров я запомнил почти дословно.

— Дорогие товарищи! — начал я свое выступление. — Мы с вами в течение длительного времени готовили себя к боевым действиям. Наступило время показать свое военное мастерство, отвагу и преданность партии и Родине не на словах, а на деле. Под знаменами нашей боевой четырежды орденоносной дивизии будем громить ненавистного врага так же, как громили его наши отцы и деды в годы гражданской войны. Поклянемся же, как бы трудно ни было, ни на минуту не склоним перед врагом нашего знамени, отомстим наглым захватчикам, чтоб им не повадно было впредь посягать на наши священные рубежи.

Когда я закончил, несколько секунд стояла тишина, потом раздалось мощное, слившееся в единый возглас «клянемся!»

После меня выступило несколько бойцов и офицеров. Все заканчивали свои речи словами: «Враг скоро почувствует нашу силу, победа будет за нами!»

Особенно мне запомнилось выступление сержанта Серова — командира орудия.

— Товарищи! — говорил Серов, — наш советский народ под руководством Коммунистической партии в течение 24 лет строил свою счастливую жизнь. Сегодня враг нарушил нашу мирную жизнь. Я, как боец Красной Армии, сегодня еще раз патриот коммунист Давид Андреевич Серов клятву, данную даю клятву перед всем нашим народом, перед партией, перед вами, мои товарищи и друзья, что буду защищать свою Родину до последнего дыхания.

Хочу забежать несколько вперед и сказать, что пламенный патриот коммунист Давид Андреевич Серов клятву, данную в тот день, сдержал. Он прошел почти всю войну, всюду проявлял героизм и отвагу. На его счету не один десяток подбитых и сожженных танков, машин и пулеметов противника, сотни уничтоженных фашистских солдат и офицеров. За время войны товарищ Серов вырос от сержанта до старшего лейтенанта, от командира орудия до командира батареи. Но

не пришлось ему вместе с нами праздновать День победы над фашистской Германией. Он героически погиб 11 февраля 1945 года в Восточной Пруссии, отражая контратаку танков противника, пытавшихся вырваться из окружения. Боевые друзья похоронили его со всеми воинскими почестями в городе Центен.

После митинга во всех подразделениях были проведены совместные партийно-комсомольские собрания с одним вопросом: «Роль коммунистов и комсомольцев на марше и в предстоящих боях». На этих же собраниях многие были приняты в партию и в комсомол.

Так кончилась мирная жизнь. Наступили боевые тревожные дни и бессонные ночи. Еще раз обошли мы с капитаном Бороднюком строй, проверили подгонку обмундирования, снаряжения, наличие боеприпасов, воды во флягах. Даны последние указания командирам. Последний взгляд на мирные поля и хаты, и полк в 12.00 22 июня 1941 года тронулся навстречу войне. Нас никто из родных и близких не провожал, не плакал, не давал никаких советов. Быть может, от этого было немного грустно.

...Уже к концу первого дня стало очевидным, что это не пограничный конфликт, а самая настоящая война, хотя мы полностью еще не представляли ее размеров.

Чем ближе подходили к фронту, тем страшнее перед нами вставала ужасная жестокость и разрушительная сила войны. Горели села, огромные скирды свежего сена, горели несокошенные хлеба, подожженные вражеской авиацией. Навстречу нам двигались запыленные толпы беженцев, санитарные машины, повозки с ранеными.

В воздухе висела вражеская авиация, преследуя буквально каждую машину, повозку, одиночного пешехода.

Не раз в этот день пришлось и нам встретиться с авиацией противника, но, к нашему счастью, обошлось без людских жертв.

Особенно хорошо запомнился один из налетов. Я его не забуду до самой смерти. Это было под вечер. Солнце уже садилось за горизонтом. Одна из наших колонн входила в село. Из-за рощи показались самолеты противника. В течение нескольких минут они бомбили и обстреливали село. Загорелись дома, то там, то здесь слышались крики и стоны раненых местных жителей. Возле одного дома я увидел мертвую женщину, а рядом с ней девочку лет трех. Одной рукой она прижимала к себе куклу, а другой тормозила мать:

— Мама! Мне больно ножку, вставай, пойдем домой.

— Гады! Что они делают! — услышал я за спиной суровый голос бойца.

Взял на руки девочку, вместе с бойцом перевязал рану

на ножке, и, когда малютка немного успокоилась, отдал ее подошедшим соседям, а сам пошел догонять колонну.

— Что же это получается, товарищ комиссар? Авиация противника безнаказанно летает над нашей территорией, нас бьет, а где же наши соколы?

— Да ведь небо не речка, его бреднем не закроешь. А нашей авиации, видимо, хватает работы и в другом, более важном месте.

Но я чувствовал, что мой ответ явно не удовлетворял бойцов.

Я не мог вразумительно ответить на этот вопрос потому, что и сам толком ничего не знал. Мы в течение суток не имели ни газет, ни информации из штаба и политотдела дивизии о положении дела в стране и на фронте. Радиостанция, которой мы располагали, бездействовала. Нам было приказано не разворачивать ее, да и к тому же, как выяснилось позже, у нас не было ключей и переговорной таблицы. Все это в суматохе забыли взять с собой.

Единственным источником информации являлись раненые, которых мы встречали на пути своего движения. Но эта информация была далеко не полная, а порой и неточная. Но было отрадным слышать из уст непосредственных участников боев, что наши пограничники проявляют исключительный героизм, стоят насмерть, не давая возможности противнику продвинуться вглубь.

Поздним вечером на одном из привалов возле нас оставилась грузовая машина с ранеными бойцами. В кабине вместе с шофером сидел лейтенант. Голова и правая рука у него были перевязаны. От крови и пыли повязки выглядели черными.

— Разрешите закурить, товарищи командиры, — обратился к нам лейтенант. Мы помогли ему выйти из кабины, бережно усадили под деревом на разостланную шинель, и несколько рук с портсигарами протянулись к нему. Лейтенант закурил, отпил несколько глотков воды из поданной кем-то фляги. Я попросил его рассказать коротенько, как обстоит дело на границе.

— Вообще-то дела обстоят не так уж плохо. Немало мы их поколотили, но нелегко пришлось и нам. Мой взвод начал бой в пять часов утра у высоты на реке Прут. Вначале противник в нескольких местах высадил на наш берег небольшие группы, потом выбросил десант... человек триста. Шли как на параде. В полный рост. Ну, тут уж мы их покосили...

Лейтенант бросил папиросу, помолчал, снова попил воды.

— Враги... залегли. И потом несколько раз атаковали нашу высоту... Отбили мы атаки, а у самих большие потери. И все-таки враг вынужден был отойти...

Этот коротенький рассказ о стойкости и мужестве пограничников подбодрил нас. Марш мы продолжали с новой энергией. Я очень сожалею, что не записал тогда фамилии этого лейтенанта, но я много раз потом рассказывал бойцам о том, как мужественно сражались с врагом наши пограничники в первый день войны.

На рассвете 23 июня мы решили сделать большой привал, чтоб покормить людей и дать несколько часов отдыха. Работники штаба и политаппарата пошли в подразделения проверить личный состав, помочь в организации отдыха и охраны.

Я направился в 9-ю роту. Она у нас считалась самой неорганизованной. Когда возвращался из роты, уже начинало светать.

— А я разослал посыльных за вами, — взволнованно встретил меня начальник штаба Бородинюк.

— Что случилось?

— С первой и четвертой ротами нарушена связь. Кроме того, в нескольких местах замечены вспышки ракет. Политрук роты связи Абрасимов доложил, что на линии вырезано более двухсот метров кабеля. Меры к восстановлению связи приняты.

Да, ясно, это агентура врага начала свои активные действия в нашем тылу. Нужно было принимать срочные меры, чтобы враг не мог нанести удар нам в спину. Командирам рот приказали поднять людей, отвести в новые районы, усилить наблюдения за местностью, передислоцировали штаб, выслали взвод разведчиков для прочесывания местности.

Не успел штаб полка обосноваться на новом месте, как появилось несколько самолетов противника. Они бомбили район, из которого мы только что ушли. К нашему счастью, все обошлось благополучно. Был легко ранен один ездовой и убита лошадь.

В 10 часов утра полк находился на марше. Нас догнал полковник Кошанский. Нужно сказать, что в дивизии полковника Кошанского любили. Это был высокограмотный и культурный офицер. В 1932 году окончил академию им. Фрунзе, замечательный человек и товарищ. Командиры частей часто между собой говорили:

— Вот бы кому командовать дивизией.

Мы были рады его приезду. После официального доклада, здороваясь с полковником, я шутя заметил:

— А мы уже думали, что в штабе и политотделе дивизии нет никого в живых. Почти сутки не было никакой связи.

— Привыкайте жить без нянек. Это пригодится в бою, — ответил мне Кошанский. — Положение очень серьезное. Фашистская Германия начала против нас войну, и ее войска атакуют наши границы от Прибалтики до Черного моря.

— Дивизии приказано, — продолжал начальник штаба, — выбросить на помощь пограничникам десант на автомашинах. Вот с этим я и приехал к вам.

— Что же мы конкретно должны делать? — спросил я.

— Командир дивизии приказал полку продолжать марш и к исходу дня занять оборону по западной опушке леса в районе населенного пункта Валя-Русулуй, не допустить дальнейшего продвижения противника, а полковую школу со взводом 76 мм пушек перевезти как десант на автомашинах... Совместно с пограничниками и подразделениями 176-й стрелковой дивизии они должны отбросить противника, переправившегося через реку Прут в районе сел Скуляны и Герман. Машины будут поданы вам через час.

— Почему полковую школу, а не линейное подразделение? — задал я вопрос. — Ведь это наши кадры, которые мы можем потерять в этом бою.

— Приказ командира дивизии. Полковая школа — наиболее организованное подразделение, хорошо подготовленное в военном отношении... Может больше сделать, чем бойцы другого подразделения.

Скрепя сердце я отдал приказ начальнику школы старшему лейтенанту Лаврову остановить школу, сделать расчет на машины. В 12 часов полковая школа была посажена на машины и отправлена в район боевых действий. В 15 часов 23 июня она уже дралась с врагом. К вечеру враг был сброшен в Прут возле села Скуляны.

Из рассказов участников этого боя мы узнали, что курсанты проявили исключительный героизм. Многие из них погибли. Ранены начальник полковой школы старший лейтенант Лавров, командир взвода 76 мм пушек лейтенант Пикущ, но оба отказались идти в медсанбат и остались в строю, руководили подразделениями до конца боя.

В результате полковая школа как учебное подразделение перестала существовать, и это очень сильно сказалось уже через несколько дней, когда большинство сержантского состава выбыло из строя и заменить его пришлось рядовыми бойцами.

Как и в первый день марша, нас продолжала беспокоить авиация противника. Особенно сильный налет был во второй половине дня на колонну, с которой следовал и штаб полка.

Среди шума и пулеметной стрельбы вдруг вскинулись ликующие крики бойцов:

— Сбили, сбили гада!

Объятый пламенем фашистский самолет, оставляя за собой шлейф дыма, недалеко от нас врезался в землю. Бойцы, забыв про опасность, выбежали из укрытия и криками «ура!» встретили первую нашу боевую победу.

Но наша радость была омрачена. Летчик второго самолета решил отомстить, спикировал на пулеметную установку и несколькими очередями повредил мотор машины, тяжело ранил наводчика Арутюняна, сбившего фашистский самолет.

Как ни старалась наш полковой врач Мария Ивановна Сидоренко спасти жизнь нашего первого героя, ее усилия были безуспешны. Через несколько минут товарищ Арутюнян скончался.

Недалеко от дороги появился небольшой холмик, любовно укрытый свежей травой и ветками, а в изголовье на небольшом кусочке фанеры надпись: «Пулеметчик Арутюнян, сбивший немецкий самолет 23 июня 1941 г., пал геройской смертью».

Троекратным залпом из винтовок и пистолетов простились мы со своим боевым товарищем, дав клятву отомстить врагу за его смерть.

Первые бои. Дивизия прибыла в район боевых действий поздно вечером 23 июня. К этому моменту противнику вновь удалось форсировать в двух местах реку Прут и занять населенные пункты Герман и Скуляны. Прибудь мы раньше на несколько часов, этого могло бы и не случиться.

Согласно приказу командира дивизии, полк занял оборону по западной опушке леса в районе Валя-Русулуй восточнее села Герман. Справа занял оборону 71-й полк, а слева находился 35-й полк.

Длительный марш без отдыха и сна дал о себе знать. Прибыв в шестую роту, я застал такую картину: почти вся рота спала, никаких окопов и огневых позиций для пулеметов никто и не думал рыть. Я потребовал от командира роты лейтенанта Острякова и политрука Горюнова навести порядок. Оба недоуменно пожали плечами.

— А зачем нам, товарищ комиссар, окопы? Мы ведь не собираемся здесь сидеть. Завтра будем наступать, разгромим переправившихся немцев, и конец войне.

Почти всю ночь нам пришлось находиться в подразделениях, организовывать оборону, наводить порядок. Только под утро удалось прилечь, но сон был недолгим. Часа в четыре дежурный по штабу лейтенант Лебедев разбудил меня и капитана Бородинюка.

— Прибыл офицер из штаба дивизии с боевым приказом, — доложил Лебедев.

Было раннее безоблачное утро. В роще звонко распевали птицы. На берегу реки, утопая в зелени садов, лежали села Герман и Скуляны. Покой. Тишина. Даже не верилось, что двое суток на нашей земле бушует война, неся с собой смерть и опустошение.

Боевым приказом полку ставилась задача: частью сил совместно с подразделениями 71-го полка уничтожить переправившегося противника в районе села Герман, а главными силами оборонять занимаемый участок, подготовив контратаки в направлениях Скулян и Коючен.

Мне, как и всем офицерам полка, впервые приходилось решать боевую задачу. От того, насколько правильно мы примем решение, зависел успех боя. Надо было сохранить десятки, а может быть, и сотни жизней людей.

— О чем размышлялся, комиссар? — услышал я знакомый голос позади себя.

Я поднял голову. К дереву, возле которого мы сидели, подходил заместитель командира дивизии по строевой части полковник Гончаров. Я встал, с облегчением вздохнул и улыбнулся.

— Отчего это так весело тебе?

— Оттого, что вы приехали, товарищ полковник. Если бы вы знали, как трудно нам сейчас.

— Знаю, — перебил меня полковник, — поэтому и приехал к вам, чтобы помочь распределить силы, пока нет полковника Сафонова.

Вскоре прибыли командиры подразделений. Полковник Гончаров поставил каждому задачу, уточнил время и сигналы наступления, дал указания штабу полка по управлению боем. Все это заняло не больше 20—25 минут.

В семь часов утра 24 июня по сигналу красной ракеты три стрелковых роты открыли летопись боевого пути нашего 256-го полка. Без танков, без артиллерийской подготовки, под прикрытием одной минометной роты, батареи 76 мм пушек и пулеметного огня, с винтовками наперевес, с горячими сердцами в груди двигались цепи бойцов навстречу противнику, который за ночь сумел укрепиться и переправить артиллерию и минометы.

Мы стояли недалеко от рощи, на небольшой высотке в отрыве наспех щели, и наблюдали за движением рот. Как будут вести себя бойцы и командиры в первом бою? От этого во многом зависела дальнейшая боеспособность полка. Люди шли во весь рост, как на учениях, пренебрегая маскировкой, не обращая внимания на пулеметный огонь противника. Многие командиры и политруки шли впереди своих подразделений, как на параде.

Это была своего рода «психическая» атака, как в картине «Чапаев».

— Такой героизм на войне излишний, — проговорил полковник Гончаров, наблюдая за наступающими ротами. — Командир должен не на лихом коне скакать, а умело управлять своим подразделением.

Но предпринять что-либо было невозможно: роты уже подходили к населенному пункту.

Охватывая полукольцом село Герман, роты почти одновременно с криком «ура» ринулись в атаку. Первой ворвалась на южную окраину села 4-я рота во главе с командиром роты младшим лейтенантом Броварным. На северную и восточную окраины вышли 5 и 6-я роты. Завязался уличный бой. Он длился около часа. Противник, не выдержав стремительного натиска наших подразделений, бросая раненых и оружие, начал отходить к реке, пытаясь на лодках и вплавь удрать на западный берег.

— Это вам не Франция и не Бельгия, — кричали бойцы, преследуя противника и ведя по нему ружейно-пулеметный огонь.

— Товарищ Василиук, поддайте им жару! — приказал полковник Гончаров начальнику артиллерии полка, находившемуся на наблюдательном пункте, но артиллеристы и минометчики и без приказа уже вели беглый огонь по убегающему противнику.

К 13 часам село Герман полностью было очищено от противника. На улицах и на берегу реки валялись трупы фашистских солдат и офицеров, оружие, боеприпасы. Двадцать два немца взяты в плен. Это была наша первая победа, вписанная в историю полка.

Особенно умело и решительно действовали в этом бою командир 4-й роты младший лейтенант Броварный, красноармеец Иванов, командир минометного расчета сержант Коквихин, командир огневого взвода младший лейтенант Кобыжский — да всех отличившихся, пожалуй, и невозможно перечислить.

Говоря о героическом поведении личного состава в первом бою, нельзя не упомянуть о действиях командира пулеметного расчета сержанта коммуниста Элбакяна. Во время наступления он все время находился со своим пулеметом непосредственно в боевых порядках, поддерживая огнем действие 4-й роты. Будучи раненным в голову, категорически отказался идти в санчасть.

— Мое место здесь, на поле боя, а не в санчасти, — заявил он.

Политрук 6-й роты Горюнов, тихий, всегда спокойный, в бою словно переродился. Он первым поднялся в атаку, увлекая за собой всю роту. Когда рота ворвалась в село и стала теснить врага, из одного полуподвального помещения противник открыл сильный огонь из пулемета. Рота, неся потери, вынуждена была залечь. Политрук Горюнов, недолго думая, где ползком, где короткими перебежками, стал пробираться по огородам в тыл вражескому пулемету. И вот уже

летят в подвал две гранаты. Пулемет затих, путь вперед был освобожден.

Несколько иначе сложилась обстановка на участке 35-го полка, у нашего левого соседа, который имел задачу выбить противника из села Скуляны. Неся потери от минометного и пулеметного огня противника, подразделение полка вынуждено было залечь. Командир дивизии приказал тремя ротами нашего полка нанести удар противнику во фланг, совместно с подразделениями 35-го полка уничтожить противника в Скулянах и полностью очистить восточный берег реки Прут в этом районе.

— Ну, вы теперь справитесь и сами, — закуривая папиросу, проговорил полковник Гончаров, — а я поеду в 35-й полк.

Организаторские способности, боевой опыт полковника Гончарова оказали свое действие и на успех нашего соседа. К вечеру противник был разбит и в Скулянах. Части дивизии в течение дня полностью очистили от противника восточный берег Прута от села Герман до Скулян на протяжении 8—10 километров.

Дорого обошелся фашистским захватчикам этот день. Не одна сотня гитлеровцев нашла себе могилу на восточном берегу Прута. Вот как об этом сообщалось 25 июня в утренней сводке Совинформбюро: противник, пытавшийся наступать в районе Скулян, с тяжелыми для него потерями был отброшен за западный берег реки Прут.

В этот день возвратился Сафонов. Мы все обрадовались этому.

В течение последующих дней противник неоднократно пытался форсировать реку Прут в районе сел Скуляны и Герман, но каждый раз, неся потери от огня наших подразделений, вынужден был отходить. За пять дней боев на этом участке он не смог достигнуть не только оперативного, но даже и тактического успеха. Это злило врага, и он решил сломить наше сопротивление во что бы то ни стало.

С утра 27 июня под прикрытием большого количества авиации и сильного артиллерийского огня враг начал форсировать реку. Ему удалось высадить в нескольких местах большие группы, в общей сложности около полка пехоты с пулеметами и минометами.

Целый день шел ожесточенный бой. Особенно жаркие схватки были в районе Скулян, где противник сосредоточил свои главные силы. Село в течение дня несколько раз переходило из рук в руки, и все же противник не смог добиться успеха.

Этот район привлекал противника тем, что здесь было наиболее удобное место для форсирования реки, отсюда шла

хорошая шоссейная дорога на город Бельцы, по которой могла двигаться техника, в том числе и танки. А севернее и южнее берег реки был топким и сразу же начинались возвышенности, труднопроходимые для механизированных войск.

Командование нашей дивизии также обращало внимание на этот участок. Здесь были сосредоточены основные силы и нашего полка. Оборона участка в районе села Герман оказалась ослабленной, чем и воспользовался противник.

Во второй половине дня фашисты прорвали оборону на стыке между нашим и 369-м полками, вышли во фланг, создавая угрозу окружения наших подразделений, обороняющихся в селе Герман.

Пятая рота, занимавшая северо-восточную часть села Герман, начала отходить. Глядя на нее, потянувшись из села и шестая рота. Нужно было принимать срочные меры, чтобы восстановить положение.

— Ну что ж, комиссар, — проговорил полковник Сафонов. — Возьми несколько красноармейцев и попытайся повлиять на отходящие роты, а я тем временем брошу на помощь наши резервы.

Все наши резервы в тот момент состояли из 60—70 человек саперной роты и взвода пеших разведчиков.

Я взял красноармейца Яблочкина, командира отделения связи Герасименко, и мы втроем двинулись навстречу отходящим ротам. Нелегко остановить движущийся поток людей, над которым рвутся снаряды, свистят пули и осколки. Но нам все же удалось повлиять на солдат. Они вновь заняли оборону.

Я почувствовал, что мое присутствие непосредственно в боевых порядках несколько успокаивающе действовало на бойцов и командиров.

— Вы что же бегаєте от противника? Заманиваете, что ли, его? — обратился я к бойцам первого взвода 5-й роты.

— Мы ничего, товарищ комиссар, только уж очень сильный минометный огонь он ведет, — проговорил робким голосом кто-то из бойцов.

— А вы что думали, он к вам с подарками пойдет? На войне всегда стреляют, даже убивают, особенно тех, кто противнику спину подставляет.

С высоты правее рот спускалась цепь. Это шел наш резерв, высланный командиром полка. Саперную роту возглавлял младший политрук Ковальчук, а взвод пеших разведчиков — младший лейтенант Приладыш.

— А вот и помощь к нам идет, — сказал я.

Эта небольшая группа под прикрытием огня минометной роты смело контратаковала противника во фланг. Контратака была так неожиданна, что противник на некоторое время

пришел в замешательство. Воспользовавшись этим, я поднял роты, и вместе с контратакующей группой мы выбили врага из деревни Герман и начали теснить его к реке Прут.

Политрук саперной роты Ковальчук так увлекся боем, что не заметил, как вырвался далеко вперед, был ранен в руку, но продолжал преследовать врага. Через несколько минут был вторично ранен и упал. Это заметили фашисты и пытались взять его в плен, но Ковальчук продолжал лежать вести огонь по фашистам.

Первым увидел этот поединок комсорг роты ефрейтор Ореш Аманов. Он вскинул винтовку, рванулся вперед на вырчку политруку, застрелил трех фашистов, а двоих, которые пытались взять политрука, заколол штыком. В это время подоспела рота. Двое красноармейцев взяли раненого политрука, а ефрейтор Аманов с возгласом «За Родину, вперед!» повел за собой роту, добивая убегающих фашистов. Он не остановился даже после того, когда был ранен в голову, и продолжал командовать ротой до тех пор, пока не сбросили в реку последнего фашиста.

Спустя несколько дней армейская газета «Защитник Родины» посвятила героическому подвигу ефрейтора Аманова передовую статью.

В течение почти двухлетней службы в полку Аманов ничем особенным не отличался от других бойцов: ни силой, ни храбростью. А на войне в первом же бою проявил инициативу, смелость и героизм.

Вечером после боя я зашел в санитарную роту, которая размещалась в роще. Здесь шла напряженная борьба врачей за жизнь бойцов и командиров. Аманов лежал на носилках, подготовленный к отправке в медсанбат. Голова и левая рука у него были перевязаны. Заметив меня, он чуть приподнял голову и еле заметным кивком попросил подойти.

— Товарищ комиссар, передайте комсомольцам роты, что я скоро снова вернусь к ним. Путь больше убивают фашистов.

Но Аманов больше в полк не вернулся. Рана оказалась очень серьезной, и он умер в медсанбате. Об этом я узнал 20 лет спустя из письма его дочери, знатного хлопковод колхоза «Ашхабад» Мамагуль Амановой, депутата Верховного Совета Туркменской республики.

В этом бою отличились также разведчики и их командир младший лейтенант Приладыш. Будучи тяжело раненным, он не покинул поле боя, продолжал управлять взводом. Когда бой уже закончился, он, обессиленный от большой потери крови, упал, и его в бессознательном состоянии отправили в санроту, а оттуда — в медсанбат. В госпитале Приладыш пролежал длительное время. В октябре он снова вернулся в полк. Мы

вели бои уже на реке Миус. Товарищ Приладыш закончил войну в должности заместителя командира полка.

Большую помощь в разгроме противника в селе Герман оказали минометчики, руководимые лейтенантом Манько. Особенно отличился взвод сержанта Коквихина. Своим точным огнем минометчики обеспечили контратаку саперной роты, не допустили переправы свежих сил противника через реку Прут. За день боя минометчики уничтожили до роты солдат противника, несколько пулеметов, разбили несколько лодок и один небольшой катер с пехотой.

Героизм и отвага бойцов и командиров становились нормой поведения в бою. Коммунисты и комсомольцы, как правило, были всегда в первых рядах и на самых трудных участках. Они своим примером, горячим словом вдохновляли и увлекали на подвиги весь личный состав.

В сводке информбюро за 28 июня об этом дне говорилось:

«На Бессарабском участке фронта наши части нанесли удар по противнику в районе Скуляны, сорвав подготовку крупного наступления на этом направлении. В боях с немецкими захватчиками бойцы и целые подразделения проявляют исключительный героизм, находчивость и отвагу».

Это сообщение еще выше подняло боевой дух бойцов и командиров. Окрыленные успехами первых дней боев, они все чаще и чаще задавали один и тот же вопрос:

— Почему же мы сидим здесь, а не переходим реку Прут, чтобы окончательно разгромить зарвавшегося врага?

Все мы, конечно, желали этого, но сложившаяся обстановка на других фронтах не позволяла идти вперед. Противник на многих участках, в том числе и на нашем, вклинился на значительное расстояние в глубь страны. Мы старались разьяснить это личному составу.

На рассвете 29 июня фашисты снова начали бомбить наши боевые порядки, штабы и тылы. В течение дня их самолеты группами по 10—12 штук непрерывно висели над нами, сбрасывая десятки и сотни тонн смертоносного груза. Одновременно с западного берега реки Прут били сотни артиллерийских и минометных стволов. Враг, видимо, хотел сместить с земель все живое, находящееся в этом районе. Мы оказались бессильны против авиации и артиллерии противника, но духом не падали, а готовились достойно встретить вражеские цепи. Под прикрытием авиации и артиллерийского огня враг одновременно в нескольких местах форсировал реку Прут, переправив на наш берег, кроме пехоты, большое количество артиллерии и минометов, и в 14 часов дня начал наступление по всему фронту.

Наш наблюдательный пункт находился на высоте 69,9,

восточнее Скулян. Сюда прибыл весь полк, за исключением 6-й роты, которая осталась в селе Герман в подчинении командира 71-го полка.

— Вот когда начинается настоящая война, — проговорил полковник Сафонов, наблюдая в бинокль за полем боя, — а до сих пор была только прелюдия.

Несмотря на ураганный огонь, непрерывную бомбежку, противнику не удалось с ходу овладеть Скулянами, и он вынужден был повторять атаки. Наши подразделения стойко держались на своих рубежах. Не раз переходили в контратаки, оттесняя противника к реке.

После одной из атак противнику удалось захватить северо-западную часть села. Создалась угроза для всей обороны в этом районе. Политрук второй пулеметной роты Филоненко поднялся на бруствер окопа, скомандовал:

— Коммунисты и комсомольцы, за Родину! — и сам ринулся вперед, держа в одной руке гранату, в другой пистолет. Рядом с ним шел беспартийный командир роты лейтенант Рамазанов, а следом — весь полк. В рукопашной схватке храбрецы приостановили дальнейшее продвижение врага, уничтожив больше полусотни фашистов. В этом бою пал смертью храбрых бесстрашный воин, политрук второй пулеметной роты коммунист Филоненко.

Переправив свежие резервы, враг вновь перешел в наступление. Не жалея ни сил, ни средств, он стремился быстрее разделаться с нашими подразделениями в районе Скулян и вырваться на оперативный простор, чтобы продолжать движение на город Бельцы. Под натиском превосходящих сил противника мы вынуждены были к вечеру отойти от Скулян и занять оборону в 6—8 километрах восточнее реки Прут.

7-я рота и пулеметный взвод, прикрывавшие отход полка на новый рубеж, оказались в окружении. Им грозила опасность полного уничтожения. Командир пулеметной роты младший лейтенант Евсюков огнем пулеметов и штыковой атакой прорвал кольцо окружения и вывел бойцов роты и пулеметного взвода. Ночью прибыла из деревни Герман и 6-я рота. Таким образом, весь полк был собран вместе.

Рамазанов, командир 2-й пулеметной роты 256-го полка.

Ночью у меня состоялся разговор с заместителем командира полка по тылу лейтенантом Рахно.

— Иван Дмитриевич, сколько раз в сутки вы едите? — задал я ему вопрос. Он с удивлением посмотрел на меня и ответил:

— Когда как придется. Два-три раза.

— А почему же бойцов кормите только один раз, и то ночью?

— Во время боя трудно доставить пищу на передовую.

— Вот что, товарищ Рахно, если вы завтра не обеспечите трехразовое питание горячей пищей бойцов, то всему хозяйственному аппарату полка во главе с вами придется влиться в стрелковую роту, а вместо вас поставим людей из рот.

После этого разговора хозяйственный аппарат полка работал хорошо, в любых условиях обеспечивал всем необходимым.

В течение ночи противник навел несколько переправ через реку Прут. На левом берегу появились артиллерия, танки. Утром 30 июня фашисты перешли в наступление мощными силами, пустив впереди пехоты большое количество самоходок и танков.

Наши роты вели упорные бои. Но силы были неравными. Во второй половине дня противнику удалось прорвать оборону на нашем правом фланге и на левом фланге 71-го полка. Собственно, слово «прорвали», пожалуй, не совсем подходило в тот период. Обороны, как таковой, у нас не было, если не считать вырытых за ночь одиночных окопов и небольших щелей. Ни проволочных, ни минных заграждений мы не имели, и оборона держалась исключительно на стойкости и героизме бойцов и командиров.

В результате прорыва образовалась брешь шириной в 3—4 километра, в которую противник и направил свои главные силы. Ценою больших усилий, стойкости и героизма личного состава советских воинов эта лавина была приостановлена, но не надолго. Отсутствие средств заграждения, достаточного количества артиллерии вынудило полк отойти на новый рубеж.

Как выяснилось из документов и показаний пленных, 198-я пехотная дивизия противника за эти дни потеряла более 70% личного состава и техники. Немецкое командование вынуждено было вывести ее в тыл на формирование, а вместо нее были введены в бой свежие соединения—250-я немецко-фашистская и 8-я королевской Румынии дивизии.

Ночью был получен приказ об отходе на новый рубеж. Нас с командиром полка вызвали в штаб дивизии.

Совещание было коротким. Командир корпуса генерал Р. Я. Малиновский сообщил, что противник, действующий

севернее 9-й армии, вклинился далеко вперед, тем самым создавалась угроза окружения всей нашей группировки. В силу сложившейся обстановки корпусу приказано отходить, ведя сдерживающие бои с противником.

В эти тяжелые дни в полку было очень много примеров проявления героизма, отваги и самоотверженности. О смелости и мужестве наших бойцов и командиров нам не раз приходилось слышать даже из уст наших врагов.

Как-то вечером мне пришлось присутствовать в штабе полка на допросе пленного. Он говорил: «Русские солдаты своей выдержкой, упорством в бою и презрением к смерти превосходят всех солдат, с которыми мне приходилось воевать в течение двух лет на Западе. Ваш солдат держится до тех пор, пока его не убьешь в окопе или он не упадет мертвым от пули. Они какие-то безумцы».

— Дурак! — вспыхнул старший политрук Черкасов. — Скажите ему, — обратился он к переводчику, — это не безумие, а любовь к Родине и ненависть к фашистам придают им стойкость и отвагу... Хотя он все равно ничего не поймет.

Отход. Оборона на реке Реут. В течение недели части 30-й дивизии во взаимодействии с другими соединениями 48-го корпуса вели днем и ночью тяжелые бои на реке Прут. Неоднократные попытки противника форсировать реку и создать плацдарм на ее восточном берегу успехов не имели, хотя количественное преимущество в живой силе и технике было явно на стороне противника.

30 июня, когда противник севернее и южнее нашего участка вклинился далеко вперед, мы вынуждены были по приказу командования оставить реку Прут и начать отход на восток. С этого дня начался отход от рубежа к рубежу. Днем мы вели сдерживающие бои, а ночью под прикрытием небольших подразделений отступали на новые позиции, зарывались в землю, чтобы с утра снова организованно встретить противника и не давать ему возможности быстро продвигаться вперед.

Это были тяжелые, изнуряющие бои без отдыха и сна. Если к этому еще добавить нерадостные сводки Совинформбюро, в которых сообщалось, что нашими войсками оставлены Белосток, Гродно, Брест, Вильнюс, Каунас, то можно представить душевное состояние бойцов и командиров.

Противник вводил в бой все новые силы, наращивал темпы наступления. Мы не в силах были сдерживать его натиск. Вечером 2 июля полк получил приказ отойти в район Фалешты — Сарата-Нова с задачей не допустить дальнейшего продвижения противника по шоссе на Бельцы.

Оставив для прикрытия 5-ю роту с пулеметным взводом,

полк под покровом ночи стал отходить на новый рубеж. Примерно в час ночи, когда мы уже подходили к Фалештам, на нас внезапно обрушился шквал пулеметного огня. Вслед за пулеметами заговорили минометы и артиллерия. Быстро рассредоточившись, полк принял боевой порядок в ложине перед Фалештами. Вначале мы думали, что огонь открыла какая-то наша часть, находящаяся в селе, не разобравшись в обстановке.

— Очумели они там, что ли? — возмущался Сафонов. — Должны же знать, что наш полк будет двигаться в этом направлении.

Ночь, как назло, была темной, да к тому же моросил мелкий дождик.

— Что будем делать? Нельзя же тут лежать до рассвета, чтоб нас, как куропаток, всех перестреляли, — нарушил я тягостное молчание.

— Я предлагаю послать разведку в село и уточнить обстановку, — поддержал меня временно исполняющий обязанности начальника штаба полка старший лейтенант Лавров. Капитан Бороднюк три дня назад пропал без вести.

— Да, это, пожалуй, самое лучшее, что мы можем сейчас сделать, — согласился Сафонов.

Минут через 30—40 вернулась наша разведка, возглавляемая помощником начальника штаба лейтенантом Лебедевым. Выяснилось, что село занимает противник силою до полка с танками и артиллерией. Мы были просто поражены. Как случилось, что противник оказался впереди нас там, где днем размещался штаб дивизии и где мы должны были занять оборону? Только позднее, спустя несколько дней, мы узнали истину. Оказывается, противник в первой половине дня на участке правофланговой дивизии прорвал оборону и вышел к Фалештам.

— Ну, а теперь что будем делать? — спросил я полковника Сафонова.

— Прорываться с боем бессмысленно. Это значит вести людей на верную смерть. Нужно выбирать другой, обходной путь, — ответил он.

Полковник Сафонов вызвал командира 4-й роты лейтенанта Броварного, поставил перед ним задачу прикрыть отход полка.

— Через пять минут дадим из всех видов оружия трехминутный налет по селу... Полк сразу же двинется по избранному маршруту, а ты в это время имитируй наступление, но в село не входи.

— Все ясно, будет выполнено, — коротко ответил Броварный.

— А если противник будет наступать, что маловероятно, —

продолжал Сафонов, — попытайтесь его подольше задержать, чтобы выиграть время, дать возможность полку оторваться.

Спустя десять минут полк уже двигался по новому маршруту, удаляясь все дальше от станции Фалешты. Позади слышался треск винтовочных выстрелов и пулеметных очередей. Это вела бои 4-я рота, прикрывавшая отход полка.

— Шире шаг, товарищи, еще немного осталось — зайдем новый рубеж и отдохнем, — подбадривал Сафонов проходивших мимо нас бойцов.

До рассвета полк прошел около 15 километров, не встретив на своем пути никаких немецких частей. Дальнейшее движение днем было связано с большими опасностями. Поэтому мы решили занять оборону в районе села Помпы, дать возможность людям отдохнуть. Надо было связаться со штабом дивизии или с другими частями, чтобы выяснить обстановку. Высланные вперед разведчики донесли, что по дороге к селу движется колонна танков и пехоты противника. Нужно принимать срочные меры, чтобы до темноты продержаться на занятом рубеже.

— Ну вот и отдохнули, — проговорил кто-то из командиров штаба.

— Не у тещи на блинах, а на войне, здесь могут быть всякие неожиданности, и нужно быть к ним всегда готовым, — ответил на реплику Сафонов.

6-ю стрелковую и 2-ю пулеметную роты со взводом 76 мм пушек выдвинули вперед, чтобы заставить противника развернуться, тем самым выиграть время и дать возможность нашему полку подготовиться организованно встретить врага.

До самого позднего вечера шел жестокий и неравный бой в районе села Помпа. Противник в течение дня несколько раз переходил в атаку, но каждый раз, неся большие потери в живой силе и технике, откатывался назад. Голодные, уставшие и не спавшие несколько суток подряд бойцы и командиры, политработники стойко сражались против хорошо вооруженного пехотного полка 250-й немецкой дивизии, который имел в своем распоряжении батальон танков.

Но силы были неравные. Фашисты орали:

— Рус, сдавайся, капут пришел.

— Врете, гады, советские бойцы в плен не сдаются, — крикнул кто-то из пулеметчиков и бросил в фашистов гранату.

В это время от пулеметчиков отделился боец Ануфриев и, прихрамывая, пошел навстречу гитлеровцам.

— Что ты делаешь, подлец? — испуганно крикнул ему вслед тяжело раненный сержант Соколов и вскинул винтовку, но его кто-то придержал.

Гитлеровцы, заметив идущего к ним русского солдата,

выжидающе смотрели на него. Вот уже Ануфриев рядом с врагом, и вдруг в группу фашистов полетела одна, а за ней другая граната. В ту же минуту как подкошенный упал и отважный пулеметчик.

На рассвете 6 июля полк вышел на участок обороны 71-го полка. Мы связались со штабом дивизии. Там нас уже считали погибшими.

В течение последующих нескольких дней части дивизии, в том числе и наш полк, снова с боями вынуждены были отходить все дальше на восток. 9 июля вышли к реке Реут в районе Капрешты — Тырг, где и заняли оборону.

Так закончился первый период боевых действий на границе, период боевой проверки, первых успехов и ошибок, за которые нам пришлось расплачиваться кровью и человеческими жизнями.

На реке Реут мы стояли в течение девяти дней. Получили новое пополнение, доукомплектовали роты, усилили партийные и комсомольские организации. Личный состав отдохнул. Используя передышку, организовали учебу молодого пополнения; офицеры и сержанты, побывавшие в боях, обучали тактике, передавали свой боевой опыт, главный упор делали на воспитание смелости и стойкости, рассказывали о героических подвигах наших однополчан.

Временное затишье кончилось. 16 июля полку было приказано перейти в контратаку и дальше развивать наступление в направлении Чутулешты, Драгонешты, Сынжерей с задачей уничтожить противника и овладеть селами Драгонешты, Копачены, Пепены, перерезать шоссе на дорогу, идущую из Бельц на Оргеев, лишить противника маневренности в этом районе. Люди сразу приободрились, подтянулись, на лицах появились улыбки.

— Ну, теперь держись, фашистское отродье! — говорили бойцы.

Штабом полка был тщательно разработан план боя, доведен до каждого командира подразделения. В ротах и батареях проведены партийно-комсомольские собрания с вопросом о роли коммунистов и комсомольцев в предстоящем бою.

В 10 часов утра 17 июля все части дивизии, в том числе и наш полк, выступили одновременно. Противник не ожидал контратаки, и нам сравнительно легко удалось прорвать его оборону, уничтожив в первые же часы до батальона пехоты. Подразделения стремительно продвигались вперед, уничтожая на своем пути опорные пункты и огневые точки.

В этом, видимо, сказалась тщательная подготовка к контратаке, а главное — огромный наступательный порыв личного состава. Подразделение продвигалось так быстро,

что мы не успевали менять свои наблюдательные и командные пункты.

— Если мы так будем продвигаться, то, пожалуй, в течение 4—5 дней можем снова выйти к границе, — высказал я восторженно Сафонову свои «стратегические» заключения.

— Наступление одной дивизии на небольшом участке не может решить исход войны, — охладил мой пыл Сафонов. — Сейчас мы выполняем всего лишь небольшое задание — отвлечь силы противника с какого-то участка, чтобы облегчить там положение.

— Но это все же победа, хотя и маленькая, — не унимался я.

— Верно. Из таких вот маленьких будут складываться и большие победы, а главное — это вселит уверенность в людей, что мы можем не только отступать, но и громить врага. Придет время — будем наступать не дивизиями, а целыми армиями, а может, и фронтами...

В течение дня полк с боями прошел более 20 километров, освободил несколько населенных пунктов, в том числе и Драгонешты.

Как позднее выяснилось из документов и опроса пленных, нашу контратаку противник принял за наступление крупных сил, и многие офицеры немецких частей потребовали у высшего командования подкрепления. На наш участок к исходу дня были переброшены на помощь румынским частям 124-я пехотная немецкая дивизия, а также танки и артиллерия.

О внезапности и скорости нашего продвижения говорил и такой факт. Когда мы с полковником Сафоновым входили в Драгонешты, навстречу нам по улице неслась немецкая легковая машина. Мы опешили: откуда могла появиться в селе машина, после того как наши подразделения полностью очистили село от противника и двигаются дальше?! Все же на всякий случай приготовили оружие. Сравнявшись с нами, машина резко затормозила, из кабины вышел красноармеец, подошел к командиру полка и отрапортовал:

— Товарищ полковник, красноармеец разведвзвода Яшкин захватил немецкую машину с офицером.

На заднем сиденье машины сидел связанный офицер.

— Молодец, товарищ Яшкин, объявляю вам благодарность и представляю к награде, — поблагодарил разведчика полковник Сафонов.

— Вам и комиссару я дарю эту машину, — улыбаясь, проговорил Яшкин.

Из рассказа разведчика мы узнали следующее. Когда наше подразделение ворвалось в село, возле одной хаты стояла машина, в которой сидел офицер, а шофер заливал воду в

радиатор. Яшкин метким выстрелом уничтожил шофера, а офицера взял в плен и связанным доставил к нам. На допросе офицер рассказал, что он ехал в штаб полка выяснить обстановку — какими силами и на каком фронте наступают русские.

Таким образом, мы в дивизии первыми оказались обладателями трофейной легковой машины и продолжительное время ездили на ней, но однажды, уже за Днестром, мы выехали с Сафоновым вперед, чтобы выбрать новый рубеж обороны. При въезде в колонию Кассель по нашей машине произвели несколько выстрелов из винтовки. Мы остановились и вышли из машины. К нам подошел старшина и бесцеремонно потребовал у нас документы.

— Вы что, старшина, с ума спятили? — возмутился Сафонов. — Вы же видите, я — полковник, со мной батальонный комиссар.

— Я вас не знаю, в форме советского офицера могут быть и враги, — продолжал старшина, — откуда же у советского командира немецкая машина?

Вокруг нас уже собралась порядочная толпа и началось обсуждение. Кто-то из присутствующих сказал:

— А что с ними разговаривать? Ведите в штаб, там разберутся.

В это время подошел майор-артиллерист, который знал Сафопова, и рассеял все сомнения собравшихся.

— Хорошо, что вы остановились, товарищ полковник, — проговорил майор, — а то мы уже хотели по вашей машине дать выстрел из орудия. Думали, что это немцы едут.

С тех пор я в этой машине больше не стал ездить.

Этот наступательный бой наглядно показал нам, что не так страшен черт, как его малюют. Хотя противник и имел численное превосходство в живой силе и технике, однако при хорошей организации наступления и управления, а главное — смелости и решительности можно его бить и меньшими силами. Фашисты храбры только тогда, когда впереди них идут танки, а без них они не принимают боя и обращаются в бегство.

В Драгонештах мы обнаружили трупы трех красноармейцев и одного гражданского жителя села. У красноармейцев были отрезаны уши и выколоты глаза. Из рассказов жителей выяснилось: когда несколько дней тому назад отходили наши части, эти красноармейцы были тяжело ранены и не смогли двигаться. Их взял к себе один гражданин. Накануне нашего наступления кто-то из предателей донес об этом немецкому командованию, и вот свершилось злодеяние.

После боя, когда солнце стало уже скрываться за горизонтом, мы хоронили безымянных героев, с которыми зверски расправились изверги.

Успех первого наступления вскружил некоторым головы. Я и сам считал это началом перелома в ходе войны. Наступление, вероятно, началось не только на нашем участке, но повсеместно, думал я. К тому же в армейской и фронтовой газетах в эти дни пестрели такие лозунги: «Наша победа не за горами», «Скоро враг будет разбит» и т. д. Каково же было мое удивление, когда буквально на другой день прибыл офицер связи из штаба дивизии с приказом, в котором говорилось, что полку к утру 18 июля сосредоточиться в исходном положении в районе Капрешты — Тырг, где будут даны дополнительные указания.

— Ничего не понимаю, — возмущался я. — Так успешно началось наступление и вдруг — отходить!

Не меньше меня возмущались бойцы и командиры, когда узнали об этом приказе. Пришлось направить весь политупарат в подразделения, чтобы разъяснить личному составу правильность приказа и необходимость его беспрекословного выполнения.

Утром полк сосредоточился в указанном районе. Здесь мы узнали, почему был дан приказ о прекращении наступления. Обстановка на фронте была куда сложнее, чем мы думали. Противник, действовавший севернее, глубоко вклинился на восток и угрожал отрезать и уничтожить основную группировку войск 9-й армии.

Спустя несколько часов полк со всеми мерами боевого обеспечения отходил на восток, чтобы занять наиболее выгодный рубеж обороны и снова вести бои.

Бой на реке Днестр. Лето в этом году выдалось на редкость жаркое. Беспощадно палило июльское солнце, от которого не было никакого спасения, как будто вся солнечная энергия была сосредоточена здесь, в Молдавии. От пота и солнца наши гимнастерки стали белыми. Люди страдали от жажды. Колодцы, которые попадались на пути, брались буквально с боями, приходилось делать оцепления и организовывать выдachu воды, на что уходила масса времени.

Вот и Днестр. Здесь в 1940 году примерно в это же время наш полк в составе дивизии под звуки «Интернационала» переходил реку, неся на своих знаменах свободу и независимость трудящимся Бессарабии.

С выходом наших войск на реку Днестр у многих из нас была твердая уверенность в том, что наконец-то окончилось наше отступление. Дальше противнику не пройти, с этого рубежа через некоторое время начнем наступление и освободим Молдавию.

Эта уверенность имела под собой определенную почву. Во-первых, Днестр являлся крупным естественным препятст-

вием для противника, во-вторых, здесь была старая наша граница, которая в течение нескольких лет укреплялась, и противнику ее не осилить. И, наконец, шли упорные слухи, что в тылу готовится сильная армия для разгрома врага, которая, по нашим предположениям, должна начать свои боевые действия именно с этого рубежа.

Но каково же было наше разочарование, когда мы узнали, что здесь нет никакого укрепленного района. Еще зимой были сняты и вывезены из дотов все пушки и пулеметы на новую границу.

После переправы через Днестр, согласно приказу, дивизия переходила в резерв армии. Месяц мы находились в боях. Личный состав порядком устал. Необходима была передышка для того, чтобы привести себя в порядок, получить пополнение. Но на войне так много бывает неожиданностей и так быстро меняется обстановка, что иногда приходилось просто удивляться. Эта неожиданность встретила нас и здесь.

Во время переправы через Днестр генерал-майор Гончаров, вступивший в командование дивизией, подозвал нас с командиром полка и сказал:

— Знаю, что полк устал, нуждается в отдыхе и пополнении. Но обстановка складывается тяжелая. Дивизия снова переходит к обороне. Вашему полку необходимо занять участок в районе Дубоссар.

— Раз нужно, так сделаем, — ответил Сафонов.

И полку без отдыха пришлось шагать в Дубоссары, занять оборону по левому берегу Днестра.

23 и 24 июля под прикрытием дымовой завесы и сильного артиллерийского огня противник неоднократно пытался форсировать Днестр на многих участках, но успеха не имел. И только в ночь на 25-е на участке 369-го полка ему удалось переправиться через Днестр, занять на восточном берегу населенные пункты Погребы, Кучиеры, Роги и Дороцкое. Командование дивизии бросило на помощь 369-му полку батальон 35-го полка и саперный батальон. Но сбросить противника с плацдарма не удалось.

В течение 25 и 26 июля враг переправил на восточный берег большую часть сил 72-й немецкой и одну румынскую дивизии, угрожая захватом Григориополя. А это открывало ему путь в направлении Одессы. Нужно было принимать срочные меры. Но каким образом? Части дивизии были вытянуты в тонкую ниточку, резервов командир дивизии не имел, штаб армии также не имел возможности чем-либо оказать помощь. Единственное, что было разрешено командиру дивизии — снять наш полк из района Дубоссар и перебросить в район Григориополя.

В течение всего дня шел ожесточенный бой. Несмотря на

превосходство противника, к исходу дня нам все же удалось выбить его из Кучиер и Роги, но в Дороцком противник создал сильный узел сопротивления, который мы не в силах были преодолеть.

На следующий день, переправив свежие силы, противник вновь перешел в наступление, потеснив части дивизии, полностью овладел выступом на восточном берегу, тем самым создал довольно внушительный плацдарм, который обеспечил переправу танковых и моторизованных частей. А мы вынуждены были отступить дальше.

М. ЗУБРИЦКИЙ,
полковник в отставке

ПЕРВЫЕ УДАРЫ ПО ВРАГУ

Коммунистическая застава. Вечером 21 июня 1941 года, проверяя линию Государственной границы, лейтенант Беленький заметил на противоположном берегу Прута странные силуэты, напоминающие станковые пулеметы. Но людей вблизи границы не было видно. Все же начальник заставы выслал туда дополнительный наряд с ручным пулеметом и служебной собакой.

На рассвете сержант Зотов, возглавлявший этот наряд, увидел скопление пехоты противника, готовящейся к переправе на наш берег. Отправив донесение на заставу со своим верным другом собакой Меланж, Зотов стал внимательно следить за врагом. Когда несколько лодок пересекли фарватер реки, он открыл огонь из пулемета. С противоположного берега загремели ответные выстрелы, под прикрытием которых противник высадился на нашей территории. На помощь пограничникам Зотова пришли еще два наряда, завязался бой семи наших бойцов с ротой, как потом выяснилось, пьяных вражеских автоматчиков.

Меланж прибежал на заставу в тот момент, когда над селом курсом на Бельцы летели немецкие бомбардировщики. Оставив на заставе старшину, повара и ездового, лейтенант Беленький с остальными людьми поспешил к месту боя. Еще издали Беленький определил, что группа Зотова занимает две высотки, решил обойти их и ударить по наступающему противнику с двух флангов.

Попав под сильный огонь пограничников, вражеские взводы сначала залегли, а потом, поднявшись во весь рост, с дикими воплями, беспорядочно стреляя на ходу, бросились в

атаку. В это время оставленный в засаде лейтенант Диво с короткой дистанции открыл сильный огонь по правому флангу и тылу атакующих. По левому флангу ударила группа политрука Грузинова, с фронта — группа Беленького. Неся большие потери, противник прекратил атаку, заметался из стороны в сторону, а затем повернул назад. На нашей земле осталось 50 убитых и раненых. Пограничники отделались лишь двумя легко ранеными.

Отбив первую атаку, Беленький перегруппировал силы. Группу Диво отправил к изгибу реки вниз по течению, солдат Грузинова продвинул вверх по течению, сам с шестью пограничниками и двумя ручными пулеметами занял позицию в кустарнике у берега реки.

Вскоре из лесу показалась группа вражеских солдат, тащивших к реке громадную баржу. Они спустили ее на воду, а затем в баржу с ходу погрузилась целая рота пехоты. Когда течение развернуло баржу, подставив ее левый борт пограничникам, с нашего берега загремел залп — пограничники расстреливали противника. Лейтенант Диво открыл фланговый огонь по солдатам, копошившимся на берегу. Начался невероятный переполох: солдаты, удерживавшие баржу на канате, бросили ее и побежали в лес, а те, кто еще остался жив на барже, стали прыгать в воду. Пограничники забросали баржу гранатами и без потерь ушли в лес.

Придя в себя, немцы притянули баржу к своему берегу, вытащили из нее тяжело раненных и убитых. Не желая обнаруживать себя, пограничники молчали. Немцы же открыли ураганный артиллерийский и пулеметный огонь, но наших на берегу уже давно не было.

Следя за вражеской стрельбой, ефрейтор Пуданович обнаружил на большом дереве вражеского корректировщика и двух наблюдателей, стоявших внизу. Несколькими очередями из пулемета он свалил двух, третий скрылся в лесу. Эта короткая стрельба затерялась в общем гуле артиллерии, и противник не обнаружил пограничников у себя на фланге.

Пока немцы обстреливали пустой берег, лейтенант Беленький послал в разведку своего заместителя лейтенанта Диво с шестью пограничниками и ручным пулеметом. Немного ниже по течению разведчики, заметив на нашем берегу небольшую группу вражеских солдат, незаметно подошли к ним и открыли ружейно-пулеметный огонь. Фашисты бросились в воду, чтобы уплыть на свой берег, оставив двух убитых и одного раненого...

Шла вторая половина первого дня войны. Наткнувшись на сопротивление, противник то в одном, то в другом месте открывал беспорядочный пулеметный или артиллерийский

огонь. Но активных попыток вновь форсировать реку не делал.

В ночь на 23 июня, чтобы дезориентировать врага, лейтенант Беленький организовал в разных местах стрельбу «кочующих пулеметов». В прибрежных зарослях и по лесу раздавалось сплошное эхо, не дающее возможности определить, кто и откуда стреляет. Осветительные ракеты не помогли немцам, и они всю ночь вели бесцельную стрельбу.

Тем временем политрук Грузинов связался по телефону с комендантом участка. Последний похвально отозвался о боевых действиях заставы, но с горечью сказал, что поддержки Беленькому он дать не может, лишь будет просить командира 404-го стрелкового полка Красной Армии произвести артналет на лес у изгиба реки, где сосредоточена пехота противника.

На рассвете 23 июня пограничный наряд, возглавляемый сержантом Тимофеевым, проходя по берегу реки, обнаружил небольшую группу солдат противника, высадившихся из двух лодок. На противоположном берегу толпилось еще около взвода вражеской пехоты. Тимофеев приказал пулеметчику открыть огонь по западному берегу, а сам с двумя бойцами бросился к лодкам и швырнул несколько гранат. Солдаты противника бросились к лодкам и, теряя убитых и раненых, убрались восвояси.

Противник то в одном, то в другом месте «прощупывал» нашу оборону, пытаясь организовать переправу через реку. Но пограничники пресекали эти попытки. Так же тревожно прошла и ночь на 24 июня: пограничники отбили три вражеские попытки форсировать Прут мелкими группами.

На рассвете третьего дня войны на участок заставы лейтенанта Беленького прибыла батарея полковой артиллерии. Это было очень кстати, так как во вражеском стане за рекой наблюдалось большое оживление. Баржа вновь была подтянута к месту прежней переправы. Рядом с ней, вверх и вниз по течению реки, установлено по два станковых пулемета. Лейтенант Беленький расположил своих бойцов так, чтобы каждая группа могла вести прицельный огонь по барже и прикрывавшим ее пулеметам. Третьей группе дал задание преградить путь противнику в тыл, если он все же переправится на наш берег.

С первыми лучами солнца из леса к берегу потянулись группы вражеских солдат и офицеров. Когда их скопилось много, Беленький дал сигнал начать артобстрел. Первые залпы батареи пришлось как раз по переправе. Одновременно заговорили три ручных пулемета пограничников. Внезапный артиллерийский огневой налет имел большой эффект и, как потом показали пленные, произвел на вражеских солдат

весьма удручающее впечатление. «Наши офицеры, — говорили пленные, — внушали, что советские пограничники не только артиллерии, но и станковых пулеметов не имеют. И вдруг сильный оружейный огонь по скоплениям нашей пехоты...»

Наступать крупными силами враг больше не решался. Весь этот день так и прошел в мелких стычках на берегу реки. Вечером наши офицеры подвели итоги трехдневных боев. Они оказались весьма внушительными. «По самым скромным подсчетам, — заявил политрук Грузинов, — противник потерял убитыми, утонувшими в реке и ранеными не менее трехсот человек. У нас же всего лишь 6 человек раненых».

Поблагодарив подчиненных за стойкость и мужество, начальник заставы сказал:

— А теперь к тебе, политрук, мое слово. Если я достоин быть в рядах нашей славной Коммунистической партии, прошу считать меня коммунистом.

Примеру своего командира последовали и остальные. Политрук Грузинов тут же написал заявление в первичную парторганизацию комендатуры, под которым первым поставил свою подпись лейтенант П. Л. Беленький, вторым — секретарь комсомольской организации заставы ефрейтор Пуданович, третьим — лейтенант Диво и так все 29 комсомольцев и беспартийных пограничников.

Весть об этом славном патриотическом почине в ту же ночь облетела все заставы и комендатуры отряда. Заставу лейтенанта Беленького стали называть коммунистической.

Ночь и утро следующего дня прошли относительно спокойно. Только к середине дня в лесу началось заметное оживление. Очевидно, туда прибыла новая вражеская часть и готовилась к форсированию реки. Вскоре немецкие солдаты стали подносить к реке средства переправы, а через каких-нибудь 15—20 минут по всему берегу уже толпились пехотные подразделения.

Пограничники, засевшие в зарослях, открыли дружный ружейно-пулеметный огонь. В стане врага короткий переполох, берег быстро опустел. Поспешили скрыться в лесу и пограничники. И вовремя. Придя в себя, противник начал обстрел советского берега. Решив, что советские бойцы теперь уже окончательно уничтожены, немцы вновь начали переправу. Вот первые лодки и плоты отчалили от берега, с трудом отошла и переполненная баржа. Когда несколько лодок успели выгрузиться на нашем берегу, а из леса к переправе подходили все новые и новые подразделения, раздался залп 12 орудий. По переправе открыла беглый сосредоточенный огонь артиллерия подошедшего на помощь заставе артдивизиона 30-й стрелковой дивизии Красной Армии.

В стане врага поднялась паника. Солдаты, находившиеся на берегу, бросая все, побежали в лес. От деревянных лодок и плотов летели щепки, пробитые осколками надувные лодки с людьми и техникой одна за другой шли ко дну. Прямым попаданием снаряда разворочен борт баржи, и она, накренившись, тоже стала тонуть.

Расправившись с немцами на переправе, две батареи перенесли огонь на вражеские орудия, которые без всякой маскировки стояли на открытой позиции за лесом. Так же бесечно на северо-восточной окраине села расположились какие-то тыловые подразделения с большим количеством повозок и автомашин. На них-то и обрушила огонь третья батарея. От одного-двух залпов весь табор превратился в груды обломков.

Следующие залпы пришлось по лесу, где находились основные силы противника. Около 40 минут длился мощный обстрел. Лес заметно поредел, от недавнего оживления в нем не осталось и следа. У места переправы валялись трупы вражеских солдат и офицеров, оружие, боеприпасы, техника. Из воды торчала разбитая баржа, к ней прибило течением плот с каким-то грузом и двумя трупами. Даже сами пограничники были поражены увиденным — только теперь они смогли по достоинству оценить помощь, которую оказали им артиллеристы.

Поздно вечером на командном пункте собрались все пограничники. Старшина заставы Головин сообщил, что на партийном собрании комендатуры все 29 человек, подписавшие вчера заявление, единогласно приняты кандидатами в члены ВКП(б). Сообщение Головина вызвало новый прилив сил и подъем духа у изнуренных четырехдневными непрерывными боями людей.

Оглядев своих боевых друзей, лейтенант Беленький сказал: «Я уверен, что наша коммунистическая застава с честью оправдывает то высокое доверие, которое ей оказано. Будем бить врага с еще большим упорством».

Ночь на 26 июня и весь следующий день на участке заставы прошли спокойно. Молчание противника казалось странным, тем более что на участках соседних застав шли упорные бои. Беленький решил добыть «языка» и установить причину столь спокойной обстановки. С наступлением темноты два пограничника во главе с лейтенантом Диво переправились на вражеский берег. Наткнувшись на пустой окоп, они осторожно пошли по нему, вслушиваясь в ночную темноту. До продвигавшегося впереди Диво донеслись приглушенные голоса, на фоне неба замаячил какой-то силуэт. Пограничники определили, что впереди находится станковый пулемет, расчет которого вполголоса ведет беседу.

Нужно взять «языка» во что бы то ни стало. Но как это сделать? Траншея слишком узка...

Внезапно сзади послышались шаги. Размышлять было некогда, нужно действовать. Резко обернувшись, пограничники схватили шагавшего за ними человека, зажали ему рот и быстро увели назад. Шорох в траншее насторожил пулеметчиков. Один из них бросился вперед и лицом к лицу столкнулся с Диво.

Лейтенант ударил его автоматом по голове.

В расположении противника загремели беспорядочные выстрелы, сопровождаемые серией осветительных ракет. А пограничники между тем вместе с «языком» были уже на другом конце села.

Только к рассвету группа Диво вернулась на командный пункт начальника заставы. «Языком» оказался сержант — инструктор пулеметной роты противника. Он рассказал, что вчерашний огневой налет советской артиллерии был для них совершенно неожиданным. Немецкие офицеры уверяли солдат, что против них действует только группа пограничников, у которых нет даже станковых пулеметов. И вдруг — этот страшный удар, в результате которого полк за день потерял половину своего состава, почти всю технику и обоз.

Теперь стало понятно, почему на нашем участке было такое затишье. Но все понимали, что это ненадолго. 30 июня, словно предчувствуя недоброе, Беленький решил отойти от границы в глубь участка и закрепиться у дороги. Сюда же были подвезены все боеприпасы заставы, вода и часть продовольствия.

На десятый день войны при многократном численном и огневом превосходстве, ценою больших потерь противнику удалось на участке соседней заставы форсировать Прут и выйти на дорогу восточнее села Болотино, а затем захватить село Кубань.

Лейтенант Диво и пять пограничников, возвращаясь из разведки, заметили, что из села Кубань выдвигаются две вражеские колонны. Диво обстрелял первую из них и заставил развернуться в боевые порядки. Пока противник с мерами предосторожности двигался вперед, лейтенант занял новый рубеж и вновь обстрелял его. Так повторялось несколько раз. Умело используя холмистую местность, Диво, оставаясь со своей группой неуязвимым, медленно отходил к высоте, занятой заставой, задерживая противника то на одном, то на другом рубеже, изматывая его силы под палящим июльским солнцем. И только к середине дня врагу удалось приблизиться к основной обороне пограничников. Занимая выгодные позиции, пограничники сильным огнем заставили противника залечь и прекратить наступление. Бой длился более

двух часов. У пограничников иссякли патроны, а две роты фашистов все теснее окружали высоту. Когда они были совсем близко, сверху полетели ручные гранаты. Вражеские цепи залегли и снова обрушили на высоту ливень огня.

Впервые за 11 дней войны у пограничников появились жертвы. Вражеской пулей был сражен отважный боец Толстенко, пять человек оказались ранены, причем два из них — тяжело. После отправки их в тыл на высоте осталось всего 19 человек, в числе которых были 7 раненых, не пожелавших покинуть поле боя. У пограничников оставалось всего лишь по 2—3 магазина на пулемет и по 10—15 патронов на стрелка. Зато гранат было по полтора-два десятка на каждого. Стреляли теперь гораздо реже, но не менее метко — почти каждый выстрел выбивал из вражеских рядов серо-зеленый мундир. Большие надежды возлагал Беленький на гранаты — он решил во что бы то ни стало продержаться до наступления темноты, затем контратаковать врага и вырваться из окружения.

Однако обстановка изменилась гораздо раньше. Неожиданно вражеские роты стали поспешно отходить. Пограничники сразу разгадали маневр — противник готовит артиллерийский или минометный обстрел и во избежание потерь в своих ротах отводит их в безопасное место. Беленький приказал преследовать отступающих. Покинутая высота сотрясаясь от взрывов снарядов и покрылась густым облаком едкого дыма. Стремительным броском пограничники ворвались в боевые порядки врага и, на ходу забрасывая его гранатами, пробивали путь вперед. Ошеломленные неожиданным нападением, вражеские солдаты разбежались, и пограничники без потерь вырвались из окружения.

Теперь нужно было достичь леса, чтобы укрыться. Путь не длинный, но трудный. Изнуренные боями и жаждой, многие буквально валились с ног. На помощь приходили более выносливые. Вот упал рядовой Титов. Замыкавший группу лейтенант Беленький попытался взять у него винтовку и помочь подняться. Но Титов, собрав все силы, поднялся и без помощи Беленького догнал своих. Вскоре они вступили под сень деревьев и после короткого отдыха направились на сборный пункт комендатуры.

До последней гранаты. Накануне войны застава старшего лейтенанта Маковецкого охраняла границу на участке Прута.

В ночь на 22 июня 1941 года на участке находился пограничный наряд сержанта Дроздова. Когда, форсировав Прут, батальон противника шел из леса, наряд Дроздова обстрелял его. На помощь Дроздову со всем личным составом заставы, поднятым по тревоге, поспешил старший лейтенант Маковец-

кий. Завязалась перестрелка. На какое-то время вражеская рота залегла, а затем при поддержке сильного пулеметного огня вновь стала продвигаться вперед. Когда вражеские цепи перешли в атаку, по ним открыли огонь три ручных пулемета, затем полетели гранаты, и пограничники бросились в контратаку. Враг дрогнул и, явно уклоняясь от рукопашной схватки, побежал назад. Но навстречу бегущим из леса вышла другая вражеская рота, и те стали спешно перестраиваться.

Понимая опасность, грозившую пограничникам от огня вражеских пулеметов, младший политрук Бородулин взял ручной пулемет у раненого наводчика Гугова, влез на большой тополь, где был наблюдательный пункт заставы, и короткими очередями уничтожил расчет одного, а затем и другого станкового пулемета фашистов. Когда вражеский огонь умолк, Маковецкий незамедлительно воспользовался этим. Большую часть людей он переместил на правый фланг и, когда противник стал готовиться к атаке, внезапно обрушил на него с фланга сильный огонь.

Ошеломленный внезапностью, враг залег, а затем, неся большие потери, особенно от ручного пулемета Бородулина, продолжавшего стрелять с дерева, стал пятиться назад. С дружным «ура» застава бросилась в контратаку и ворвалась в боевые порядки врага. В ходе штыкового боя к Маковецкому, оказавшемуся впереди, кинулись два солдата и офицер. Очередью из автомата он уложил солдат, а когда направил его на офицера, магазин оказался пустым. Фашист заметил это и с пистолетом в руках подскочил к Маковецкому, намереваясь выстрелить в упор. Со словами: «Получай, гад!» Маковецкий ударил его автоматом по голове и уложил прежде, чем тот снова выстрелил.

Несмотря на многократное численное превосходство, враг не выдержал стремительной контратаки пограничников. Его ряды снова дрогнули, и фашисты побежали к лесу.

В первые же часы войны вражеские подразделения потеряли только убитыми около 80 солдат и офицеров. У пограничников же было только семь раненых, причем пять из них остались в строю.

Часам к 12 на заставу прибыл взвод пулеметной роты 404-го стрелкового полка Красной Армии. Станковые пулеметы взвода Маковецкий решил поставить на изгибах реки так, чтобы они могли простреливать оба берега и обеспечивать огнем фланги расположения пограничников.

Вскоре открыла огонь вражеская артиллерия. Снаряды рвались везде. Из леса под прикрытием артогня вновь повели наступление две заметно поредевшие вражеские роты. Но огонь пограничников, усиленный двумя станковыми пулеметами, заставил их залечь, а пулеметчиков уйти с открытых

позиций в лес. Удобно устроившись на тополе, Бородулин вывел из строя более 20 вражеских солдат и офицеров и заставил замолчать два ручных пулемета. В результате наступление сорвалось раньше, чем противник достиг рубежа обороны заставы. Несколько снарядов вражеской артиллерии, поддерживающей свою пехоту, угодили прямо по ее боевым порядкам и вызвали еще большую панику.

Шла вторая половина дня. На участках соседних застав слышалась сильная пулеметная и артиллерийская стрельба. У Маковецкого же до наступления темноты было все спокойно, и лишь ночью фашисты попытались мелкими группами проникнуть на наш берег. Но безуспешно. Их отбивали пограничные наряды.

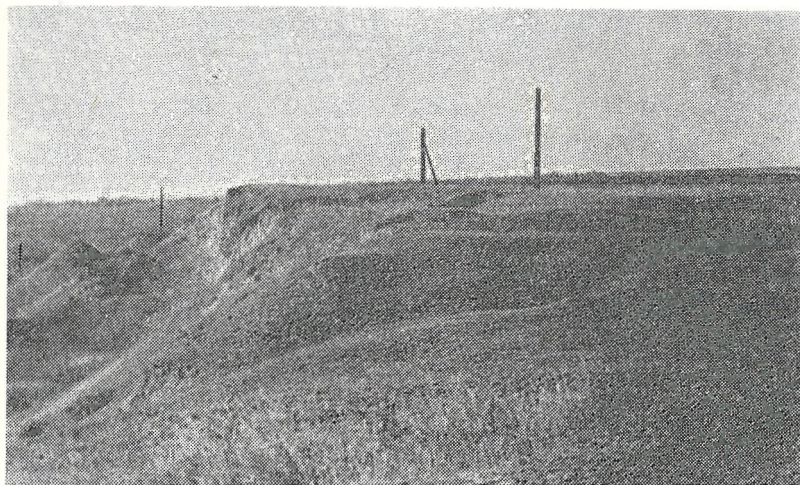
Неутешительные результаты первого наступления и большие потери, видимо, послужили хорошим уроком врагу, потому что последующие 7 дней он ограничивался лишь вылазками мелких разведывательных групп и беспорядочной стрельбой по нашей территории.

Но и начальник и политрук заставы понимали, что противник усиленно ведет разведку, чтобы со свежими силами ударить по пограничникам. Понимали они, что и подкрепления не пришлют. Нужно рассчитывать на собственные силы и средства. Маковецкий организовал из трех ручных пулеметов кочующие огневые точки, которые, появляясь в разных местах, создавали впечатление, что на заставу прибыло подкрепление. Ночью пограничники мелкими группами проникали в расположение противника, поднимали там стрельбу, вызывая тревогу, наводили панику, а затем, никем не обнаруженные, возвращались в свое расположение.

В нервной, исключительно напряженной обстановке, до предела измотавшей силы пограничников, прошла первая неделя войны. На рассвете 1 июля противник заметно активизировался по всей излучине реки. Это были признаки нового наступления.

Маковецкий, разгадав планы врага, отвел пограничников двумя группами за фланги своего расположения, что позволяло не только пулеметчикам, но и стрелкам вести перекрестный огонь перед фронтом оставленных ими позиций. Кроме того, такое расположение давало возможность парировать попытки противника форсировать Прут влево и вправо от основной позиции. Командир оказался прав. Вскоре по оставленным пограничниками позициям из-за реки открыли сильный минометный огонь. Из леса при поддержке нескольких станковых пулеметов вышли две вражеские роты. Пограничники молчали. Это ободрило наступающих. Поднявшись во весь рост, они густыми цепями бросились на пустые окопы.

В этот момент с флангов внезапно заговорили два стан-

Прошло много лет. Дожди и ветры разрушили окопы, в которых пограничники первыми встретили врага, но память о славных защитниках нашей Родины вечно будет жить в сердцах советских людей.

ковых пулемета взвода поддержки и три ручных пулемета пограничников. Попад под перекрестный огонь, вражеские цепи редели на глазах. Враг заметался. Одни бросились вперед и укрылись в пустых окопах пограничников, другие залегли, третьи побежали к лесу. Пограничники не отступали. До полутора десятков трупов врагов осталось лежать на нашей земле, остальные фашисты убежали в сторону леса.

В этой неравной схватке с врагом пять пограничников были ранены, в том числе и старший лейтенант Маковецкий.

После короткой паузы противник вновь открыл минометный и артиллерийский огонь, на опушке леса перегруппировывались остатки двух рот. Во избежание потерь Маковецкий вновь вывел пограничников на фланги. Но ураган вражеского огня и здесь сковал их действия и заставил укрыться в окопах.

Все понимали, что сидеть в окопах и ждать новой атаки нельзя, нужно сорвать ее. Бородулин снова решил использовать наблюдательный пункт на тополе. Нагрузившись патронами, он пополз к деревьям. Стометровый путь казался нескончаемо длинным. Вокруг рвались мины и снаряды, свистели пули, землю накрыло густое облако пыли. Но когда Бородулин дополз и поднялся на тополь, он понял, что рисковал не зря. Противник был как на ладони. Сразу же за рекой с открытой позиции вела губительный огонь вражеская минометная батарея. Слева, тоже с открытых позиций, обстре-

ливала заставу артиллерия. Пехота уже приняла боевые порядки, готовилась к новому наступлению.

И все это против небольшой группы пограничников, измотавшихся за 8 суток непрерывных боев, но не потерявших мужества и стойкости.

Пока шел артиллерийский и минометный обстрел, короткие очереди пулемета Бородулина терялись в разрывах мин и снарядов. Пользуясь этим, он уничтожил расчет одного миномета, заставил бросить миномет и бежать в укрытие другой расчет. Не понимая, откуда по ним бьют, прекратили огонь и ушли на закрытые позиции расчеты еще двух минометов. Вне досягаемости огня ручного пулемета оставались артиллерия противника и его станковые пулеметы, стрелявшие из чащи леса. Но зато обе вражеские роты были в секторе огня, и Бородулин учел это. Одной очередью он рассеял группу офицеров, беспечно наблюдавших за ходом артподготовки, другой сразил замаскировавшегося над обрывом корректировщика. Затем одну за другой Бородулин стал поражать цели в боевых порядках вражеских рот.

Но так, к сожалению, не могло долго продолжаться. Прекратила огонь вражеская артиллерия, и сплошная пелена пыли стала медленно оседать. Фашисты вновь пошли в наступление. Теперь ручной пулемет Бородулина не маскировали больше разрывы мин и снарядов, и противник заметил, откуда ведется наиболее поражающий огонь. Вскоре длинные пулеметные очереди хлестнули по верхушкам деревьев. Пули не заделали отважного политрука, и он продолжал косить врага.

Вдруг, к удивлению пограничников, наступающие вражеские роты отошли назад, бросились к реке и укрылись в прибрежных зарослях. А артиллерия открыла сильный сосредоточенный огонь по деревьям, где находился Бородулин. По этой же цели стали бить и минометные батареи. Так вот для чего фашисты отошли к реке! Они во что бы то ни стало решили уничтожить одинокого пулеметчика, мешавшего наступлению двух рот.

Канонада длилась минут 20. Пыль и дым поднялись сплошной тучей, из которой обильно сыпались комья земли, осколки мин и снарядов.

Находясь в укрытиях, пограничники замерли в страхе за судьбу своего политрука. Когда огонь немного утих, командир отделения Дроздов и два пограничника побежали к деревьям. Страшная картина открылась перед ними. На месте, где раньше красовались раскидистые кудрявые тополя, торчали только жалкие обломки, заваленные свежесрезанными ветками. Большой тополь, в листьях которого укрывался с пулеметом Бородулин, прямым попаданием снаряда перебит

пополам. Под пулеметным огнем заметивших их фашистов пограничники ползком обшарили воронки вокруг тополя и отыскивали полузасыпанного землей Бородулина. С невероятными трудностями они перенесли к своим изрешеченное осколками безжизненное тело политрука.

Молча, обнажив головы, стояли бойцы вокруг плащ-палатки, на которой лежал Бородулин. Скорбное молчание нарушил Маковецкий:

— Противник дорого заплатил за жизнь нашего друга. Но эта расплата далеко не полная. Враг потеряет еще не один десяток, не одну сотню своих солдат и офицеров, клянусь тебе в этом!..

Вскоре из леса вышла и короткими перебежками повела наступление свежая вражеская рота. Ее поддерживали те две, не раз уже битые пограничниками, роты противника. Из-за недостатка патронов советские бойцы не открывали огня. Видимо, это обстоятельство придавало храбрости наступающим. В их боевых порядках поднялся какой-то галдеж, нечто вроде переключки. Затем вражеские цепи поднялись и во весь рост с воплями устремились к обороне пограничников. Подпустив их на ближние дистанции, пограничники открыли беглый перекрестный огонь. Цепи реди, но враг безрассудно рвался вперед. В ход пошли ручные гранаты. Но остервеневшие фашисты, подгоняемые офицерами, все лезли и лезли.

В одной из рукопашных схваток был тяжело ранен Маковецкий. Преодолевая боль, он продолжал руководить боем. Вскоре командир взвода станковых пулеметов доложил, что патроны на исходе. Не оставалось их больше и у ручных пулеметов, кончались они и у стрелков. Гранат тоже осталось всего по одной-две на бойца. Теперь вражеские атаки приходилось отражать больше штыком. И тут, в рукопашных схватках, бойцы поняли, что вражеские солдаты пьяны. Так вот в чем причина той безрассудной храбрости, с которой фашисты бросались под пулеметный огонь!

...Было уже около 16 часов. Кончились патроны, израсходованы все гранаты, в рукопашной схватке отбита еще одна

Старый тополь, укрывавший в своих ветвях отважного политрука Бородулина, вновь оделся в зеленый наряд.

вражеская атака. Тяжело раненный Маковецкий предпринимает попытку вывести горстку пограничников во время передышки на вторую линию обороны, куда должны были подвезти боеприпасы. Обманным маневром пограничники хотели продлить паузу, но это им не удалось. Потерявший глаз, истекающий кровью Маковецкий приказал пулеметному взводу поддержки и пограничникам отходить в тыл, а сам решил прикрыть их отход. Враг был уже в ста метрах.

Пограничники сразу поняли, что командир ценой своей жизни хочет обеспечить им выход из боя. Кто-то крикнул:

— Товарищ старший лейтенант! Мы без вас никуда не уйдем!

Маковецкий хотел что-то ответить, но потерял сознание. Противник под прикрытием пулеметного огня бросился в атаку. Шесть пограничников, словно по команде, подхватили Маковецкого на руки и вынесли его из-под огня. Ефрейтор Зенкин с пистолетом Маковецкого и рядовой Никитушкин с ракетницей в руках замыкали отход группы. То выстрелом из пистолета по вырвавшемуся вперед вражескому солдату, то ракетой, выпущенной в гущу противника, они отвлекали врага от бойцов, уносящих тяжело раненного офицера, а затем ускользнули и сами.

Пьяные вражеские солдаты, ворвавшись, наконец, в пустые окопы, с ругательствами метались по ним из одного конца в другой. Когда же этот пьяный угар прошел и противник опомнился, преследовать пограничников было поздно, они находились вне досягаемости огня.

В. САХАРОВ,
полковник запаса.

95-я МОЛДАВСКАЯ

Ночью меня вызвали в штаб дивизии. Захожу в кабинет начальника штаба полковника М. С. Соколова. Там уже собрались командиры подразделений, о чем-то переговариваются.

— Василий Павлович, кажется, война! — сурово и взволнованно бросает полковник, нанося на карту жирные стрелы в сторону Румынии.

— Да, широка ты, матушка-граница, — прикидывает он измерителем длину прикрываемой нами Государственной границы по Пруту от Петрешт до Леово. — Сто пятнадцать километров! Скажите, — обращается он ко мне, — по силам ли это нашей дивизии?

— Думаю, что полоса для целой армии.

Соколов молчит, задумчиво покусывая карандаш. Я знаю, он сейчас анализирует обстановку и сделает это быстро и точно. Недаром успешно окончил высшую военную академию, и имеет опыт войны с Финляндией. Коренастый, бритоголовый, уравновешенный и рассудительный, распоряжения он отдавал не торопясь, но решения умел принимать молниеносно.

— Товарищ капитан! — обратился он ко мне, — немедленно передайте 241-му стрелковому полку сигнал боевой тревоги.

А сам в это время поднимает трубку телефона и объявляет тревогу 161-му стрелковому полку. Отдав последние распоряжения уже на ходу, начальник штаба спешит к командиру дивизии генералу Пастревичу.

Так началась наша боевая работа в штабе 95-й стрелковой Молдавской дивизии в 2 часа ночи 22 июня 1941 года.

Нельзя сказать, что для меня, бывшего тогда начальником оперативного отделения штаба дивизии, как и для многих, эта война была неожиданным явлением, а вместе с тем она застала нас врасплох. Еще в начале июня 1941 года все предвещало войну с гитлеровской Германией. А примерно за две недели до нее командование дивизии было предупреждено о возможной провокации со стороны нашего вероятного противника.

После этого мы выехали в части, проверили их боевую готовность.

И все-таки дивизия оказалась перед чрезвычайно сложной задачей: надо было не допустить вторжения противника на нашу территорию на очень широком фронте. Хотя дивизия была укомплектована до штата, но полоса ее обороны превышала нормы даже для общевойсковой армии!

Неужели действительно война? Как-то не верится... Кажется, это только провокация, которая сегодня же и кончится. Но... нет. Рано утром стали поступать тревожные донесения...

По сигналу боевой тревоги 241 и 161-й полки вышли на свои участки обороны и с рассветом 22 июня совместно с пограничниками уже вели бой с противником, пытавшимся форсировать Прут. Авиация врага бомбила наши лагерные районы, но части уже были на переднем крае и урона не понесли.

241-й полк занял оборону, прикрывая одно из важнейших направлений — Унгенское; 161-й полк оборонял не менее важное направление — подступы к Ганчештам и Кишиневу. Между ними имелся участок реки в 35 километров, охраняемый только погранчастями. Самый левый фланг дивизии оставался открытым. Все мы в штабе ждем — скоро ли и какие соединения будут выдвинуты на Государственную границу, чтобы занять оборону по Пруту, на рубеже которого уже развернулись бои.

В ряде мест на восточный берег реки прорвались румынские войска. Командир 161-го полка полковник С. И. Серебров докладывает, что на правом фланге полка в 6 часов 30 минут взвод румын форсировал Прут. Несколько позже из его штаба поступает новое донесение — уже на левом фланге также переправилась через Прут рота врага и продвигается в глубь нашей территории. Командир 241-го полка полковник П. Г. Новиков сообщает, что на его участке появился противник. Такие же тревожные сообщения поступают и от пограничников.

Командование волнует вопрос — как удержать рубеж на столь широком фронте? В мирное время мы привыкли к мысли о том, что воевать будем только на чужой территории. А сейчас враг появился почти на всем 115-километровом участке реки Прут, обороняемом дивизией. Нужно было дейст-

вовать немедленно, чтобы отбросить вторгшиеся подразделения врага за реку и не допустить форсирования ее на других участках. Кое-кто уже представлял в воображении мрачную картину: враг, используя слабые участки в обороне, без особого сопротивления форсирует Прут во многих местах, изолирует один полк от другого и расправится с ними порознь.

А события на фронте разворачивались совсем по-другому. Командиры наших полков, батальонов, рот и взводов оказались на высоте. Особенно разумно была использована в первые дни войны артиллерия, на которую легла основная нагрузка по отражению вылазок противника. Артиллеристы успевали разрушать наводимые врагом переправы, наносить удары по скоплениям его войск и обеспечивать контратаки наших подразделений. Таким образом, вплоть до 1 июля все попытки врага переправиться через Прут успешно отражались, и ему не удалось ни в одном месте оборонительной полосы дивизии закрепиться на нашей территории.

Бойцы и командиры в этих боях проявили высокий патриотизм, преданность социалистической Родине и Коммунистической партии, умение громить врага малыми силами. Может быть, их первые ратные подвиги были и не столь значительными по сравнению с теми, которые были совершены позже, но они были первыми, они служили примером, на котором учились другие, и нельзя о них не говорить.

...Первый день войны. В 6 часов 30 минут взвод противника форсирует Прут на правом фланге 161-го стрелкового полка в районе населенного пункта Коту-Морий. Сюда немедленно направляется 6-я стрелковая рота во главе с лейтенантом Ильяшенко и политруком Пальчиком. Рота с ходу атакует румын и к 9 часам 20 минутам отбрасывает их за реку. В это же время полковнику Сереброву доносят, что севернее Коту-Морий неприятельская пехота окружила пограничников и им нужна помощь.

Туда срочно отправляются четвертая и седьмая роты и взвод танков.

Пограничники уже с трудом сдерживают противника. С западного берега бьет его артиллерия, а вслед за разрывами снарядов приближаются к нашим позициям цепи румын. Но советские подразделения уже замыкают врага полукольцом. Одна за другой открывают огонь батареи 134-го гаубичного полка. С каждым выстрелом разрывы ложатся все ближе и ближе к вражеским цепям. Затем беглый огонь накрывает перебегающих солдат. За 200—300 метров до наших позиций они попадают под ружейно-пулеметный огонь. В их рядах — паника. Солдаты мечутся и пытаются пробиться к Коту-Морий, но там их уже встречает 6-я рота Ильяшенко. Пытаясь отойти к Пруту, противник попадает в болото. Здесь

во фланг атакует его четвертая рота 161-го полка во главе с лейтенантом Швецом и политруком Оструковым. Враг разбит наголову, многие его пехотинцы попадают в плен. От них мы узнаем, что здесь был разведбатальон, состоящий из румын и немцев.

За рощей, на том берегу, разведчики обнаруживают батарею противника. Командир 9-й батареи старший лейтенант В. Д. Халамендык быстро наносит ее на карту. Через несколько минут мощный взрыв потрясает правый берег, и черное дымовое облако нависает над рекой. Наши снаряды попали в склад боеприпасов. Немецкая батарея взлетает на воздух. В этот день подразделения 161-го полка разгромили еще две роты противника.

С утра в полку появились раненые, к 11 часам их уже насчитывалось свыше 30 человек, а полковой медицинский пункт не функционирует — накануне все врачи выехали в Кишинев. Как быть? И выход был найден. На помощь пришли жены офицеров. По инициативе отважных женщин Ливчиной, Серебровой, Бреус, Бернадской, Золотаревой в столовую офицерского состава были снесены койки и матрацы. В этом импровизированном лазарете они же стали оказывать раненым первую медицинскую помощь.

В последующие три дня — 23, 24 и 25 июня противник проявил наибольшую активность на участке 241-го полка. Севернее Унген рота фашистов внезапно переправилась через реку и заняла село Меделены, где солдаты начали тотчас же грабить население. Навстречу им вышла стрелковая рота под командованием капитана П. В. Бараташвили. Он повел бойцов в атаку и стремительным ударом выбросил противника с нашей территории. Оставив много убитых и утонувших в реке, немцы в панике бежали. В этом бою особенно отличился младший лейтенант Голозир и сержант Карапетян. Они шли впереди подразделений, увлекая солдат своим бесстрашием. В этих же боях отличился дивизион 57-го арtpолка под командованием капитана коммуниста Н. С. Артюха. Артиллеристы уничтожили три переправы противника, подбили бронепоезд.

Во второй половине дня 26 июня нам стало известно, что из Хуши в сторону Решештий на автомашинах следует колонна противника. Враг пытается пройти по мосту, против которого обороняется батальон под командованием капитана П. Н. Павлюченко. Вот теперь и ему пришлось держать боевой экзамен. Батальон предпринял контратаку на врага. Однако его артиллерия и минометы не давали подняться нашим войнам. Тогда на помощь пехотинцам пришли артиллеристы. Наводчик 2-й батареи 134-го полка комсомолец М. Ф. Зенин прямой наводкой расстреливал фашистов. Через несколько

минут обломки моста и около взвода мотоциклистов, поглощаемые мутными водами Прута, поплыли по течению.

Противник пытается подавить нашу артиллерию. От его интенсивного огня то в одном, то в другом месте рвется связь. Батареи замолкают. Воспользовавшись этим, пехота поднимается и идет в наступление.

— Связь! Давайте связь! — требуют артиллеристы.

Сейчас связь — самое дорогое. Командир взвода штабной батареи старший сержант Т. И. Слободян сам берется выполнить задание, под огнем устраняет неисправность, и батарея снова громит врага.

Так продолжалось до темноты. К ночи командир дивизии генерал Пастревич потребовал от командира 161-го полка С. И. Сереброва восстановить положение и ликвидировать захваченный противником плацдарм на нашем берегу. Полковник Серебров — вдумчивый командир, прошедший нелегкий путь империалистической и гражданской войн. Всегда собранный, он прекрасно ориентировался в самой сложной обстановке. На этот раз он перебросил к Пруту находившуюся в резерве 8-ю стрелковую роту во главе с лейтенантом М. Г. Кубышкиным. За ночь ее подразделения выходят на фланги врага, рано утром огонь артиллеристов и минометчиков обрушивается на пехоту и переправы немцев. Следом в контратаку идут бойцы.

Потеряв до половины ранеными, убитыми и утонувшими, противник отходит на западный берег. 28 июня он вновь форсировал Прут, но Кубышкин новой контратакой отбрасывает его назад.

Шесть дней немцы и румыны пытаются прорвать фронт по Пруту. Но наши части не дают врагу ни в одном месте закрепиться на советской территории. Однако и мы несем большие потери, а противник все время накапливает новые силы. Командование понимает: если не будет подкрепления, выстоять будет трудно...

В первые дни войны нередко были случаи, когда один смелый и умело владеющий своим оружием воин или небольшая их группа наносили врагу большие потери и не допускали продвижения его вперед. В ночь на 29 июня в районе населенного пункта Цуцора противник, используя обломки взорванного нашими саперами моста, попытался переправиться через реку на бревнах и лодках. Но на нашем берегу, искусно замаскировавшись, поджидал его снайпер-пулеметчик 241-го полка Иван Сергеевич Майборода. Когда немецкие пехотинцы добрались до середины реки, он открыл из пулемета прицельный огонь. Вражеские солдаты заметались по реке и уплыли назад, оставив в водах Прута много убитых.

«Велика была сила примера в бою. И пример храбрости, самопожертвования показывают прежде всего коммунисты и комсомольцы. Видя в них огромную силу, сотни бойцов и командиров стремятся в ряды Коммунистической партии и Ленинского комсомола.

— Не успеваем рассматривать заявления, — «жалуется» секретарь парткомиссии Бычков. — Оказывается, только за один день 30 июня поступило 156 заявлений в партию, 36 — в комсомол. «В бой хочу идти коммунистом» — вот краткий и выразительный их текст. Те, кто находится во втором эшелоне или в резерве, стремятся поскорее попасть на передний край, а легко раненные не хотят уходить с поля боя.

Как-то я встретил раненого в голову при бомбежке автоколонны шофера Л. К. Фортуна.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю. — Отправляйся-ка лучше в госпиталь.

— Пустяки, заживет, — махнул он рукой. — Вот только обидно, товарищ капитан, нет нашей авиации, а они, сволочи, гоняются за каждой нашей машиной, и отбиться от них нечем.

Да, часто в те дни приходилось слышать такие горькие, но справедливые упреки: нет самолетов, нет танков, не хватает автоматов.

С 30 июня противник прекратил против нас активные действия, кроме авиаразведки. Но мы понимаем — это затишье перед бурей. Разведка приносит неутешительные сведения: значительные силы сосредоточиваются восточнее Ясс и северо-восточнее Хуши. Это значит, что главная группировка врага окажется против нашего правого фланга, т. е. против 241-го полка. И действительно, в ночь на 2 июля противник крупными силами форсировал Прут на участке Унгены — Валя-Маре, потеснил подразделения левого фланга 241-го полка и начал усиленно развивать удар в северо-восточном направлении.

В штабе дивизии напряженно. Хотя мы и приблизили КП к правому флангу, все равно его отделяют от 241-го полка 35 километров, и полных данных о том, что там происходит, мы не имеем. Наконец оттуда докладывают, что 241-й полк ведет ожесточенные бои с превосходящими силами. По показаниям пленных, против него находится 170-я немецкая пехотная дивизия. Наши бойцы дерутся ожесточенно и только по приказу отступают на новые позиции.

Позднее стало ясно, что полк сдерживал натиск не одной, а двух немецких дивизий — к 170-й присоединилась 50-я пехотная. 4 июля к ним подошла 35-я румынская дивизия и, форсировав реку Прут у Валя-Маре, развила удар в направлении Ниспорены—Долна.

После этого нам ничего не оставалось, как перейти к обороне на том рубеже, где противник был временно задержан. В те дни, нечего греха таить, были случаи и паники, особенно среди только что прибывшего пополнения. Почему-то запомнилась мне подобная ситуация 5 июля. Часть подразделений 90-го полка под напором противника начала беспорядочно отходить. Я и еще несколько офицеров штаба дивизии выехали навстречу отступавшим, остановили их и навели порядок в подразделении.

Такие случаи были редки. Гораздо чаще встречались примеры беззаветного мужества и находчивости. 7 и 9-я батареи оказались отрезанными от наших стрелковых подразделений. Им пришлось отходить под проливным дождем, вытаскивая тягачами из непролазной грязи орудия и автомашины. Командир 7-й батареи лейтенант Н. Ф. Постой со взводом бойцов прикрывал отход, а лейтенант И. Е. Лысенко вел батарею холмами и балками. И никакой паники, и никакой растерянности. Все бойцы дошли к своим и доставили орудия. В еще более тяжелых условиях оказалась 9-я батарея старшего лейтенанта Д. В. Халамендыка. Солдаты противника пулеметным огнем отрезали ей путь отхода. Тогда группа бойцов во главе с красноармейцем Барановым незаметно, кустарником подобралась к немцам с тыла, гранатами уничтожила часть солдат, а 6 человек взяла в плен и привела их в подразделение.

Путь был свободен.

Батареям 3-го дивизиона и в дальнейшем пришлось нелегко. Мост на их участке был уже взорван и часть села занята противником. Тогда старший лейтенант Павленко с комиссаром дивизиона Фитичевым организуют из артиллеристов отряд для захвата моста. Ночью этот отряд бросается в атаку, а 9-я батарея открывает огонь по той части села, где засел противник. Враг в панике бежит. Артиллеристы с помощью местного населения ремонтируют мост и благополучно выходят к своим.

Тяжелая обстановка сложилась на участке 161-го стрелкового полка. Оказавшись на самостоятельном направлении, на левом фланге дивизии, он вынужден был решать боевые задачи без надежды на скорую помощь. Правда, в его распоряжение было передано несколько артиллерийских батарей, но связь с Серебровым была плохая, и левый фланг нас очень тревожил. Тем более, что против полка наступали две румынские дивизии — 15 и 11-я.

Серебров предпринял несколько контратак, но они не дали положительных результатов, и полк вынужден был отойти на восток. И здесь многие пехотинцы и артиллеристы про-

явили высокое мужество. Так, старшина Хуцишвили 5 июля уничтожил из станкового пулемета более взвода противника. Он был первым номером, кроме того, имел при себе 8 гранат и снайперскую винтовку. Когда противник появлялся на дальнем расстоянии, старшина поражал его из снайперской винтовки, когда враг скупивался, бил его из станкового пулемета, а когда пехота подходила совсем близко, забрасывал ее гранатами.

В этот день был и такой случай. Красноармеец Хасан Сахибов со станковым пулеметом оказался в окружении взвода румын. «Максим» не действует, боец быстро устраняет неисправность, но открыть огонь ему не удается — солдаты противника приближаются ползком.

— Рус, сдавайся! — слышатся выкрики.

Хасан Сахибов медленно поднимает руки вверх. Румыны встают и с дикими выкриками бегут к нему. Этого только и ожидал боец. Он камнем падает к пулемету и открывает по врагу смертоносный огонь в упор. Вокруг Сахибова остается до 30 трупов, остальные фашисты бегут.

Знаменательным был день 8 июля 1941 года. В этот день увенчалась успехом контратака 90-го полка. Возможно, это был первый успех с начала войны на всем советско-германском фронте.

Около 12 часов на командный пункт дивизии прибывает офицер 13-го разведбатальона и докладывает:

— По дороге от Ниспорен на Долну движется большая колонна пехоты с артиллерией.

Не успел начальник штаба Соколов как следует расспросить прибывшего офицера, как поступает не менее тревожное донесение из 161-го полка: два полка противника наступают в обход левого фланга.

Штабу дивизии известно также, что 241-й полк ведет упорный бой с превосходящими силами врага, отражая его попытки овладеть городом Калараш.

Надо было что-то предпринимать. В распоряжении командира дивизии имеется только небольшой резерв из разведбатальона, роты саперов и одной батареи. Начальник штаба предлагает артогнем задержать продвижение противника от Долны, а резерв использовать на участке 90-го полка и совместно с ним контратаковать противника. Но тут выясняется, что 90-й полк, вместо того чтобы наступать, отошел на 1—2 километра на восток.

Вот здесь-то требовалось непосредственное вмешательство штаба и политотдела дивизии, так как дальнейший отход полка мог привести к очень тяжелым последствиям. Полковник Соколов собирает весь штаб, работников политотдела и выезжает с ними на позиции полка. Это возымело свое дей-

ствие. Прибывшие в подразделения офицеры штадива и политотдела словно вдохнули в ряды бойцов веру в свои силы.

Итак, в 17 часов, после короткого артиллерийского налета, два батальона 90-го полка стали стремительно продвигаться по склону широкой долины, где проходила дорога на Долну, а танки и бронемашин 13-го разведбатальона на большой скорости несутся на врага вдоль дороги. Артиллерия продолжает вести интенсивный огонь. Создается впечатление, что наступают большие силы наших войск. Этого мы и добивались. Враг был застигнут врасплох столь внезапным ударом и, несмотря на численное превосходство, не выдержал натиска, бросил артиллерию, боеприпасы, обоз и поспешно отошел на запад, оставляя на поле боя много убитых и раненых.

В районе Долны скопилось большое количество пехоты и артиллерии врага, и наши подразделения, обойдя их с флангов, зажимают в полукольцо. Солдаты врага начинают метаться, но везде их встречает убийственный огонь. В результате к исходу дня были полностью разгромлены 67-й пехотный полк, 63-й артиллерийский полк и 15-й тяжелый артиллерийский дивизион 35-й пехотной дивизии румын, а другому пехотному полку нанесены большие потери. Было взято в плен 180 человек, в том числе несколько офицеров; захвачено 40 пушек, 86 автомашин, около 1000 лошадей, много боеприпасов, ценные документы.

Примеров героизма, отваги и беспредельной преданности Родине было в этом бою несметное количество. Особенно отличился 2-й батальон 90-го полка, которым командовал майор В. А. Вруцкий. Бойцы на плечах отходящего противника первыми ворвались в занятое врагом село Долна. Группа бойцов во главе с младшим лейтенантом Н. Л. Кудрявцевым атаковала целую роту, уничтожая немцев метким огнем, гранатами, штыком и прикладом. Противник в панике бросает оружие и бежит. Но вражеская пуля настигает отважного командира Кудрявцева. За этот подвиг младшему лейтенанту Кудрявцеву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

На другом участке связисты во главе с младшим лейтенантом И. С. Пухным с криком «ура!» внезапно бросаются на батарею противника и забрасывают ее гранатами. В результате — батарея уничтожена, около 20 человек взято в плен.

В лесу вело бой отделение, руководимое младшим сержантом пулеметчиком А. Н. Логуновым. Один из бойцов заметил, что метрах в 300 от них батарея немцев. Логунов был смелым и смекалистым командиром. Не раз он вырывался

невредимым из лап врага. На этот раз он решает отделением зайти в тыл батареи и навести там панику.

Используя неровности местности и лес, они подбираются незамеченными к орудиям и в упор расстреливают расчет, а когда кончаются патроны, пускают в ход ручные гранаты. Так отделение Логунова захватило батарею противника.

Помощник начальника оперативного отделения штаба дивизии старший лейтенант Н. А. Дьякончук, инструкторы политотдела старший политрук Н. П. Ставиного и младший политрук П. С. Ларин все время находились в первых рядах наступающих бойцов и своим примером увлекали их на ратные подвиги.

Столь убедительная победа на участке 90-го стрелкового полка немедленно стала достоянием других частей дивизии и вызвала в наших рядах огромный подъем. Бойцы жили одной мыслью — идти в наступление и разгромить ворвавшегося на нашу территорию врага.

Уже на второй день, т. е. 9 июля, командир 35-го стрелкового корпуса потребовал от командира нашей дивизии разгромить противника в направлении Лапушна—Леушены, выйти на Прут и восстановить положение на этом участке. Генерал Пастревич, в свою очередь, ставит задачи перед 161 и 241-м полками.

Для 161-го полка эта задача была очень сложной. Ведь он действовал на самостоятельном направлении и не мог надеяться на помощь. Кроме того, чтобы избежать выхода противника на левый фланг и тыл, полк вынужден был довольно далеко отойти на восток и занять оборону северо-восточнее Ганчешт.

Но приказ надо выполнять. И полковник Серебров решил сделать это оригинально. Выйти в район Лапушны ему мешал пехотный полк с артиллерией. Если идти в лоб по дороге, рискуешь понести большие потери. И Серебров решает обойти открытые фланги противника и выйти двумя отрядами в тыл врага с севера и юга. На занимаемом рубеже он оставляет две стрелковые роты, пулеметную и саперную роты и всю артиллерию во главе с военкомом полка — батальонным комиссаром С. Е. Лившиным, а остальной состав полка продвигает ночной 20-километровый марш по проселочным дорогам и рано утром выходит в назначенные районы.

Вот как об этом вспоминает полковник Серебров:

«...Первый отряд возглавляю сам. Идем через Логанешты, затем лесом с расчетом, чтобы к 4 часам 10 июля подойти к Лапушне с севера и внезапно атаковать противника. Второй отряд во главе с начальником штаба капитаном Н. Ф. Лукьяничевым должен был совершить ночной марш через Мерешены и к 4 часам захватить высоты южнее Лапушны.

...Марш первой колонны проходит исключительно хорошо. В Логанештах берем проводника, который проводит нас лесной дорогой. Еще затемно выходим к Лапушне. Наша атака была настолько неожиданной, что солдаты противника выбегали из хат в нижнем белье, многие сразу сдавались в плен. Было убито и ранено много солдат и офицеров противника, захвачено в плен две роты солдат и 8 офицеров, одна батарея и минометное подразделение».

В это время жаркий бой разгорелся на западной опушке леса севернее Ганчешт, где остались в обороне некоторые подразделения полка и артиллерия. Противник, не встречая сильного сопротивления, стал нас теснить. В этот тяжелый момент на огневых позициях появляется начальник штаба 134-го гаубичного полка капитан К. Я. Чернявский. Всегда подтянутый, он обладал незаурядными военными знаниями, смело шел туда, где требовалось навести порядок, и своим примером увлекал остальных.

И на этот раз, под сильным пулеметным и минометным огнем, он наводит порядок на позициях и приказывает: «Расчетам к орудиям, огонь осколочным!» Ряды артиллеристов и стрелков сразу подтянулись. Все чаще и чаще гремят артиллерийские залпы, орудия бьют прямой наводкой по пехоте врага. Не выдержав, противник начинает отходить, а наши стрелковые подразделения преследуют его. В эту стремительную контратаку бросаются и артиллеристы во главе с помощником начальника штаба полка лейтенантом В. Н. Майбородой и зенитчики под командованием лейтенанта Л. И. Яценко. Враг отброшен на 5 километров. Нашим огнем разбито 2 противотанковых орудия, минометная батарея и уничтожено свыше роты пехоты.

Однако командир полка не знает, что с третьим батальоном, видимо, он не вышел вовремя в назначенный район. Установить связь с капитаном Лукьяничевым вызывается помощник начальника штаба артиллерии дивизии старший лейтенант Н. И. Рамодин.

Рискуя жизнью, пробирается он по тылам противника и находит 3-й батальон. Оказывается, он при подходе к селу Мерешены наткнулся на противника и вынужден был преждевременно вступить с ним в бой, в котором ранило командира батальона Хрущука, а капитан Лукьяничев пропал без вести. Но подразделения не дрогнули и продолжали вести неравный бой. Им значительно помогли артиллеристы. Таким образом, и здесь враг, понеся большие потери, не выдержал нашего удара.

В результате столь удачного маневра 161-й полк разгромил в этот день более полка 15-й пехотной дивизии румын. На поле боя осталось до 450 убитых и тяжело раненных, было

захвачено более 200 пленных, много лошадей и оружия. Несколькo продвинулся вперед и 241-й стрелковый полк.

Все это кое-кому вскружило голову, и уже 10 июля командир 35-го стрелкового корпуса потребовал, чтобы наша дивизия перешла в наступление на всем 75-километровом фронте. Многие из нас по-мальчишески обрадовались — вот, мол, пришла и наша очередь наступать. Но опытные командиры справедливо высказывали сомнение в реальности этого плана. Ведь наши 241 и 90-й полки по своему личному составу и вооружению были уже полуполками. Но приказ есть приказ, и его надо выполнять.

11 июля наши 241 и 161-й полки медленно продвигаются вперед и оказываются довольно глубоко в расположении врага, где встречают все возрастающее сопротивление. В связи со складывающейся неблагоприятной обстановкой 12 июля командир дивизии отдает приказ перейти к обороне на выгодном рубеже. Вскоре поступает новый приказ: последовательно от рубежа к рубежу отходить на восток.

Легко сказать отходить. Ведь 241 и 161-му полкам нужно было выйти, по существу, из тыла противника, сохранить людей и материальную часть и не попасть в окружение. Прибывшие из 241-го полка представители штадива рассказали потом, какую выдержку и силу воли проявил командир полка Новиков.

Отходить пришлось по гористой, покрытой лесом местности. Впереди — стык дорог, по одной из которых движемся мы, по другой — немцы. Кто придет раньше? Если противник, то дорога будет перерезана и условия отхода полка станут исключительно тяжелыми. Решили немедленно выслать на стык дорог отряд и устроить там засаду.

Заалел восток, и на пригорке из-за поворота дороги появляются сначала мотоциклисты, а потом и немецкая пехота на автомашинах. Оружие старшего сержанта Е. П. Николаева только ждет этого. По его команде «огонь» начинается неравный бой. Советские артиллеристы уничтожают взвод немецких солдат, два противотанковых орудия, 6 автомашин и два ручных пулемета. Небольшой отряд успешно выполняет поставленную задачу и обеспечивает выход всего полка на новый оборонительный рубеж.

Дивизия получила из штаба корпуса план организации отхода войск за реку Днестр. У меня, как и у многих других, тогда просто не укладывалось в голове, что придется отходить и дальше на восток.

Но отступление началось, и на очень широком фронте.

Рано утром 15 июля штаб дивизии прибывает в Кишинев и располагается в районе ботанического сада. К этому времени вместо генерала Пастревича, убитого в распоряжение

Военного Совета 9-й армии, в командование 95-й дивизией вступил начальник штаба полковник М. С. Соколов, а я стал исполнять обязанности начальника штаба дивизии.

Противник рвется к столице Молдавии. От Оргеева на Кишинев движутся 5-я пехотная дивизия и танковая бригада румын; от Быковца — 72-я пехотная дивизия немцев и от Ганчешт — 15-я пехотная дивизия румын. Наиболее опасными для нас были танковая бригада и 72-я пехотная дивизия, которые, вклинившись между правофланговыми полками, непосредственно угрожали Кишиневу. Им же противостояли неполного состава 90-й полк и приданный нам, но сильно ослабленный 321-й мотострелковый полк 15-й мотострелковой дивизии.

С утра 16 июля с каждым часом нарастает напряжение как на переднем крае, так и в штабе дивизии, находящемся рядом с ведущими бой войсками. Ко мне непрерывно поступают донесения о том, что враг подходит к городу, что он уже ворвался на северо-западную окраину. Становится ясно, что Кишинева нам долго не удержать. Следует принять все меры, чтобы приостановить врага хотя бы на время прохода через город наших частей и занятия ими обороны на следующем рубеже.

А бой все ближе. С минуты на минуту можно ожидать противника у ботанического сада. Полковнику Соколову предлагают уехать, но он продолжает свою работу и не обращает внимания на близкие разрывы.

В этот день в боях за Кишинев советские воины проявили исключительное упорство и отвагу. Сразу же после нашего отхода стали известны многие эпизоды борьбы в самом городе. В тяжелом положении оказался 2-й батальон 90-го полка. По своей численности он уже не превышал роты, но мужественно сдерживал натиск врага на Страшенском шоссе.

— Товарищ майор, младший лейтенант Малашевич прибыл в ваше распоряжение. Имею с собой две машины со счетверенными зенитными пулеметами, — докладывает командир взвода роты ПВО майору Вруцкому.

— Очень хорошо. Вы меня выручаете. А то я никак не могу оторваться от противника, а он, проклятый, все время заходит во фланг. Вот вам задача — за батальоном идет колонна противника, задержите ее. Огневые позиции вот в том лесу, — указывает Вруцкий.

Младший лейтенант А. А. Малашевич расставляет машины так, чтобы взять противника под перекрестный огонь. Не проходит и получаса, как на шоссе появляется мотоколонна. Подпустив ее на 200 метров, командир пулеметной установки красноармеец В. Ф. Руденко открывает огонь. Вслед за ней строчит из четырех стволов и вторая установка. Огонь ока-

зывается настолько неожиданным и сильным, что колонна немцев останавливается, часть машин вспыхивает, а солдаты разбегаются в стороны от дороги.

Несколько позднее разгораются жаркие бои в самом Кишиневе. 9-я батарея шла походной колонной по улицам города и внезапно попала под огонь танков противника. Артиллеристы не успели даже развернуть орудия для стрельбы по танкам и вынуждены были применить только винтовки, пулеметы и гранаты. Командир батареи старший лейтенант Халамендык, укрываясь за домами, организует круговую оборону, и батарея в течение нескольких часов ведет бой в окружении. Во время боя отделение разведки оказывается отрезанным от батареи. Тогда разведчик И. А. Кучерявый с гранатами в руках бросается на врага, уничтожает при этом 5 солдат и один пулемет, и отделение соединяется со своими.

Пытаясь вывести батарею из Кишинева, начальник артиллерии дивизии посылает ей на подмогу роту под командованием Ромадина. Прорвать кольцо окружения роте удается, но вывести батарею уже невозможно — тягачи и орудия оказались подбитыми, а люди в большинстве ранеными. Артиллеристы и пехотинцы вместе уходят на восток.

Мужественно сражается и 7-я батарея. Развернувшись прямо на улице, она открывает огонь прямой наводкой по танкам и пехоте противника. Но и немецкие снаряды рвутся около наших орудий. Пехота врага обходит батарею с фланга. Тогда лейтенанты Постой и Лысенко организуют круговую оборону и продолжают вести огонь до последнего снаряда. Потом, создав прикрытие, выводят батарею из Кишинева, уничтожив до роты вражеской пехоты и два тяжелых пулемета.

В самый тяжелый момент на помощь 7-й батарее подходит 2-я батарея 134-го гаубичного полка. Командир огневого взвода старший сержант И. Б. Ермошин, развернув орудия, стреляет прямой наводкой по мотоколонне противника. В течение нескольких минут часть машин была выведена из строя, а пехота стала разбегаться. Командиры орудий Н. Я. Корнев и Я. Ф. Воробей, наводчики Ф. Н. Саблин и И. Н. Искра удостоились за этот бой правительственных наград.

По неполным данным, противник потерял в Кишиневе 15 танков, десятки машин и более батальона пехоты.

К вечеру в город прибыла батарея в составе трех орудий. Полковник Серебров расставляет их на перекрестке улиц для стрельбы в трех направлениях. Где-то совсем рядом грохочут немецкие танки. И действительно, через несколько минут из-за поворота показывается один танк и сразу открывает пулеметный огонь. Серебров командует орудиям: «Огонь по танкам!» Раздается выстрел, другой, третий, и вражеский

танк загорается, свертывает на тротуар. Вышел второй танк. Снова выстрел — перебита гусеница. Загорается и третий танк. Четвертый пошел было в обход садами, но его настиг снаряд. Первые четыре танка подбил наводчик Михаил Могаричев. Недаром его в подразделении прозвали «истребителем танков».

Снова тишина, но ненадолго. Ее нарушает грохот: из-за угла вылетает пятый танк. Он достается на долю командира орудия Василия Бобкова. Танк уничтожен на полном ходу в нескольких метрах от орудия.

Так прошел месяц напряженных боев на молдавской земле. Тяжело нам расставаться с этим цветущим краем. Но враг оказывается сильнее. В ночь на 20 июля дивизия отходит на восточный берег Днестра. Здесь нам приходится обороняться совместно с Тираспольским укрепленным районом на участке реки от Григориополя до Тирасполя. По прямой это 42 километра, а с изгибами реки — все 70. У всех в мыслях одно — дальше врага не пустим и с Днестра не уйдем. Здесь расположен уже обжитый укрепленный район. Однако ширина фронта заставляет нас все полки держать в одном эшелоне. На правом фланге у нас по-прежнему находится 241-й полк, в центре — 90-й и на левом фланге — 161-й. Впервые с начала войны мы получаем пополнение в виде маршевого батальона в 1000 человек. Однако это не может решить дела. На правом фланге две немецкие пехотные дивизии форсировали Днестр и стали развивать удар на Глиное. Мы пытаемся укрепить свой правый фланг, но наши силы оказываются слишком слабыми. На следующий день части 72-й немецкой дивизии, овладев Дороцким, развивают наступление на Григориополь, во фланг 241-го полка.

Неблагоприятно складывается обстановка и на левом фланге. Командующий 9-й армией принимает решение — концентрическим ударом уничтожить прорвавшегося противника, выйти на Днестр и восстановить прежнее положение. 241 и 90-й полки начали наступать 29 июля, но продвинуться на запад им не удалось. Правда, наступление противника они задержали.

В этот день особое мужество проявил красноармеец А. Н. Савинкин. Несмотря на ранение, он остался на линии связи, исправлял повреждения и тем обеспечивал ведение огня. Уже теряя силы, он подполз к линии, включился в нее и доложил: «Задание выполнил, тяжело ранен». Его товарищи связисты бросились на розыски и нашли Савинкина уже без сознания. Отважный боец был отправлен на медпункт. Командование полка представило Савинкина к награждению орденом Красной Звезды.

А силы противника все прибывают. Мощные механизированные колонны идут от Дороцкого и Дубоссар на восток. Но как только наша артиллерия открывает огонь, так немедленно появляется авиация немцев и начинает усиленно бомбить. По всему видно — противник готовится развить свой успех и подтягивает новые силы в сторону Глиного.

Наши предположения подтверждаются. С утра 30 июля начинается наступление. Его поддерживают сильный огонь артиллерии и минометов, непрерывная бомбардировка. В этот день мы вынуждены были что называется затыкать дыры в нашей очень жидкой обороне и перекрывать небольшими подразделениями основные пути, идущие на восток.

241-й полк весь день ведет упорный бой. Хорошо помогают нам артиллеристы. Одна из батарей оказалась неприкрытой нашей пехотой, а цепи противника идут прямо на нее. Командир Т. Н. Дюкар, не дрогнув, приказывает выкатить орудия на открытую позицию. Пока выдвигали пушки, цепи врага подошли еще ближе.

— Огонь картечью!

Загремели выстрелы — стрельба ведется в упор. Цепи немцев редуют, останавливаются и залегают. Батарею поддерживает весь второй дивизион, разрывы наших снарядов приходятся точно по цели. Так артиллеристы под командованием старшего лейтенанта И. Я. Крыжко сорвали наступление целого полка, уничтожив около трети его живой силы.

31 июля противник продолжает наступать в восточном и юго-восточном направлении. Наши полки с большим трудом сдерживают его натиск. Теперь уже отличился первый дивизион 134-го гаубичного полка, которым командовал капитан И. Н. Хворостов. Этот дивизион огнем двух батарей обрушил на пехоту с танками и сорвал их продвижение. Противник оставил на поле боя более роты убитыми.

К исходу дня обстановка осложняется. Противник глубоко охватил наш правый фланг, создается угроза выхода его на наши тылы. Прикрыть же фланг нечем — все резервы израсходованы.

1 августа было еще тяжелее. С утра противник начал наступать на юго-запад. Используя ложину и перелески, его пехота незаметно обошла правый фланг 90-го полка и по существу застала штаб дивизии врасплох.

— Немцы цепями идут в село! — влетев в избу, кричит младший лейтенант М. К. Пянковский.

Вначале мы ему не поверили. На всякий случай я высылаю на восточную окраину села комендантский взвод. Но уже поздно. Цепи немцев уже входят в Шибку, и мы спешно покидаем свой командный пункт. А немцы, заняв Шибку, продолжают наступать на хутор Тимуш, где мы теперь разместимся.

Здесь отбивается от врага сильно ослабленный второй батальон 90-го полка. Ему нужна помощь. Под руками оказываются опять те же две машины со счетверенными зенитными пулеметами под командованием отважных — младшего лейтенанта Малашевича и красноармейца Руденко. На полной скорости мчатся они по хутору и из восьми стволов обстреливают пехоту врага. Достигнув северной окраины, разворачиваются и, не переставая стрелять, летят обратно. Смелость и сообразительность сделали свое дело. Зенитчики посеяли такую панику, что пехота начала разбегаться.

Но восточнее хутора Тимуш пехота противника идет густыми цепями. Перед ней оказались одни артиллеристы. Как это уже не раз бывало, командир огневого взвода лейтенант Д. П. Яковлев выдвигает орудия на прямую наводку. Снаряды буквально косят ряды румын. Атака врага захлебнулась, пехота залегла, оставив на поле боя много убитых и раненых.

Зорко следят разведчики и командиры третьего дивизиона 134-го полка за поведением противника на правом берегу Днестра: то в одном, то в другом месте, обнаружив подготовку противника к переправе, накрывают его мощными снарядами тяжелых гаубиц.

Так, 3 августа, обнаружив скопление переправочного имущества, пехоты, танков и автомашин у населенного пункта Шерпены, дивизион обрушивает туда весь свой огонь. Его результаты поразительны. Пехота врага рассеяна, техника уничтожена, громадным костром горит склад горючего. После этого противник убрался из леса и села и больше там не появлялся.

В результате ожесточенных боев в течение восьми дней враг понес большие потери. Наступление приостанавливается, но, видимо, немцы и румыны накапливают силы на захваченном плацдарме. Чтобы помешать этому, командование принимает решение — силами нескольких дивизий отобрать у врага этот плацдарм, окружив его войска. Первые часы наше наступление идет успешно, но начавшаяся на рассвете сильная бомбежка, артиллерийский и минометный огонь приостанавливают нас. Оказывается, у врага уже появились свежие части, и они, не считаясь с большими потерями, идут на нас густыми цепями и теснят 90-й полк на юг.

Мы отходим с боями, в которых вновь на высоте оказываются артиллеристы.

Пехотный полк врага колонной двинулся на шоссе, видимо, рассчитывая, что здесь нет наших войск. На этом направлении на огневых позициях остался 2-й дивизион 57-го артполка, которым командует отважный командир — старший лейтенант Г. И. Наумов. И вот дивизион обрушивается на колонну всей своей огневой мощью. Противник в замеша-

тельстве мечется из стороны в сторону, но солдаты вновь собираются и продолжают путь прямо к позициям дивизиона. Григорий Наумов спокоен — к встрече все готово. Когда расстояние сокращается до 2—3 километров, Наумов приказывает открыть огонь всему дивизиону. Грянули выстрелы, задрожала земля. Снаряды рвутся в гуще немцев, но они все равно лезут вперед. Вот уже до них осталось 1000—1500 метров. Тогда Наумов приказывает выкатить орудия на открытую позицию. Теперь артиллеристы бьют врага в упор, прямой наводкой. Вот у одного орудия тяжело ранен наводчик. Его место занимает старший лейтенант Мануйлов. Пример командира еще больше воодушевляет бойцов. А цепи врага все ближе и ближе. Наумов появляется то у одного орудия, то у другого, подбадривает бойцов, помогает им подносить снаряды, наводит пушки на цель. И бойцы посылают снаряд за снарядом в самую гущу врага. Рядом с орудием комсомольца С. Бурцева разрывается вражеский снаряд. Казалось, гибель неизбежна. Но наводчика только немного засыпало землей и слегка оглушило. Он быстро поднимается и снова становится у орудия. Под непрерывным обстрелом противника быстро и бесстрашно ведет огонь орудие В. Рябчука. Самоотверженно сражаются с врагом коммунисты И. Тищенко и Ф. Шевчук.

В этом бою доблестные артиллеристы под командованием коммуниста Наумова разгромили целый вражеский полк. Но враг опять получил подкрепление. И мы по приказу командира 14-го стрелкового корпуса переходим к обороне, а потом организованно, от рубежа к рубежу, начинаем с боями отходить к Одессе, с болью в сердце покидая молдавскую землю. Но мы и тогда знали, что обязательно вернемся. И вернулись!

Г. РЕЧКАЛОВ,
генерал-майор запаса,
дважды Герой Советского Союза.

СТРАНИЧКА ИЗ ДНЕВНИКА

Уже около месяца бушевала война. Из скудных газетных сообщений мы имели смутное представление о тяжелых боях на Ленинградском, Смоленском направлениях, о сражениях под Житомиром. Пылали в огне села Приднестровья, фашисты рвались к Кишиневу, захватили наш аэродром.

Трудно, невозможно было свыкнуться с беспощадной правдой войны. Боль, сомнения — все свилось твердым комом и нещадно давило грудь. Летчикам некогда было перекурить, техники едва успевали осматривать пышущие жаром моторы, пополнять боеприпасами раскаленные пулеметы.

В один из таких дней, когда солнце устало клонилось к горизонту, старший лейтенант Соколов с напарником, лейтенантом Назаровым, обнаружили на нашем базовом аэродроме до восьмидесяти гитлеровских самолетов.

— Расположились они как у себя дома, — докладывал Анатолий Селиверстович Соколов, — штурмануть бы их!

На другой день красnozвездные истребители во главе с Соколовым взяли курс на аэродром. Летели низко-низко. Местность каждому знакома: все лощины еще до войны облаканы. Небо точно умытое, с редкими облаками. Чтобы застать врага врасплох, выбрали вечернее время. Фашисты, уверенные в своем превосходстве, удара русских не ждали, продолжали подсаживать все новые группы самолетов.

И надо же такому случиться: когда шестерка отважных изготовилась к удару, к аэродрому подлетели шестнадцать «мессершмиттов».

Первыми спикировали Соколов с Назаровым, за ними — Фигичев с Дьяченко. Грозный гул моторов смешался с гро-

хотом бомб и пулеметными очередями. Дымом окуталась стоянка «юнкеров», несколько «мессеров» вспыхнуло. Последней ударила замыкающая пара. Когда от бомб Ивачева и Лукашевича на земле вместе с обломками бомбардировщиков вздыбилось четыре огневых столба, Соколов заметил вражеских истребителей. Их было слишком много, и он дал сигнал прекращения штурмовки. Летчики на бреющем скрылись от противника.

Когда вся группа пристроилась к командиру, недосчитались лейтенанта Назарова. Соколов посмотрел в сторону затянутого дымом аэродрома и далеко над холмами заметил одиночный истребитель. «Должно быть, подбит, — подумал Анатолий, — тянет на свою сторону кратчайшим путем».

Он хотел было развернуться к нему на помощь, но в этот момент «миг» резко клюнул, и над холмом взметнулось пламя...

Гибель Назарова дорого обошлась гитлеровцам: четыре обугленных «юнкера» и пять покореженных «мессершмитов» — таков итог удара по вражескому аэродрому.

...В эту ночь спалось плохо. У окна пустовала кровать Назарова. Соколов долго смотрел на пугливо вздрагивающую звездочку. Вдруг звездочка сдвинулась с места, стала приближаться к окну, из тусклой превратилась в яркую. Она неслась стремительно, разгоралась все ярче и вдруг жарким пламенем самолета вспыхнула над холмами.

Анатолий вздрогнул, вытер взмокший лоб. Обреченный на гибель самолет Назарова все еще стоял перед глазами.

«Отчего он погиб? Наверное, аэродром охраняется зенитками».

— Не спится? — приподнялся с койки Ивачев и потянулся за папиросой. — Мне тоже. Знаешь, по-моему, ударить завтра лучше всего перед обедом. Пожрать-то фашисты любят. Все слетятся и нас ждать меньше всего будут.

— Ух! И устроить бы им свалку!

...Вылет был намечен на тринадцать часов. Летчики заняли свои места, ждали сигнала. Соколов видел, как поерывал в кабине Алексей Овсянкин. Подперев рукой голову, дремал Фигичев, а за ним, в посадке, виднелся самолет Дьяченко.

Ракета хлопнула внезапно. И восемь истребителей, провожаемые беспокойными взглядами техников, скрылись в полуденной дымке. А когда пришли встречать на посадку, недосчитались двух самолетов.

— Ума не приложу, товарищ майор, — докладывал командиру полка Ивачев. — Сбить их не могли — это точно.

— Мы бы увидели, — уверял Виктор.

— Соколов с четверкой летел справа, чуть выше. За Дне-

стром дымка сгустилась, показался Оргеев, — рассказывал Ивачев. — Затем Соколов снизился, пронесся над чьим-то разбитым упавшим в болото «мигом». На дороге мы повстречали фашистов, обошли их стороной, на аэродром выскочили на высоте четырехсот метров и сбросили бомбы на «юнкеров», а пары Соколова и Фигичева отбомбились по стоянкам «мессеров».

Летчики в азарт вошли, я подал сигнал сбора. Отошли от аэродрома уже шестеркой...

Летчики виновато прячут глаза. Командир отходит и с горечью бросает:

— Все виноваты. Плохо взаимодействуем. Потерять таких людей...

Но нет, человек затеряться не может, даже на войне. Рано или поздно найдутся очевидцы или документы, которые расскажут о подвиге героя.

Много лет спустя я услышал о товарищах от бывшего солдата Евтихия Тимофеевича Грозного. В тот день, когда мы недосчитались двух самолетов, Евтихий Тимофеевич, посланный для закупки скота на убой, устало шагал в толпе беженцев, спешивших подальше отойти от Ямполья, занятого немцами.

Около полудня со стороны Днестра показались самолеты. Один летел вяло, неуклюже. Второй, отбиваясь от двух фашистов, защищал его. Вот один из фашистов загорелся и факелом рухнул около села. В этот момент израненный ястребок скользнул боком над головами и без колес ткнулся на сжатое поле. По красному носу и такой же полоске на хвосте солдат узнал своего «маякского» и кинулся к месту падения. Туда же мчалась санитарная повозка, случайно примкнувшая к беженцам.

...Алексей Овсянкин, расправившись с «мессерами», сделал круг над раненым командиром, убедился, что к нему спешат на помощь свои, хотел было лететь домой, но тут из лесу показались немцы. Несколькими атаками он загнал фашистов обратно в лес и сел наподалеку, чтобы спасти Соколова на своем ястребке.

Гитлеровцы вновь выскочили из леса. Когда Алексей подруливал к упавшему ястребку, немцы были еще метрах в трехстах. Соколов поджег свой самолет и с трудом заковылял навстречу. Овсянкин выскочил из кабины, бросился на помощь, подхватил командира и во весь дух заспешил обратно.

Фашисты что-то орали, но не стреляли, рассчитывали захватить летчиков живыми.

Спасение было рядом: блестя на солнце, в двадцати-

тридцати шагах, ровно и призывно рокотал мотор. Еще одно усилие — и они в воздухе.

И вдруг раздался взрыв. Красавец «миг» осел. Овсянкин схватился за грудь. Меж пальцев показалась теплая клейкая струйка. Соколов увидел искаженное болью лицо Алексея и, не отдавая себе отчета, что было сил пополз к оторванному снарядом мотору.

Немцы теперь не спешили, приближались широкой цепью в рост.

«Спокойно, Соколов, спокойно», — шептал он сам себе, расстреливая из пистолета фашистов. Заложена последняя обойма из пистолета Овсянкина. Соколов целился тщательно, считал каждый выстрел.

Фашисты, огибая разбитый самолет полукругом, уже давно залегли. Позади цепи, на жнивье, валялось с десятков распростертых трупов.

— Шесть, — процедил сквозь зубы Анатолий после очередного выстрела и увидел, как гитлеровец с засученными рукавами, взвизгнув, пополз назад.

— Командир, а, командир, — позвал тихо Овсянкин, — я умираю, приподними меня. Простимся.

Соколов нагнулся. Летчик осторожно обхватил его за шею и прошептал:

— Еще повыше.

В предсмертной тоске лицо осветила улыбка.

Держа ношу на руках, Соколов выпрямился. Суровое лицо его говорило: «Свое мы исполнили. Многие из нас разделят радость победы, выйдут героями... Не будет только тебя, Алексей, и...»

Вдруг ему стало легко. В пистолете два патрона. Один — для себя, а второй... Вон тому, что ближе всех, белозубому, без пилотки...

Сжималась цепочка гитлеровцев с автоматами наизготовку.

...Страшная мертвая тишина. И в ней резко лопнули два выстрела.

Вот и весь рассказ о героях. А дед Грозный, как зовут его теперь односельчане, уверяет, что до сих пор в этих краях, когда влажные рощи и прохладные луга медленно просыхают под первым солнечным лучом, на небольшом холмике среди красоты земной распускаются два алых бутона.

П. ГРИЦЕНКО,
лейтенант запаса.

109-й ЧОНГАРСКИЙ В БОЮ

События первых дней войны вызывают тяжелые воспоминания, душевную боль. До начала войны стрелковая дивизия, включавшая 78, 109, 360-й стрелковые, 81 и 106-й артиллерийские полки, входила в состав 48-го корпуса. Корпусом в это время командовал генерал-майор Р. Я. Малиновский, начальником штаба был А. Г. Батюня.

Еще 19 июня состоялось совещание у командующего ОДВО генерал-полковника Черевиченко, где все были предупреждены, что в ближайшие дни возможны «диверсии немецко-румынских войск», и ставилась задача отбить возможную попытку противника нарушить границу, но самим через Прут не переходить.

22 июня 176 и 30-я стрелковые дивизии, также входившие в 48-й корпус, были выдвинуты к границе и заняли оборону по левому берегу Прута.

Весь вечер в штабе корпуса ожидали донесений о положении на границе. Все это держало людей в напряжении и не давало возможности отдохнуть.

Неожиданно в ночной тишине послышался далекий гул. Он все нарастал, надвигался... Сомнения исчезли — это гул вражеских самолетов. В 4 часа 30 минут бомбы начали рваться за городом и на аэродроме.

А на границе в это время уже разворачивались тяжелые бои с немецко-румынскими войсками, начавшими форсировать реку Прут. Действия фашистской пехоты поддерживали танки. 48-й корпус не имел танков, и очень мало было противотанковых средств борьбы. Сложность положения наших частей усугублялась еще и тем, что сразу же была нарушена

связь. В тылу активизировали свои действия диверсионные группы, засланные на советскую территорию еще накануне войны. Они резали провода, сеяли панику, распространяли провокационные слухи.

Все это мешало наладить четкое управление войсками и взаимодействие между ними.

Чтобы получить возможность более оперативно влиять на ход боевых действий, дивизии, части которой располагались в глубоком тылу, было приказано подняться по тревоге и форсированным маршем двигаться на Бельцы, занять рубеж в районе Фалешт, Дружинен, Сараты и подготовиться к обороне.

25 июня противник сосредоточил крупные силы на участке Унгены — Скуляны на стыке двух наших соединений и на рассвете форсировал Прут. Развернулись тяжелые бои. Гитлеровцы лезли напролом, не считаясь с крупными потерями. Красноармейцы и командиры проявляли мужество и героизм, стояли насмерть. Всюду возникали яростные рукопашные схватки.

О первых боях, развернувшихся на реке Прут, начальник штаба корпуса Батюня рассказывал: «Несколько западнее Скулян немцы с засученными рукавами шли в атаку и строчили из автоматов. Навстречу им с дружным «ура-а-а» устремились наши бойцы. В какое-то мгновение все перемешалось, слышались крики, стоны. Немцы не выдержали натиска, побежали. Их преследовали наши воины. Смотрю, вслед за удирающими немцами бежит красноармеец Альдибергин из 30-й дивизии. Он бежал через поле, падал, подымался и снова бежал. Будучи раненым, он не остановился, а, истекая кровью, полз... и кричал: «Вперед, только вперед!»

Это всех потрясло.

Несколько позже мы узнали и о другом примере героизма. Командир отделения той же дивизии ефрейтор Амонов во время рукопашной схватки был окружен группой фашистов. В этом неравном бою он сумел уничтожить до 15 гитлеровцев.

Амонов получил несколько ран, но продолжал драться. Подоспели товарищи, отогнали фашистов и ефрейтора вынесли в тыл.

Под давлением превосходящих сил противника 30 и 176-я дивизии вынуждены были отойти на новые оборонительные рубежи.

По приказу Р. Я. Малиновского дивизия заняла оборону в районе села Марандены и города Бельцы.

На рубеже города Бельцы продвижение противника остановила вновь прибывшая дивизия, а 176-ю, понесшую значительные потери, вывели во второй эшелон.

В обороне Бельц отличился 109-й Чонгарский полк, которым командовал А. В. Лапшов. Этот полк по праву называли интернациональным. В нем были сильные партийная и комсомольская организации, которые проводили большую работу по обеспечению высокого морально-политического состояния и боевого духа бойцов и командиров. Многие командиры перед войной окончили военные учебные заведения и имели солидный опыт руководства подразделениями.

В первые же дни войны бойцы, командиры и политработники полка показали образцы мужества и отваги. Они героически сражались: неся большие потери, сдерживали натиск превосходящих сил противника на подступах к Бельцам, Флорештам, Рыбнице.

Своими боевыми действиями полк снискал уважение у воинов всех частей стрелковой дивизии.

За хорошую организацию и умелое руководство боями на территории Молдавии командиру полка А. В. Лапшову в 1941 году было присвоено почетное звание Героя Советского Союза.

Чтобы полнее раскрыть боевой путь 109-го полка, мне пришлось несколько раз посетить места, где проходили ожесточенные бои, и встретиться с очевидцами первых дней войны. Много получено писем от бойцов и командиров этого полка, которые уточнили отдельные события тех трудных дней.

В 1939 году полк входил в состав 30-й Иркутской трижды Краснознаменной ордена Ленина имени Верховного Совета РСФСР дивизии. Затем его передали в стрелковую дивизию.

В 1940 году полк принимал участие в освобождении Бессарабии. За хорошую организацию и дисциплинированность полку была объявлена благодарность.

Летом 1941 года полк находился в лагерях, расположенных на берегу Днестра. 21 июня, возвратившись с учения, все готовились интересно провести воскресный день. Но в 6 часов утра поднятый по тревоге полк выстроился в полной боевой готовности. Вынесли боевое знамя. С короткой речью выступил комиссар И. М. Колесов. Он сообщил, что в 4 часа на нашу Родину напали без объявления войны фашисты. Перед полком была поставлена задача быстрее выйти к заданному району.

Возле развернутого полкового знамени все бойцы и командиры дали клятву до последней капли крови защищать свою Родину.

В 10 часов утра первый батальон под командованием капитана Анищенко и полковая школа во главе со старшим лейтенантом Янковским получили приказ вступить в бой с

Г. Анищенко.

противником и приостановить его продвижение. Этим обеспечивалось развертывание в боевой порядок основных сил стрелковой дивизии.

Когда подъезжали к Бельцам, из города выходили железнодорожные эшелоны, а на город летели треугольником немецкие самолеты. Они летели низко — видны были желтые концы крыльев, шасси, точно выпущенные когти орла. Ведущий самолет входит в пике. Из-под крыльев вываливаются бомбы. Одна... две... десять. Последняя белая, самая большая. За первым повторили заходы остальные восемнадцать самолетов... Сплошной свист и грохот рвущихся бомб.

Дым расползается по всему городу, заслоняя небо, образуя сплошное облако. Из домов стали вырываться желтые языки пламени.

Когда машины въехали в город, навстречу им бежали люди с тюками, тележками. Они бежали, спотыкались. Иногда останавливались, что-то переключивали молча, без ругани, с расширенными, застывшими в страхе глазами. Едкий дым валил из окон домов, расползался по улицам. Хрустело стекло под скаками машин. Кирпичи, куски бетона, а иногда громадные воронки преграждали путь, и приходилось сворачивать в узкие улочки. На окраине города батальон встретили пограничники. Они указали маршрут передвижения до следующего поста. Так от поста к посту батальон продвигался к рубежу обороны.

Машинам очень часто приходилось останавливаться. Навстречу вдоль железной дороги шли раненые бойцы. Пыльное, окровавленное обмундирование, белые бинты... Когда машины выехали из села Реуцел и подъезжали к роще, с правой стороны от дороги отделились два человека в красноармейской одежде. Внезапно они бросили гранаты в первую машину и скрылись. Машина загорелась. По остальным машинам был открыт автоматнo-пулеметный огонь. Бойцы и командиры стали на ходу прыгивать с машин. Возникло замешательство. Командир первого батальона Анищенко, участник боев у озера Хасан и награжденный медалью «За отвагу», был обстрелянным воином. Он сразу понял, что это

значит. Анищенко выбежал вперед и громовым голосом закричал:

— Назад!.. Ложись!..

Все послушно исполнили его приказ. Мысль работала невероятно отчетливо: «У противника два ручных пулемета. Автоматчики ведут неприцельный огонь. Это хорошо».

— Огоны! — командует Анищенко. Он знал, что первые же выстрелы рассеивают чувство страха. Так и получилось.

В третьей роте Гололобова заработал пулемет, Крячко открыл дружный огонь из винтовок, младший лейтенант Степанов с тремя бойцами полковой школы подполз к дороге и забросал противника гранатами. Справа к оврагу поползли автоматчики противника. Оттуда им было легко забросать машины гранатами и первой же очередью из автоматов многих расстрелять. Но пулеметный огонь остановил врагов. Они остались лежать на месте. Через 30 минут роща была очищена от противника. Взяты первые трофеи — два ручных пулемета и 6 автоматов. Впоследствии выяснилось, что на машины напали переодетые в красноармейскую форму лазутчики. В первые дни войны противник засылал их к нам в тыл целыми группами. Первая стычка с противником заставила быть более бдительными.

К вечеру батальон вышел к селу Скуляны и расположился вдоль реки Прут.

На следующий день полковая школа была выведена из боя и откомандирована в лагерь для формирования и подготовки мобилизованных из запаса.

24 июня, на рассвете, пехота противника бесшумно начала форсировать Прут. Дружный огонь из всех видов оружия заставил противника откатиться на противоположный берег реки. Затем противник открыл ураганный огонь из минометов и артиллерии. Особенно губительными для живой силы были бризантные гранаты и шрапнель противника. С не привычки бойцы вбирали головы в плечи, плотно прижимались к сырой стенке траншей.

Один за другим раздались выстрелы нашей артиллерии. Меткие попадания артиллеристов уничтожали огневые точки противника. Затем огонь был перенесен на пехоту, расположенную вдоль Прута. Загорелись прибрежные кусты. После первых же залпов по берегу из-за горизонта показались вражеские самолеты. Они сделали несколько заходов, сбрасывая свой смертоносный груз, затем на бреющем полете обстреляли из пулеметов наши окопы и улетели обратно.

Не успел еще рассеяться дым, как стал накрапывать дождик, небо заволокло черными тучами, а через несколько минут начался проливной дождь. Бойцы лежали в полной боевой готовности. Видимость резко уменьшилась. Выслали

С. Скачков.

Справа и слева по идущим немцам открыли огонь из «максимов». Передний, в очках, медленно опускается на колени, а затем падает на бок, его сосед, хватаясь за землю, что-то кричал. Падают еще несколько человек. Остальные бегут, падают, опять поднимаются, сталкиваются друг с другом. Один немец успел добежать до бруствера и пытался переползти его, но сержант С. И. Скачков выстрелил из винтовки. Враг так и застыл на четвереньках. Третья рота под командованием Гололобова пошла в атаку. Старший сержант Анушевян Мовисович открыл огонь из минометов. Мины рвались вдоль берега, отрезая путь отступающему противнику и не давая возможности подкреплению переправиться через Прут.

К этому моменту создалось угрожающее положение в тылу. По оврагу просочились немецкие автоматчики. Бойцы разведывательного и стрелкового взводов короткими перебежками передвинулись к двум курганам, расположенным недалеко от шоссе, и заняли оборону.

Цепочка автоматчиков, человек двадцать, движется параллельно двум курганам метрах в ста. Они о чем-то совещаются. Поворачивают в сторону курганов. Один за другим спускаются в балочку. Возможно, решили идти по балке. Некоторое время никого не видно, потом фигуры появляются, становятся все ближе. Автоматы у всех на животах, рукава засучены, беспечный вид, презрительная усмешка.

Капитан Анищенко бросает гранату в самую гущу немцев. Взрыв гранаты — сигнал для наступления. Заработали руч-

наблюдателей к самой реке. Через несколько минут от старшего лейтенанта Маевского прибыл разведчик И. Е. Соколов и доложил, что цепочка каких-то людей движется по долине километрах в полутора от их батальона. Связной от младшего лейтенанта Валюты сообщил, что противник перешел Прут и направился прямо на расположение батальона. Через пелену дождя можно было уже рассмотреть идущего впереди высокого, худого немца в очках, должно быть, командира. У него на левом боку пистолет.

Когда немцы подошли на расстояние прицельного огня, в воздухе вспыхнула зеленая ракета...

ные пулеметы, раздались выстрелы из винтовок. Немцы открыли беспорядочный автоматный огонь. Но это не удержало бойцов, они кинулись на врага и стали действовать прикладами винтовок. Шамамян Сурен, держа в левой руке винтовку, правой нанес удар немцу в лицо, после чего тот уже не поднялся. Короткий, но напряженный бой увенчался успехом.

Погибших похоронили поздно вечером на лесистом пригорке недалеко от КП. У свежей могилы боевых товарищей выступили с речью приехавший в батальон комиссар полка И. М. Колесов и командир батальона Анищенко. Они призвали нанести сокрушительный удар врагу и отомстить за погибших. Заканчивая свое выступление, Иван Минеевич сказал: «Пока есть хоть один патрон, хоть один снаряд — будем сражаться!»

Немало сырых холмиков выросло в те дни и в районе сел Скуляны, Герман, где сражались бойцы 78-го стрелкового полка. Тяжело раненных прямо с поля боя крестьяне села Миклеушены забирали в повозки, везли на станцию Бучумены и передавали в санитарный поезд. Их увозили в Бельцы.

25—26 июня противник совершал по 12—15 налетов на позиции батальона. В промежутках — почти непрерывный обстрел из минометов и орудий.

Бомбы и снаряды рвались так густо, что земля вокруг превратилась в глубоко вспаханное поле.

В самые трудные моменты в окопах появлялся полковой комиссар И. М. Колесов. Его неотступно сопровождал политрук И. А. Таран. Их присутствие в окопах ободряло бойцов. Колесов в любой обстановке умел найти подходящее слово, поговорить по душам. Бойцы и командиры знали его как чуткого, отзывчивого, справедливого и принципиального партийного руководителя.

Пока 1-й батальон сражался с фашистскими захватчиками на реке Прут, основным силам 109-го стрелкового полка было отдано распоряжение форсированным маршем выйти на юго-восточную часть города Бельцы и подготовить в районе сел Натальевка, Поповка оборону полка.

25 июня, выйдя на указанный рубеж, полк занял оборону.

И. Колесов.

До 27 июня немцы атак не предпринимали. За это время по несколько раз в день 20 — 30 немецких самолетов пролетали и сбрасывали свой груз на Бельцы. В этом небольшом молдавском городе днем и ночью горели жилые дома.

27 июня в стык между 109 и 78-м стрелковыми полками просочилось до роты пехоты и автоматчиков противника. Комиссар поднял роту Крячко и повел в атаку. Неожиданный бросок во фланг ошеломил противника, в его рядах началось замешательство. Командир второй роты Полищук отрезает отход противника и наносит удар с тыла. Противник был окружен и уничтожен.

Под вечер 29 июня обстановка стала критической. Боеприпасы на исходе, а немецкая пехота все лезет и лезет в атаку. Наши бойцы встречали врага гранатами, автоматными очередями, картечью. И фашисты не выдерживали, откатывались к берегу.

Когда стемнело, получили приказ: отходить в направлении сел Герман, Бокша, Мустяца, а затем — местечка Фалешты. Во время отступления приходилось днем вести ожесточенные бои, а ночью переходить на новые рубежи и строить на скорую руку оборонительные сооружения. Это изнуряло людей до такой степени, что они валились с ног и засыпали даже при артиллерийском обстреле. При подходе к Фалештам помощник начальника штаба Д. С. Яценко доставил в батальон боеприпасы. Из его рассказа узнали, что ему пришлось обратиться к местным жителям и они дали лошадей для подвоза боеприпасов.

О ратных подвигах 1-го батальона полковой комиссар Колесов и старший лейтенант Д. С. Яценко рассказали бойцам других подразделений, еще не участвовавших в боях.

— Товарищ комиссар, когда же мы вступим в бой? — спрашивал старший сержант И. Е. Соколов.

— Не волнуйтесь, — спокойно сказал Иван Минеевич Колесов. — Когда будет нужно, и мы вступим в бой.

Из-за большого фруктового сада медленно выплывало солнце, разгоняя молочно-белый туман. Набежал легкий ветерок с юга. Зашелестели колосья примятой пшеницы. Со стороны Фалешт показалась партия «Ю-88» и «мессершмиттов». Впереди них плывет «рама». Вот она остановилась и начала кружить.

Ведущий самолет включает сирену, входит в пике. За ним следуют остальные. Сплошной грохот. Все затянуло черным клубящимся дымом, а бомбы продолжают свистеть и свистеть.

Сколько это длится? Час, два или 20 минут? Все потеря-

ли счет времени и чувство пространства. Кругом пыль. На зубах, в ушах, за воротом гимнастерки—везде черная непросохшая земля.

Когда пыль немного рассеялась, «мессершмитты» сделали новый заход и на бреющем полете поливали свинцовым дождем расположение полка. На другой день повторилась та же картина. Теперь для отражения атаки с неба установили 10 спаренных пулеметов. И когда самолеты спустились на бреющий, командир 3-й пулеметной роты Николаенко и политрук Таран одновременно нажали на гашетки. От одного самолета стала отделяться тонкая струйка дыма, затем показалось пламя. Самолет перевернулся, резко пошел к земле и упал в долине возле села Цапок. Нетрудно представить, сколько было радости у всех.

В ночь на 1 июля получен приказ занять оборону в одном километре юго-восточнее села Стурдзены. К этому времени противник все больше и больше усиливал натиск, а на некоторых участках прорвался и глубоко зашел в тыл.

1-й батальон в районе Фалешт и Егоровки попал в окружение, но благодаря мужеству и отваге бойцов и их командира капитана Анищенко им удалось ночью нанести неожиданный удар по противнику, выйти из окружения с трофеями и пленными солдатами и рано утром прибыть к себе в полк. К этому времени полк занял оборону в районе сел Стурдзены и Стрымба. Первый и второй батальоны и полковая школа заняли оборону поблизости. Рано утром 5 июля на участке полка произошли первые стычки с передовыми подразделениями 50-й немецкой пехотной дивизии. Эта дивизия отличалась маневренностью. Она имела в своем распоряжении большое количество мотоциклов и машин. Ее полки быстро перебрасывались с одного участка на другой. Пересеченность Бельцкой степи давала противнику возможность быстро накапливать силы в оврагах и неожиданно наносить удар по нашим частям или заходить в тыл. Но боевые действия стрелковой дивизии под командованием Ф. Е. Шевердина сковали его инициативу.

Особенно много неприятностей противнику приносили боевые действия 109-го Чонгарского. Командир полка

И. Таран.

Ф. Швердин.

мандир полка. На столе у него лежала топографическая карта, на которой четко выделялась красная линия, обозначающая оборону полка. Западнее села Стырча — отметки синим карандашом, а в середине — огромный вопросительный знак.

— По данным местных жителей, в этом селе расположился немецкий штаб, — сказал командир полка, глядя на карту. — Нужно добраться туда, захватить «языка». Задание трудное, но выполнимое. На его подготовку отводится очень мало времени — всего три часа.

Под покровом ночи группа в семь человек во главе с лейтенантом Каминским спустилась к речке Копачанка и стала подниматься вверх по течению. При подходе к селу Реча встретили разведку нашей 15-й мотострелковой дивизии. Уточнив расположение противника, повернули на запад и вышли к истокам Глодянки. Перебегая от дерева к дереву, подошли к селу Стырча, огляделись.

— Что видите, Эльясов?

— Значит, так: вижу сарай, кустарник, дом и часового с автоматом.

— А возле сарая в саду, наверное, минометы, — подхватил сержант Скачков.

— Точных данных, конечно, нет. Но фрицы наверняка понатыкали вокруг села огневые точки. Надо быть очень осторожными.

— Смена часовых, — прервал размышления лейтенанта сержант.

Афанасий Васильевич Лапшов был человеком опытным, с фашистами ему пришлось встречаться еще в Испании, где командовал одним из интернациональных полков. Лапшов всегда находился в первых рядах и на самых трудных участках. Его героизмом восхищались не только бойцы и командиры 109-го полка, слава о нем шла по всем соединениям 48-го корпуса.

Успеху полка немало содействовала полковая разведка. Всегда веселый и энергичный командир разведвзвода Каминский был отважным и находчивым. Однажды вечером вызвал его к себе ко-

— Пора, — тихо сказал лейтенант. Сержант и два бойца отделились от группы и поползли к дому, за которым наблюдали уже около часа. В сад проникли через небольшую дыру в заборе. В это время патрульный как раз огибал угол дома. Удар — и вражеский солдат повалился на землю. Несколько минут потребовалось для того, чтобы Симоненко переоделся в немецкое обмундирование.

Сержант подал сигнал. Подошли все остальные. Прислушались. Вокруг тихо. Вдруг из темноты донесся еле уловимый шорох. Затем кто-то на ломаном русском языке прошептал:

— Товарищи!.. Товарищи красноармейцы!

Лейтенант вцепился в шершавую рукоять нагана и навел дуло на кусты. Из кустов высунулась вихрастая голова мальчугана.

— Ты откуда взялся? — шепотом спросил лейтенант.

— Меня первым приняли в пионеры, — тоже шепотом ответил мальчик.

Все поняли и переглянулись.

— Идемте, в нашем доме пьяные немцы спят, — не дожидаясь ответа, мальчик зашагал к дому.

— Сержант! Ждите нас здесь, — тихо сказал лейтенант, взял трех бойцов и пошел за мальчиком. Вошли в комнату. На столе горит коптилка, стоят стаканы с недопитым вином. За столом спит офицер, а на полу — солдат.

Лейтенант подошел к немцу, поднял его голову и быстрым движением нажал на челюсть — во рту оказался кляп, затем обезоружил и связал его. То же самое сделали и с другим немцем. Вытащили на улицу, где уже ждал сержант. Солдаты их подхватили и стали спускаться к речке. Мальчика звали Колей. Он просил, чтобы бойцы взяли его с собой. Но этого сделать было нельзя.

По распоряжению командира дивизии Ф. Е. Швердина немецкого офицера отправили в штаб корпуса. Сопровождали его разведчики. Там он дал ценные показания.

Благодаря мужеству и отваге лейтенанта Каминского и его разведчиков удалось проникнуть в штаб 5-й дивизии королевской Румынии и захватить ценные штабные бумаги. У села Пынзарены разведчики были задержаны.

«Как быть? Что предпринять?» — Каминский на минуту задумался. Мгновенно мелькнула мысль.

— Гони! — закричал лейтенант и выстрелил в упор в идущего впереди офицера, а в самую гущу солдат полетела граната. Лошади сорвались с места и понеслись по дороге. На задней повозке успели достать автоматы и открыли по немцам огонь. Проскочив благополучно село, свернули на проселочную дорогу, ведущую к глубокому оврагу. Вскоре мино-

вали широкую балку. Опасность подстерегала на каждом шагу. Их спасение — темнота, но она наступала томительно медленно. Бросили лошадей и повозки, а сами стали пробираться от оврага к оврагу в направлении к части.

Наконец вдаль в сероватой мути показались очертания строений. Это был последний рубеж, который осталось преодолеть.

Разведчики очень осторожно пробирались вперед, пока не заметили на дороге медленно шагавшего немецкого часового.

— Пименов, Шаманян, Корабельников, Сенаторов, — прошептал Каминский, — убраться!

Двадцать-тридцать метров, отделявших их от часового, они проползли, плотно прижимаясь к теплой земле. Притаились. Вот фашист остановился, зажал коленями автомат, достал из кармана сигарету. Вспыхнул огонек. В этот момент Пименов стремительно накрыл гитлеровца мешком и резким ударом приклада свалил на землю. Все это произошло без единого звука. После этого группа вышла в нейтральную полосу, затем — в расположение своей части. Захваченные разведчиками штабные бумаги и собранные ценные сведения о расположении противника послужили материалом при разработке планов боевых действий войск 9-й армии на территории Молдавии.

Во второй половине дня 5 июля противник попытался с ходу сломить сопротивление 109-го полка. Но все атаки его были отражены, а 3-й батальон старшего лейтенанта Дехтерея вклинился в его боевые порядки, глубоко зайдя в тыл. За этот день было отбито шесть атак противника и несколько налетов вражеской авиации. Дух бойцов и командиров противнику не удалось сломить. Ночь прошла необычно спокойно.

Рано утром 6 июля, как по сигналу, с первыми лучами солнца немецкая артиллерия и минометы открыли массированный огонь по позициям полка. Осколки вражеских снарядов с визгом пролетали над головами бойцов, прижимая их к земле. Черные столбы пыли оседали на огневых точках, окопах, ослепляя людей. Но неожиданно огонь прекратился. Наступила зловещая тишина. Через несколько минут противник снова открыл бешеную стрельбу из пулеметов и автоматов: пошел в атаку.

Глаза воинов устремились вперед. Они напряженно ждут, считают: пятьсот, четыреста, триста, наконец, двести метров.

— Огонь! — послышалась команда помощника начальника штаба Ровенского. Заработал «максим». Бойцы открыли дружный огонь из винтовок. Противник дрогнул. Некоторые

падали, сраженные метким огнем, другие — от страха быть сраженными. Румынские офицеры пытались поднять солдат, но им это не удавалось. Из-за пригорка показались с автоматами наперевес, с засученными до локтей рукавами немцы.

Огонь воинов ослаб. Воспользовавшись замешательством, немцы бросились в атаку. Расстояние быстро сокращалось. Уже можно было разглядеть их наглые, самоуверенные лица. Неожиданно для всех с гранатой в руке, с санитарной сумкой через плечо выскочила из окопа невысокого роста, черноволосая девушка. Это была наша медсестра Мария Григорьевна Варламова. Звонко прозвучал ее голос:

— За мной! За Родину!

Затем бросок гранаты. Взрыв. С криком «ура!» бойцы бросились в контратаку. Началась рукопашная схватка. Взрыв гранат сливался с криками раненых, выстрелами автоматов, пистолетов, ударами прикладов. Земля окрасилась кровью. Напряженность схватки усиливалась. Противник бросает в бой все новые и новые силы. На помощь воинам спешат взвод разведчиков Каминского, бойцы полковой школы во главе с лейтенантом Степановым и штабные офицеры. Всех их ведет начальник штаба полка Сидоров. Но все же 3-й батальон дрогнул.

В этот критический момент лейтенант Я. М. Ровенский вырвался вперед и с подоспевшим взводом устремился на врага, увлекая за собой бойцов.

Противник не выдержал натиска, начал поспешно отступать. Атака отбита, но в ней мы потеряли немало наших бойцов. Была легко ранена и Мария Варламова. Бойцы вынесли тяжело раненного Я. М. Ровенского с поля боя на руках и осторожно положили на разостланную палатку. Он открыл глаза, посмотрел на окружающих, медленно поднялся и, пошатываясь, направился к окопам. Но в это время одна из мин противника разорвалась прямо у его ног. Вечером бойцы похоронили его останки на окраине села Стурдзены возле одинокого старого ореха.

В этот день было отбито еще несколько атак противника, но полк твердо стоял на занятых рубежах. Ночью прибыло новое пополнение из мобилизованных. Их распределили по батальонам.

В первой половине дня 7 июля фашисты несколько раз делали попытку прорвать линию обороны полка, но успеха не имели: артиллеристы под командованием старшего лейтенанта Антонова вели огонь прямой наводкой, уничтожали огневые точки противника, метко поражали шрапнелью пехоту.

Полк понес большие потери. Некоторые роты насчитывали по 30—40 человек личного состава. Противник бросал в бой все новые и новые силы. Командир полка Лапшов принял решение: комиссара полка направить в 1-й батальон, начальника штаба капитана Сидорова в 3-й. Сам он находился во 2-м батальоне. Это давало возможность быстро и оперативно решать вопросы на месте.

Ровно в 12 высоко в небе появляется «рама». Поблескивая на виражах стеклами кабины, долго старательно кружит над расположением полка, затем медленно уплывает на запад. Час спустя прилетают «хейнкели». Их стали отличать по крыльям и моторам. Они плывут высоко, углом вперед, затем начинают сбрасывать бомбы. Все забиваются в щели, ругаются и, скосив глаза, считают. Уже знают, что сбросят они бомбы не все сразу, сделают еще несколько заходов, а в последнем заходе устрашающе загудят сирены. Как только самолеты отбомбили, наблюдатель доложил:

— Отходит 3-й батальон, на него идут 30 немецких танков, а за танками следует пехота противника.

Лапшов встал, поправил кобуру и крикнул:

— Тачанку!

На ходу вскочил, и она понеслась к расположению отходящего батальона. Не останавливая лошадей, Лапшов закричал:

— Куда идете? По домам?

Бойцы, увидев командира полка, залегли, затем заняли свои позиции.

Вскоре из-за пригорка показались три стальных громадины. Головной танк, сердито урча, развернулся и пошел прямо на окопы. Бакир Мамедов навел противотанковое оружие. Выстрел, еще выстрел. Танк остановился. Полетели бутылки с зажигательной смесью. Над танком взвился дымок, показались языки пламени.

— Горит! Горит! — слышались радостные возгласы.

К машине подбежали немецкие автоматчики, но пулеметный огонь заставил их отойти. Другой танк повернул налево, лязгая гусеницами, переваливаясь с боку на бок, ползет прямо на окопы. Хорошо виден черный крест. Фашистский танк подошел очень близко. Стоявший в окопе Мовосян Анушеван швырнул связку гранат.

— Гранаты! Давайте гранаты! — непрерывно кричал он.

Политрук Лазарев подал Мовосяну несколько гранат. Снова загроыхали взрывы. Порванная гусеница танка, словно огромная змея, со скрежетом растянулась по земле, а танк, пройдя по инерции несколько метров, остановился. Остальные танки, маневрируя, открыли ураганный огонь. Наши бойцы после нескольких удачных выстрелов из 45 мм

пушки поразили еще два танка. Несколько танков, ведя на ходу огонь, прорвались и двигались прямо на артиллеристов. В это время недалеко от них находился Лапшов. Он подбежал к одной из пушек, где погиб почти весь расчет, сам зарядил пушку и, не наводя, выстрелил. Танк остановился. За короткий промежуток времени Лапшов успел перезарядить и еще раз выстрелить. Танк загорелся. Остальные повернули обратно.

Еще не успели отбить атаку на левом фланге, как под ударами превосходящих сил противника в 1-м батальоне дрогнула третья рота, которая состояла из молодого пополнения. Создалось весьма тяжелое положение. Но вот в боевых порядках появился комиссар полка И. М. Колесов.

— За мной, вперед, за Родину! — произнес он звонким голосом и первым поднялся в контратаку, увлекая за собой бойцов. Вскоре положение выравнилось. Следуя за любимым комиссаром, красноармейцы обратили фашистов в бегство.

Затем без всякой подготовки немцы вновь переходят в атаку. Батальон отстреливается четырьмя пулеметами. Солнце светит из-за спины. Стрелять удобно. Но вот в бой вступают немецкие минометы. Одна мина разрывается в нескольких шагах от комиссара. Обстрел длится минут двадцать. Когда немцы перенесли огонь в глубь обороны, комиссар, упираясь локтями в землю, подполз к воронке. Немцы вновь перешли в атаку. Началась рукопашная схватка. Не выдержав, батальон начал отступать. В это время Маруся Варламова подбежала к раненому комиссару, помогла ему подняться, стала спускаться с ним по склону к речке Копачанка. К ней подбежали два бойца и унесли комиссара в укрытие.

Он поворачивает голову к одному из бойцов. Губы его шевелятся:

— Питть...

Элин Ахмедов побежал к речке. Набирая воду, услышал взрыв. Бросился обратно. На том месте, где лежал комиссар, чернела воронка.

Элин полз, пробираясь сквозь кусты. Полз и плакал без-

Б. Лазарев.

мольными солдатскими слезами. Потом встал во весь рост и пошел. В одном из оврагов встретил нескольких бойцов и старшего лейтенанта Маевского. Ахмедов подошел к нему и пробормотал несвязно:

— Комиссар... Снаряд...

Все молча сняли пилотки и, склонив головы, медленно направились к себе в подразделение.

Наступила темнота. Бой окончился. Маевский доложил командиру полка о смерти И. М. Колесова.

Лапшов приказал найти останки комиссара. Разведчики полка обшарили всю местность, уже занятую противником, но безрезультатно. Рано утром возле могил товарищей был проведен траурный митинг, где присутствовал и командир дивизии Ф. Е. Швердин. На этом митинге чонгарцы поклялись отомстить за своих товарищей.

Полк отступал, оказывая сопротивление противнику на каждом шагу.

Возле села Сингурены пулеметчики полка заняли у моста, на левом берегу реки Реут оборону. Под их проливным пулеметным огнем немало полегло солдат противника. Только два пулеметчика сумели удержать около батальона фашистов. Они погибли, но дали возможность полку подготовиться и занять рубежи северней города Бельцы. Тела этих двух смельчаков местные жители бережно перенесли и похоронили на кладбище.

Сражение за город продолжалось два дня. В бою за Бельцы мужественно вели себя полковые и дивизионные артиллеристы. Удачно расположенные северо-восточнее города дивизионы 106-го гаубично-артиллерийского (ГАП) и 81-го легко-артиллерийского (ЛАП) полков метким огнем контролировали подступы к городу со стороны Фалешт, Рышкан, Глодян. Как только на дороге появлялись машины или подразделения противника, они сразу попадали под обстрел.

10 июля немцы окружили артиллеристов. Тогда командир 2-й роты 110-го отдельного саперного батальона (ОСБ) Шатько и политрук Лоханский сформировали группу для контратаки, в которую вошли подразделения саперного батальона и разведвзвода, а также батальон связи.

Во время контратаки понесли большие потери, но артиллеристам удалось выйти из окружения, вывезти орудия и присоединиться к своим частям.

11 июля все части 48-го корпуса вышли на рубежи речки Кайнар и расположились на линии от села Изворы до села Гура-Кайнары, а затем по реке Реут до села Гиндешты.

В самые жаркие июльские дни, когда зажелтели поля пшеницы и ячменя, наполнились ароматом груш и яблок фруктовые сады, на которые так щедро Молдавия, разгоре-

лись кровопролитные сражения. На небольшой речушке Кайнар дрались с превосходящими силами врага дивизии генерала Галактионова и полковника Швердина.

В ночь на 12 июля начальник штаба Батюня вызвал к себе полковника Марцинкевича и командира танковой бригады, которая только прибыла на усиление из механизированного корпуса генерала Ю. В. Новосельцева, поставил им задачу вывести два полка и танковую бригаду на рубеж Изворы и контратаковать в направлении станции Дрокия.

В 5 часов утра подан сигнал. Танковая бригада, полки двух дивизий устремились вперед. Удар оказался таким внезапным, а натиск — яростным и мощным, что передовые части гитлеровцев были смяты. Правда, незначительное время они оказывали сопротивление, но наши части, сломив его, с ходу взяли село Болбочи и отбросили врага на северо-запад. Противник оставил на поле боя много убитых и раненых, десять подбитых танков и стрелковое оружие.

В период прорыва боевой энтузиазм охватил всех бойцов и командиров. Заместитель командира 176-й дивизии лично повел бойцов в атаку. Командир роты лейтенант Виноградов из 78-го полка в схватке с тремя фашистскими офицерами был ранен, но продолжал действовать: отбил немецкий пулемет, из которого расстрелял многих гитлеровских солдат.

Красноармеец Макацирян и младший сержант Масашили из 109-го полка дважды были ранены, но не ушли с поля боя.

Контратака танковой бригады и отдельных частей корпуса дала выигрыш во времени для подготовки планомерного отхода на новый рубеж обороны.

109-й полк в составе дивизии отходил по дороге на Флорешты вдоль реки Реут и занял оборону возле сел Гура-Каменка — Гиндешты. В пути следования командир полка Лапшов узнал от местных жителей, что в Маркулештах солдаты противника зверствуют и совершают погромы. Тогда он вызвал лейтенанта А. Феденко, политрука И. Тарана и поставил задачу: оказать помощь жителям Маркулешт, избавить их от мародеров.

На рассвете отряд в количестве 170 человек пошел к станции Маркулешты и расположился между железной дорогой и шоссе. Лейтенант Николаенко с небольшой группой, вооруженной тремя станковыми пулеметами, обошел Маркулешты с западной стороны и вышел к дороге, идущей на Путинешты, где занял выгодную позицию. Слева вдоль изгиба Реута выходил отряд во главе с политруком Тараном.

В 7 часов утра без сигнала, одновременно с трех сторон начали наступление. Короткими перебежками, ползком к селу приближался отряд лейтенанта Феденко.

Немцы оказались сразу же за железной дорогой. Пути идут почти у самого невысокого берега Реута, где стояла застывшая вереница цистерн. Справа застрочил наш пулемет, слева, прямо из-под колес, заработал автомат. Лейтенант, прижавшись лицом к рельсу, старался рассмотреть, где немцы. Перпендикулярно к путям — улица, немощеная, страшно кривая. Из нескольких домов через разбитые окна и сорванные двери валил дым. Налево виднелись обгоревшие сарай, откуда немцы открыли огонь из пулеметов. Надо успеть пробежать через дорогу в промежутке очередей!

Несколько пуль щелкают в цистерну, над самой головой.

— Пора... — сказал лейтенант и подал сигнал. Все бегут прямо на дома. Справа и слева кричат. Трещат автоматы, слышны взрывы гранат.

За поворотом улицы немцы. Короткий напряженный бой. Затем на улицах кое-где стали появляться жители. При осмотре некоторых домов обнаружили убитых и замученных советских граждан. В основном это были евреи.

К этому времени политрук доложил, что из Путинешт движется походным строем противник, до батальона солдат.

Решили дать бой.

Весь отряд сосредоточился в северо-западной части села. Для маскировки использовали огороды, сады, поля кукурузы и подсолнуха. Выгодно занятая позиция давала возможность нанести противнику удар неожиданно.

Как только немцы подошли к одному из сараев, расположенных возле дороги, братья Ивановы открыли огонь из двух станковых пулеметов. Это немцев ошеломило. Они рассчитывали, что здесь находятся их части. Лейтенант Николаенко со взводом пулеметчиков открыл огонь в хвост колонны немецкого батальона, затем полетели гранаты, дружно ударили автоматчики, руководимые политруком Марченко. Бой длился 30 — 40 минут. Противник не выдержал и сдался. В числе других в плен попал и командир батальона, от которого узнали, что в его подразделении насчитывалось около 800 солдат и офицеров. После такого успешного боя отряд с трофеями и пленными немцами возвратился в расположение полка, в Гиндешты.

13 июля. День выдался знойный. На небе не появлялось ни одного облачка, и щедрое молдавское солнце с самого утра палило землю.

Из-за Реута то и дело доносились раскаты орудий, взрывы гранат, трескотня автоматов. Там вели бой подразделения 2-го кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова.

Во второй половине дня противник подошел к правому берегу Реута и остановился. Спустя приблизительно час он начал свои действия с артиллерийского и минометного об-

стрелов. Затем противник открыл мощный пулеметный огонь по нашему берегу. Пехота врага начала форсирование небольшой речушки.

Стрелки, автоматчики, пулеметчики встретили наступающую пехоту врага дружным огнем. Атаку противника отбили с большими потерями для него.

Выгодно занятый 109-м полком рубеж давал ему возможность до самого вечера отражать атаки наступающего противника.

На следующий день командир полка Лапшов получил приказ: прикрыть отход дивизии и обеспечить переправу через Днестр в районе Рыбницы.

Отражая наступление противника, полк своей маневренностью изматывал его силы, уничтожал технику и живую силу. Полк часто переходил в контратаки и отбрасывал фашистов на несколько километров назад. Такие действия полка сковывали большие силы противника и не давали ему возможности вести наступление.

В этих боях особенно отличились артиллеристы. Они прямой наводкой уничтожали огневые точки, пехоту, машины противника. Начальник полковой артиллерии лейтенант Антонов лично уничтожил с первого выстрела наблюдательный пункт на колокольне села Гура-Каменка.

1-й батальон несколько раз атаковал врага, засевшего в селе Каменка. В одной из них пулеметный огонь противника преградил путь батальону. Капитан Анищенко с гранатой и пистолетом в руках бросился к сараю, откуда строчил пулемет гитлеровцев. Перепрыгнув через канаву, он споткнулся и упал ничком; почти одновременно послышался свист, затем оглушительный грохот двух взорвавшихся мин.

Когда дым и черноватая пыль немного рассеялись, все увидели, что капитан лежит в той же позе, лицом вниз.

Политрук Лазарев и военфельдшер Варламова бросились к нему. Вслед за ними с криком «ура-а!» поднялись в атаку бойцы. Политрук и фельдшер осторожно взяли Анищенко и положили на уже присохшую траву. Капитан широко открытыми глазами смотрел на светлое небо, по которому плыли рваные облака.

— Капитан, — тихо позвала Маруся и начала бинтовать голову.

— Не спасайте меня... Только очень прошу — сообщите Фиме и моим детям Ване, Мите, Ниночке и маленькой Люсе... — совсем тихо сказал Анищенко. Затем еще что-то прошептал, но никто уже не мог разобрать.

Бой кончился. Солдаты и командиры медленно подходили к своему любимому командиру, снимая головные уборы.

М. Варламова.

И. Изотов.

Лазарев с трудом извлек из застывших пальцев пистолет и вложил его в кобуру. Снял с головы пилотку и накрыл лицо.

Капитана хоронили на левом берегу реки Реут у самой скалы, возле села Гиндешты. Прямо на скале один из бойцов нарисовал фиолетовым карандашом пятиконечную звезду, а политрук Таран вывел гвоздем:

«Григорий Андреевич Анищенко. Погиб 14.7.1941 года».

В суровой задумчивости стояли бойцы и командиры 1-го батальона вокруг могилы, слушая прощальное слово комиссара полка И. С. Изотова (он был назначен после смерти И. М. Колесова). Здесь же, на могиле комбата, многие воины батальона подали заявления о приеме в партию.

На второй день, выполнив поставленную командиром дивизии задачу, полк стал отходить юго-восточнее села Гиндешты и по глубокому оврагу вышел к трем курганам. Не доходя до них 300—400 метров, неожиданно попал под ураганный минометный огонь фашистов.

Не теряя времени, полковник Лапшов повел вперед взвод разведчиков и один из батальонов. С ходу овладели двумя курганами. Возле курганов захватили 12 минометов и большое количество боеприпасов. Третий курган, расположенный в одном километре восточнее оврага, удалось взять с большим трудом только к вечеру.

Вскоре противнику удалось окружить полк с трех сторон. Кольцо окружения постепенно сжималось. С наступлением темноты пришлось сформировать отдельные боевые отряды

Начальник политотдела дивизии С. Воронков (первый справа) подписывает партийные билеты.

для прорыва. Во второй половине ночи неожиданно для противника нанесли удар, и полк, сохраняя технику и живую силу, вышел из окружения. А утром подошел к Резине, к месту переправы дивизии.

Это была единственная переправа. Проходила она через железнодорожный мост, переброшенный через Днестр от Резины к Рыбнице. Для удобства переправы людей и гужевого транспорта саперы между шпалами уложили щиты.

Над переправой постоянно висели немецкие самолеты и сбрасывали множество бомб на мост, но бомбардировка была малоэффективной. Тогда они делали новые заходы и поливали войска и гражданское население свинцовым дождем.

Когда полк вдоль реки Черной подошел к переправе, командир полка вызвал Д. С. Яценко и приказал всю боевую технику и гужевой транспорт переправить у Резины.

Подразделения на подручных средствах переправили в десяти километрах севернее Резины. Вражеские самолеты там не появлялись.

На левом берегу Днестра полк занял оборону между селами Белочи и Большой Молокиш.

В районе Скулян, Фалешт, Бельц, Гиндешт и во многих других местах нашей цветущей Молдавии слышится рокот

моторов. Но это не рев моторов вражеских самолетов и танков, от которого стынет кровь в жилах. Это работают колхозные тракторы, готовя поля к весеннему севу. В тех местах, где проходили жестокие бои, теперь колосится пшеница, разбиты новые фруктовые сады. Земля Молдавии дарит труженикам гроздь янтарного винограда. По вечерам колхозники собираются в хороводы и танцуют задорную «молдовеняску».

Постарайтесь побывать в Бельцах. Там, где вдоль улиц тянулись развалины домов, теперь высятся многоэтажные здания, строятся новые промышленные предприятия, кино-театры, гостиницы, вновь алеют розы. Город с каждым днем становится все красивее и моложе.

Время все дальше и дальше отодвигает от нас события первых дней войны. Многие кажутся сегодня уже далеким-далеким прошлым. Многие забываются.

Только память о павших бойцах не тускнея живет в сердце каждого из нас. Разве можно забыть подвиги Героя Советского Союза А. В. Лапшова, комиссара полка И. М. Колесова, помощника начальника штаба Я. М. Ровенского, фельдшера Марусю Варламову, ходившую не раз вместе с бойцами в атаку, командира 1-го батальона капитана Г. А. Анищенко и тысячи тех, кто отдал за Родину самое дорогое для человека — жизнь.

Многие из бывших солдат и командиров 48-го корпуса сейчас живут и трудятся в селах и городах нашей необъятной социалистической Родины.

А. МИСОЧНИК,
подполковник запаса

МЫ УШЛИ, ЧТОБЫ СНОВА ВЕРНУТЬСЯ

В предрассветной дымке. К вечеру подул ветерок, и сразу посвежело. Улицы, скверы и бульвары заполнились нарядно одетой публикой. Нарядно выглядел и Кишинев. Воссоединенный в единой семье братских народов Советской страны, чудесный молдавский край готовился в эти дни отметить свою первую годовщину свободной и счастливой жизни. В этот июньский вечер ничто не омрачало настроение людей.

...На рассвете по всей западной границе СССР, с севера до юга, враг вероломно ворвался на нашу землю. Началась Отечественная война.

В четыре часа утра фашистские бомбардировщики сбросили смертоносный груз на спящие мирные города и села нашей Родины. Бомбили Киев, Днепропетровск, Львов, Минск, Одессу, Кишинев и другие промышленные и административные центры.

В предрассветной дымке на улицах Кишинева первыми появились военные и милицйские офицеры. Все спешили в свои подразделения.

В пять часов утра в здании Наркомата внутренних дел Молдавской ССР собрался начальствующий состав. Зал был переполнен. Совещание проводили народный комиссар полковник Дмитриенко, начальник пограничных войск генерал-майор Никольский и зам. наркома (он же начальник республиканского управления милиции) полковник Орлов.

— По заданию партии и правительства создаются истребительные батальоны, — сказал нарком. — Их задача — вылавливать вражеских парашютистов, диверсантов, лазут-

чиков, шпионов, засылаемых в наши города и села. Выделяются группы для тушения пожаров, охраны общественного порядка, а также для эвакуации населения и государственного имущества.

Нарком коротко рассказал о составе и задачах истребительных батальонов.

— Вы являетесь ядром истребительных батальонов, — сказал он. — Руководящие работники наркомата и управления милиции будут назначены командирами, их заместителями по разведке — офицеры-пограничники, комиссарами — секретари райкомов партии. Они уже получили установку Центрального Комитета партии Молдавии и действуют на местах.

Затем последовали назначения.

— Майор Сальков. Вы направляетесь в Сороки, с вами офицер-пограничник...

— Старший лейтенант Беккер назначается командиром Скулянского батальона. Ваш заместитель пограничник капитан...

— Капитан Лебедев — Котовск... Майор Ляхов...

— Всем понятна задача? — спросил полковник Орлов.

— Ясно! — раздались возгласы с мест.

— Действуйте! Поддерживайте связь с нами.

После совещания мы стали получать документы и оружие.

В 11 часов командиры уже держали курс в уездные центры республики, а оттуда к местам назначения. Большая часть начальствующего состава осталась в Кишиневе. Офицеры вошли в состав столичного и кишиневского сельского батальонов.

...По пыльным дорогам Молдавии в сторону фронта спешили колонны военных машин. В небе не утихал гул самолетов, тяжело ухали бомбы. На Пруте шли напряженные бои.

Охраняли каждую улицу, каждый дом. В первые дни войны в столице республики был создан истребительный батальон. Командиром его утвержден начальник оперативного отдела управления милиции майор Старшов. Начальником штаба назначен капитан, бывший летчик, участник испанских событий А. П. Мухин. Для проведения политико-воспитательной работы в батальоне политотдел республиканской милиции выделил старшего инструктора Петра Шубина.

В батальон вошло около 500 коммунистов — руководителей предприятий, учреждений, рабочих и служащих, работников партийных и советских органов Кишинева, еще не призванных в армию, и работники милиции. Все они распределены по взводам и группам, вооружены винтовками, пистолетами, гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Штаб батальона разместился в гостинице «Красная Звезда», находившейся на углу улиц Пушкина и Шмидта.

Много различных функций выполняли бойцы-коммунисты. Всюду они показывали образцы стойкости в борьбе с фашистами. Ночью и днем патрулировали по улицам города, вместе с милицией поддерживали общественный порядок. Однажды ночью патрулирующие на Купеческой улице возле электростанции бойцы заметили, что с чердака одного дома подавались световые сигналы пролетающему в то время немецкому разведывательному самолету. Бойцы окружили дом. На чердаке обнаружили лазутчика. Он подавал сигналы электролампочкой через отверстие в крыше.

К сожалению, это был не единичный случай. Подобных преступников задерживали на чердаках домов на Армянской, Киевской, Измайловской и других улицах.

Зенитчики подбили пролетающий над Днестром самолет противника. Он стал снижаться в направлении Кишинева. К месту приземления самолета немедленно выехали две автомашины с бойцами. Мы окружили виноградники. Вдали от нас догорали остатки самолета. Долго искали летчика, который уже успел спрятаться в каком-то шалаше. Но ему не удалось ускользнуть от бдительных советских людей. Юноши, пасшие поблизости скот, сказали нам, где он спрятался. Вскоре он был взят в плен.

Сбитого летчика доставили в Наркомат внутренних дел. В подвале, где был оборудован командный пункт, летчика допрашивал полковник Орлов. Фашист держался высокомерно, на допросе вел себя нахально, вытянувшись во весь рост и поднимая правую руку вверх, кричал:

— Хайль Гитлер!

— Хватит здесь орать, — пригрозил ему полковник. — Выкладывайте, из какой вы части, где она дислоцируется? Но он молчал.

Орлов догадался, что он не понимает русского языка, и позвал переводчика Михаила Фокшанского.

— Откуда летите? — спросил его переводчик.

— Бомбил тираспольский мост через Днестр, — сквозь зубы процедил он. — Меня подбили, не дали дотянуть до своих, но мы, немцы, победим вашу страну.

На месте задержания летчика нашли парабеллум без патронов и пакет с его документами. Наличие документов помогло выяснить и некоторые более подробные сведения о пленном.

В первых числах июля на углу улиц Александровская и Пушкина была сброшена бомба. Летчик метил в водонапорную башню в Фонтанном переулке, но бомба угодила в переполненный вагон трамвая. На помощь пострадавшим

прибыли бойцы батальона. Они оказали раненым первую помощь, погрузили их на автомашины и доставили в больницу.

В последующие дни участились налеты вражеских бомбардировщиков. Бомбы разрушили жилые дома на Измайловской, Бендерской улицах. На помощь пострадавшим приходили коммунисты Петр Шубин, Иван Назарко, Иван Бойцов, Иван Уманец и другие. На углу улиц Киевской и Мещанской от зажигательной бомбы ночью загорелся дом № 86. Через несколько минут мы были уже там. До прибытия пожарной команды спасали раненых, выносили вещи, а затем оказывали содействие пожарникам в ликвидации очагов пожара.

В то время я работал помощником начальника политотдела управления милиции по комсомолу и занимался эвакуацией семей работников милиции, граждан столицы и документов. Под бомбежкой и обстрелом встречали мы на вокзале женщин, детей, стариков и усаживали их в вагоны.

Бойцы нашего батальона ежедневно, днем и ночью, несли бдительно службу по наведению общественного порядка в Кишиневе. Они участвовали в ликвидации десанта на станции Ревака и проческе Куприяновского леса. В этих операциях было задержано и уничтожено до шести десятков немецко-фашистских десантников.

Но не только охраной столицы занимался наш батальон. Из его состава выделялись оперативно-маневренные группы и направлялись для оказания помощи периферийным батальонам.

В Дубоссары была послана группа в составе офицеров Ивана Москаленко, Николая Тараканова, Ивана Ковытева, Николая Карайчева, Михаила Коноплева, Ивана Хмелева и других, которые в течение четырех суток искали парашютистов, брошенных немцами в тыл с разведывательной целью. После упорных поисков удалось задержать нескольких немецких разведчиков.

В Чимишлийском районе появилась банда. В ликвидации ее также участвовала оперативная группа из столичного батальона. В ее состав вошли лейтенанты Платон Гончарук, Григорий Кузнецов, Федор Любченко, старшие лейтенанты Яков Шляхман, Иван Нарожный и другие.

Странные «родственники». Поздно ночью 26 июня в дежурной комнате Наркомата внутренних дел раздался телефонный звонок.

— Говорит командир Бужорского истребительного батальона Давыдовский. Прошу срочно соединить меня с полковником Орловым.

Его просьба тут же была выполнена.

— У телефона Орлов. Я вас слушаю.

— Товарищ заместитель наркома, докладывает старший лейтенант Давыдовский. В селе Лапушна мы задержали двух шпионов. У них рация, и они имеют важное задание. Что с ними делать?

— Охраняйте их хорошо. Сам разберусь. Выезжаю к вам.

Через два часа в Лапушну прибыл Павел Александрович Орлов. Вместе с ним и бойцы Кишиневского истребительного батальона Андрей Буша, Василий Бардиевский и другие.

...Вечерело. Жители Лапушны возвращались с работы домой. Ожили улицы села. Тарахтели подводы, раздавались оживленные голоса.

И тут со стороны плавневых садов, находившихся на берегу Прута, вышли два молодых парня, оба в поношенной крестьянской одежде. У одного в руках торба, у другого — корзина.

Шли они медленно, изредка оглядываясь по сторонам. У окраины села, прежде чем выйти на улицу, стали о чем-то переговариваться.

Здесь проходили бойцы истребительного батальона. При виде их незнакомцы замолчали и поспешили свернуть в сторону.

— У нас в селе как будто таких нет, — шепотом сказал один из бойцов.

— Видно, приезжие, — ответил в тон ему второй. — Надо остановить их и проверить.

А незнакомцы тем временем уже успели ускоренным шагом отойти метров 200—300 и скрылись за углом. Но их быстро догнали.

— Граждане, стойте! Кто вы такие? — по-русски спросил один из бойцов.

— Откуда? Куда идете? — в упор спросил второй по-молдавски.

— Мы идем к родственникам, — коротко ответил по-молдавски человек с корзиной в руках.

— Кто ваши родственники? Где живут?

Растерявшись, незнакомцы замолчали.

— Пройдите с нами.

Задержанных доставили в штаб батальона, находившийся в помещении райкома партии. Здесь их сразу допросили. На вопросы они отвечали невразумительно. Не знали, кто их родственники и где живут. Это еще больше насторожило бойцов.

— Что у вас в корзине и торбе? — спросили их.

— Тряпки...

— Продукты...

Им предложили выложить содержимое. На столе появились хлеб, консервы, тряпки. Когда из глубины корзины извлекли завернутую в старенький пиджак портативную рацию немецкого производства, все присутствующие переглянулись.

— Вот тебе и «родственники»... — произнес кто-то вслух.

При обыске у них обнаружили новенькие вальтеры и к ним запасные обоймы, пачку советских денег, паспорта и другие документы.

Спустя некоторое время «родственники» рассказали нам, что являются агентами немецкой разведки, а сюда посланы с целью сбора сведений о наличии и продвижении к границе советских воинских частей. Эти сведения они должны были срочно передавать по радию в Плоешты, где якобы находится их резидент для связи.

— ...Докладывайте, кого задержали, что у них узнали, — прямо с порога приказал Орлов старшему лейтенанту Александру Давыдовскому. Выслушав доклад, он распорядился:

— Приведите задержанных сюда, поговорим.

Через переводчика Орлов задал им несколько вопросов, еще раз перепроверил, что они успели сделать для выполнения задания. Затем он предложил им настроить рацию и связаться со своими «хозяевами».

Им дали текст для радиogramмы. Заработал передатчик, шпионы вышли в эфир. Но попытки наладить связь с Плоештами не увенчались успехом. И только к вечеру доставленные в Кишинев пленные немецкие разведчики сумели связаться со своими «хозяевами» по радию.

Советская разведка получила от них ценные данные и навела разведку противника на ложный путь.

Бдительно несли службу по охране города Николай Самчук, Степан Костюков, Ефим Корнобай, Степан Янученко, Григорий Занимонец и многие другие. Выполнив ответственное задание партии, большинство их ушло в Красную Армию и мужественно сражалось на фронтах Великой Отечественной войны.

Немало сделал для охраны Кишинева и сельский истребительный батальон, командиром которого был начальник отдела управления Г. Н. Кульчицкий, а комиссаром — секретарь Кишиневского РК КП(б)М П. И. Копылов.

Как-то утром из села Дончены прибежал в райком партии местный житель. Он сообщил, что на рассвете к ним из леса прибыла группа румынских солдат. Они забрали у крестьянина бочку вина, затем ворвались в сельсовет, разгромили его и ушли опять в лес.

По горячему следу туда поспешили на «пикапе» комбат

Кульчицкий и начштаба майор-пограничник Патоличев, а на другой автомашине — группа бойцов с трофейным пулеметом. В селе очевидцы наперебой рассказывали о случившемся. Бойцы поехали и прочесали лес, но румын уже там не оказалось.

Бойцы батальона неоднократно выезжали для вылавливания парашютистов в селах района и предместьях Кишинева.

Нередко приходилось вступать в борьбу с кулачеством, оказывавшим содействие немцам.

В первый день войны в Кишиневский райком партии наряду с другими был вызван народный судья коммунист Семен Фокша. Командир батальона Кульчицкий назначил его начальником одной из истребительных групп с центром в селе Яловены.

В селе Малые Милешты группа кулаков во главе со священником пыталась настраивать население против Советской власти. Об этом стало известно товарищу Фокше. Он совместно с участковым уполномоченным милиции Ефимчуком, председателем сельсовета Бушуманским и другими активистами села Яловены выехал в село Малые Милешты. Состоялся митинг. Семен Григорьевич выступил перед крестьянами и разоблачил провокаторов. Жители тут же назвали зачинщика провокаций, священника и активных кулаков.

Штаб опергруппы разместился во дворе сельсовета. Когда однажды поздно ночью активисты выходили из здания Совета, по ним открыли огонь. Они также ответили огнем, но враги сумели скрыться.

Большую помощь опергруппам оказывали местные жители. Крестьяне села Яловены до последнего дня охраняли свое село. Они собирали продукты питания и возили их бойцам на передовые позиции, подвозили на своих подводах боеприпасы. После упорных боев на границе в районе Леушен пограничников отвели на отдых в Яловены. Их заменили регулярные войсковые части. Жители Яловен приняли пограничников как родных, оказывали им всемерную помощь.

Во время оккупации румынские жандармы жестоко расправлялись с жителями села. Они поймали заместителя председателя сельсовета Георгия Константиновича Каракуяну, который не успел эвакуироваться, избили его и затем судили, а участкового уполномоченного милиции Ефимчука убили.

Сельский батальон работал в контакте с нашим городским батальоном.

В конце первой половины июля Кишинев стал подвергаться интенсивной бомбежке. Чаще всего самолеты появлялись перед вечером. Бомбили дороги, главную улицу Александров-

скую, ныне проспект Ленина, начиная с вокзала и до Скулянской рогатки.

Особенно интенсивно фашистские летчики бомбили вокзал и привокзальную площадь, где находились люди, ожидая эвакуации. Комбат Старшов возглавил группу бойцов в составе около 80 человек. Они прибыли на машинах и оказывали содействие пострадавшим.

16 июля был самым тяжелым днем в жизни коммунистов нашего батальона. На наших глазах горели десятки зданий. Фашистские танки подходили к городу со стороны Страшенского шоссе. Наши войска, державшие оборону на Котовском шоссе, отходили.

Кишиневский истребительный батальон 17 июля получил приказ отступать на Бендеры, а сельский еще продолжал выполнять свое задание. Румынские войска 17 июля уже находились на окраине города, обращенной в сторону Страшен, и вели артиллерийский обстрел Кишинева и бендерской дороги. И только в ночь на 18 июля сельский батальон окружным путем, через Бачой, Сынжеру и другие села, отходил в сторону Бендер. Все мы знали, что уходим под ожесточенным натиском врага временно и обязательно сюда вернемся.

Через 2 дня в Тирасполе Кишиневский столичный и сельский батальоны были расформированы. Часть коммунистов призывного возраста ушла в ряды Красной Армии. Другая часть бойцов и командиров истребительных батальонов положила начало 1-му полку молдавской милиции, ставшему затем бригадой, потом дивизией милиции войск НКВД Южного фронта. Затем дивизия была подчинена Управлению войск НКВД Северо-Кавказского фронта.

Красная Армия получила достойное пополнение от молдавской партийной организации.

НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ

Н. ФРОЛОВ,
лейтенант запаса,
Герой Советского Союза

ПОЕЗДА ЛЕТЕЛИ ПОД ОТКОС

На этот вопрос ответить трудно.

— Война!

— Началась война!

— Немцы на нас напали!

Страшная весть с быстротой молнии распространилась по селу Отхожему, раскинувшемуся в широкой степи Тамбовщины. Мне шел тогда семнадцатый год. О войне имел представление по книгам и кинокартинам. На экранах мелькали лихие кавалерийские атаки и торжественные марши. «Красные» всегда побеждали «белых». Победа давалась легко, малой кровью.

Думал, что и война с немцами будет недолгой. Красная Армия, в мощи которой мы не сомневались, быстро разобьет напавших на нас фашистов. Сельские коммунисты так и говорили нам тогда.

Суровая действительность показала другое. Немцы быстро продвигались в глубь страны. Мужчины почти ежедневно уходили на фронт. В колхозе остались женщины и подростки. Отца у меня не было. Он умер за четыре года до начала войны. Два брата, Василий и Иван, находились в армии. Хозяином в доме считался я.

— Скоро и тебя возьмут, Коля, — сказала однажды мать. — Немец-то до самой Москвы дошел.

— Не буду дожидаться, когда возьмут. Пойду добровольцем.

Большинство комсомольцев села добровольно ушло в военные школы и училища или прямо в действующую армию. Мне все время отказывали, ссылаясь на молодость. Но

вот» неожиданно вызвали в Ржаксинский райком комсомола, а оттуда послали в Тамбов. Вспомнились стихи М. Ю. Лермонтова из поэмы «Тамбовская казначейша»:

Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда;
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари и мостовые,
Там два трактира есть, один
Московский, а другой Берлин.

Стихи писались более ста лет назад. Конечно, Тамбов теперь уже не тот. Город стал областным центром. Я ни разу не был в нем. Мое давнишнее желание осуществилось: я еду в Тамбов.

В то время шли обложные дожди. Мы ехали в «телячьих» вагонах. На станциях долго стояли в тупиках. Воинские эшелоны с людьми и боевой техникой нескончаемым потоком тянулись на фронт. Им давали зеленую улицу. А нам даже в тупиках, в унылую ненастную погоду, не было скучно. В нашем составе находилась преимущественно молодежь. Там и тут слышались песни «Широка страна моя родная», «Спортивный марш», «Москва майская», «Если завтра война», «Марш танкистов». Медленно, но все же мы двигались вперед.

В обкоме комсомола попал на прием к первому секретарю товарищу Мешкову. В конце беседы он заявил:

— Вот что, Коля, хотим послать тебя в Москву, на учебу.

— Какое училище? Танковое или авиационное?

— Будешь учиться подрывать вражеские железнодорожные эшелоны.

Не сразу понял, что это значит. Секретарь обкома подробно объяснил. В тылу врага действуют партизанские отряды. Им нужны специалисты, в том числе и разведчики-подрывники. После окончания учебы меня пошлют в тыл врага, к партизанам. Там буду ходить в разведку, подрывать железные дороги, эшелоны, мосты, склады, штабы и другие объекты противника.

— Согласен? — спросил секретарь.

Не знал, что ответить. По пути в Тамбов много думал о том, как может сложиться моя судьба. Но мысль о партизанах даже и в голову не приходила. Откровенно признался:

— На этот вопрос ответить трудно.

— Вопрос серьезный. Подумай и завтра скажешь,— Мешков протянул мне руку.

Думал много, но ничего не придумал. Стояло лето 1942 года. Положение на фронтах тяжелое. Гитлеровцы рвались к

Москве. Захватив огромную территорию страны, они не только использовали ее несметные богатства, но и стремились превратить советских людей в рабов. В начале года Красная Армия нанесла под Москвой мощный удар по захватчикам. Мы испытали радость первой победы, воспрянули духом. Но летом 1942 года инициатива вновь перешла в руки врага. Он захватил Придонье, нацелил удар на Сталинград. Советский народ тяжело переживал горечь отступления.

В этой обстановке я не мог не согласиться с предложением обкома комсомола. Какой же я доброволец, если откажусь пойти на трудный участок борьбы? Только трус и маловевер может не согласиться. К тому же душой чувствовал, что такое доверие оказывается не каждому.

На следующий день вновь встретился с Мешковым.

— Ну как? — коротко спросил он.

— Согласен.

Комсомольцы ежедневно уезжали из обкома в разные стороны: кто в школы и училища, кто прямо на фронт, а кто на стройки, шахты, заводы. Короткие напутственные речи, обмен адресами, вручение памятных подарков. Мне достался портсигар. Обыкновенный металлический блестящий портсигар. И хотя я не курил тогда, но подарок принял, как большую ценность.

С путевкой обкома комсомола приехал в Москву. Запомнилась столица военного времени: большая, тревожная, сдержанная. Всюду наблюдательные посты, бригады самообороны, ночные дежурства, патрули. Москва представлялась мне тогда сжатой в пружину волей миллионов советских людей, решивших выстоять и победить.

В ЦК комсомола меня направили в военный отдел. Там оказалось много народа. Пришлось ждать. От людей узнал, что принимает Шелепин. Вошел в кабинет. Встретил высокий, стройный человек. Он был подтянут, сдержан. Я подал путевку. Шелепин быстро прочитал, достал из сейфа какой-то список и пробежал по нему глазами. Оказывается, моя фамилия была уже известна в ЦК комсомола.

Короткая, но содержательная беседа. Я держался твердой и определенной линии. Все уже решено, никакого отступления назад.

В августе 1942 года началась учеба. Программа напряженная. Изучали тактику партизанской борьбы, устройство стрелкового оружия и приемы обращения с ним. Основное внимание уделялось минноподрывному делу.

Наступал новый, 1943 год. Праздник мы не отмечали. Однако в это время у меня произошли два знаменательных события: в декабре исполнилось восемнадцать лет, а в январе закончил учебу. Какой она будет, моя партизанская жизнь?

На приеме у Салогора. Живу в Москве. Нахожусь в резерве штаба партизанского движения. Читаю все, что попадет под руку о партизанах, слежу за положением на фронтах.

Все внимание приковала к себе Сталинградская битва. Шесть с половиной месяцев продолжалась она и закончилась 2 февраля 1943 года. Враг понес невосполнимые потери. Гитлеровская военная машина надломлена, наступательные возможности ее уменьшились.

Красная Армия вновь захватила стратегическую инициативу, перешла в наступление на фронте от Ленинграда до предгорий Кавказа. Освобождены Кубань, Ставрополье, Верхний Дон, прорвана блокада Ленинграда. Началась борьба за освобождение Украины. На Центральном и Северо-западном участках оккупанты выброшены из Курской и Орловской областей.

Но враг еще силен. Война в самом разгаре. Огромная территория Советской Родины оставалась под пятой фашистских палачей.

В марте 1943 года меня вызвали на беседу. Вошел в кабинет. Передо мной сидел человек лет сорока, с густыми черными бровями, прямым, резко очерченным носом. Лицо озабоченное, в глазах светились беспокойные огоньки.

Это был секретарь ЦК Компартии Молдавии Никита Леонтьевич Салогор. Поздоровавшись, он начал беседовать со мной. Говорил не спеша, просто и доходчиво. Речь шла о положении на фронтах, зверствах гитлеровцев на оккупированной территории, партизанской борьбе. После продолжительной паузы Никита Леонтьевич сказал:

— Скоро, скоро вся советская земля будет свободной. Красная Армия прикончит фашизм в его же логове.

Потом он предложил мне вылететь во вновь создаваемый отряд молдавских партизан.

— Вы согласны?

Я и не думал выбирать себе тот или другой отряд. Все партизаны делают общее дело — храбро сражаются с ненавистным врагом в его тылу. Россия, Украина, Белоруссия, Молдавия и другие союзные республики — это и есть Страна Советов.

Многонациональная советская семья ведет борьбу с немецко-фашистскими захватчиками за честь, свободу и независимость своей Родины. Солдаты, будь они украинцы или белорусы, грузины или армяне, молдаване или латыши, узбеки или туркмены, сражаясь за Москву, защищали свою родную республику, свой город, свое село. Сыны всех народов нашей необъятной страны участвовали в знаменитой Сталинградской битве, твердо зная, что уничтожают общего врага, который стремится поработить всех советских людей.

Мне поскорее хотелось попасть в тыл врага, в любой партизанский отряд, чтобы внести хоть какую-то долю в наше общее дело — разгром бандитской фашистской армии. Не задумываясь я согласился вылететь в Молдавский партизанский отряд. Никита Леонтьевич крепко пожал мне руку, пожелал счастливого пути и больших боевых успехов.

Летим! В казармах находились резервные кадры — специалисты и руководящий состав — для пополнения старых и создания новых партизанских отрядов. В марте 1943 года организационная группа в составе командира отряда М. А. Кожухаря, комиссара Ф. Ф. Бондаря, заместителя по разведке А. Г. Дручина, начальника штаба И. Г. Скороходова, помощника по материально-техническому обеспечению И. Ф. Карандеева, радисток Е. В. Стороженко и А. К. Николаевой была высажена в глубоком тылу врага для создания Молдавского партизанского отряда.

Ф. Ф. Бондарь во время прыжка с самолета сломал ногу и надолго вышел из строя. Неудача постигла и А. Г. Дручину. Из-за неисправности парашюта он не мог выбраться из самолета и вернулся в Москву.

Теперь готовилась к выброске вторая группа, состоявшая в основном из специалистов. В нее входили Володя Воронкин, Алеша Бодронов, Володя Конечный, я и ряд других товарищей. Вместо выбывшего из строя Ф. Ф. Бондаря комиссаром отряда назначили А. Г. Дручину. Ему предстояло вылететь вместе с нами.

Перед полетом Анисим Гаврилович Дручин беседовал с нами. Мы узнали от него много нового. Будем выбрасываться на территорию Белоруссии, в Полесской области. Там действует большое и организованное соединение партизан под командованием Героя Советского Союза генерал-майора Сабурова. Соединение держит в руках почти всю Полесскую область, имеет в своем распоряжении прекрасный аэродром. Во всех районах, занятых сабуровцами, функционирует советская власть.

На базе соединения прославленного генерала Сабурова решено создать несколько молдавских партизанских отрядов с задачей выхода на территорию республики. Организационная группа во главе с М. А. Кожухарем, выброшенная в Полесской области, уже приступила к созданию отряда.

— А почему не сбрасывают организационные группы прямо на территорию Молдавии? — поинтересовался я.

— Законный вопрос, — сказал Дручин. — Дело в том, что Молдавия мала по своим размерам. Там действуют разрозненные партизанские отряды, которые не имеют своих баз, а тем более аэродромов. Население большей части Молдав-

ской ССР только за год до войны вступило в семью советских народов. Имеются еще враждебные элементы. Боярская Румыния держит на территории Молдавии большие гарнизоны войск. Все это привело к неудачам операции по высадке организационных групп на территории Молдавии. Наши товарищи попадали в лапы врага или пропадали без вести из-за трудностей налаживания связи.

Время вылета назначено. Темной апрельской ночью 1943 года мы выехали из казарм на Внуковский аэродром. Машина прокатила нас с «ветерком». Вот и Внуково.

Обширное поле аэродрома не освещается. Только ровные ряды красных и зеленых лампочек указывают взлетные и посадочные полосы. Недалеко родная столица—Москва. Огней тоже не видно — светомаскировка.

Полушепотом отдаются короткие распоряжения. Во всех направлениях передвигаются люди. Чувствуется большая и напряженная жизнь аэродрома. Работа идет четко, организовано, бесшумно. Только улетающие и прибывающие самолеты нарушают тишину.

Светомаскировка, мелькание людских силуэтов — вся обстановка на аэродроме делала эту апрельскую ночь тревожной и сторожкой.

Но самое страшное впереди. Пугал предстоящий прыжок с парашютом. Ни разу в своей жизни не прыгал с самолета. Мы только тренировались на кольцах. Но тренировка—одно, а прыжок с огромной высоты, да еще ночью,—совсем другое. А потом: где и как приземлимся? Быстро ли соединимся с партизанами? Эти вопросы вплотную стали перед нами.

— К самолетам, товарищи, — раздалась негромкая команда.

В этот раз в партизанский край отлетало два самолета: пассажирский и грузовой. Посадка шла организованно, бесшумно. В пассажирском самолете все места оказались занятыми. Мне приказали сесть в грузовой. Быстро поднялся по трапу, устроился у окна.

Сиджу один. Прямо на полу лежат мешки, подготовленные для выброски с самолета. Это оружие и боеприпасы для партизан. Моторы работают, самолет вздрагивает всем телом.

Трап убран. Один из членов экипажа закрыл дверь. Небольшой разгон на взлетной площадке, и самолет, оторвавшись от земли, стал набирать высоту. Смотрю вниз через круглое боковое стекло. Ничего не видно. Сплошная темь, Лечу в неизвестность.

Надо бы уснуть, но назойливые мысли все время лезут в голову. Пытаюсь представить не известную мне партизанскую жизнь.

Чувствую, что самолет стал снижаться. Посмотрел в круг-

лое окно. В ночной темноте хорошо видны горящие на земле костры. Подумал: «Хорошо работают партизаны».

Помог летчику сбросить на землю груз.

— Ну, счастливо тебе, товарищ!

Я подошел к дверце.

— Прыгай!

С замиранием сердца нырнул в безбрежный океан ночи. Приземлился удачно, собрал парашют. Автомат наготове. Так нас инструктировали.

Осматриваюсь. Заметил силуэты людей. Они подходят все ближе ко мне. Слышу русскую речь. Значит, свои. Обменялись условленным паролем. Все в порядке. Я в партизанском отряде.

Пошли искать мешки с оружием и боеприпасами. К утру мы их сложили в указанном месте. Знакомлюсь с партизанами, новой обстановкой. Высадка в Лельчицком районе Полеской области, где располагался в то время формируемый отряд, прошла благополучно.

Первое задание. Высадившаяся раньше нас организационная группа во главе с Макаром Андреевичем Кожухарем провела большую работу. Отряд уже насчитывал в своих рядах около трехсот человек. Ему присвоили имя славного сына молдавского народа героя гражданской войны Григория Ивановича Котовского.

На первых порах необходимую помощь отряду оказал командир партизанского соединения Герой Советского Союза генерал-майор Сабуров. Он выделил около десяти человек опытных, хорошо обученных партизан во главе с командиром роты Анисимовым, снабдил людей двухнедельным запасом продовольствия.

— Ну, а теперь за дело! — благословил он нас.

Менее чем за месяц отряд имени Котовского превратился в боеспособную единицу. Заслуга в этом принадлежала Макару Андреевичу Кожухарю. Он явился запевалой партизанского движения Молдавии за пределами ее территории.

М. А. Кожухарь — коренной молдаванин. Родился он в 1911 году в селе Маловатое Дубоссарского района. До войны работал секретарем Котовского райисполкома Кишиневского уезда. Хороший организатор, чуткий и отзывчивый товарищ, он был не только командиром, но и душой отряда.

Смелость, воля и энергия Макара Андреевича покоряли партизан. Многочисленные, в большинстве своем неожиданные, скоротечные партизанские бои твердо убедили нас, что Кожухарь свято хранил и умножал славные боевые традиции, в создание которых немалую лепту внес его земляк ле-

гендарный Григорий Иванович Котовский, чье имя носил недавно родившийся отряд молдавских партизан.

Отряд пополнял свои ряды за счет одиночных разрозненных групп, скрывавшихся в лесах от преследований оккупационных властей. Вливались в строй сумевшие бежать из плена бойцы и командиры, а также советские люди, которым удавалось вырваться из фашистского рабства и концентрационных лагерей.

В общем отряд имени Котовского, как и многие другие, представлял собой неоднородную массу людей, разных по возрасту, национальности, уровню военной подготовки и опыту партизанской борьбы. Много было подростков и женщин. Всех этих людей объединяло одно — жгучая ненависть к немецко-фашистским захватчикам, стремление истреблять их везде и любыми средствами, чтобы быстрее освободить от оккупантов родную землю и вернуться к своим очагам.

Но для успешной борьбы с врагом недостаточно одной ненависти. Нужно еще и умение. А в нашем отряде добрая половина людей совсем не владела оружием, даже в руках не держала его. К тому же оружия у нас не хватало. Задача обучения партизан стояла перед командованием во весь рост.

Отряд превратился в своеобразную школу по изучению тактики партизанской борьбы, минноподрывного дела, материальной части отечественного и трофейного оружия. Однако нельзя себе представлять дело так, что мы сидели в лесу и постигали мудреные науки. Обстановка не позволяла допустить такую роскошь. От ЦК КП Молдавии и Украинского штаба партизанского движения котовцы имели задание продвигаться к границам Молдавии.

Кроме того, отряд в триста человек надо было обеспечить оружием, продовольствием, одеждой, обувью. С первых же дней своего существования мы с боями добывали у врага все виды довольствия.

Продвигаясь вперед, котовцы действовали на глубоких тыловых коммуникациях противника. Мы пускали под откос поезда, идущие на фронт с живой силой и техникой, взрывали железнодорожные и шоссейные мосты, портили связь, нападали на обозы, колонны автомашин, штабы, поджигали склады, истребляли оккупационные власти и мелкие вражеские гарнизоны.

Основное место в тактике партизанской борьбы занимали внезапные ночные атаки, засады, диверсии. Без хорошей разведки — ни шагу. Ночь — союзница партизан. Мы учились, постигали искусство партизанской борьбы в боях, добывая у врага все необходимое для жизни и боевой деятельности.

Не все шло гладко. Были неудачи, поражения, напрасные жертвы. Вот небольшой эпизод.

Назначенный на должность командира диверсионной группы, я получил первое задание: выдвинуться к полотну железной дороги и пустить под откос вражеский поезд. Кроме меня в группу входили: Николай Тушинский, Михаил Витковский, Митрофан Гудков, Иван Жаборовский и Ленья Юшкевич. Лене шел тогда 15-й год. Совсем еще ребенок. Он сам добился включения его в диверсионную группу.

Расстояние до железной дороги 12—15 километров. Шли ночью. Достигнув указанного места, подползли ближе к полотну. Залегли. Наблюдаем.

Ночь темная. Тихо. Справа от нас невдалеке маячит силуэт фашиста. Это охрана дороги. Вдоль откоса ползем влево, подальше от охранника. Митрофан дернул меня за руку. Шепчет:

— Стой, Коля, там тоже охрана.

Присмотрелись. Действительно, еще один фриц стоит у дороги. Решили выдвинуться к полотну между охранниками. С обеих сторон выставили свое боковое охранение. К дороге поползли вместе с Николаем Тушинским.

Делаем подкоп под колеей между шпал. Не дай бог чуть-чуть стукнуть по рельсу. В ночной тишине звук разносится далеко. Наша группа сразу же будет засечена охраной. Но пока все идет благополучно.

Мина поставлена под рельс.

— Давай капсюль, — шепчу помощнику.

Тушинский от волнения уронил взрыватель. Попробуй найди его темной ночью! Что делать? Поезд вот-вот должен пройти. Я решил поставить запал от гранаты «Ф-1». Может, сработает. Отползли назад. Ждем.

Услышали характерный звук приближающегося поезда. Звук нарастает с каждой минутой. Поезд мчится на всех парах с запада на восток. Он свободно прошел мину. Вагоны, постукивая колесами на стыках рельсов, постепенно удалялись от нас.

Я готов был рвать на себе волосы. Первое задание командира не выполнено. Первая поставленная мною мина не сработала. Приказал всем сидеть на месте и вести тщательное наблюдение. Сам пополз к дороге. Надо же выяснить, в чем дело.

Осторожно заменил запал. Думал, что первый неисправен. Дождались следующего эшелона. Вновь неудача. Мина не сработала и на этот раз. До слез обидно. Как же будем возвращаться в отряд? Что скажем командиру?

Но делать нечего. Вновь выдвинулся к полотну дороги, разрядил мину и забрал с собой тол. До рассвета ушли в лес.

— Вот что, товарищи, — обратился я к членам группы. — Пока это задание не выполним, в отряд возвращаться не будем.

Все согласились. Весь день бродили по лесу. Нашли ручку от противотанковой гранаты. Я открыл ее ножом и извлек взрыватель. Теперь мина должна сработать.

Наступила ночь. Вновь выдвинулись к дороге, но уже в другом месте. К полотну пополз один. Группа из пяти человек вела наблюдение и охранение. Сделал подкоп. В 10-килограммовую толковую болванку вставил взрыватель, а затем подложил ее под рельс.

Прислушался. Рельсы гудят. Значит, идет поезд. Осторожно стал отползать. Далеко отойти не удалось. Поезд быстро приближался. Оглушительный взрыв. Волной меня отбросило в сторону. Больно ударился головой о камень. Но тут некогда осматриваться. Быстро побежал к ребятам. Немцы беспорядочно стреляют трассирующими пулями. Но они нас не видят.

Группа без потерь отошла в лес. Перед рассветом выдвинулись к месту крушения. Эшелон с танками и артиллерией шел с запада на восток. Паровоз и девять передних вагонов, разбитых и искорюченных, лежали под откосом. Остальные бесформенной грудой валялись на дороге.

Позже нам стало известно, что движение на дороге было приостановлено на два дня. Немцы выслали к месту катастрофы подъемные краны и трактора, чтобы растащить с дороги груды металлолома, поднять валявшиеся под откосом танки и орудия. Партизаны дважды делали налет на ремонтно-восстановительную группу немцев. Потери фашистов возрастали.

Так с неудачами и волнениями диверсионная группа выполнила свое первое боевое задание.

Цифры боевого счета. Слава о котовцах быстро распространялась по окрестным селам и деревням. Этому способствовали удачно проводившиеся боевые операции. Ряды партизан все росли. Отряд стал большим и трудно управляемым. Пришлось разукрупнить его. Создали еще два отряда: «За освобождение Советской Молдавии» и имени М. В. Фрунзе. В июне 1943 года из трех отрядов сформировалось Первое Молдавское партизанское соединение. Движение народных мстителей в тылу врага приняло столь широкий размах, что несколько позже создано Второе Молдавское партизанское соединение.

Командиром первого соединения Москва утвердила кадрового офицера полковника Василия Андреевича Андреева. До войны он работал заведующим кафедрой истории в высшем учебном заведении.

— Эх, ему бы труды писать, а не партизанами командовать, — услышал я однажды разговор товарищей.

Подумал: «Проклятая война безжалостно коверкает человеческую жизнь. Ученый вынужден заниматься несвойственным ему делом — командовать партизанским соединением». Впоследствии мы убедились, что Василий Андреевич прекрасно справлялся с ролью партизанского вожака. Умение творчески мыслить и глубоко анализировать происходящие события, незаурядные организаторские способности, личная храбрость и беззаветная преданность Родине позволили ему войти в плеяду прославленных руководителей больших партизанских соединений.

Забегая вперед, скажу, что Андреев заслужил воинское звание генерал-майора. Его грудь украшают орден Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Богдана Хмельницкого 1-й степени и Красной Звезды и несколько медалей. Сейчас Василий Андреевич пенсионер, живет в Кишиневе, пишет книги о славном боевом пути соединения, героических подвигах бойцов-партизан.

В ходе боевой деятельности наше соединение росло, крепло, организационно менялось. Возникали новые партизанские отряды. Были созданы три стрелковые бригады, состоявшие из батальонов и эскадронов. Мужали, закалялись и набирались опыта кадры партизан. Вначале я командовал диверсионной группой. Потом меня назначили заместителем командира отряда по подрывному делу. Был комиссаром отряда, заместителем комиссара 2-й стрелковой бригады по комсомолу.

Однако я всегда оставался бойцом. С меня никогда не снимались обязанности по диверсионной работе. О ней следует рассказать немного подробнее.

Успешное наступление частей Красной Армии на Украине обусловило особые боевые действия Первого Молдавского партизанского соединения. Согласно приказу Украинского штаба партизанского движения и указаниям ЦК КП(б) Молдавии, соединение в сентябре 1943 года должно было усилить диверсионную деятельность на коммуникациях противника с задачей парализовать движение вражеских войск по железным и шоссейным дорогам, препятствовать переброске живой силы и техники немцев на фронт и вывозке ценностей из оккупированных районов в Германию.

Для выполнения поставленной задачи соединению приказали оседлать железные и шоссейные дороги: Славута — Шепетовка, Новоград-Волынский — Шепетовка, Шепетовка — Бердичев, Новоград-Волынский — Житомир, Новоград-Волынский — Коростень, Коростень — Житомир, Белокоровичи — Сарны.

Кроме того, наши партизанские отряды должны были совершать рейды по степной части Житомирской области. Ставилась задача: громить мелкие гарнизоны противника, устраивать засады на движущийся автотранспорт, расширять партизанское движение, вовлекать граждан в активную борьбу с оккупантами.

К этому времени отряд имени Котовского еще раз разукрупнили. Организовался отряд имени Лазо, в состав которого вошел и я. Командира отряда имени Котовского М. А. Кожухаря назначили заместителем командира соединения.

На указанных коммуникациях врага действовало 45 диверсионно-разведывательных групп Первого Молдавского партизанского соединения. В Житомирской области было организовано пять наших отрядов.

Партизаны не давали покоя фашистам. Каждую ночь, а нередко и днем, летели под откос поезда с живой силой и техникой. Немцы постоянно усиливали охрану железных дорог и мостов. Они вырубили лес на 200—300 метров в каждую сторону от полотна дороги. У развязов и мостов расположили пулеметные огневые точки, которые находились в дзотах, а нередко и дотах. Подступы к дорогам прикрыли колючей проволокой в несколько рядов. На проволоку повесили пустые консервные банки. Неосторожно прикоснешься к колючке—и банки загремят. Через каждые 300 — 500 метров поставили часовых, которые двигались вдоль полотна.

Особые меры не дали немцам должных результатов. Партизаны осторожно преодолевали проволочные заграждения, бесшумно снимали часовых или просачивались между ними, подкладывали под полотно мины и незаметно скрывались. Поезда по-прежнему летели под откос. Тогда немцы пошли еще на одну хитрость. Они начали ставить впереди поезда две-три платформы, нагруженные балластом. Расчет простой: платформы наезжают на мину, и она срабатывает. Машинист останавливает поезд. За полтора-два часа специальная ремонтная бригада восстанавливает путь, и поезд продолжает движение.

Партизаны стали применять мины натяжного действия. От установленной мины метров на 150—200 в сторону тянется шнур. Платформы с балластом прошли — мина не сработала. Но вот на нее наехал паровоз. Рывок за шнур. Выдергивается предохранительная чека. Мина взрывается, и поезд летит под откос. С такой миной действовать труднее. Но что поделаешь? Постепенно мы хорошо отработали все приемы.

Требовалось много мин. «Большая земля» не могла полностью снабдить нас. Приходилось изготавливать их на месте.

Понадобилось много тола. Искали неразорвавшиеся снаряды и выплавляли из них тол.

Диверсионные группы отряда имени Лазо действовали на участке железной дороги Шепетовка — Славута. Количество людей в группах неодинаковое, зависело от обстановки, сложности выполняемых задач, боевого опыта людей и некоторых других причин.

Как-то возглавляемая мною группа состояла из 12 человек. Мы удалились от своего отряда более чем на 100 километров. На пути движения к железной дороге преодолели реку, прошли десятки населенных пунктов. Действовали как самостоятельная боевая единица, полностью обеспечивая себя за счет врага боеприпасами и продовольствием.

Ночью подошли к одному из развязов. Дорога двухколейная и усиленно охраняется нацистами. Присмотрелись хорошенько и поняли, что для успешной диверсии необходима хорошая разведка и тщательная подготовка.

Всю ночь вели наблюдение, изучали порядок охраны дороги, расположение огневых точек немцев, наиболее удобные подступы к полотну. Перед рассветом скрылись в лесу. Днем взбирались на деревья и продолжали вести наблюдение за дорогой и ее охраной.

Установили, что ночью у развязов проходят встречные поезда. Созрела мысль заминировать одновременно обе колеи. Разбил группу на две части, по шесть человек в каждой. Одной руководил сам, во главе другой поставил Мишу Витковского. Мы разошлись в разные стороны, предварительно договорившись, где и в какое время наши группы будут ставить мины.

Еще с вечера начал накрапывать мелкий дождик. Постепенно он усиливался и шел не переставая всю ночь. Это нам на руку. Шум дождя заглушал посторонние шорохи. Мы действовали смелее. Укрывшись от дождя плащ-палатками, немецкие часовые не имели хорошего обзора.

Темной дождливой ночью нам удалось заминировать обе колеи железной дороги. Ждали долго. Первым наскочил на мину эшелон с живой силой и техникой, двигавшийся с запада на восток. Несколько позже под откос полетел второй эшелон с награбленным имуществом, двигавшийся с востока на запад.

У маленького развязов гитлеровцы подняли большой переполох. Еще бы! Почти одновременное крушение двух эшелонов. Довольные удачной вылазкой, мы отходили в глубь леса. Попробуй найди нас! У партизан дорог много. Пойдешь наугад — сам попадешь в засаду.

Фашистское командование вопило, что русские воюют не по правилам. А по-нашему, все шло по правилам: нацисты

завоевывали жизненное пространство, а мы отправляли их на тот свет.

В республиканском партийном архиве хранится докладная записка командования Первого Молдавского партизанского соединения на имя начальника штаба партизанского движения Украины товарища Строкача и секретаря ЦК КП(б) Молдавии товарища Салогора за сентябрь 1943 года. Приведу некоторые данные только по отряду имени Лазо, в котором я находился.

«В ночь на 3.9.43 года диверсионная группа в составе Фадеева (командир группы), Субботина, Прыткова, Жаборовского, Никитенко на ж. д. Шепетовка — Славута (участок Славута — Цветоха) пустила под откос воинский эшелон противника с живой силой, двигавшийся на восток. Разбиты паровоз и 9 вагонов. Убито до 200 гитлеровцев.

В ночь на 4.9.43 года группа подрывников в составе Фролова (командир группы), Колодина, Витковского, Гудкова, Лося на ж. д. Шепетовка — Славута (3 км зап. Шепетовки) пустила под откос эшелон противника с живой силой, двигавшийся на восток. Разбиты паровоз и 14 вагонов. Убито до 350 гитлеровцев.

В ночь на 5.9.43 года подрывная группа в составе командира роты Макарьева, партизан Акулича, Грицкевича, Тушинского, Лещинского на ж. д. Славута — Шепетовка (на участке Цветоха — Каменка) пустила под откос вспомогательный поезд, шедший на станцию Шепетовка. Разбиты паровоз, 6 вагонов.

В ночь на 6.9.43 года подрывная группа в составе Фадеева (командир группы), Субботина, Прыткова, Жаборовского, Никитенко на ж. д. Шепетовка — Славута (3,5 км восточнее Славута) поставленной миной взорвала эшелон противника с военными материалами. Разбиты паровоз, 12 вагонов. Убита охрана эшелона до 100 немцев...»

Внесла свой вклад в общее дело разгрома врага и наша диверсионная группа. Она пустила под откос 14 эшелонов противника с живой силой и боевой техникой. Из них 10 эшелонов минировал лично сам, а при минировании 4 командовал группой. В результате было уничтожено 14 паровозов и более 150 вагонов. На тот свет отправлено свыше 2000 фашистских солдат и офицеров.

Партизанские костры. В обычной жизни костер — просто красивое зрелище. У партизан костры имели свое назначение. «Знаем, — подумает иной читатель, — с помощью костров партизаны обозначали посадочные площадки самолетам, прилетавшим с «Большой земли». Правильно! И все же основной смысл партизанских костров не в этом.

Представьте себе такую картину. Стоит отряд в глухом лесу. Одни ушли на выполнение заданий — разведка, диверсии, засады, другие остались. Тут больные, раненые, отдыхающие после проведенных операций, готовящиеся к предстоящим боям, партизаны, недавно вступившие в отряд — необученные, невооруженные. Людей много.

Густые вечерние сумерки поглотили собой все. Разбрелись партизаны по лесу. Попробуй найди их, собери! А собрать надо. Если соберешь определенную группу, то какую работу можно провести в темноте? Нужен огонь.

Стоит развести на поляне костер, как со всех сторон тянутся к нему люди. Тут одежду и обувь посушить можно, картошку испечь, а если есть сырое мясо, то и шашлык на хворостинке поджарить. Хвала и слава Прометею, похитившему у бога огонь для людей!

Где костер, там и партизаны. Лучшего времени и места для работы комиссарам, секретарям партийных и комсомольских организаций не найти. И аудитория налицо.

...Горит костер. Огненные языки пляшут, подпрыгивают. Пламя словно знамя — живое, огненное, трепещущее. В суровом молчании стоят партизаны. Перед строем командование отряда. Начальник штаба называет фамилию. Из строя выходит партизан с автоматом на груди. Комиссар дает лист бумаги. Партизан читает. От волнения он сбивается, но старается торжественнее произносить каждое слово:

«Я, гражданин великого Советского Союза, верный сын героического советского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен.

За сожженные города и села, за смерть женщин и детей, за пытки и издевательства над моим народом, я клянусь мстить врагу жестоко и беспощадно. Кровь за кровь, смерть за смерть.

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии, уничтожать бешеных гадов... Я клянусь скорее умереть в жестоком бою с врагом, чем отдать себя и свою семью в рабство кровавым фашистам...»

Партизаны один за другим выходят из строя и читают текст, который до глубины души волнует человека. Да, это присяга, наша партизанская клятва. В разное время и разных условиях у нас принимали ее все. Я принимал у костра. Помню, командир отряда поздравил тогда партизан с принятием торжественной клятвы. Мы расходились с одной мыслью — бить врага, не жалея сил, сражаться до полной победы. Этот костер на всю жизнь остался в памяти всех, кто был на нем в тот волнующий вечер.

О партизанский костер! Как много значил ты в нашей

жизни. Мы всегда охотно шли на большой костер, шли с таким же возвышенным чувством, с каким люди ходят в театр, на торжественные собрания. У костра проводились митинги и общие собрания, беседы и громкие читки. У костра выпускались стенные газеты и боевые листки, писались письма родным и любимым. У костра, расположившись вокруг приемника, мы, затаив дыхание, слушали голос родной Москвы, последние известия. Мы с жадностью ловили каждое слово о победах Красной Армии на фронтах войны и неутомимой работе тружеников тыла. У костра мы подводили итоги партизанской борьбы, обменивались опытом, намечали планы дальнейших действий. У костра партизаны писали заявления о приеме в партию и комсомол. У костра мы пели дорогие нашему сердцу песни. А пели как!

Костры разводились в любое время года и суток: летом и зимой, ночью и днем. Конечно, обстановка не всегда позволяла разводить большой костер, чтобы не выдать противнику расположение отряда. В этих случаях партийно-политическая работа в вечернее время проводилась в землянках и блиндажах, что, безусловно, ограничивало ее размах.

Самовольное разведение костров запрещалось. Сотни горящих костров служили бы врагу хорошими ориентирами для борьбы с партизанами. Поэтому они разводились только с разрешения командования отряда, а нередко и соединения. Строгое ограничение в разведении костров делало их еще более желанными. Радостная весть: «Сегодня большой костер» — разносилась по отряду с быстротой молнии.

Сборы у костра являлись в наших отрядах основной формой партийно-политической работы, значение которой трудно переоценить. Без нее нельзя было бы выполнить большие и ответственные задачи, ставившиеся перед соединением.

Душой, организатором и вдохновителем многогранной партийно-политической работы в трудных условиях партизанской борьбы являлся Иван Иванович Алешин — секретарь подпольного ЦК КП(б) Молдавии, комиссар Первого Молдавского партизанского соединения. Этого обаятельного человека любили все за его ясный ум, добрую душу и храброе сердце. Алешин не отсиживался в землянках и блиндажах, всегда находился среди партизан, в передних рядах шел в бой. А когда мы собирались у костра, он простым и добрым словом покорял сердца партизан. Его слушали, ему верили, за ним шли.

ЦК КП(б) Молдавии перевел И. И. Алешина во Второе Молдавское партизанское соединение. Комиссаром нашего соединения назначили Герасима Яковлевича Рудя, который оказался достойным преемником уже сложившихся традиций

в партийно-политической работе. Во Втором Молдавском партизанском соединении И. И. Алешина смертельно ранило осколком авиационной бомбы. Партизаны тяжело переживали гибель любимого комиссара.

Большую партийно-политическую работу проводили в нашем соединении секретарь партийного бюро В. Н. Дамаскин, его заместитель И. Л. Шетинский, комиссары бригад, батальонов, эскадронов, отрядов, политруки рот, секретари партийных и комсомольских организаций, коммунисты и комсомольцы. В выполнении сложных и ответственных задач командование опиралось на силу коммунистов и комсомольцев, которые всегда шли в первых рядах.

В условиях партизанской борьбы человек ценился по боевым заслугам. Определяющим было: в каких боях участвовал, сколько истребил гитлеровцев, сколько поездов пустил под откос. Уничтожение заклятых оккупантов являлось первой обязанностью каждого. У всех имелся личный боевой счет.

Коммунисты в любых операциях и боях выполняли самые ответственные и рискованные задачи, увлекали за собой партизан. Естественно, что их личный боевой счет был богаче других. А этим командование руководствовалось, представляя партизан к наградам. Высоких правительственных наград удостоились В. А. Андреев, Г. Я. Рудь, М. А. Кожухарь, В. И. Тимошук, В. В. Сваричевский, И. С. Миронюк, М. И. Гудков, Д. А. Фадеев, А. П. Калмыков, Е. И. Кодзев, В. В. Фисенко и многие другие. Иначе и не могло быть. Ведь они, коммунисты, члены великой партии Ленина.

Когда зажигался большой костер, партизаны с удовольствием слушали беседы коммунистов. За их словами стояли конкретные дела, боевые подвиги, героизм.

Сила влияния коммунистов и партийной организации была большой. Поэтому в партию шли лучшие люди, подлинные герои партизанской эпопеи. Порой у большого костра обсуждались заявления партизан и партиzanок о приеме в члены партии. Длинные речи не произносились. Вступающие неоднократно на глазах у всех проверены в бою.

Горит партизанский костер. Я, как секретарь комсомольской организации отряда имени Лазо, провожу открытое собрание. Обсуждаются вопросы: авангардная роль комсомольцев в бою, прием в члены ВЛКСМ, выборы делегатов на первую комсомольскую конференцию соединения. Выступления короткие, конкретные. Зачитываются личные боевые счета отличившихся в боях комсомольцев. Есть на кого равняться, есть кому подражать. Герои с нами рядом.

В отряде имени Лазо насчитывалось около 30 членов ВЛКСМ. Всего в соединении работало 14 первичных комсо-

мольских организаций. Большим событием в жизни молодых партизан явилась первая комсомольская конференция соединения. Она состоялась 22 ноября 1943 года. Присутствовало 43 делегата. Мы тщательно обсудили вопрос «Задачи комсомольских организаций партизанских отрядов». С трибуны конференции вновь зачитывались личные боевые счета лучших комсомольцев, равняться на которых призывали ораторы. Истреблять фашистских оккупантов, истреблять как можно больше — такой была первостепенная задача комсомольских организаций партизанских отрядов. В резолюции, принятой конференцией, мы заверили нашу родную Коммунистическую партию и Советское правительство, что с честью оправдаем великое звание красного партизана — народного мстителя.

Конференция избрала комитет комсомола. В него вошли заместитель комиссара соединения по комсомольской работе Петр Кранга, начальник разведгруппы Андрей Никитенко, радист Иван Моисеев, разведчик Марк Широков, командир группы подрывников Виктор Буров и я. Комитет работал на правах райкома комсомола.

После конференции сила и влияние комсомольской организации соединения значительно возросли. Только в четвертом квартале 1943 года первичные организации партизанских отрядов приняли в комсомол 161 человека. На заседаниях комитета утверждено 115 человек. Из этого видно, как строго подходили мы к приему новых членов ВЛКСМ. Ряды союза молодежи пополнялись за счет самых лучших юношей и девушек, проявивших себя в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

На 1 января 1944 года в соединении насчитывалось 555 комсомольцев. К концу апреля этого года их было уже около 600 человек. Бланков комсомольских билетов у нас не было. Вновь принятым членам ВЛКСМ выдавали временные удостоверения.

Многогранная и кропотливая партийно-политическая работа на первый взгляд кажется незаметной. Мне, родившемуся и выросшему в деревне, она почему-то напоминает работу сеятелей. Немалый труд затрачивают они, чтобы разумно уложить семена в почву. Сев закончен, а поле на вид все остается прежним. Только с появлением всходов оно меняет свой покров.

Используя самые разнообразные формы и методы партийно-политической работы, коммунисты и комсомольцы несут в массы марксистско-ленинские идеи, пропагандируют политику партии и Советского правительства, разъясняют задачи, стоящие перед людьми в определенный исторический период. Происходит как бы закладка семян в почву. Плоды труда

не видны сразу. Они проявляются потом в конкретных делах, действиях и поступках людей.

Жизнь бойцов Первого Молдавского партизанского соединения полна героизма, беспримерной стойкости, мужества, отваги, храбрости. В трудные минуты боя люди не колеблясь шли на самопожертвование. Таковы конкретные дела и поступки наших партизан. Это плоды большой партийно-политической работы, проводившейся в соединении. Все мы видели замечательные результаты труда сеятелей.

Приведу один из многочисленных примеров. Комсомольцы братья Соломахи в бою совершили героический подвиг. Попав в окружение немцев, они дрались как богатыри, отбивались до последнего патрона. Но слишком неравными были силы. Кольцо окружения быстро сжималось. Что делать? Враг совсем близко. Не желая сдаваться живыми в плен, братья обнялись и подорвались на собственных гранатах. Осколками гранат убито несколько фашистов.

Партийно-политические работники не оставили героический подвиг безвестным. Коммунисты и комсомольцы рассказывали о нем в беседах, на политинформациях, в стенных газетах и боевых листках. И не удивительно, что подвиг братьев Соломахи повторяли потом партизаны других отрядов соединения подобно тому, как неоднократно повторялся на фронте великий подвиг Александра Матросова.

Стенные газеты и боевые листки являлись действенной формой популяризации героических подвигов партизан, обобщения передового опыта борьбы с врагом. Вместе с тем они служили замечательной трибуной для критики недостатков. С мая 1943 года по июнь 1944 года в соединении выпущено 239 стенных газет и боевых листков.

Одно время у нас выпускалась многотиражная печатная газета «За Советскую Родину». Вышло восемь номеров. Регулярно издавать многотиражку не позволяли условия. Соединение постоянно находилось в движении. Но в основном сказывался недостаток бумаги и оборудования.

За время боевой деятельности соединения написано и распространено 5000 экземпляров листовок. В них мы обращались к советским гражданам, временно попавшим в оккупацию, рассказывали о победах Красной Армии, о скором освобождении. Призывали население мстить фашистским извергам всеми силами и средствами, срывать мероприятия оккупационных властей, убивать из-за угла фашистов и их наймитов, не давать вывозить в Германию людей, хлеб, продовольствие, скот, машины и оборудование.

Листовки, выпущенные в походной трофейной типографии, воздействовали на людей. Они видели в Первом Молдавском партизанском соединении большую и организован-

ную силу, располагающую возможностью печатной пропаганды. Население оккупированных районов оказывало нам всемерную помощь и поддержку. Мы получали продовольствие, сведения о расположении вражеских гарнизонов и их вооружении, данные о мероприятиях фашистских властей. Люди шли в партизаны, охотно становились нашими связными. По пути следования соединения в оккупированных деревнях, селах и районных центрах наши политработники создавали подпольные партийные и комсомольские организации. Тесно взаимодействуя с партизанами, они развертывали активную борьбу против фашистских захватчиков.

В листовках мы обращались и к врагам, особенно к солдатам стран-сателлитов фашистской Германии. Одна из них была адресована мадьярам, с которыми часто приходилось вести бои на территории Украины.

Распространяли листовки среди националистов разных мастей, предателей Родины, ставших на службу фашистам.

«Народ не простит... — говорилось в одной из листовок. — Он вас сметет с лица земли, как чертополох — сорную траву с поля вон... Одумайтесь, пока не поздно. Переходите к нам, к партизанам... Бейте поганую немчину, искупайте свою вину перед Родиной».

В то время наши листовки являлись, пожалуй, единственным источником правдивой информации для людей, которым они адресовались. Листовки заставляли многих задуматься. Соппротивление врагу все время усиливалось. Земля горела под ногами оккупантов.

Конечно, жгли мы костры и для обозначения посадочных площадок самолетам, прилетавшим с «Большой земли». Эти дни были для нас волнующими. Самолеты доставляли все, в чем нуждались партизаны. Особенно мы ждали свежие газеты, журналы и... безусловно, письма. Письма! Сколько тепла и ласки в них! С каким трепетом разбирались мешки с письмами!

После визита самолета сборы у партизанских костров становились еще более оживленными. Читались и перечитывались газеты и журналы. Люди обменивались новостями, которые сообщались в письмах, показывали друг другу присланные фотографии. О партизанские костры, как много значили вы в нашей жизни!

Этапы пройденного пути. Первое Молдавское партизанское соединение создавалось с целью оказания помощи наступающей Красной Армии в освобождении Молдавской республики. Поэтому оно из лесов Белоруссии двигалось на юг Украины, чтобы достигнуть Молдавии и развернуть на ее территории активные боевые действия.

Путь большой и трудный. Находясь во вражеском тылу, мы не могли действовать свободно, выбирать для движения лучшие дороги и лучшее время. Напротив, приходилось пробираться тайными тропами, под покровом темноты, используя для маскировки лес, кустарник, различные складки местности. Путь прокладывали в боях с гарнизонами противника, его заставами и заслонами.

Продвигаясь вперед, мы наносили врагу большой урон в живой силе и технике. Фашисты бросали против нас карательные отряды и экспедиции, воинские части и соединения, вооруженные пушками, танками, самолетами. Продвигаться вперед становилось все труднее.

Натерпелись мы беды в районе болот Галы, которые занимают обширное пространство между реками Льва и Ствига. Гитлеровцы окружили соединение. Самолеты преследовали партизан, обрушивая тонны смертоносного металла. Враг применял тактику «выжженной земли».

Потери росли. Большой обоз с ранеными сковывал маневренность соединения. Продовольствие кончилось, люди теряли надежду на спасение. Колонны редкой цепочкой растянулись на километр, двигаясь по колено в болотной жиже. Грязные, оборванные, исхудавшие и обросшие, мы еле передвигали ноги. Даже во время бомбежек шли медленно, так как быстрее идти просто не могли.

В это время на нас обрушился еще один враг — болезнь. Партизаны питались сырым мясом, тестом, съедобными травами. Теперь, находясь в окружении, в плену трудно проходимых болот, люди голодали, утоляли жажду гнилой болотной водой.

Мы шли вперед, оставляя после себя на небольших островках суши свежие могильные холмы. Хоронили погибших в боях и умерших от болезней товарищей. Хоронили молча, без надгробных речей и салютов.

Советские люди умирали с твердой верой в победу. Перед смертью они просили сообщить родным и знакомым, что честно погибли в неравном бою с жестоким и ненавистным врагом.

Чем дальше от нас уходят огненные годы Великой Отечественной войны, тем величественнее становится в глазах всего человечества подвиг советского народа. С чем можно сравнить наши партизанские будни, полные опасности и драматизма, постоянного напряжения и неожиданных боевых схваток, массового героизма и осознанного самопожертвования? Ни с чем. На такие подвиги способны только советские люди, познавшие счастье свободной жизни.

Болотами Галы соединение вышло из окружения и оторвалось от преследования врага. Мы продолжали нелегкий

боевой путь. Стояло лето 1943 года. Началась знаменитая битва на Курской дуге. Соединению приказали приостановить движение, указав район для развертывания «войны на рельсах». Оно оказывало действенную помощь Красной Армии. Украинский штаб партизанского движения и ЦК Компартии Молдавии в соответствии с обстановкой на фронтах постоянно назначали соединению участки железных дорог, чтобы блокировать их. Такие задачи мы выполняли до конца 1943 года. Выход на территорию Молдавии все время отодвигался на более поздние сроки.

Ведя успешные бои на коммуникациях врага, соединение росло и крепло. Трудности вместе с болотами Галы остались позади. Отчаянные попытки фашистов уничтожить нас успеха не имели. Партизан всемерно поддерживало население оккупированных районов. Отряды постоянно пополнялись новыми людьми.

4 января 1944 года в районе Городница наши партизанские отряды соединились с частями Красной Армии. Незабываемые минуты встречи, радость, ликование. Солдаты, не задерживаясь, пошли вперед, преследуя врага. Мы остались в тылу наших войск.

Быстро начали приводить себя в порядок. Больных и раненых отправили в госпиталь. Представителям тыловых частей Красной Армии сдали ненужные нам трофеи. 17 января 1944 года соединение, в котором насчитывалось более двух тысяч бойцов, выступило на марш. В районе Славуты переправились через реку Горынь, с боями перешли линию фронта и вновь оказались в тылу врага.

Двигались, как и прежде, по направлению к Молдавии. Для разведки маршрута командование выслало вперед две группы партизан во главе с опытными командирами Плакса и Удаловым. Еще раньше были выделены группы Широкова, Олейника и Кублицкого. Перед ними ставилась та же задача — найти для соединения наиболее удобные пути движения в Молдавию.

Судьба этих групп сложилась по-разному. Часть бойцов погибла в неравных схватках с врагом, а часть, достигнув Молдавии, развернула на ее территории активные боевые действия. О героических подвигах партизан группы Удалова молдавский народ сложил легенды. Партизаны Олейника и Кублицкого достигли Кодымских лесов. Там влились в отряд «Советская Молдавия», вместе с которым освобождали районный центр Каменку.

4 марта 1944 года в районе Лановцов основная часть наших отрядов вновь встретилась с наступающими войсками Красной Армии. Штаб соединения стоял тогда в селе Передмировка. Трудно описать ликование, которым были охвачены

в тот день воины-фронтовики, партизаны и советские граждане, освобожденные от фашистского рабства. Встречаясь на улицах, люди со слезами радости на глазах целовались, обнимались. Жители от души благодарили советских солдат и партизан, считали своим долгом угостить их.

Приближался час окончательной победы над фашистской Германией. Красная Армия стремительно и неудержимо двигалась на запад. В Молдавской республике первым городом, освобожденным от фашизма, оказались Сороки. В нем Первое Молдавское партизанское соединение закончило свой нелегкий боевой путь.

Трудно взвесить или чем-то измерить вклад, который внесли партизаны в дело нашей победы.

1944 год. Молдавия освобождена от врага. Первостепенная задача трудящихся республики — восстановить разрушенное войной народное хозяйство. Более 300 бывших партизан Первого Молдавского партизанского соединения включились в активный созидательный труд. Остальные влились в ряды Красной Армии.

После войны я окончил Кишиневский государственный университет и работаю сейчас в системе просвещения. Оставшиеся в Молдавии боевые друзья-партизаны часто встречаются, вспоминают прошлое. Работая в различных отраслях народного хозяйства республики, они выступают перед трудящимися, особенно перед молодежью.

Молодое поколение советских людей не испытало ужасов войны. Но оно должно хорошо знать, какой ценой досталась мирная счастливая жизнь, благами которой пользуется. Пусть наши юноши и девушки будут достойными преемниками и продолжателями славных дел своих отцов и матерей, старших братьев и сестер. На долю советской молодежи выпала историческая миссия. Ей строить коммунизм, ей жить при коммунизме.

Я. МУХИН,

полковник в отставке.

БУДНИ ЗЕЛеноЙ КРЕПОСТИ

Это было в урочище Бабеняса. В небе летит самолет... К рокоу его мотора мы привыкли, как к шуму троллейбусов на улицах. Кстати, самолет и троллейбус объединяет один общий признак: они перевозят пассажиров. В самолете вы чувствуете себя так же привычно, как и в троллейбусе. И в круглое окошко-иллюминатор смотрите тоже без удивления, будто и не в небе вы, а на своей родной улице, где все знакомо до каждого деревца и столба.

Внизу проплывают поля, сады. Слева и справа и далеко впереди на горизонте виднеются села. Во впадинах между холмами голубеют блюдечки прудов. А вот показались холмы, накрытые зеленым одеялом. Кажется, ни с чем другим и не сравнишь отсюда, с неба, молдавский лес: сразу, как одеяло, видишь весь его, все четыре конца, хоть бери и сверни, если не хочешь укрываться... Через минуту-две снова под самолетом стелется одеяло, чуть побольше или чуть поменьше, и никогда, сколько бы ни летал, не увидишь бескрайнего зеленого моря, над которым можно лететь и лететь, и кроме зеленых волн, перекатывающихся по вершинам деревьев, ничего не заметить...

Нет, не похожа Молдавия ни на Полесье, ни на Брянщину. И все же было время, когда, подобно дремучим Полесью и Брянщине, называли Молдавию партизанским краем. Не такое уж далекое это время — каких-нибудь двадцать лет с небольшим. Еще тех, кто партизанил здесь, встретишь повсюду, живы, здоровы да и, как говорится, еще порох есть в пороховницах, редко кто из них сегодня на пенсии. А поезжайте по кодряным селам, лесными дорогами, и вы услышите,

как земля еще гудит партизанской молвой, как, пересказывая были, люди слагают легенды о подвигах героев.

Смотришь сверху на эти зеленые «одеяльца» и диву даешься: какими же мужеством и храбростью обладали народные мстители, сколь велика была жажда очистить родную землю от врага, если воевали и побеждали в таких трудных условиях. А что условия эти были неимоверно трудными, сегодня даже человеку, совершенно несведущему в военном деле, очевидно. Стоит лишь подняться в самолете над кодрами...

Попасть с «Большой земли» сюда можно было только по воздуху. Не в рейсовом самолете, взяв билет «туда — обратно», и не в солнечный день, чтобы полюбоваться с головокружительной высоты прекрасными пейзажами. Летали по ночам, безлунным, темным, и, как счастливому предзнаменованию, радовались непогоде. По команде пилота открывали люки в черную бездонную пропасть и прыгали туда, навьюченные оружием и боеприпасами. А внизу, понятно, ночного путешественника не ждал благоустроенный аэродром с комнатами отдыха, камерой хранения и рестораном. Каратели днем и ночью рыскали по дорогам, выслеживая отважных партизан. Было у карателей все наготове: и тюрьма, и палачи, и пули.

Зеленые одеяльца, крошечные островки... Ни таежной безбрежности, ни лесной дремучести. Но они по-дружески простирали ветви-руки, встречая гостей с ночного неба, давали им пристанище и в час смертельной опасности укрывали от врагов. Великое за то спасибо молдавским кодрам!

У каждого зеленого островка своя история, в каждом из них как-то по-своему складывалась жизнь народных мстителей, и каждый из них был молчаливым свидетелем подвигов, достойных благодарной памяти потомков...

Если тебе, читатель, доведется лететь из Кишинева на Вулканешты или Кагул, то минут через десять-пятнадцать после взлета посмотри внимательно в иллюминатор: внизу под крылом самолета появятся зеленые островки — один, другой, третий. Иногда они скучиваются в своеобразный архипелаг, образуя причудливого узора лесной массив. С высоты легко отыскать голубую линию Когыльника, неширокое русло речушки, протянувшейся почти по прямой с севера на юг. Между зелеными островками по обоим берегам Когыльника раскинулись села Логанешты, Мерешены, Сарата-Галбенэ, Божиены; живописным скоплением множества черепичных крыш и садов привлечет Котовск. Один из зеленых островков к юго-западу от Котовска именуется урочищем Бабеняса. О нем мы и хотим рассказать...

На лесном кордоне. Когда-то при этом урочище в должности лесника состоял некий Александр Иванович Маник, уроженец здешних мест. Жил он тут же, в уютной долине на опушке леса, в казенном доме. Должность лесника занимал уже много лет, исполнял ее старательно и чрезвычайно дорожил ею — и по причине своей любви и привязанности к лесу, и по причине многочисленного семейства, с которым в случае увольнения податься было некуда. Жили с ним престарелые родители, жена Мария Павловна и шестеро детей.

Был Александр Маник у начальства на хорошем счету, что, впрочем, не лишало его уважения среди крестьян окрестных сел. Кто зайвится к нему с просьбой накосить травы в лесу, пособирать сухих сучьев, подсобить топливом, а иной раз и лишним бревнышком на ремонт хаты, никогда не отказывал, не мздоимствовал, а лишь предупреждал о правилах поведения в лесу и о соблюдении умеренности в заготовке лесных даров.

Репутация надежного работника осталась у лесника и после возвращения в Правобережье королевских оккупационных властей. Начальник — шеф лесничества, вновь обосновавшийся в Ганчештах, — хорошо помнил Маника и не имел повода изменить свое мнение о нем. Лесник, как и прежде, аккуратно выполнял все поступавшие к нему распоряжения, был тихим и почтительным. Когда же с некоторых пор был введен порядок всем лесникам являться в Ганчешты с донесением, не обнаружились ли где-нибудь признаки появления партизан, в лесничестве были уверены, что кто-то, а Александр Маник первый даст знать о замеченной опасности.

Зорек глаз у лесника, что верно, то верно. Кажется, упавши с дерева ночью ветка, и ту заметит на утреннем обходе, а зверь пробежит или человек пройдет, тут и говорить нечего: разгадает следы, как по-писаному. И вот однажды мартовским утром сорок четвертого года в лесной чаще у старого дуба увидел Александр Маник второпях присыпанный землей парашют, а на тропинке отпечатки сапог и ботинок. Определил сразу и безошибочно: обувь не крестьянская, не румынских и не германских солдат. По тропинке прошло десять мужчин и одна женщина.

В тот же день надо было идти в лесничество с донесением. Он пришел, как всегда, аккуратно, точно в указанный час и, стоя перед шефом-управляющим с обнаженной головой, без запинки отпартовал:

— В урочище Бабеняса все в порядке. Порубок, пожаров не было. Чужих никого не видел. Листовок не находил...

В следующий свой приход он повторил рапорт слово в слово. Но если в первый раз еще сам терялся в догадках относительно того, чьи то были следы и куда подались неиз-

вестные люди, побывавшие в лесу, то теперь лесник мог бы досконально ответить на эти вопросы. Правда, отнюдь не своей проницательности был обязан Маник разгадке.

На обратном пути из Ганчешт километрах в пяти-шести от дома ему повстречался незнакомый паренек. Он сидел на пеньке и явно кого-то высматривал. Подле него паслась пара свец. Паренек заговорил первым, попросил закурить. Пока лесник развязывал кисет, сзади подошли еще двое неизвестных — мужчина и молодая женщина. Поздоровались и тоже потянулись к кисету. Без обиняков, с доброй открытой улыбкой на лице мужчина отрекомендовался:

— Я Александров Виктор, командир партизанского отряда имени Кутузова. Три дня как приземлились. Выходит, соседями будем. А это Катюша, начальник нашего штаба. Знакомьтесь.

Маник машинально пожал руку и назвал себя.

— Андрея вы должны знать, — сказал командир. — Он здешний, из Ульмы. — И назвал фамилию, действительно знакомую Манику.

Лесник старательно раскручивал самокрутку глубокими и частыми затяжками, не в силах произнести ни слова.

Александров и Катюша, к великому удивлению Маника, оказались весьма осведомленными по части его лесничих и прочих дел. Они знали, откуда он возвращался и по какому поводу ходил в Ганчешты. Знали, что обнаружил партизанские следы в лесу. Катюша сказала:

— Мы уверены, Александр Иванович, что в лесничестве вы доложили о полном порядке на вашем участке. Человек, который прятал от фашистов председателя сельского Совета и спас ему жизнь, не мог донести им другое...

Маник еще сильнее затянулся самокруткой и подумал: «Э, да они все знают. Нечего мне перед ними...»

Так впервые лесник Бабеняского урочища встретился с партизанами. На этой встрече обо всем и договорились: где и когда видаться впредь, куда направлять новых парашютистов, как помогать местным крестьянам, пожелавшим стать партизанами, как устанавливать связь с командованием отряда, что доносить в лесничество и в жандармерию и о многом другом. Александр Маник вызвался также наладить снабжение отряда продуктами и куревом, позаботиться, в случае необходимости, о надежном размещении раненых.

Вскоре после отряда Александрова во «владениях» Маника появился отряд «За честь Родины», которым командовал Алексей Иванович Костылев. И хотя костылевский отряд действовал, главным образом, в районе Ганчешты—Лапушна, лесник находил возможность помогать и ему. Дружескую руку лесника Алексей Костылев ощутил в первые же дни

Екатерина
Юшко-Овчаренко.

пребывания на зеленом «островке». Приземлился он неудачно, в темноте напоролся на пень и вывихнул ногу. Ходить стало тяжело, страшная боль мешала заниматься делами отряда. Маник отдал командиру свою лошадь, и он ездил верхом, пока не зажила нога.

От Алексея Ивановича Костылева, проживающего на Северном Кавказе, автору этого повествования пришло письмо. Бывший командир партизанского отряда хорошо помнит Александра Ивановича Маника и с сердечной благодарностью вспоминает о нем.

«Лесник нам крепко помогал, — пишет он, — как материально, так и разведкой. Однажды при его содействии мы

захватили двух вражеских солдат в плен».

Добрым словом поминуют в письмах Александра Маника и другие партизаны. Вот выдержка из письма Екатерины Михайловны Юшко — Катюши, бывшего начальника штаба отряда имени Кутузова: «Они (т. е. семья Маника) очень большую пользу тогда приносили. Сам лесник был у нас как первый провожатый... Мы ходили с ним в разведку. Мне лично приходилось часто бывать в его доме и даже жить несколько недель, когда меня ранило. Раз ночью в хату нагрянули немцы, а я лежу с его детьми, при мне документы, оружие. Он рисковал всей семьей, но жизнь мне спас. Я перед ним в долгу».

Партизаны шутя говорили леснику: «У тебя, Александр Иванович, свой отряд. Тебя надо командиром называть». Эта шутка, впрочем, недалеко была от правды. Вся многочисленная семья Маника, включая престарелых родителей, старалась помочь народным мстителям. Так, бывший комиссар отряда имени Кутузова Владимир Васильевич Можжухин пишет: «Помню, у него (то есть А. Маника) было много детей, и когда мы находились у него в доме, то они охраняли все подходы к дому. У них была устроена тайная землянка...»

Три девушки — Дорина, Наталья и Мария и трое парней — Федор, Николай и Семен (два последних — племянники лесника) с готовностью брались за любое поручение сво-

его «командира» — отца. Постоянным заданием у детей было: ходить по окрестным селам и под видом закупки продуктов в лавках собирать различные сведения, нужные партизанам, — сколько и где стоит войск, в каких местах устраиваются облавы. Все это требовало немалой сноровки и умения вовремя избежать опасности. Лесник и партизаны всегда оставались довольными работой юных помощников.

Само собой разумеется, что парашютисты, обосновавшиеся на зеленых «островках» в кодрах, смогли развернуть активные действия в глубоком тылу врага благодаря сочувствию и помощи населения. Отряды в лесах быстро росли за счет добровольцев, приходивших из близких и дальних сел. Александр Маник принимал активное участие в пополнении партизанских рядов. Его дом на лесной опушке, вдали от населенных мест, превратился в своеобразный призывной пункт. Можно назвать буквально десятки людей, получивших рекомендацию лесника и прошедших через партизанский «призывной пункт».

Вот, например, Иван Павлович Григоращ, бессарабский батрак, хлебнувший на своем веку много горя от богатеев и их защитников — оккупантов. Партизаны из отряда Александра поручили ему сбор разведывательных сведений. Из окна своей хаты, стоявшей у поворота оживленной дороги Ганчешты — Лапушна, он наблюдал за передвижением вражеских войск, подсчитывал, сколько и каких проследовало машин, записывал опознавательные знаки на бортах, вел учет танкам, пушкам, минометам.

Через день точно в условленное время Иван Григоращ явился к полузасохшему дубу на опушке и передал часовому записку с собранными сведениями. Он делал также закупки продуктов для отряда и доставлял их в лес.

Эсэсовским карателям удалось выследить партизанского разведчика. Ивана Павловича схватили, жестоко пытали, но он упрямо твердил одно: «Ничего не знаю, никого в лесу не видел». Тогда арестовали его жену и стали пытаться при нем. Он молчал, сцепив зубы. В комнату внесли котел с кипятком. Эсэсовец заявил: «Если не скажешь, где партизаны, будем купать в кипятке твоих детей». Старуха, мать Григораща, успела спрятать внуков. Не найдя их, фашисты подожгли хату. Ивана Павловича повесили.

Мученическую смерть в гестаповских застенках принял отважный партизан Федор Вылка, но боевых друзей своих не предал. Геройски погиб Григорий Сырбу. Группа партизан, в которую он входил, возвращалась с задания и попала в засаду, устроенную немцами под Логанештами.

Комиссар отряда имени Кутузова Владимир Васильевич Можжухин вспоминает в письме об одной группе, которую

привел в отряд местный крестьянин Попович: «Когда мы их встретили, у них на вооружении была одна винтовка и два трофейных пистолета, но самым дорогим для нас оружием было их знание молдавского языка и местных условий».

Партизанские агитаторы вместе с молдаванами, служившими переводчиками, вели политическую работу среди населения. Комиссар подчеркивает, что благодаря участию молдаван, попытка оккупантов провести мобилизацию крестьян в армию была по сути сорвана, большинство мужчин призывного возраста ушло в лес.

Под влиянием поражений гитлеровцев на фронте и успешных действий партизан в тылу усиливалось дезертирство из армии оккупантов. Бежали в одиночку и целыми группами. Обычно дезертиры искали возможности сдать партизанам, чтобы на их лесных становищах дожидаться прихода советских войск и попасть, так сказать, в законный плен.

Однажды восемь дезертиров румын и немцев прибудились к сторожке лесника Александра Маника. Пришли они под вечер, грязные, обросшие бородами. Одеты, как говорится, во что бог послал, видимо, для того, чтобы скрыть свою принадлежность к бесславному фашистскому воинству. Попросились переночевать. Маник воспротивился: может случиться облава, и тогда несдобровать ни самим дезертирам, ни семье, приютившей их. Немцы подавленно молчали, ожидая конца переговоров румын с лесником. По виду лесника и по тому, как румыны пытались уговорить его, они догадывались, что ничего из этих переговоров не выйдет. У Маника спрашивали, как встретиться с партизанами, не верили, когда отнекивался, будто знать не знает ничего о них: живешь-де в лесу, работаешь в нем, а в лесу партизаны, — это известно всем... Но Маник стоял на своем. Дезертиры посоветовались между собой и понуро двинулись к лесу. На всякий случай незаметно за ними пошли дозорные лесника — Семен и Федя, чтобы проследить, чем закончатся их блуждания по зеленым партизанским владениям.

Мальчики увидели, как внезапно на лесной поляне дезертиры были окружены вооруженными людьми, выступившими вдруг из-за деревьев. Пришельцы остановились. С готовностью подняли руки вверх. Улыбками на давно небритых лицах пытались возместить отсутствие каких-либо объясняющих их состояние документов. Семен и Федор повернули в обратный путь, но, не сделав и сотни шагов, сами попали в ситуацию, похожую на только что виденную...

— Стой! Кто идет? — раздалось в двух шагах сначала по-русски, а затем по-молдавски.

На тропинке перед ними встал человек с автоматом. Вы-

сокий человек в молдавской кушме казался в лесных сумерках великаном, и ребята порядком-таки трусили, завидев его.

— Ной есте фамилия Маник, — пролепетал Семен.

— Документеле, — потребовал великан.

Документов не было. Ребята вместо ответа предпочли, переминаясь с ноги на ногу, рассматривать траву. Они не могли поэтому заметить, как, погасив улыбку, великан потребовал вести его к леснику, если они действительно Маники...

К великому изумлению ребят, незнакомец, завидев сидевшего на пороге лесной сторожки Александра Маника, воскликнул:

— Саша! Буна сара!

Отец тоже поприветствовал гостя.

Когда обменялись паролем, по-братски обнялись. Ребята там все стало ясно: знали они друг друга и раньше, а теперь, удостоверившись, что оба принадлежат к партизанам, очень обрадовались. Больше того, оказалось, что Петр Никулаевский, как звали великана, уроженец села Ульма, направлялся к Александру Манику со специальным заданием от Виктора, командира отряда имени Кутузова. В конце концов они уединились на кухне, где мать по просьбе отца поставила на стол кувшин вина и источавшую соблазнительный аромат яичницу.

О чем они говорили, занавесив окна рядом, домашние лесника, конечно, не знали, но утром Александр Иванович за столом сказал:

— В Ульме беда. Там эсэсовский батальон. Многие в селе арестованы. Может, и не так страшно, как Никулаевский рассказывает, но быть осторожными надо...

Всю ночь после ухода Петра Никулаевского лесник присидел на крыльце, прислушиваясь к тревожным звукам, долетавшим из темноты. Чудилось ему, в лесу идет какая-то возня: будто подкрались к партизанам неслышно и хотят без выстрела задуть их, то где-то заворчат немецкие мотоциклы, окружая лес, то донесется шум самолетов, и вот-вот над лесом зашуршат партизанские парашюты. Не первую ночь сидел так. С тех пор, как появились в его обходах люди, попрыгавшие с неба, он научился особенно чутко прислушиваться к шуму.

Нестерпимая жара в кодрах внезапно оборвалась бурной грозой. На землю обрушился ливень. Через несколько часов гроза поутихла, но дождь не прекратился. Зарядил, что называется. Ровный однообразный шум его мог продолжаться весь день, всю ночь и еще весь следующий день, пока дождевые потоки не охладят раскаленную зноем землю, не

Лена Новикова.

омоют пыльную листву на деревьях до первозданной чистоты.

В лесную сторожку в такую пору закрадывалась скука. Точно было сидеть сложа руки, слушать надоедливое гудение мух под низким потолком и смотреть, как по окну все бегут и бегут бесконечные струйки. Мария Павловна с матерью хлопотала у печи, отец-старик дремал на лавке, подмостив под бок кожух, дети, притихшие, разбрелись по углам. В тот день еще до грозы лесник Александр Иванович уехал в Ганчешты и к вечеру не успел вернуться. В семье рано поужинали и, не зажигая лампы, стали укладываться спать. Вдруг в окно постучали. Прислушались. То был

условный знак. Мария Павловна открыла сама. В хату вошли трое: мужчина в мокрой шинели и две женщины, такие же мокрые и тоже в шинелях, подпоясанных бечевкой. Мужчина о чем-то переговорил с Марией Павловной и тут же удалился. Женщины остались. В темноте их лиц рассмотреть не удалось.

— Ноапте бунэ. Спите, — сказала Мария Павловна, обращаясь к детям и увела поздних гостей к себе. Вскоре в лесной сторожке воцарилась тишина, и только со двора доносился убаюкивающий шум ночного дождя.

В эту ночь Марии Павловне отдохнуть почти не удалось. Переодев промокших гостей во все сухое и уложив их спать, она ушла на кухню и принялась за стирку. Две гимнастерки и две юбки, две пары белья, чулки, косынки — набралось целое корыто. Стирала, тщательно терла партизанскую одежду, и невольные слезы застилали глаза. «Бедные дети, — думала жена лесника, — разве не лучше им остаться бы дома, спать в своей постели, чем так вот скитаться по лесам, быть в грязи и голоде. А что ожидает их еще на этой проклятой войне?» Назвать своих ночных гостей детьми она имела право: Катюше Юшко, начальнику штаба партизанского отряда, в то время едва минуло двадцать, а радистке Лене Новиковой исполнилось всего семнадцать. Как выяснилось потом, по настоянию командования отрядов обе девушки были направлены в сторожку лесника, чтобы, воспользовавшись дождем, немного отдохнуть в нормальных условиях и привести себя в порядок.

Развесив у теплой еще с обеда печи постиранное белье,

Мария Павловна прилегла на часок, а чуть забрезжил дождливый рассвет, поспешно встала и принялась досушивать постиранное под утюгом. Когда семья проснулась, все уже было готово. Попросила детей вести себя потише, чтобы не разбудить партизанок. О том, что вчера вечером пришли партизаны, дети, конечно, догадались сами. К тому же мать и не встревожилась, увидев гостей. Значит, свои... Как только гости поднялись, лесничиха пригласила их прежде всего искупаться. На кухне за печкой стояло приготовленное корыто, а в печке булькал большой чугунный казан горячей воды. Девушки не заставляли повторять приглашение. Мылись долго и с наслаждением, не спеша расчесывали волосы и все не могли налюбоваться на домотканые крестьянские рубахи, в которые одела их добрая Мария Павловна.

Вернулся из Ганчешт лесник. Дружелюбно приветствовал Катюшу, познакомился с новенькой. Завтракали все вместе за большим столом: семья молдаванина и две девушки-партизанки, украинка Катюша и русская Лена. Впрочем, если бы прохожий заглянул в окно, то не отличил бы двух партизанок в семье Маника. В молдавских расшитых кофточках, широких юбках и босиком, они казались родными сестрами дочерей лесника.

Ушли девушки из гостеприимной сторожки лишь на следующее утро. Дождь уже прекратился, над лесом голубело обновленное грозой небо, и жаркое солнце ласкало землю. Возвращались в лес довольные, отдохнувшие. Было приятно босыми ногами ступать по мягкой мокрой траве. Вокруг было так хорошо, и не хотелось верить, что где-то совсем рядом затаилась опасность. Идут две подруги, две девушки-крестьянки по тропинке в лес с пестрыми десагами через плечо. А зачем идут, никто не знает. Говорят, после дождя большой урожай на грибы. Наверное, за грибами...

Катюша Юшко еще не раз после этого бывала в приветливой семье лесника, а Лене Новиковой больше не довелось. 5 июля гитлеровцы начали облаву. Отряд «За честь Родины» завязал бой с окружившими партизанское становище карателями. Однако выстоять против численно превосходившего врага было невозможно. Был дан приказ: немедленно уходить врассыпную. Лене удалось проскочить незамеченной сквозь цепь яростно наседавших фашистов и выйти на дорогу, ведущую к Болчанам. Она уже спокойно подходила к селу, когда была остановлена румынским жандармским пикетом. Жандармам показалось подозрительным, что крестьянская девушка, которую они окликнули, что-то невнятно пробормотала в ответ и прибавила шагу. Задержали, заглянули в десагу, а там лежала рация с питанием, код, пара гранат и пистолет. Задержанную немедленно передали гестаповцам.

Через полчаса серый «оппель», поднимая вихри пыли, помчался из Болчан в Кишинев. В машине находились три гестаповца и Лена Новикова.

В кишиневском гестапо поимку радистки расценили как крупную удачу. Теперь, не медля ни минуты, нужно было воспользоваться кодом. Первый допрос радистки, однако, ничего обнадеживающего не дал. Лена наотрез отказалась называть позывные и волну своего передатчика, без чего код оставался пустой бумажкой.

На первый раз с пленницей обошлись весьма корректно. Заводили разговор даже на отвлеченные темы, но без обиняков намекнули, что, если она будет упорствовать, придется применить меры другие, отнюдь не джентльменского порядка. Ее отвели в камеру и дали час на размышление.

В этот подаренный ей час Лена думала о товарищах. Что с отрядом? С друзьями? После выхода из кольца карателей они, наверное, вновь собрались все в условленном месте. Все, кроме нее. Решили подождать. Минут час, второй, третий... Сколько же прошло времени с момента ее ареста, пыталась сообразить Лена и ужаснулась: не меньше семи часов... Им очень тяжело оставаться без рации, без связи со штабом. И они, конечно, волнуются за ее, Ленину, судьбу... Теперь уже строят догадки: где Лена, что с ней? Пошлют разведчиков в Болчаны и... все узнают. Лене стало нестерпимо жарко. «В плену... в плену... в плену...» Сознание, что это произошло с ней, что это факт, пронизывало все ее существо точно электрическим током, вызывая жгучую боль. «А вдруг они там, в отряде, подумают, что под пытками она не выдержит и предаст их?»

Дверь открылась, ее снова повели на допрос. Лена молчала. Ей приказали раздеться догола. За спиной раздался неприятный скрип. Она обернулась: эсэсовец возился у какого-то деревянного сооружения, чем-то напоминающего столлярный станок. Сомнений не было — это для нее. Лена пошатнулась и упала. Грубо подняли, плеснули в лицо водой. И тогда она едва выговорила: «Я согласна...»

Палач покинул комнату. Лена поспешно одевалась. Гестаповский офицер, производивший допрос, позвонил по телефону. Вошел еще один офицер, они о чем-то переговорили и увели Лену вместе с переводчиком по длинному коридору в другое помещение. Лена увидела на столе свою рацию.

У нее дрожали руки, когда она зашифровывала своим кодом составленное гестаповцами донесение. Подавляя волнение, она, наконец, справилась с шифровкой. Немцы проверили. И одобительно улыбнулись ей.

Лена надела наушники и включила рацию. Был уже поздний вечер, может быть ночь, шторы на окне опущены,

горит настольная лампа — время как раз такое, что там, по ту сторону фронта, дежурный радист уже ищет в эфире позывные партизанских отрядов. И Лена Новикова вышла в эфир...

Ее сигнал был принят очень скоро. Рука легла на ключ удивительно твердо. Точка... тире... точка... тире... Всего три минуты работы. Донесение небольшое, эсэсовцы были по-немецки предельно краткими, и Лена выключила рацию. Офицер второй раз за время допросов улыбнулся ей и достал из стола коробку конфет:

— Битте, фрейлейн...

Лена протянула руку.

Вошел гестаповец, тот самый, которого офицер, производивший допрос, вызвал по телефону. Он держал какую-то ленту и, указывая на Лену, о чем-то возмущенно говорил. Потом через переводчика они спросили, что означают лишние три сигнала, которые она передала в партизанский штаб. Лена молчала. Гестаповцы сверили записанное на параллельном аппарате донесение с кодом и повторили вопрос. Лена пожала плечами. Ее схватили за руки и стали выкручивать. Переводчик, как попугай, повторял:

— Что означают лишних три знака?

Превозмогая боль, Лена торжествующе крикнула:

— Я передала им, что я не предатель!..

Сильный удар по голове свалил ее на пол.

Очнулась и с удивлением увидела: над ней стояли какие-то люди в лохмотьях, с изможденными лицами. На глазах у них были слезы. С ней заговорили по-молдавски, потом порусски. Ей сказали, что она в лагере для военнопленных и арестованных по подозрению в сочувствии Советам. Принесли ее к утру, страшно избитую, без сознания, думали, уже конец. Лена попробовала пошевелиться — руки и ноги были точно налиты свинцом. В глазах закрутилась пестрая карусель, и она снова погрузилась в бездонную темноту.

Лену Новикову видели в том лагере арестованные гитлеровцами жители села Лапушна Филипп Николаевич Букур и Иван Георгиевич Чебан. Им посчастливилось дожидаться освобождения, они и сейчас живут в своем родном селе.

Комиссар Можжухин в одном из своих писем к автору вспоминает: «Однажды утром к нам пришли крепко потрепанные бойцы из отряда Костылева и сообщили, что их радистка при облаве попала в плен с рацией и кодом. Мы об этом тут же сообщили в УШПД (Украинский штаб партизанского движения), нам оттуда было потом сообщено, что она выходила на связь по заданию немцев, но условным знаком известила УШПД, что находится в плену...»

Так партизанская радистка комсомолка Лена Новикова выполнила свой долг перед Родиной.

Вот уже двадцать лет родители отважной партизанки, проживающие на Брянщине в городке Почеп, разыскивают пропавшую без вести дочь. То, что им удалось установить, мы здесь рассказали. Но как погибла Лена, где ее могила — это пока неизвестно. В поиски включились комсомольцы, молодежь и пионеры Котовского района. Первым начал сбор материала о жизни и борьбе Лены Новиковой отряд «Красных следопытов» восьмилетней школы в селе Болчаны, в том самом селе, где когда-то была схвачена фашистами юная партизанка.

...А лесник по-прежнему аккуратно являлся в Ганчешты, и, став в угодливую позу перед шефом, доносил:

— В урочище Бабеняса все в порядке. Порубок, пожаров не было. Чужих не видел. Листовок не находил...

Шеф слушал его сперва с некоторым, а потом с явным недоверием. И однажды лесник заговорил по-другому.

— В урочище Бабеняса мною найдено восемь закопанных в яме парашютов, три пустых консервных банки. Все это я привез с собой. Разрешите показать?

Шеф позвонил немецкому коменданту. Явился эсэсовский офицер. У Маника отобрали привезенное, осмотрели, потом приказали сесть в машину с немецким офицером и переводчиком. За юрким «оппелем» следовали крытые брезентом немецкие грузовики с карателями. Лесник показал место, где он нашел парашюты. Немцы порыскали вокруг, беспорядочно постреляли из автоматов и уехали. Лесника похвалили за донесение и обязали являться в комендатуру почаще. Манику ничего не оставалось, как повиноваться. И почти в каждый свой приход в комендатуру он приносил какое-нибудь вещественное доказательство присутствия партизан в лесу: парашюты, листовки, обрывки советских газет, пустые консервные банки, разбитые батареи от портативных радиостанций. В комендатуре эти донесения выслушивали, делали какие-то пометки на карте, однако карательные отряды по горячим следам не посылали.

Но одно известие всполошило эсэсовцев. Александр Маник утверждал, что у села Сарата-Мерешены на опушке леса он встретил 12 партизан в форме немецких солдат. Вооружены они были до зубов: немецкие автоматы, пистолеты, гранаты, у двоих — ручные пулеметы. Один партизан с отличиями офицера говорил по-немецки. Маник приветствовал их, как положено: вскинул вытянутую руку и крикнул «Хайль Гитлер». «Однако, к моему удивлению, — рассказывал лесник, — человек в форме немецкого офицера ответил по-русски: «Мы партизаны, а не фрицы. Сейчас же поворачивай назад и сиди

дома целые сутки. Никому ни слова, что видел нас, иначе капут». Я перепугался и бросился наутек домой. Только на следующий день решился пойти в Ганчешты, но не через Сарата-Мерешены, а через Лапушну». Встревоженный комендант долго допрашивал лесника, путанными вопросами пытался сбить с толку и тем самым убедиться в степени достоверности сведений Маника. Много раз спрашивал одно и то же: случалось ли, что партизаны заходили в лесную сторожку? Маник отвечал твердо: нет, ни разу, они боятся вашей засады...

На сообщение Маника комендатура реагировала мгновенно. Началась сплошная проверка документов у всех немецких команд, прибывающих в населенные пункты идвигающихся по дорогам. Была установлена особая отметка на личных документах. Возникло множество недоразумений. Задержанных пачками отправляли в комендатуру, оттуда целыми днями неслись шум, крики, ругань. Хлопот у перепуганных гитлеровцев было по горло.

Читателю нетрудно догадаться, что «двойная игра» Маника была, конечно, известна в партизанском отряде. Больше того, ею руководил сам командир отряда Виктор Петрович Александров. Это он придумал легенду о появлении партизан в немецкой форме и научил лесника, как преподать ее господину коменданту. Все другие донесения Маника также предварительно обсуждались с Александровым. В партизанском лесном штабе это называлось «забросить удочки». «Все дело в наживе, — шутил Александров, — чем жирней кусочек на крючке, тем верней рыба клюнет. Это любой рыбак скажет...»

На версию о партизанах в немецкой форме комендантская «рыба» клюнула, и вся кутерьма с проверкой документов изрядно испортила нервы гитлеровским войкам.

Клюнул однажды на ложное сообщение о якобы задуманной партизанами операции под Лапушной и командующий армейской группой генерал Думитреску. Он снарядил туда до двухсот карателей, и все они попали в засаду. По крайней мере пятьдесят солдат пало под меткими очередями из автоматов, три грузовика были сожжены.

Кроме того, Виктору Петровичу Александрову нужно было заботиться и о том, чтобы укрепить доверие оккупационных властей к леснику, а здесь без «достоверных» сведений и вещественных доказательств не обойдешься...

Как-то Александр Маник доложил шефу, что, обходя лес, встретил человек пятнадцать неизвестных. Были они вооружены и с лопатами. Застал их за подозрительной работой: откапывали заброшенный старый колодец. Это на просеке, которая выводит на лапушнянскую дорогу. «Они предупреди-

ли меня, — закончил Маник, — что если я донесу немцам или жандармерии, мне будет плохо...» Шеф отметил на карте указанное Маником место и сказал:

— Ничего они тебе не сделают, — ты же пришел не к немцам и не к жандармам, а в лесничество «по своим делам».

Он приказал Манику выйти из кабинета и подождать. Сидя в приемной, Маник слышал сквозь неплотно притворенную дверь, как шеф с кем-то долго разговаривал по телефону, потом к лесничеству подъехала машина, из которой вышел немец и проследовал в кабинет. Как только он уехал, Маника вызвали.

— Тебе задание, — сказал шеф, — проследи, когда они там закончат откапывать колодец, и высыпи туда содержимое этой коробочки. Поручает тебе это сам господин генерал...

В следующий приход Маника к шефу не пустили, а велели немедленно идти в жандармерию. И первое, что спросили там, — о коробочке.

— Ты высыпал?

— Так точно, вчера при обходе квартала.

— Врешь.

— Проверьте...

Жандармский локотенент побагровел, схватил лежавший на столе стэк и наотмашь ударил Маника по лицу. Рассеченная губа засочилась кровью. Лесничий оторопело смотрел на жандарма. Приложил платок к губе. А жандарм орал, словно не он ударил человека, а его самого полоснули.

— Снюхался с ними? Мы все знаем...

Он кричал истерично, а Манику становилось ясно, что толком им ничего не известно, но, видимо, подозрения какие-то возникли. Откуда бы это? Вроде бы все он делает осторожно, как всегда. Случалось, забредали немецкие патрули. С ними не страшно: поднесешь по стаканчику и выпроводишь. Однажды ночью нагрянули немцы, а в доме как раз ночевала Катюша-партизанка. Все обошлось... И тут Маник подумал о Баркаре. Есть такой в Сарата-Галбенэ, подальше бы от него... Никогда не приходил, а теперь повадился, в приятели набивается. Вспомнился его последний приход. «Бунэ зиуэ. Кум трэешть?» Ничего, спасибо. Постояли, покурили. Собрался уходить — попросил воды напиться. Поднес кружку к губам и спрашивает: «Не отравленная?» «Бог миловал», — спокойно ответил Маник. А Баркарь наклонился к уху лесника и говорит: «Ходят слухи, что партизаны начали колодцы травить. До чего обнаглели, а? Надо в оба смотреть»...

Только теперь, стоя перед орущим жандармом, Маник сообразил: ой, неспроста ходит этот Баркарь...

В тот же вечер, найдя в известном ему месте партизанский караул, Маник попросил провести его к Александрову.

Командир отряда встретил его дружеским рукопожатием. «Хорошо, что пришел, — сказал он. — Сейчас у нас вроде общего собрания будет. Приглашаю официально...»

Впервые Маник присутствовал на таком собрании партизан. В овраге неподалеку от становища собрались представители отрядов, действовавших в данном районе. Были здесь командиры отряда «За честь Родины» Костылев, отдельной диверсионно-разведовательной группы Алмазов, его комиссар Солодовников, начальник штаба отряда имени Кутузова Катюша Юшко и другие. В сумерках, сгущавшихся над оврагом, Маник едва различал знакомые лица партизан и среди них своих земляков, за которых он ручался перед командирами.

Из докладов командиров вырисовывалась общая картина партизанской борьбы с фашистскими захватчиками в кодрах. Отряды, обосновавшиеся в ганчештских лесах, контролируют территорию радиусом 35—45 километров. С местным населением установлены прочные дружеские связи. В партизанские отряды добровольно вступили жители Логанешт, Ульмы, Стольничен, Чучулен, Кристешт, Ниспорен, Варзарешт, Сарата-Мерешен, Ниморен, Лозово и других сел. В них имеются связные и разведчики, налажены явки, намечены дома, где можно укрывать и лечить раненых, работают организаторы по сбору и закупке продовольствия.

Удары партизан по врагу становятся день ото дня все ощутимей. Благодаря хорошо поставленной разведке с помощью местного населения удается успешно устраивать засады и наскоки на отдельные подразделения противника. Так, например, только 13 июня в засаде на шоссе Лапушна—Ганчешты (это докладывала начальник штаба отряда имени Кутузова Катюша Юшко) уничтожено более 20 оккупантов. В тот же день на дороге Болчаны—Сарата-Мерешены был подбит немецкий мотоцикл, а мотоциклист уведен в лес. Вечером того же дня группа, которую водила в засаду сама Катюша Юшко, на дороге Лапушна—Болчаны отправила на тот свет 12 фашистов. В этой стычке была ранена Катюша. Ночью ее переправили в домик к леснику Манику, где она и находилась в течение двух недель до выздоровления. В июне совершено еще три нападения на гитлеровцев, убито 20 фашистов.

Несмотря на меры, принятые карателями против партизан, их боевые действия в июле еще больше активизировались, участились засады, внезапные налеты на жандармские посты, повреждения телеграфных и телефонных линий. На заминированных участках дорог подрывались автоколонны и конные обозы. А в конце месяца группа в 12 человек во главе с Анатолием Степановым у села Спориец вступила

в бой с целой румынской ротой. Подпустив противника метров на сто, партизаны открыли огонь из автоматов. Солдаты в панике бежали. Офицеры заставили роту окопаться и ввести в действие пулеметы. Тогда горсточка смельчаков партизан ползком забралась в тыл вражеской цепи и забросала оккупантов гранатами.

Однако на выручку попавшей в засаду роте уже спешило подкрепление. Партизаны начали отходить, но огня не прекращали, нанося урон нападавшему врагу. В этом бою пал смертью героя Андрей Павленко. Тяжело ранен Григорий Малышев. Уйти со своими он уже не мог и, пока у него оставались патроны, продолжал отстреливаться, не подпуская к себе фашистов. Последний патрон оставил для себя, живым в плен не дался...

Партизаны встали и минутой молчания почтили память павших товарищей. Александр Маник встал вместе со всеми. В овраге было уже совершенно темно, присутствие многих людей в наступившей тишине чувствовалось по дыханию, единому и согласному, будто они пели молчаливую и величественную песню без слов. Взволнованно слушал эту песню лесник. Печаль сжимала сердце. Но под пеленой печали неудержимо росло и ширилось радостное ощущение близкой свободы: оккупантов-то бьем — и на фронте и в тылу!

Доклады представителей отрядов продолжались. Выступавшие с удовлетворением перечисляли успешные действия против оккупантов. Обстановка складывалась явно благоприятная для развертывания дальнейшей борьбы. Фронт уже близко — на Днестре, и во многих местах части Советской Армии перешагнули речной рубеж. По всему видно, что у нашей армии сейчас передышка. Она накапливает новые силы для решительного удара, в результате которого фашистские захватчики будут изгнаны с молдавской земли.

Вместе с тем Александров, Костылев, Можжухин и другие призывали бойцов к усилению бдительности, предупредили о назревающей вспышке ярости у карателей в предчувствии неизбежного конца. Имеются тревожные сведения: на проведение карательных операций переброшены учебная дивизия румын и два немецких мотополка. Усиливаются гарнизоны в Ганчештах, Карпиненах, Ульме и ряде других пунктов. Надо быть готовыми к отпору карателям.

После совещания лесник рассказал Александрову о своих опасениях. Появление Баркаря встревожило командира — тут и гадать нечего: подослали для провокации. Чтобы обмануть бдительность жандармов, Александров посоветовал Манику пожаловаться жандармам на партизан: угрожают, мол, уничтожить всю семью за то, что отказываюсь помогать им, изобразить при этом смертельный испуг на лице и попросить

разрешения переселиться из лесной сторожки в Болчаны, где есть защита — румынские солдаты.

Маник так и поступил. Жандармы поверили и не возражали против переезда Маника. Обязанности лесника он должен тем не менее выполнять и по-прежнему информировать жандармерию о том, что происходит в лесу.

Вскоре Маник переехал. Домик на лесном кордоне опустел. Из большого семейства в нем осталось только четверо: старики — Павел Константинович и Елизавета Николаевна да двое детей Маника — Дорина и Федя. Жандармам объяснили: старики остались, их ведь партизаны не тронут, а они как-никак за огородом присмотрят, хозяйство постерегут, жалко ведь бросать... На самом же деле надо было во что бы то ни стало сохранить для партизан лесную сторожку как место хранения поступавших для отряда продуктов.

Елизавета Николаевна почти ежедневно пекла хлеб, но его отряду не хватало. Наладила выпечку хлеба в Болчанах и Мария Павловна. Его доставляли на лесной кордон Николай с Семеном, изредка — Наталья и Мария.

Баркарь, однако, не прекратил своих посещений. Переезд Маника в Болчаны его нисколько не смутил. Он, как и раньше, появлялся у калитки где-то около полудня. Поздоровается с Павлом Константиновичем (теперь он выходил встречать непростого гостя), посетует на жару, на тяжелые времена, поругает и немцев, и румын, и партизан, иногда попросит попить и пойдет своей дорогой. Маник сто раз наказывал отцу быть с этим Баркарем осторожным в разговорах. Но ни он сам, ни Александров не знали, что жандармский согладатай повадился на лесной кордон не только днем, но и ночью, и в темноте пробирался к сторожке не один, а с вооруженной подмогой, что сидел, притаившись в кустах, до первых утренних петухов в надежде выследить связи лесника с партизанами. Никто в отряде не знал, как и куда пропали три бойца, посланных в полночь за водой к колодцу на лесном кордоне. Думали, случайно наскочили на патруль...

Стал замечать Маник, что переселение в Болчаны не устранило подозрительности жандармов к нему. Нескольким раз по пути из Болчан к лесной сторожке они останавливали и Николая, и Семена, и его самого, придирчиво допытывались, куда и зачем идут, что несут в корзинах. А лежали там свежее испеченные хлебы для партизан... Жандармам же говорили, что хлеб предназначенся старикам, оставшимся в сторожке, и двум детям при них. В другой раз днем нагрянули в лесную сторожку с обыском и все допытывались, кто бывает здесь.

Судя по всему, опасения Александрова и Можжухина оправдались: оккупанты, бессильные помешать развитию

партизанских действий, готовились к широким карательным операциям и кровавой расправе с населением. По дорогам рыскали эсэсовские команды. Облавы могли начаться в любую минуту...

Из предосторожности партизаны теперь реже навещали сторожку на опушке леса. Но однажды наведались сразу трое — Катюша, Можжухин и Никулаевский. Старики на радостях захопотали, бросились накрывать на стол. Гости от угощения отказались, — они очень спешили. Зашли предупредить: в сторожке жить опасно, надо немедленно ее покинуть. Петр Никулевский рассказал о несчастье, постигшем его родное село Ульму. Каратели расстреляли восемнадцать односельчан, схватили жену его Евдокию Георгиевну вместе с грудным ребенком в качестве заложницы и всячески издеваются над ней.

На дверях лесной сторожки повис замок. Некогда шумный домик, населенный дружной семьей, опустел. Федя с Дориной ушли к родителям в Болчаны, старики подались в Сарата-Мерешены, где у них были хорошие приятели. Но, конечно, заботы и думы о покинутом гнезде на лесном кордоне не покидали никогда их обездомевшей и разбросанной семьи.

Пренебрегая опасностью, Павел Константинович и Елизавета Николаевна решили побывать в домике, посмотреть, что там и как. Было воскресенье. Солнечное, омытое ночным дождем утро предвещало тихий теплый день. Только пришли старики, открыли дверь, как стукнула калитка, и во дворе появились Дорина и Федя, а за ними следом и Николай с Семеном. Ребятам удалось уговорить отца отпустить их из Болчан. «По воскресеньям жандармы и немцы пьянствуют, — твердили дети, — ты же сам знаешь. А мы обернемся быстро, только туда и обратно». Старики очень обрадовались, увидя внуков. Бабушка Елизавета Николаевна развела огонь в печи и принялась варить мамалыгу, дети насобирали в огороде спелых августовских помидоров, — обед получился хоть куда. Сели за стол, и показалось им на мгновение, что никаких горестей и бед нет на свете. Поднимавшийся из казанка пар казался таким вкусным, каким он еще никогда не был.

Вдруг Дорина прислушалась: будто собачий лай и крики вдали. Над девочкой посмеялись — это же галки подняли возню.

Опять донесся далекий лай, но уже явственней, и его слышали все. Прогремел выстрел, затрещали автоматные очереди. А собачий лай раздавался так близко, что за столом все вздрогнули. Воцарилось тревожное молчание.

Облава!

Бабушка встала и вышла на порог. И тут же свалилась, сраженная очередью из автомата.

Никто не успел выскочить из домика. Фашисты, ворвавшись в него, прошли пулями всех, кто сидел за столом.

Собаки, яростно натягивая поводки, тащили эсэсовцев дальше.

Хворост, облитый бензином, запылал жарким костром у самого крыльца. Языки пламени лизнули двери, беспрепятственно проникли в домик и лихорадочно запрыгали в безумной пляске по тесному жилищу лесника.

В тихую погоду дым поднимается высоким прямым столбом в небо. Белую вершину дымного столба видели даже в Сарата-Мерешенах и недоумевали: что бы это могло так гореть на лесном кордоне...

Каратели неистовствовали. Убийствами, поджогами, издевательствами они вымещали свою злобу на мирных жителях. Все попытки окружить и уничтожить партизан терпели провал. Ничего не дал и свирепый набег на урочище Бабеняса. Отряды, базировавшиеся в этих лесах, в полном порядке покинули стоянки и избежали окружения. Сделали они это по приказу из партизанского центра. События, назревавшие на фронте, требовали максимальной активизации боевых действий в тылу противника. То был канун нашего крупного наступления, вылившегося в знаменитую Яско-Кишиневскую операцию.

В своих письмах к автору бывший комиссар отряда Можжухин вспоминает о напряженных днях перед тем, как партизаны встретились с наступающими частями Красной Армии.

Перед отрядами, действовавшими на территории нынешнего Котовского района, стояли две задачи: взорвать мост через Прут у Леушен и перерезать асфальтированную дорогу Кишинев — Хуши, когда немцы начнут отступать. «Задание получили 19 августа, — вспоминает Владимир Можжухин, — а на следующий день радист в лесу принял из УШПД радиограмму о начале наступления 2-го и 3-го Украинских фронтов. Партизанский центр призывал всеми силами помогать громить фашистов».

Одна группа немедленно двинулась к Пруту, а остальная часть отряда с присоединившейся группой Алмазова направилась к дороге Кишинев — Хуши. «Когда мы к ней подошли, — пишет Можжухин, — то увидели усиленное движение по ней в оба конца. Выполнение задачи затруднялось еще и тем, что немцы срубили лес вдоль шоссе по сто метров шириной с каждой стороны, боясь партизанских действий. Но приказ надо выполнять».

Посоветовавшись с товарищами, Александров разделил отряд на две части. Одна группа бойцов, которую он возглавил сам, дождавшись ночи, пересекла дорогу. Другая, с ко-

торой были Алмазов и Можжухин, осталась на месте. Позицию выбрали как раз перед крутым спуском в сторону села Лапушна.

Весь следующий день 21 августа партизаны просидели, притаившись в кустарниках, так и не сделав ни одного выстрела: Александров не подал сигнала к выступлению. Смотри на противника, безнаказанно убегающего на запад, провожай его глазами и не смей угостить пулей — это для равных в бой партизан было поистине непосильным испытанием. К тому же строжайше запрещено курить и лишний раз подниматься с земли, чтобы не обнаружить себя. Сдерживали себя мыслью о том, что командир поджидает наилучшего момента, когда на дороге скопится как можно больше фашистов, и такой ситуации, при которой внезапный удар создаст основательную пробку.

Прошел весь длинный день и ночь и еще чуть ли не половина следующего дня 22 августа, когда, наконец, как говорит Можжухин, «немец повалил дураком». Над дорогой разорвалась пущенная Александровым ракета. В тот же миг обе партизанские группы открыли яростный уничтожающий огонь. Застигнутые врасплох, немцы в панике заметались как ошалелые. Это было необыкновенное зрелище! Насколько просматривалась дорога, вся она оказалась запруженной высокими немецкими автофургонами и прочей техникой по четыре и по пять в ряд. Некоторые группки гитлеровцев, обойдя «пробку», пытались опрокинуть и рассеять партизан, но меткие очереди буквально скашивали цепи противника, и, падая на дорогу, вояки фюрера еще больше закупоривали ее. Подоженные партизанами машины запылали десятками факелов...

«Выполнив задачу, вспоминает Можжухин, мы двинулись к домику лесника, рассчитывая, что немцы будут искать для отхода проселочные обходные дороги. Так оно и вышло. Утром немецкие разведчики-мотоциклисты проследовали через хорошо нам знакомую поляну, на которой стоял домик лесника, а следом за ними двинулось и целое подразделение. Пропустив разведчиков (их на выходе из леса к Сарата-Мерещенам уничтожил наш радист Вася Любушкин), мы повели огонь с очень близкого расстояния и почти полностью уложили всех, кто шел в голове колонны. Остальные бросились вспять».

Отряд Александра, сохраняя боевые порядки, двинулся в Логанешты, которые уже были освобождены нашими частями. Там, в Логанештах, соединившись с регулярными войсками, отряд и закончил свой партизанский почти полугодовой рейд. Вскоре вернулась и группа, ушедшая с заданием на

Прут. Мост она взорвать не успела — наступающие войска опередили ее. Всесокрушающей стальной лавиной Красная Армия устремилась на запад.

Погожим апрельским днем мы мчались на юрком «газике» по дороге из Котовска в Сарата-Галбенэ. Сегодня, увы, в урочище Бабеняса по воздуху не попадешь. Партизанские «аэродромы», разумеется, давно закрыты, а открывать авиалинию из Кишинева на Котовск нет никакого смысла — тридцать шесть километров асфальтированного шоссе, отходящие столицу республики от районного центра, автобусы и такси преодолевают быстрее, чем успеешь просмотреть газету. С нами в машине находился Илья Григорьевич Брынзей, сторож Котовской районной больницы, вызвавшийся быть нашим проводником по партизанскому лесу.

Свернув с асфальта, машина покатила по проселочной дороге, еще не просохшей от недавних дождей. Дня три подряд шли дожди, теплые, обильные, сопровождаемые веселыми раскатами грома, очень раннего в нынешнюю весну. Потом брызнуло яркое солнце, земля запарила, пригорки вдоль дороги покрылись молодой травой, и деревья, напоенные влагой, набухали почками, — не сегодня-завтра из них должны пробиться острые листочки, похожие на нежные язычки зеленого огня, и осветить серое переплетение ветвей.

Вдали показался лес. «Газик» мчался проворно, насколько позволяли мягкие ухабы весеннего проселка. И чем ближе становился лес, тем все больше он поражал нас угрюмой бронзовой красой. Дубы на опушке, охранявшие лесное безмолвие, еще одеты в свой прошлогодний убор — тяжелые бурые листья, как латы, уцелевшие на осенних ветрах и зимних морозах.

На самом пороге леса проселок обрывался, и мы покатили дальше по тропе, устланной такими же бронзовыми латами, какие висели на ветвях кряжистых дубов. Мокрые лесной сыростью и поблескивающие на солнце, что пробивалось сюда с голубого весеннего неба, эти листья-латы и создавали в лесу неповторимо прекрасную и суровую картину.

На перекрестке лесных троп Илья Григорьевич подсказал водителю свернуть вправо, и через несколько минут мы уже выскочили на уютную поляну. На краю поляны, у подножия невысокого холмистого полукружия, стоял домик. Большой просторный двор вокруг него обнесен низким плетнем из жердей. На доске, прибитой над воротами, мы прочли: «Лесной кордон». «Газик» остановился. Мы были на том самом кордоне Бабеняса, где когда-то жил со своей семьей и работал Александр Маник, самоотверженно помогавший парти-

занам превратить зеленое урочище в опорный пункт для борьбы с фашистскими завоевателями. Здесь, на этой поляне, обрушилась непоправимая беда на шестерых из Маников...

— Старый дом сгорел, — рассказывал наш проводник Илья Григорьевич, — немцы сожгли. Этот построен уже после войны новым лесником. Александр Иванович ведь умер, вы знаете, в сорок шестом году. Не перенес гибели детей и отца с матерью...

Нынешний дом лесника и двор стоят не на том месте, где был прежний, а несколько в стороне. Мы прошли по едва приметной, давно нехоженой тропинке к бывшей усадьбе Маника. Развалины поросли высоким бурьяном — разоренное и нежившее гнездовье... В двух-трех десятках шагов от него — могильный холм, обнесенный узловатыми жердями. Здесь похоронены все шестеро: Павел Константинович и Елизавета Николаевна с четырьмя внуками — Дориной, Николаем, Семеном и Федором. Их обугленные, изрешеченные фашистскими пулями тела похоронил сам лесник. Александр Иванович узнал о случившемся в тот же день — он увидел белый столб дыма над лесом и скорее сердцем, чем разумом, понял, что горит его дом...

От могилы Ильи Григорьевич повел нас в лес, и мы снова с удивленным восхищением внимали бронзовому молчанию партизанского урочища. Шли мы к бывшему становищу тем самым путем, по которому пробирались в дни войны бойцы отряда Александрова и ходил к ним лесник.

— Командир отряда Виктор Александров и Александр Иванович Маник — два дорогих мне человека, — сказал Брынзей. — Первый по сути спас мне жизнь, другой стал мне свекром, он отец моей жены Натальи.

Но рассказ о том, как это произошло, мы услышали, уже сидя на поваленном дубе у входа в партизанскую землянку... Нет, мы не оговорились: перед нами действительно была настоящая землянка. Годы, конечно, не сберегли ее в прежнем виде: посбивались ступеньки, поразмыло дождями насыпь сверху, но сами накаты из толстых бревен лежат нерушимо, — кажется, поработай часок-другой лопатой и, пожалуйста, живи в ней снова со всем партизанским комфортом...

Илье Григорьевичу Брынзею хорошо памятна эта землянка, — в нее когда-то привел Александров и сказал:

— Располагайся, как у себя дома...

А судьба у Ильи Григорьевича в годы войны сложилась нелегкая. В сорок четвертом насильно мобилизовали в румынскую армию. Отправили на фронт под Аккерман. Сбежал. Вернулся в родные места, а зайти в свой дом нельзя: дознаются жандармы — расстрел. Много дней скрывался то в

пшенице, то в соломенных скирдах, пока однажды не попал к партизанам. Допрашивал Александров. Рассказал ему все начистоту и даже то, что Наталья Маник, дочь лесника, его невеста. Имя лесника послужило как бы паролем. Так в отряде Александрова прибавился еще один боец. Случилось это уже после того, как опустел домик лесника и Александр Маник с семьей переехал в Болчаны.

Пробыл в отряде Брынзей недолго. Однажды ночью вместе с двумя партизанами (все трое были дежурными) он отправился за водой к колодцу на лесной кордон. Водой в отряде запасались по ночам, и всегда водоносы благополучно возвращались на становище. Но на этот раз...

— Не успел я зацепить ведро за крючок и бросить его в колодец, — рассказывал Илья Григорьевич, — как вдруг из-за куста меня окликнули: «Брынзей, это ты?» Тут же набросились жандармы и схватили нас троих. С жандармами в засаде сидел Баркар...

Двух русских парней, схваченных у колодца, жандармы повесили на следующий день, а Брынзею в кандалах отправили в Яссы судить военным судом. Только дни гитлеровцев и их сподручных уже были сочтены. Советские танки мчались по дорогам Румынии... Илья Брынзей вернулся домой и здесь от лесника Александра Маника узнал всю партизанскую историю урочища Бабеняса.

Стены старой школы. В Ульме ничего нет радостнее детских звенящих голосов. Едва утреннее солнце выкатится из-за леса, а на улице уже хлопают калитки, и ребячьи крики и смех несутся над селом. Все громче, все веселей голоса, — будят эхо, заставляют его метаться из конца в конец. Даже солнце светлеет от этого, и Ульма, кажется, хорошеет, словно праздник накатился на нее.

Бегут ребятишки в школу, собираются в стайки и стайками летят к одноэтажному домику под старыми тополями. На школьном дворе стоит такой гам, что и проворное эхо не может управиться с ним и только какую-то часть детского гама успевает разнести по селу.

У одного заливистого школьного звонка есть силы совладать с этим буйным разливом голосов. Прозвенел — и детский гам беспрекословно подчиняется ему. Все тише шум, точно обмелела река, убыла большая вода, и лишь тоненькие ручейки неутомимым журчанием напоминают о недавнем вешнем разливе...

Школьный двор опустел, прокатился шумящий вал по широкому коридору, растекся по классам. Еще минута, и полной хозяйкой по коридору зашагает тишина, будет при-

слушиваться к шороху страниц и сдержанным голосам за классными дверьми.

Дети учатся.

На партах лежат раскрытые учебники. Как много надо познать! Откуда пошло родное слово, как обращаться с цифрами, почему меняются времена года, где находятся разные страны... Всей мудрости, накопленной людьми, не перечесать. Мудрость хранится в книгах. Рядом — учитель. Он научит читать книги, понимать их мудрость.

Идет урок. Шуршат страницы.

Но всё ли на свете знают книги? Всё ли они помнят, что было на земле?

В коридоре дежурит тишина. Пусто. Никто не мешает пройти его из конца в конец, прочесть таблички на классных дверях, посмотреть, что развешено на стенах. Чего только нет на школьных стенах! «Распорядок дня», «Наши отличники», фотомонтаж «8 Марта», стенгазета пионерской дружины имени Гагарина. Заметки в газете написаны крупным старательным ученическим почерком. А строчки все равно как-то искосились. Самый забавный последний столбец: «Кому что снится»...

Дети любят украшать школьные стены. Каждый класс старается. Однажды произошло событие, которое заставило учеников в Ульме по-иному посмотреть на стены своей школы.

На праздник, посвященный Советской Армии, пришла тетушка Евдокия. Кто ее не знает в селе? Это же колхозная доярка. Девчат на ферме учит раздаивать коров, а сама любит выхаживать телят. Хорошо выхаживает. Недаром ей премии вручают.

Пришла в школу тетушка Евдокия, и ее посадили в президиум, хотя, как уже было сказано, устраивался праздник, посвященный Советской Армии. Разве тетушка Евдокия участвовала в боях? Сколько себя помнили сегодняшние да и те, кто уже окончил школу и пять, и десять лет тому назад, знали по слухам от взрослых, что тихая и малоразговорчивая тетушка Евдокия всегда доила коров или выхаживала телят. Возможно, ее пригласили как передовую колхозницу. Конечно, заслуживает...

И вдруг директор школы объявляет: слово предоставляет Евдокии Георгиевне Никулаевской.

Надо было встать, подойти к трибуне, обтянутой красной материей, как делали все выступающие, а она все сидела и как-то странно улыбалась, глядя на притихших детей. Прошла, наверное, целая минута, а она все сидела и молча улыбалась. К ней наклонился директор и шепотом сказал:

— Евдокия Георгиевна, ребята ждут вашего слова... Все мы ждем...

И она ответила:

— Да, я знаю, он выступил бы лучше меня... Куда уж мне? Это мой Женя, сын. Еужен.

Она замолчала, теперь уже ненадолго. Директор еще стоял, наклонившись над ней, пытаясь понять, как бы ей помочь начать выступление, а она поднялась и пошла, но не к трибуне, а к лесенке в три ступеньки, что вела со сцены в зал.

— Лет ему было бы сейчас двадцать один, — сказала она, остановившись перед первой скамейкой в зале.

Ребята совсем притихли.

— Да, как раз осенью, после спаса родился... Теперь уже отслужил бы в армии. А может, и нет. В отпуск приехал бы... Пришел бы сюда... В форме, как полагается. Высокий такой, в отца весь...

Тетушка Евдокия тяжело вздохнула.

— Они меня схватили и начали выпытывать: «Где твой партизан?» Про мужа спрашивают. День спрашивали, второй. И еще день. Мы, говорят, тебе хорошо заплатим, много денег дадим. «У тебя было когда-нибудь много денег?» — спрашивает начальник их. «Нет, говорю, откуда они у меня возьмутся». «Так вот ты получишь двадцать пять тысяч лей. Только не даром. Мы повезем тебя на опушку леса. Куда? Ты сама покажешь. Там, где твой муж с партизанами скрывается, и ты скажешь им по радио несколько слов: выходите, иначе вам всем капут. Сложите оружие, и вас отпустят по домам. А дома дети голодные и жены плачут». Так он меня научает и даже деньги показывает, все новенькие бумажки. «Бери, говорит, построишь себе касэ под цинковой крышей, хозяйством обзаведешься. Муж при тебе будет, дети. Смотри, какой хороший карапуз у тебя». Это про моего Женю. На руках он у меня, пять месяцев ему всего от роду. «На кого его оставишь без материнского молока?» А им это как раз и надо, что я с малюткой на руках. Думают, поеду я с ними к лесу партизан уговаривать, а мальчик мой расплачется, и тогда там, в лесу, услышат этот плач, жалко им станет и Женю, и своих детей, оставленных дома, и все выйдут, руки вверх поднимут.

Зал затаил дыхание. Уже никто не смущался тем, что тетушка Евдокия нарушила заведенный порядок говорить речи с трибуны. Некоторые из сидевших на сцене за красным столом тоже встали и сошли в зал, чтобы лучше было слышно, о чем рассказывала колхозная доярка.

— Нет, — сказала я им, — не хочу строить касэ под цинковой крышей. Не возьму на свою душу такой грех. «Не хочешь денег, получишь батай», — заорали на меня. Били нещадно. Вдвоем. Вырвут ребеночка у меня, швырнут в угол беденького и давай меня чем попало — кулаками, сапожи-

щами.* Мальчик мой плачет, ищет ручонками сисю... а я молчу, только губы кусаю до крови. Кажется, и ударов не чувствую...

Тетушка Евдокия замолчала и вдруг подошла к двери класса, выходящей в зал, открыла ее и переступила порог. Ребята, сидевшие поблизости, невольно встали и пошли за ней. Остальные столпились у двери.

Обвела взглядом она класс, странным таким, долгим взглядом, подошла к стене, на которой висела географическая карта, и зачем-то потрогала карту.

— Этого не было тогда, — сказала она и рукой провела по карте. — Ничего не было на стенах. Грязными только были очень, ни разу не белили их, с тех пор как война началась... Схватили меня за косы и головой об стенку, об стенку... вот об эту стенку... А потом повалили на пол и били чем-то колючим по пяткам... и тогда босую поставили и приказали три часа стоять на ногах...

Школа и тюрьма... Трудно ребятам, слушавшим тетушку Евдокию, представить себе это превращение. Неужели те самые классы, где каждое утро их учат мудрым наукам, были когда-то тюремными камерами? А что такое тюремные камеры, — они тоже не знали. А тетушка Евдокия знала. Даже ее рассказ сегодня слушать страшно. Будто читает она страшную книгу, и страницы в этой книге — школьные стены...

Сельскую школу в Ульме сделали тюрьмой фашистские каратели, охотившиеся за партизанами. В то время, как заключили туда Евдокию Георгиевну Никулаевскую, там находилось еще 16 узников. Мы приведем здесь все их имена, — они еще ни разу не назывались в печати. Пусть знают о них все, и в первую очередь жители Ульмы, почти все они уроженцы этого села. Их обвинили в том, что они намеревались уйти в лес к партизанам. Вот они, жертвы карательного отряда: Федор Мадан, Иван Васильевич Кристя, Николай Антонович Гуцу, Николай Платонович Гуцу, Иван Сергеевич Постика, Георгий Сергеевич Постика, Иоаким Васильевич Голубенко, Митрофан Иванович Гуцу, Федосий Георгиевич Пламадялэ, Константин Иосифович Церуш, Макар Макарович Пламадялэ, Иван Онуфриевич Брага, Володя Колесников, Василий Петрович Грэдинар.

Все они действительно собирались в лес к партизанам. Все было готово. Из лесу пришли два проводника: Федор Вылков и Дмитрий Стрестян. Их тоже захватили каратели.

Они томились уже месяц в фашистском застенке, а может быть и больше. Когда Евдокия Никулаевская через несколько дней после своего ареста впервые увидела их во дворе школы, то с трудом узнала лишь некоторых: заросшие, измученные, в лохмотьях, будто много лет пробыли на каторге.

Непрерывные допросы, пытки, избиения. Содержали в холодном погребе тут же во дворе. Погреб уцелел до сегодняшнего дня. Морили голодом. В сутки на всех — ведро помоев из солдатской кухни.

Евдокия Никулаевская насчитала пятнадцать узников. Шестнадцатого уже не было в живых.

...Дмитрий Стрестян на допросе потерял сознание. Его отлили водой и снова избили. И опять в глазах у Дмитрия потемнело, и память померкла. Еще ведро холодной воды вылил на него солдат. Дмитрий опомнился, словно вернулся из небытия. Эсэсовскому офицеру, проводившему допрос, показалось, что упрямый партизан сейчас, наконец, все расскажет. Ему дали попить. Дмитрий сделал несколько глотков и, собравшись с силами, проговорил: «Еу ну штиу нимик». Эсэсовец в ярости заметался по комнате. Потом остановился перед Дмитрием и заорал: «Открой рот, сволочь, высунь язык, закрой глаза». Дмитрий механически исполнил приказание. И тут же стоявший рядом солдат сильно ударил Дмитрия по нижней челюсти. На пол упал отсеченный зубами кончик языка. Рот мгновенно наполнился кровью. Дмитрий не вскрикнул, только пошатнулся от удара, замотал головой и всей кровью, что заливала рот, плюнул в лицо оторопевшему эсэсовцу.

Дмитрия повесили у перекрестка дорог, возле распятия. Три дня немцы запрещали снимать с виселицы труп. Женщины проходили, набожно крестились. На куске фанеры у повешенного на груди было написано: «Партизаны! Сдавайтесь добровольно, иначе это ожидает всех вас». Рядом на столбе прибито другое объявление: «Тот, кто приведет и сдаст в руки властей партизана, получит две десятины земли и пару волов». Три дня каратели ждали. У эсэсовского офицера было такое впечатление, будто никто в селе не читал сочиненного им объявления.

О судьбе своего односельчанина Дмитрия Стрестяна Евдокия Георгиевна узнала позже, когда оккупанты уже покинули Ульму.

В тот день насчитала она пятнадцать узников. Из комнаты, где ее избили, смотрела в окно на школьный двор и силилась узнать в замученных пленных своих земляков.

Пятнадцать выгнали во двор, дали в руки каждому по ведру. Солдаты выстроились редкой шеренгой от погреба к колодцу. Пленников заставили таскать воду. Воду из ведер выливали в погреб. Евдокия Георгиевна попробовала считать и сбилась.

— Шнель, шнель! — подгоняли арестованных солдаты. Кто отставал, того били прикладом, стегали кнутом. Уже стемнело, когда раздалась команда прекратить. Люди вали-

лись с ног от усталости. И вдруг произошло такое... Пленников погнали в залитый водой погреб. Потом пришли за ней и тоже повели туда.

— Плакал мой Женечка, ой как плакал, — вспоминала она теперь, стоя у того окна, в которое видела тогда, как пятнадцать жестоко измученных людей заливали погреб водой. В комнате уснул было под грудью, а вывели меня во двор, заплакал, холодно ему стало. Тогда я как закричу. «Куда вы меня гоните, он же замерзнет там, умрет мой мальютка». Больно ударили по затылку, по спине. Не помню, как очутилась в погребе. Услышала только стук. Захлопнулась за мной дверца и заскрипел засов.

Кончиком ситцевого платка, повязанного по-крестьянски, тетушка Евдокия вытерла слезы:

— Темно-темно там было... и мокро... воды по пояс. Оступилась я и упала вместе с Женечкой... Чуть не захлебнулась... Люди спасли... А он кричит, беденький... пеленки намokли в воде... Я тоже промокла до нитки... Все к груди его прижимаю... а у самой руки дрожат, вот-вот уроню его опять в воду...

Тяжко вспоминать тетушке Евдокии пережитое, каждое слово отзывается болью:

— Люди добрые помогли. У кого шарф был, кто тряпку с головы снял. Кое-как укутали сынишку. Слышу голос Ивана Васильевича Кристи: «Дай поддержку его, Евдокия, а ты отдохни».

Сколько длился печальный рассказ? Может быть, час, а может, дольше. Тетушка Евдокия не замечала никого. Разбудив в душе тяжелые воспоминания, она уже не могла остановить их. Картины одна ужаснее другой возникали перед слушателями. Дети слушали в каком-то оцепенении, боясь пошевелиться. В таком оцепенении слушают страшные сказки: кажется, оглянись только, и сразу увидишь наяву отвратительное чудовище.

То, что случилось после той ночи, было еще ужаснее. Утром каратели согнали на сельскую площадь жителей Ульмы и устроили скорый суд над пятнадцатью узниками. Всех их приговорили к расстрелу. В приговоре указывалось, что осужденных отправляют в Румынию, где они смогут обжаловать решение суда. Родственникам разрешили передать чистое белье и продукты на дорогу. В тот же день скорбная процессия смертников под усиленным конвоем двинулась из села. Только путь обреченных людей оказался гораздо короче объявленного в приговоре. Недалеко от Ульмы в овраге вечером раздалось пятнадцать выстрелов.

Евдокию Георгиевну с младенцем вновь заперли в одной из классных комнат. Каратели решили еще раз попытаться

заставить ее принять предложение о предательстве, но, получив отказ, возобновили побои и оскорбления. Потом ее отпустили домой и установили за домом слежку, надеясь поймать в ловушку мужа-партизана. Три дня измученная побоями женщина побыла дома, на четвертый ее вернули в школу-тюрьму. Теперь она находилась при солдатской кухне — чистила картошку, мыла посуду. Уходить со школьного двора запрещалось.

Однажды на рассвете донесся какой-то шум, похожий на раскаты далекого грома. Евдокия Георгиевна глянула в окно — небо сияло удивительной чистотой, предвещая ясный погожий день. Женщина инстинктивно перекрестилась. Вышла на крыльцо, прислушалась: гремело непрерывно, и шум приближался. Казалось, что-то огромное и тяжелое катится вниз по ступеням бесконечно длинной лестницы. «Нет, не гром это», — со страхом подумала она и еще раз трижды осенила себя крестным знамением.

Ее заметил стоявший у ворот часовой. Подошел к ней и, озираясь, шепотом сказал:

— Слышишь? Это они идут к нам... Советские...

Сердце замерло от неожиданной радости. Как же она сама не догадалась: то пушки, ведь, грохочут. Красная Армия приближается к Ульме. Радость свою скрыла от часового. А тот тревожным шепотом уговаривал. С трудом поняла: ей надо немедленно уходить, иначе при отступлении каратели ее повесят.

Солдат, оказавшийся бельчанином, после побега Евдокии Георгиевны покинул свой пост и исчез.

Два дня женщина с ребенком пряталась в заброшенном овражном колодце на краю села. Из колодца ее вытащили советские воины. Отправили в госпиталь, но спасти больного простуженного ребенка не удалось.

Закончив рассказ, колхозная доярка вернулась за стол, накрытый кумачовой скатертью. Выступали учителя, дети читали стихи, пели песни, а она сидела молча и краешком ситцевого платка вытирала невольные слезы.

...Ничего нет радостнее в Ульме детских голосов, и только медный звонок на школьном дворе может совладать с их буйным весенним разливом. Каждое утро, работая на ферме, тетушка Евдокия слышит и детские голоса, и школьные звонки. Трудно за работой бывает колхозной доярке разобраться, что творится у нее на душе: и радостно за детвору, за все ее сегодняшнее безоблачное счастье, и до слез больно, что ее сын Еужен так и не побегал ни разу в шумной ватаге ребят, ни разу не пошел в школу. При мысли о школе на глаза навертываются слезы. И так всегда, как только услышит расшумевшуюся детвору и эхо донесет далекий звонок.

А ведь годы минули какие... пять, десять, пятнадцать... Сколько весен отцвело в ульманских садах!

Построили в Ульме новую школу: большую, в три этажа, светлую. Тетушка Евдокия любит красивым зданием. Никогда еще в Ульме не строили ничего похожего. Вот и окна застеклили во всех трех этажах. По утрам в окнах горит золотое зарево восхода.

— А как же со старой школой? — спросила тетушка Евдокия учителя. — Теперь ее и разрушить можно. Так и делают, наверное, к чему она?

Но учитель с ней не согласился.

— Старую школу надо бы сохранить, — сказал он. — Сохраняем же мы книги. Пусть и тем, что придут после нас, старые стены расскажут, как дорого заплачено и за наше и за их счастье.

Литературная запись В. Тымчишина.

**ЯССКО-
КИШИНЕВСКАЯ**

Б. МОНАСТЫРСКИЙ,
подполковник запаса

ОТ ЯМПОЛЯ ДО СКУЛЯН

Разгромив крупную вражескую группировку в районе Умани, наши войска неотступно двигались к Молдавии. По мере приближения к Днестру бои принимали все более ожесточенный характер, но наши воины, несмотря на сильную распутицу и бездорожье, шли по пятам врага, не давая ему передышки. 18 марта 1944 года после упорных боев первыми в 52-й армии вышли к Днестру подвижные части дивизии полковника Путейко, овладели городом Ямполь, форсировали реку и заняли плацдарм на молдавской земле.

Первыми оказались на правом берегу пехотинцы с сорокопятками на конной тяге. Когда противник предпринял контратаку и ввел в бой танки, пушки оказали нашей пехоте большую помощь. Мне запомнился такой эпизод. В разгар боя, когда пехотинцы ждали от артиллеристов срочной огневой поддержки, ездовой Дмитрий Передерий под артобстрелом мчал орудие на огневую позицию. Взрывом вражеского снаряда солдат был оглушен, а передок орудия разбит. Но самое тяжелое — были выведены из строя его товарищи. Он один оказался невредимым.

Боец на минуту поник головой, но тут же встряхнулся — враг рвется к позициям, и пехотинцы, как спасенья, ждут артиллерийского огонька.

У разбитого передка вспыхнуло пламя. Горели снарядные ящики. Вот-вот начнут рваться снаряды.

Забыв об опасности, Передерий бросился тушить огонь, спасать снаряды. Он работал с ожесточением, не чувствуя ожогов, захлестывал пламя полами шинели, растаскивал ящики.

«Огонь удалось унять. Снаряды спасены. Пушка тоже исправна. Передерий приладил дышло прямо к орудию, привязал ящики со снарядами. Снова можно ехать вперед. Но с кем? У орудия не было ни командира, ни наводчика, ни заряжающего. Стрелять некому.

Казалось, ничего не оставалось делать, как повернуть лошадей в тыл, найти командира, доложить о случившемся. Но Передерий поступил иначе. Он слышал грохот жаркой схватки, знал, что пехотинцы отбиваются от численно превосходящего противника. Хлестнул лошадей и галопом помчался вперед.

— Садись! — крикнул он по пути проходящему пехотинцу. Незнакомый боец пристроился прямо на пушке.

Вот уже видны боевые порядки нашей пехоты и наседавшие гитлеровцы. Передерий с ходу развернул орудие, соскочил с коня.

— Помогай! — скомандовал он пехотинцу.

Вдвоем они установили пушку. Ездовой прильнул к панораме, стал наводить.

— Давай снаряды! — снова скомандовал он пехотинцу.

Раздался первый выстрел. Ездовой Передерий занял место командира и наводчика, пехотинец — подносчика и заряжающего. Главное — пушка жива. Ее снаряды, направляемые рукой коммуниста Передерия, накрывали огневые точки противника. Это ободрило пехотинцев, и они усилили отпор наседавшему врагу.

Трудно сказать, кто сыграл в этом бою главную роль, но как ни лез противник из кожи вон, успеха не добился, ему пришлось отступить.

Тем временем, когда передовые подразделения вели бой на правом берегу, в Ямполье обнаружили понтонный парк для больших грузов, которым и воспользовались наши танкисты. Они немедленно переправились на правый берег и в скоротечном, но ожесточенном бою разгромили румынский полк и овладели древним молдавским городом — крепостью Сороки.

Вслед за танками стремительно двигался к Бельцам стрелковый батальон капитана Николаева. Но его фланги оказались открытыми. Противник не замедлил воспользоваться этим и перешел в контратаку.

— Во что бы то ни стало остановить и отбросить немцев, — приказал комбат младшему сержанту Коваленко.

Пулеметчики быстро перебежали на левый фланг. Немцы уже лезли навстречу им по скатам занятой батальоном высоты. Расчет быстро изготовился к стрельбе и открыл огонь. Немцы прижались к земле, попятились и притаились за буграми.

Вскоре они поползли к пулемету мелкими группами с разных сторон. Командир расчета младший сержант Коваленко и рядовой Гуржий из пулемета, а бойцы Пономаренко, Ночевный, Подгорный и Тищенко из автоматов открыли сильный огонь.

Под прикрытием автоматного огня расчет стал перетаскивать пулемет «максим» на другую огневую позицию, в хату, стоявшую ниже по скату высоты, ближе к немцам.

В сумерки гитлеровцы снова попытались обойти батальон с левого фланга. Они шли цепью, не пригибаясь. И вдруг в упор заработал пулемет. Фашисты залегли, а затем мелкими группами стали подбираться к хате.

Долго отстреливались пулеметчики от наседавшего многочисленного противника. Когда гитлеровцы были уже совсем близко, пулеметчики разобрали свой «максим» и поодиночке через окно покинули хату и снова поднялись наверх.

Немцы еще раз попытались прорваться на вершину высоты, но расчет младшего сержанта Коваленко вновь встретил их огнем и заставил отказаться от попытки обойти батальон с левого фланга.

Стойкость пулеметчиков, их умелый маневр и меткий огонь сорвали замысел противника.

Сбивая на своем пути вражеские заслоны, части 254-й стрелковой дивизии полковника М. К. Путько по непролазной грязи, преодолевая множество разлившихся речек и ручьев, двигались вперед. Дожди размывали дорогу, сделав ее почти непроходимой. Но несмотря на трудные условия, темп наступления не снижался. В эти дни наши воины, не зная ни сна, ни отдыха, с боями совершали за сутки 35 — 40-километровые переходы.

Чем ближе к Пруту, тем яростнее становилось сопротивление гитлеровцев. Ожесточенный бой разыгрался на подступах к Фалештам. Здесь гитлеровцы встретили роту лейтенанта Хубаева сильным огнем с занятых ими выгодных позиций. На помощь пехотинцам пришли танкисты.

Вслед за танками стрелки пересекли шоссе. Немцы простреливали его фланкирующим пулеметным огнем из дзота, расположенного на сильно укрепленной высоте. Но теперь этот огонь не мог остановить бойцов. Прикрываясь броней танков, ползком пробираясь по глубокому следу гусениц в разбухшей от дождя земле, они ворвались в сад на окраине села. Здесь завязался рукопашный бой в траншеях и блиндажах противника.

Не задерживаясь, танкисты повели свои машины в глубь немецкой обороны, чтобы ударить с тыла по высоте, являвшейся ключом обороны немцев на этом участке. Но их постигла неудача — на полпути машины завязли в болоте.

На выручку танкистам поспешил пулеметный взвод младшего лейтенанта Фатгитгенова. Когда пулеметчики спустились в широкую ложину, ведущую к речке, немцы встретили их огнем с противоположного берега. Завязалась перестрелка. На стороне врага было численное превосходство. Фашисты стали обходить пулеметчиков с флангов и вскоре появились на гребнях противоположных скатов. Пулеметный взвод оказался во вражеском полукольце.

Пришла очередь стрелкам выручать и танкистов и пулеметчиков. Рота уже очистила сад от противника и цепью двигалась к ложине, в которой пулеметчики Фатгитгенова стойко отбивались от наседавших со всех сторон немцев. Командир роты лейтенант Хубаев быстро принял правильное решение. Один взвод он направил в обход группы немцев, находившихся на гребне левого ската ложбины, другой — в обход противника на правом гребне, откуда они простреливали каждую складку местности, каждый бугорок, лишая наших бойцов возможности где-либо укрыться. Особенно интенсивный огонь вел вражеский крупнокалиберный пулемет.

Уничтожить его взялся командир минометного расчета старший сержант Урумбек Якибов. У него был большой опыт. Он бил немцев под Ростовом-на-Дону, на Кубани, на Северном Кавказе, в числе первых форсировал Днепр, участвовал в окружении и разгроме гитлеровцев у города Корсунь-Шевченковский, форсировал Днестр и с боями прошел от Ямполья почти до самого Прута. За это время он совершил немало подвигов, стал коммунистом и удостоился высокого звания Героя Советского Союза.

Проявил он себя и в боях на молдавской земле.

Заняв удобное для наблюдения место, Якибов внимательно наблюдал за полем боя и расположением огневых точек противника. Некоторые из них он обнаружил быстро, но, не желая до поры до времени выдавать себя, огня не открывал.

Наконец Якибов нашел то, что искал. Огневая позиция крупнокалиберного пулемета располагалась в густых кустах на склоне холма... Туда Якибов и направил огонь своего миномета.

Несколькими минами его расчет разбил вражеское гнездо, и наша пехота быстро пошла вперед. Наконец, за гребнями обоих скатов разнеслось дружное «ура». Бойцы ринулись в атаку.

Фашисты не приняли штыкового боя. Под перекрестным огнем наших стрелков, пулеметчиков и минометчиков, неся большие потери, они бежали. Преследуя их по пятам, бойцы роты лейтенанта Хубаева и взвода младшего лейтенанта Фатгитгенова сбили противника с укрепленного рубежа и продолжали его преследование.

После того как был освобожден город Бельцы, нам довелось побывать в селе Хилиуцы, где гитлеровцы совершили чудовищное злодеяние. Фашистские изверги убили много жителей, сожгли целые кварталы, угнали на расправу в Румынию около 200 мужчин, обвиненных в партизанской деятельности.

Красная Армия гнала немецко-фашистских захватчиков на запад. Поезда с удиравшими оккупантами, переполненные краденым добром, уходили за Прут.

Неподалеку от Хилиуц кем-то был снят рельс с железнодорожного полотна. Паровоз, шедший к водокачке, свалился под откос.

Эта ночь была тревожной. Все ближе и ближе слышался гром орудийной канонады. Час освобождения был недалек, но, пока еще фашисты не ушли, беда могла нагрянуть в любую минуту. Жизни крестьян угрожала смертельная опасность.

В лучах восходящего солнца с юга показался поезд. Рано вышедшие для работы по хозяйству молдаване с тревогой смотрели на немецкий эшелон, подходивший к их селу.

Гитлеровцы выгрузились и, построившись в цепи, стали окружать село. Бандиты по всем правилам своих уставов открыли военные действия против мирной молдавской деревни, где крестьяне этим утром начинали свой обычный трудовой день.

Исай Болфачук прожил на свете 61 год. В своем доме, окруженный детьми и внуками, он собирался завтракать. Вдруг во дворе залаяла собака. Вслед затем кто-то несколько раз ударил по двери. Болфачук услышал голос немца. Старик открыл дверь и вышел во двор. Так он и не успел спросить у разбойников, зачем они пришли к нему. Раздался выстрел. Пуля пробила грудь старика, и он упал на землю.

В разных концах деревни уже пылали подожженные немцами дома. Один солдат подбежал к жилищу Болфачука, посмотрел своими мутными глазами на его резные двери и белоснежные стены, затем вытащил из сумки специальный прибор, нажал насос, и струя бензина полилась на стены и крышу. Немец поджег дом.

Неподалеку проходили две женщины, искавшие спасения от бандитов. Немец выстрелил в ту, которая была моложе. Людоед убил 18-летнюю Веру Бордиан. Остался сиротой ее маленький ребенок. Муж Веры в тот же день был схвачен и в числе двухсот как партизан увезен в Румынию.

Густой черный дым окутал Хилиуцы. В багровых отсветах

пламени метались обезумевшие люди. Треск автоматных очередей смешался с плачем и криками людей. Садисты наслаждались зрелищем огня и крови.

Многие поколения семьи Иона Цуркана прожили в Молдавии. За время румынского владычества эта семья обнищала. Старые и молодые ходили в оборванных зипунах, в развалившихся чувяках. Кукурузы для мамалыги не хватало из года в год. Бедные люди помнили тот счастливый год, когда Советская власть пришла в Бессарабию. Потом началась война. Орды немцев прошли через холмы и долины Бессарабии. В Хилиуцах воцарились старые порядки. Помещик Толюхин обирал всех жителей деревни.

Но вот из Бельц в Яссы пошли поезда, груженные немцами. «Скоро наши придут», — говорили люди и ждали этого радостного часа. Вдруг грянула беда.

— В обеденный час вся наша семья собралась за столом, — рассказывал Цуркан. — Открылась дверь, и в дом вошли три немца. Они держали винтовки и кричали: «Руки вверх!» По приказу немцев мы все вышли из хаты. На улице собралось много людей. Мы жались друг к другу, как овцы на дожде. Немецкие пулеметы были наведены на нас, безоружных крестьян. Я видел, как немцы зажгли мой дом. Жена хотела взять свой платок и кинулась в горящую хату. За ней бросился немецкий солдат, толкнул прикладом в спину так, что она без чувств повалилась на пол. Ее схватили и шатающуюся погнали обратно в толпу согнанных молдаван. В моей хате жило восемь душ, из них четверо детей. Сына моего Сергея и зятя немцы увезли с другими мужчинами в Яссы, в свою комендатуру. Это значит — увезли их на верную смерть. В сарае сгорели у меня две лошади, сгорела кукуруза. Теперь остался без всего.

В Хилиуцах жила семья украинца Ивана Ворожбита. Когда в селе началась стрельба, он сказал жене:

— Тикаймо, бо немец палить и вбивае людей!

И они побежали куда глаза глядят. Выбежав в поле, услышали выстрелы. Немцы погнались за ними. Иван Ворожбит бросился в придорожную канаву, его жена укрылась в поле в яме. Немцы приближались к месту, где лежал Иван. Он поднялся, хотел снова бежать, но пуля сразила его.

Семья Василия Кока той ночью была дсма. Пятеро детей, один другого меньше, с утра осаждали мать, просили есть. Кока своей земли совсем не имел. Одна десятая гектара под огородом — вот и все его богатство. К нему во двор вошли немцы. Хозяйка подумала, что сейчас гитлеровцы потребуют яиц и кур. Но что она им даст? Двор-то пустой! Один немец вошел в хату, другой с автоматом наперевес остался в сенях. Первый немец ударил в грудь Василия и выгнал его из хаты.

Жену Василия и детей во двор не пустили. Прогревели два выстрела. Василий мертвым остался лежать во дворе. Жена и дети оплакивали погибшего.

Семья Екатерины Клицман состояла из трех человек. Мужа и пятнадцатилетнего сына убили немцы. Женщина носила траур. В ее глазах уже не было слез. Она говорила:

— Воюйте, наши дорогие защитники, так, чтобы ни один фашист в живых не остался. Они разбили мое сердце и мою жизнь, проклятые. Смерть им!

III

Батальон капитана Николаева стремительно двигался вперед. На пути встречались лишь вражеские обозы и небольшие группы румын. Между ними и походным охранением возникали короткие схватки.

Бойцы вспоминали, что они так же двигались к Бугу и к Днестру. Теперь неутомимый комбат вел их к Пруту и шел впереди легкой походкой.

Николаев знал, что батальон слишком глубоко вклинился в расположение войск противника, что марш очень рискованный. Но, во-первых, неподалеку ехал на коне командир дивизии Путейко, который всегда умел добиваться успеха. Во-вторых, противник отступает, он в панике, и выход к нему в тыл, к границе, должен привести к его окончательному разгрому. Чем больше дерзости, тем вернее успех.

И вот вдали за перевалом засеребрилась лента реки.

— Вот он, Прут! — сказал обрадованно Николаев.

Но здесь батальон снова встретил сопротивление гитлеровцев. На помощь пехотинцам пришли артиллеристы.

Командир батареи старший лейтенант Николай Петухов получил приказ:

— Подавить огневые точки противника на высоте 117,7 и огнем батареи прикрыть переправу пехоты через небольшую речушку. «Высота приметная, — думал Петухов. — Это последние на нашем пути, еще не очищенные от врага два-три километра советской земли... Перешагнем через Прут и добьем зверя в его же берлоге».

Петухов вел батарею к берегам Прута ночью и днем.

— Граница близка, товарищи, — говорил он бойцам. — Без нас трудно будет пехотинцам.

И люди спешили, всеми силами стремились не отстать. Батарейцы гордились, что, преодолев бездорожье, распутицу и непогоду, они подошли к Пруту одновременно с пехотой. А сейчас предстояло огневое единоборство с густой сетью артиллерийских, минометных и пулеметных точек врага. Надо было каждым снарядом бить врага наверняка.

Только так можно было одержать в предстоящем бою победу над превосходящими по численности огневыми средствами неприятеля.

Задача была очень трудной, но командование, не колеблясь, возложило ее выполнение на офицера Петухова и его батарею. На славном боевом пути от Днепра до Прута за ним укрепилась слава воина, обладающего высоким мастерством, способностью побеждать не числом, а умением.

Петухов установил наблюдательный пункт в боевых порядках пехоты. Отсюда он скорее мог найти цели, точнее корректировать огонь по ним. И батарея стреляла с поразительной меткостью. Первые же снаряды вывели из строя несколько пулеметных точек врага. С помятыми и продырявленными боками уходили немецкие самоходные пушки. В разгар артиллерийской дуэли Петухов заметил, что немцы подтягивают резервы. В ближайшем тылу у них был железнодорожный разъезд. К нему подходил эшелон с пехотой. Петухов перенес огонь на новую цель и накрыл ее первым же снарядом. За первым снарядом последовал залп всей батареи, и эшелон был разбит.

Меткой стрельбой батарея срывала все попытки врага помешать переправе наших войск через Прут. Тогда немцы обрушили на нее огонь всех своих пушек и минометов, а вражеская пехота предприняла контратаку. Петухов встретил фашистские цепи картечью. Гитлеровцы отхлынули, перегруппировались и снова пошли вперед. Они уже приближались к наблюдательному пункту командира батареи. Тогда артиллеристы открыли огонь из трофейного ручного пулемета, имевшегося у них. Когда артиллеристы-пулеметчики были ранены, за пулемет лег командир батареи. Он отбивался от наседавших врагов и одновременно управлял огнем своих орудий.

Несколько часов длился этот ожесточенный бой. Яростное сопротивление фашистов было сломлено.

Форсировав Прут и овладев небольшим плацдармом на западном берегу, передовые подразделения дивизии ночью стали закреплять завоеванный рубеж до подхода основных сил.

Когда забрезжил рассвет и на фоне сумрачного неба вырисовался силуэт гористого берега, пулеметный расчет сержанта Никиты Гуриненко прибыл на стык между двумя соседними подразделениями: противник мог попытаться отсюда проникнуть на наши фланги и в тыл.

Бойцы отрыли окопы, установили пулемет и стали внимательно разглядывать берег. Казалось, что впереди безлюдно и тихо.

— Вроде нет ни немцев, ни румын... Может, и не пойдут

они сюда, — не то спрашивая, не то отвечая на свои затаенные мысли, сказал рядовой Антон Ночевный.

В словах Антона, в тоне, каким они были сказаны, Никите почудились боязнь и надежда, что, быть может, обойдется на этот раз без боя.

— Не в ту сторону, земляк, думки распустил, — сердито сказал Гуриненко... — На «авось да небось» надежда плохая.

— Да я не о том совсем, — смущенно проговорил Ночевный. — В драке от других не отстану...

Враг не заставил себя долго ждать. Пулеметчики заметили немцев, поодиночке перебегавших под гору. Было их много, до роты. Они сосредоточивались за ближайшими к речке строениями.

— Вот и пришли, — сказал сержант, взглянув на Ночевного.

Антон не ответил. Он поправлял и без того хорошо лежавшие пулеметные коробки, зачем-то приподнял с земли свой автомат и положил на прежнее место, потрогал уложенные в земляную нишу гранаты.

— Приготовиться! — властным голосом приказал Гуриненко, когда увидел, что немцы выходят из-за строений и направляются к речке. Он неторопливо взялся за рукоятки пулемета, прицелился и медленно нажал гашетку.

Бой начался...

Немцы вскоре убедились, что путь им преграждает только один пулемет. Они обрушили на него огонь своих пулеметов и полезли вперед. Но Гуриненко и его напарник Ночевный не прижимали головы к земле, не отрывали глаз от вражеских цепей. И как только немцы делали попытку подняться, Никита щурил левый глаз и уверенно нажимал гашетку, а бойцы расчета открывали прицельный огонь из винтовок. Над их головами образовалась незримая свинцовая завеса, пули решетили вокруг землю, но ни на шаг не отступили пять советских воинов, прошедших с боями молдавскую землю от Ямполья до Скуляя, они ни на минуту не прекращали ответного огня.

Немцы долго еще не осмеливались выползти на пологий берег речки.

— Прохоренко убит, — доложил командиру кто-то из бойцов.

Никита не ответил, рывком сдвинул шапку на затылок и снова принял к пулемету. Вскоре он услышал, как глухо застонал лежавший слева рядовой Лысенко. Гуриненко приказал ему оставить патроны и ползти в тыл. Остальным он крикнул:

— Стоять будем до последнего!

Вражеские пули пробili кожух пулемета, сбили мушку, то и дело ударялись в пулеметные коробки, кромсали снаряженные ленты. Гуриненко умудрялся попадать в цель и без мушки. Ночевный ножом вырезал изуродованные куски ленты, а целые проворно просовывал в приемник «максима».

Вскрикнул рядовой Дьяченко, чуть приподнялся на судорожно вытянутых руках и разом рухнул лицом в землю. На стыке, в который норовил прорваться враг, остались два бойца, два друга, земляки Гуриненко и Ночевный. Они не знали, скоро ли придут к ним на поддержку товарищи. Но они твердо знали, что нельзя пропустить немцев через реку.

Бой продолжался.

— Много ли патронов осталось? — спросил Гуриненко.

— На две добрых очереди, — ответил Ночевный.

Шершавой ладонью Никита озабоченно потер затылок, строго посмотрел на друга. Антон смело встретил его испытывающий взгляд, и Никита молча отвернулся.

— Живы будем, автоматами еще построчим гадов, гранаты испробуем на фашистской шкуре, — бойко, желая подбодрить товарища, сказал Антон.

— Вот это дело говоришь, парень, — обрадованно откликнулся Никита. — С такими думками и воевать легче.

Он помнил недавний разговор с Антоном и перед лицом грозившей им смертельной опасности хотел, чтобы Антон не сердился на него.

— Если обидел я тебя тогда в разговоре, — сказал он, не отрывая глаз от смотровой щели в щитке пулемета, — так ты плюнь на это. Думал, дрейфил, а на поверку выходит — ошибся.

— Ладно, чего там вспоминать, — ответил Антон и снова без надобности приподнял автомат, потрогал гранаты.

Пулеметчики решили обмануть немцев: «Пусть думают, что мы убиты, подойдут ближе, тогда и «оживем». Но враг был осторожен. Долго еще со свистом проносились пули, резко ударялись в щиток «максима», дырявили опустевшие пулеметные коробки. Бойцы не отвечали на огонь врага, не шевелились. Тогда фашисты стали поодиночке выбегать к берегу, потом осмелели, поднялись цепью и пошли с криком на пулемет. Гуриненко полоснул по ним последними патронами.

Оправившись от неожиданного удара, гитлеровцы снова полезли вперед. Опустели магазины автоматов, немецкие пули в клочья изодрали на головах бойцов шапки-ушанки, но Гуриненко и Ночевный не отошли. Они крепко сжимали в руках гранаты и готовились к последней схватке, когда в шум боя вдруг врезался грозный голос станкового пулемета с на-

шей стороны. Друзья оглянулись и увидели, что они не одиноки. Подоспело подкрепление.

— Вот оно как! — радостно воскликнул Никита. — А ты, небось, думал...

— Что думал? А сам?

— Что ж я? Из другого теста? И я, конечно, думал, что придется сегодня богу душу отдать.

Гитлеровцы жестоко поплатились за смерть наших боевых друзей. Недалеко от берега пестрели серо-зеленые пятна шинелей гитлеровцев, уничтоженных героями-пулеметчиками.

Е. СКВОРЦОВ,
полковник запаса

СМЕЛЫЙ РЕЙД

Мартовский день клонился к вечеру. Теплый весенний воздух дрожал от артиллерийских взрывов. Без умолку трещали пулеметные и автоматные очереди. Бой на подступах к Бельцам уже шел несколько часов. Но все попытки прорваться в город терпели неудачу.

Командир 859-го стрелкового полка подполковник Петр Андреевич Капралов, высокий широкоплечий волжанин, забрызганный грязью, не отнимал от глаз бинокля, пытался отыскать слабые места в обороне.

— Товарищ командир, вас просит «Кама», — подал трубку телефонист.

Капралов порывисто дернул шнур:

— Что, дзоты... Этого еще не доставало. Понимаю, но где же я вам возьму артиллерию? Действуйте гранатами... Знаю, что трудно... Поднатужьтесь, Иван Петрович, — не то приказывал, не то просил подполковник. — Нам бы только зацепиться за окраину, тогда...

Но зацепиться за окраину так и не удалось. Огонь противника буквально не давал пехоте поднять головы.

Вечером на командный пункт прибыл командир дивизии полковник Сергеев. Удрученный неудачным боем Капралов доложил обстановку.

— Ну что же, здесь не удалось, в другом месте попробуем. Давайте вашу карту.

Капралов развернул планшет.

— Задача, прямо скажу, не из легких, но, зная вас, как мастера стремительных атак, — продолжал Сергеев, — приказываю: вашему полку обходным маневром северо-западнее

Бельц захватить деревню Пырлицу и далее ударом на юг выйти в тыл противника и овладеть селом и станцией Реуцел. Перерезать железнодорожную магистраль и обе дороги, ведущие на Бельцы. Воспрепятствовать подходу резервов врага со стороны Ясс к фронту, а в случае отхода не дать противнику безнаказанно уйти из города. Все ясно?

Капралов отлично понимал важность задачи и ту ответственность, которая возлагалась на его полк. Он сразу как-то преобразился. От усталости и следа не осталось. Глаза посушили, высокий лоб прорезали две глубокие морщины.

— Главное, боеприпасов побольше, остальное найдем на месте, — предупредил он начальника штаба майора Никандрова. И тут же при свете карманного фонаря вместе с начальником разведки капитаном Гальченко склонился над картой.

В полночь полк выступил. Капралов ехал в голове первого батальона. Белой масти конь по кличке «Орел» мягко ступал по проселочной дороге, точно боясь нарушить царившую вокруг тишину. Рассвет застал их уже в тылу врага. После отдыха, маскируясь балками и перелесками, полк продолжал продвигаться вперед.

Поздно вечером передовые подразделения после непродолжительного боя овладели деревней Пырлица, расположенной в 12 километрах западнее Бельц. К ветряной мельнице, где находился наблюдательный пункт командира полка, капитан Гальченко привел пять перепуганных пленных офицеров. Начался допрос.

Фрицы, видимо, боясь за свои шкуры, оказались очень разговорчивыми. Сказали, что в Реуцеле расположены штаб корпуса и артиллерийский полк. По карте показали, где находятся огневые позиции. Сведения были ценными, но Реуцел оказался крепким орешком, и Петр Андреевич волновался. Собрав командиров батальонов, он сказал:

— Не забывайте, товарищи, в нашем положении успех боев зависит от смелых и решительных действий всех подразделений. Помощи ждать неоткуда.

Подразделения, поглощаемые ночной темнотой, одно за другим уходили на юг.

В 2 часа ночи разведка доложила, что укреплений на окраине нет. Тишина кругом стояла совсем невоенная. Фашисты спокойно отдыхали, не подозревая, что рядом — противник.

Без выстрела полк с трех сторон ворвался в село. Заговорили наши автоматы и пулеметы. Захваченные врасплох, заспанные гитлеровцы полуодетые выскакивали из домов. Паника росла с каждой минутой. Разведчики и саперы ворвались на станцию, бой шел между вагонами.

П. Капралов.

На наблюдательном пункте Капралов с тревогой вслушивался в симфонию боя. Он, как костер, то затухал, то разгорался с новой силой. Петр Андреевич не отходил от телефонов.

— Товарищ подполковник, вас просит «Сокол-два»! — крикнул радист.

— «Десятый» слушает. Захватили склад боеприпасов? — Лицо командира озарилось довольной улыбкой.

— Молодцы! На всякий случай подготовьте к взрыву. В окоп вбежал запыхавшийся офицер.

— Что с артиллерийским полком? — спросил Петр Андреевич Капралов.

— Капитан Холопов устро-

ил им крепкую баню, но часть солдат с десятком орудий провалилась на юг.

— Вот это уже плохо. Товарищ Никандров, — обратился он к начальнику штаба. — Давайте подразделениям команду на занятие рубежа обороны. Едва ли гитлеровцы смирятся с потерей Реуцела.

Предположения Капралова оправдались. В восемь часов утра под прикрытием артиллерийского огня на позиции батальона Холопова шли танки.

— Десять... двенадцать... пятнадцать, — считал разведчик.

— Что считаешь, и так все наши будут.

— Для истории, товарищ командир.

— Эх, сейчас бы нам с десяток пушек, — наблюдая за танками, сокрушенно проговорил подполковник.

А стальные громадины, не встречая огневого сопротивления, приближались, вырастали в размерах. Позади бежали автоматчики. Они уже предвкушали легкую победу.

— Огонь! — Треск пулеметов заглушил надрывный гул моторов и лязг гусениц.

Танки с коротких остановок били по нашим огневым точкам. Оправившись от первого удара, гитлеровцы перебежками начали продвигаться вперед.

Командира тревожил левый фланг, где около десяти танков приближались к нашим окопам.

— Пошлите Холопову из резерва взвод бронейщиков, —

передал он начальнику штаба, а сам начал вызывать первый батальон.

— «Сокол-один»! Холопов! Обязательно задержите танки. Посылаю в помощь бронейщиков. Понимаю, что трудно. Держитесь.

Радость охватила его, когда он увидел, как головной танк, обволакиваясь дымом, замер всего в нескольких метрах от окопов. Это пошли в ход противотанковые гранаты. Истребители один за другим поджигают еще два бронированных чудовища. Семь остальных все же врываются на позиции. Рота Чистова несет большие потери. Большинство пулеметов подавлено, весь офицерский состав выведен из строя. Отдельные группы солдат не выдерживают напряжения, начинают в беспорядке отходить.

И в этот критический момент словно из-под земли вырос и побежал навстречу отступающим помощник командира взвода старшина Иван Сыркин.

— Рота, слушай мою команду!.. Ложись!.. Богатыри Днепра, кого вы испугались? Приготовить противотанковые гранаты! — командовал старшина. Солдаты залегли. Стыдась минутной слабости, они проворно готовили гранаты.

— За Родину, вперед! — неслось над полем. С гранатами в руках рота шла навстречу танкам. Удачным броском Сыркин зажигает танк. Через минуту рядовой Поликарпов выводит из строя еще одну бронированную машину. Справа вступают в бой бронейщики — и загорается третий танк. Остальные, отстреливаясь, начали пятиться назад. Лишенная огневой поддержки, немецкая пехота, начала поспешно отходить.

Не успели отгреметь выстрелы на правом фланге, а левофланговый батальон капитана Григоркина уже ведет бой с отходящими из Бельц немецкими частями. Отступали они в беспорядке — дорога забита машинами, подводами. Большие группы гитлеровцев, не считаясь с потерями, как саранча, ползли на пулеметы, пытались прорваться на запад. Но все напрасно. Метким огнем бронейщики подожгли несколько автомашин с боеприпасами и горючим. Взрывы и огонь еще больше увеличили панику и растерянность в рядах врага. Видя безнадежность атак, немцы по бездорожью повернули на юг, машины буксовали в грязи, останавливались. Образовались большие пробки, а со стороны Бельц непрерывным потоком отходили все новые разбитые части, обозы. Пробка росла как на дрожжах. Наши штурмовики с бреющего полета расстреливали мечущихся фашистов, поджигали технику. Гул боя на востоке с каждым часом нарастал, приближался.

Все внимание командира полка теперь было сосредоточено на том, чтобы выстоять, удержать позиции, наглухо за-

крыть врагу путь к отступлению. Но фашисты тоже отлично понимали, что сломить заслон — единственное их спасение. В бой вступила авиация. Семнадцать бомбардировщиков с небольшой высоты обрушили свой удар на позиции смельчаков. Свист бомб, огромной силы взрывы потрясли землю. Дым и пыль окутали окопы. Но и в этом аду солдаты не терялись. Рядовые Максимов и Неверов из ручного пулемета подожгли вражеский самолет.

— Горит, горит! — в радостном возбуждении кричал Максимов. При втором заходе осколками разорвавшейся бомбы оба они были тяжело ранены. К пулемету бросился капитан Григоркин, но едва успел открыть огонь, как упал, сраженный насмерть пулеметной очередью. Как только улетели самолеты, фашисты снова перешли в атаку. Они шли в полный рост, уверенные, что все живое уничтожено авиацией. И за это жестоко поплатились. Ливень свинца преградил им путь.

Бой разыгрался с новой силой. Понимая сложность обстановки, Капралов решил обратиться к солдатам.

— Боевые друзья! — говорил он. — Враг не должен пройти. Еще одно усилие, и наши войска придут на помощь. Вы слышите, они уже близко. Приказ Родины мы должны выполнить до конца!

И солдаты выстояли.

Утром 26 марта 1944 года советские войска освободили Бельцы.

В полдень командир дивизии полковник Сергеев поздравлял полк с отличным выполнением задания.

За этот бой подполковник Капралов и старшина Сыркин удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Петр Андреевич Капралов вышел в отставку, живет в Одессе. Он по-прежнему полон сил и принимает активное участие в общественной работе, часто приходит в гости к молодым рабочим, школьникам, воинам.

А. ЛЕВИН,
гвардии полковник запаса

«МАЛАЯ ЗЕМЛЯ...»

Преследуемый частями 3-го Украинского фронта, враг отходил от Южного Буга на запад. В апреле сорок четвертого 3-й гвардейский полк, которым я командовал, вышел к Днестру возле села Глиное. Переправившись через реку, мы вышли на рубеж атаки.

Днестровский плацдарм. Это был совсем крохотный клочок земли. Но каждый из нас прекрасно понимал: именно здесь готовится один из мощных ударов по врагу, а этот кусочек отвоеванной у захватчиков земли и был частью знаменитого Днестровского плацдарма.

Темной апрельской ночью 116 и 119-й полки 40-й дивизии форсировали Днестр. Опаленные в жестоких схватках с врагом, эти части, словно заново пополненные, натиском сбили противника с высот юго-западнее села Чобручи.

Вслед за ними недалеко от села Глиное переправился через реку и наш 3-й полк 4-й гвардейской стрелковой дивизии, входившей в 46-ю армию.

Мы с замполитом подполковником Гавриловым выбрались на бугорок вблизи наблюдательного пункта, еще и еще раз стали осматривать местность. За нашими спинами едва слышно катил свои воды Днестр, который мы недавно форсировали. Залегли в окопах солдаты. А там, впереди, сразу же за оборонительными позициями, — крутая возвышенность, глубокие балки, поросшие акацией и дубняком.

На самом гребне приднестровского плато — окопавшийся враг. Свой передний край он окружил густой сетью огневых точек. Прочность вражеской обороны пришлось испытать еще накануне, когда мы решили с ходу сбить противника сразу

же, после переправы через реку. Одна, вторая, третья атака... Но дальше километра от берега так и не удалось продвигаться.

А теперь о продвижении нечего пока и помышлять. Надо во что бы то ни стало удержаться: ведь противник не упустит момента выбить нас с этого пятачка!

Гаврилов, кажется, думал о том же. Словно в подтверждение своим мыслям, он, оглянувшись назад, на Днестр, на притихший в эти минуты левый берег с нашими главными силами, произнес:

— Дорога только одна...

И подбородком показал на возвышенность, с которой накануне выбили врага.

— Молодцы 116 и 119-й, — сказал я. — Теперь нас здесь три полка...

Мы стали обсуждать план действий. Один за другим вырастали в ночной мгле командиры рот. Рапорты, сомнения, вопросы. Все разрешать надобно тут же, незамедлительно. Правый фланг обеспечен нашими соседями, и мы думали, куда поставить полковой резерв — роту автоматчиков.

Но вдруг обстановка резко изменилась.

— 116 и 119-й отброшены на левый берег! — сообщил запыхавшийся связной.

Все, кто был здесь в этот момент, переглянулись. Значит, все надо пересмотреть. Значит, мы... наш полк, — один на западном берегу!

— Хабарова! — крикнул я.

Хабаров... Кто не знал этого бесстрашного командира роты автоматчиков! Его всегда направляли на тот участок, где полку угрожала самая большая опасность. А сейчас, с отходом соседей, наш правый фланг оказался оголенным.

Капитан Хабаров появился через несколько минут. Его спокойное лицо, подтянутость, словно и не было бессонных ночей и бесконечных атак, внушали окружающим уверенность.

— Алексей Евстафьевич, — сказал я, — слыхал новость? Так вот: твои ребята должны прочно прикрыть фланг полка. Еще раз прошу, держи с нами связь постоянно.

— Хорошо, — тихим, уверенным голосом ответил капитан.

Какая-то невыносимо тяжелая минута молчания — и вот, вместо уставного «разрешите идти», Хабаров, обычно такой сдержанный в движениях, вдруг рванулся ко мне — и мы крепко, по-мужски, расцеловались...

После этого мы не виделись много дней и ночей. Последний полковой резерв — хабаровская рота автоматчиков — стояла, словно крепость, до того самого момента, когда началось наступление. Сотни раз враг обрушивал на правый фланг

ураган огня. Мы очень беспокоились за нашу героическую горстку солдат. Но они не оборонялись, нет! Автоматчики подползали к позициям противника так близко, что, казалось, дай команду — и они прорвутся вперед, увлекут за собой всех, кто так внимательно прислушивался к непрерывной трескотне автоматов, к частому грохоту гранат.

Автоматчиков поддерживали артиллеристы с левого берега. Одна за другой атаки врага захлебывались.

А Хабаров, как и условились, постоянно держал связь с полком. Его голос был неизменно ровным все эти дни:

— Потерь в роте нет! Подкиньте патроны и гранаты! Передайте артиллеристам спасибо...

Воздух! Но нет — мы здесь были не одни.

Над нами беспрерывно разыгрывались жестокие воздушные бои...

Вот на гребне показались немецкие танки. Идут на нас! Но вдруг воздух оглашается пронзительным рокотом наших штурмовиков. Головокружительные броски вниз, к земле — и «Илы» взмывают ввысь. На земле, там, где немецкие танки, — черные столбы вьющегося дыма. Так повторялось множество раз. Гитлеровцам не удавалось осуществить свой замысел: сбросить полк с нашего пятачка.

А вслед за этим сигнал:

— Воздух!

В небе раздавался сначала еле слышный, прерывистый, как бы задыхающийся звук немецких самолетов. На бреющем полете, почти задевая деревья, проносились фашистские «мессеры». Они высыпали, как из мешка, мелкие, в один-два килограмма, бомбы на район нашей обороны, на переправу, обстреливали нас пулеметным огнем.

Но и наши бойцы не дремали. В один из таких налетов гвардейцы второй роты залпами из винтовок, автоматов и пулеметов подбили фашистского стервятника. Надрывно взвыл мотор. «Мессершмитт» стремительно забирался вверх, в сторону своего аэродрома, оставляя за собой чуть видневшийся длинный шлейф дыма. Но пламя сбить фашистский летчик уже не смог: через несколько минут самолет штопором врезался в землю. В небо взметнулось черное облако.

Да, небо над нами было очень беспокойным. Фашисты бросали в воздух «юнкерсы», «хейнкели», «мессершмитты». Их самолеты наплывали лавинами, потому что потеря Днестра означала для них еще одно поражение. Стоило только появиться советским истребителям, как немецкие асы, сбрасывая беспорядочно весь бомбовый груз, спешили уйти назад: теперь уже наступили другие времена, врагу приходилось беречь свои самолеты.

А наши «ястребки» не давали им уйти. В воздухе слышался треск пулеметов. Немецкие бомбардировщики, волоча за собой черные хвосты дыма, падали и догорали возле своих позиций.

Советские летчики-истребители, сменяя в небе друг друга, непрерывно патрулировали в воздухе.

...Мы вели бой, которому, казалось, не было конца. Впереди — озверевший враг, позади — Днестр, над нами — апрельское небо, в котором бой не прекращался ни на минуту.

Младший сын соседа. Ночью снова оживала переправа. Мы уже научились различать всплески днестровских волн, когда с «Большой земли» к нам, на «Малую землю», шли лодки с боеприпасами, продовольствием, а от нас — с тяжело ранеными. Лодки шли через Днестр одна за другой. Бывало, вдруг плес реки освещался веерами трассирующих пуль крупнокалиберного пулемета немцев. Но это не пугало. Лодки продолжали курсировать.

Можно сказать, что, несмотря на атаки противника, мы прочно «прописались» на нашем плацдарме, так сказать освоились, словно собрались здесь жить. Нашу оборону поддерживала артиллерия, расположенная на острове Турунчук. Да и у нас тоже две «сорокапятки» были. Всего две пушки — а какгодились! Только начинали фашисты очередную атаку, выбрасывая вперед свои танки, — пушки, упрятанные в укрытии, совершенно неожиданно били по бронированным машинам. И били наверняка, в упор!

Да, остались бы мы совсем без артиллерии, но выручила солдатская смекалка. Еще перед тем, как форсировать Днестр, саперы полка думали-гадали о переправе пушек. Это вообще-то нелегкое дело. Солдату-пехотинцу — ему лишь бы доска, бревно или плащ-палатка, набитая сухой травой, соломой: переправится на подручных средствах. А вот с пушками, весившими каждая более полутонны, дело было иначе..

Помню, накануне переправы вокруг инженера полка старшего лейтенанта Оборина собрались саперы.

— Но пушки-то все равно должны быть там, на правом берегу, — сказал инженер.

— И будут! — ответил один из саперов.

— Ну, ну, докладывай, как это они там окажутся, — подбодрил Оборин.

— Он вон в тот лесок сходит на денек, нарубит бревнышек, а полк пока подождет, — съязвил кто-то.

Тот сапер, что пообещал переправить «сорокапятки», терпеливо перенес шутку. Потом стал снимать чехол с пилы.

— Ладно, смейтесь, а я пойду. Только, товарищ старший

лейтенант, прикажите откомандировать со мной помощников. И ни в какой лес не надо ходить — я видел у дороги вывернутые телеграфные столбы. Из них и сделаем плоты...

Так и переправили пушки.

...А фашисты не давали покоя. Видно, серьезно решили выбить полк с пятачка. Учащались танковые атаки — и двум пушкам приходилось все трудней и трудней. Мы каждый раз просили поддерживающих нас артиллеристов с «Большой земли» о помощи. Вечером командир артполка полковник Космачов порадовал по телефону:

— Направляю своего «младшего сына».

Согласно фронтовому коду я понял: к нам направляют дивизион. Но Космачов назвал фамилию — «Ивакин». Я знал этого человека. Он командовал батареей.

— Рассчитывал на большее, — ответил я, — но Ивакин вполне компенсирует то, что нам надо...

Ночью мы подготовили огневые позиции для ивакинской батареи, помогли ей переправиться и установить орудия.

Уже много позже, когда полк вместе со всеми частями наступал, мы узнали о том, как Космачов напутствовал Ивакина.

— Ты идешь оборонять важный плацдарм, — сказал полковник. — Назад пути нет — позади Днестр. Тебе предстоит отразить не одну и не две танковые атаки. Их будет много... Вот так, Григорий Зотович, иди — и стоять твоей батарее насмерть!..

Ивакинская батарея стояла насмерть.

Накануне боя я был у Ивакина, видел, как готовились артиллеристы. Они превратили свои огневые позиции в хорошо укрепленный форпост. Гвардии капитан Ивакин по-хозяйски осматривал каждый оружейный расчет, проверял запас снарядов.

— А где же еще один ровик? — придиричиво спросил он одного из командиров орудия. — Запомните, сержант, стоять будем здесь, пока не победим. Драться придется не только снарядами — пулеметами, автоматами, гранатами.

Незадолго до рассвета вернулись разведчики, всю ночь продежурившие у переднего края немцев. Ходившие с ними саперы проверили наши минные поля и установили противотанковые мины.

Мы готовились к большому бою.

...Утром берег заволокло густым туманом. Все кругом замерло, даже выстрелов не слышно. Когда туман рассеялся, все увидели на гребне высоты фашистские танки.

И началось. Шквалы артиллерийского и пулеметного огня обрушил на нас враг. Потом пошли танки. Вот они все ближе и ближе.... Раздались залпы батареи Ивакина. Один, по-

том другой танк вышли из строя. Остальные приостановились и стали бить из своих пушек по батарее.

Мы насчитали более двадцати танков. Вот уже снаряды рвутся на огневых позициях батареи.

— Бейте их, выдержим! — кричал Ивакин.

На батарее кипела работа. Ящики со снарядами подносили безостановочно, потоком. Санинструктор — молодой коммунист гвардии сержант Шевцов — успевал не только перевязывать раненых и уносить их в укрытие, но и подносить снаряды к орудиям.

Вскоре вспыхнул еще один танк: его подожгли командир орудия Федосов и его наводчик Таран. Капитан Ивакин доволен. Но спустя несколько минут орудие Федосова умолкает от прямого попадания вражеского снаряда. Федосов и Таран взрывной волной отброшены в окоп. Они ранены, и все же с огневых позиций батареи уходить отказываются. На них кричит, надрываясь, санинструктор Шевцов, но в ответ лишь одно:

— Не приставай! Видишь, батарею нельзя оставить!

Появляется немецкая пехота, затем из шести бронетранспортеров выскакивают автоматчики.

Батарея Ивакина не молчит. Она бьет по врагу точно, в упор. Орудиям вторят минометы батареи Уманского.

Вражеская пехота остановилась, залегла, а потом повернула назад, вслед за ушедшими в укрытие бронетранспортерами.

Снова показались немецкие танки. Их появление сопровождалось огнем шестиствольных минометов. Они били по стыку наших батальонов, на батарею Ивакина.

Потом воздух оглашается страшным воем пикирующих на батарею «юнкерсов». Их — пятнадцать, каждый по очереди проносится над батареей, сбрасывая сотни килограммов смертоносного металла.

Но батарея стоит.

Внезапно появились наши красnozвездные истребители. «Юнкерсы» ушли.

В четырнадцать ноль-ноль орудие старшего сержанта Тузикова подожгло второй немецкий танк. Но тут же умолкло, разбитое вражеским снарядом. Тяжело раненного Тузикова унесли санитары.

От ивакинской батареи осталось всего лишь одно орудие гвардии сержанта Сильтьева. От его снаряда загорелся еще один танк.

Целых два часа вел Сильтьев неравный поединок. На орудие сыпались десятки снарядов, но Сильтьев дрался.

Разрывы скрыли от глаз героя и его орудия. Затем все

утихло. Мы увидели развороченную пушку. Через несколько минут Шевцов сообщил: Сильтьев убит.

...Нет отважной батареи. Капитан Ивакин докладывал вечером по телефону: «...Мы потеряли тринадцать человек. Четверо убиты, девять ранены. Выбыли все командиры и наводчики...»

— Ах, черт побери, — произнес он, — какие хлопцы были!

На могиле своих верных друзей, с которыми прошел от Дона до Днестра, этот мужественный, обстрелянный артиллерист плакал как ребенок.

А наутро все пошло своим чередом.

— Надо подбитые пушки к берегу вывезти, — беспокоился Ивакин. — Командир полка обещал ночью переправить сюда одно, а может, и два орудия. Снаряды у меня есть...

— Будем бить вдвоем, — тихо сказал политрук батареи Галашов.

...Этой ночью переправа была особенно оживленной. Пришли сюда с «Большой земли» и два орудия для Ивакина. Саперы получили много противотанковых мин. Прибыли боеприпасы, продовольствие, табак. Плацдарм готовился к новой битве.

«На плацдарме все в порядке!» Так я и доложил командиру нашей 4-й дивизии генерал-майору К. Д. Парфенову.

Да, на плацдарме все в порядке!

Это значит, что ни смертельные шквалы вражеского огня, ни усталость солдат и офицеров — ничто не заставит нас хотя бы на шаг оставить отвоеванную кровью советскую землю.

Весь следующий день с рассвета до позднего вечера продолжался тяжелый бой. Земля стонала от разрывов снарядов и мин врага. Огонь по оборонительному рубежу полка велся часами. Затем — без всякого перерыва — артиллерийские налеты сменяла вражеская авиация.

— Пятнадцать... двадцать... двадцать четыре... тридцать, — считали солдаты появившиеся на небольшой высоте «юнкерсы», «хейнкелы», «фокке-вульфы».

Четырежды заходили немецкие эскадрильи на полк. Мы не успевали стряхивать с себя землю, не успевали поднять головы, как снова и снова раздавалось: «Воздух!» Над нами появлялись все новые волны бомбардировщиков.

...Шел одиннадцатый день боя на «Малой земле»...

Враг бесился. Ночь уже тоже не принадлежала нам: рыскали по берегу и реке прожекторы. Артиллерийско-минометной огневой лавине, казалось, не было конца, на переправе высоко в небо вздымались столбы земли, песка и воды.

Гвардейцы готовились к новой схватке с противником.

Восстанавливались окопы и ходы сообщений — они часто заваливались при бомбардировках и артобстрелах.

Всю ночь ползали саперы у нашего переднего края, восстанавливая «засеянные» ими ранее минные поля.

Утро нового дня началось, как и накануне, массовым налетом авиации. Потом — снова танки, пехота. Затем — опять то же самое, но с той лишь разницей, что каждая очередная попытка уничтожить нас принимала все более ожесточенный и упорный характер.

Немцы всеми силами старались ликвидировать наш плацдарм.

Но плацдарм находился в надежных руках.

Контратакует 7-я стрелковая. Шел пятнадцатый день боев за «Малую землю».

К двенадцати часам, после непрерывных, все нарастающих атак, противнику удалось вклиниться в оборону полка и захватить часть наших окопов.

Прошлой ночью на плацдарм перебросили 7-ю стрелковую роту во главе со старшим лейтенантом Чуяновым. Она должна была сменить автоматчиков. Но обстановка изменилась, и бойцы Хабарова остались на месте.

Переправившись на правый берег, Чуянов повел в контратаку своих гвардейцев. Этот рукопашный бой еще раз показал отличное мастерство, беззаветную преданность Родине, мужество и отвагу советских воинов. Целый час продолжался бесстрашный натиск наших воинов. Враг не выдержал напора и с большими потерями отошел в свой район обороны.

Рядом с доблестными пехотинцами дрались минометчики роты гвардии старшего лейтенанта Шемякина. В единоборство с наступающими танками и самоходками вступили младший сержант Горлов и рядовой Свичкарев. Когда кончились мины, Горлов бросился с гранатами на фашистский танк, а Свичкарев — против самоходки. Обе машины загорелись почти одновременно в нескольких метрах от нашей первой траншеи.

Но гвардейцы не успокоились.

— Бей их, гадов! — крикнул Горлов, увлекая за собой пехотинцев.

Они бежали впереди — Горлов и Свичкарев — с автоматами в руках. Словно былинные богатыри, косили они вокруг себя скопище врагов. Десятки фашистов падали от их пуль.

Верные солдатской клятве, гвардейцы дорого продали свою жизнь. Сраженные насмерть в неравном бою, они вписали новую страницу в героическую летопись полка.

Вдохновленные бесстрашием и самопожертвованием сво-

их славных товарищей, пехотинцы 7-й стрелковой выбили врага, удержали плацдарм...

Солдатские посиделки. У связиста Василия Егоровича Меньяло — большие усы и уверенные, преисполненные важности движения, особая манера разговаривать. Он считается здесь «стариком» — ему сорок пять лет.

Мы беседуем на переднем крае, во время короткого затишья перед боем.

— Что, товарищ полковник, на посиделки пришли? — спросил он.

— А как же без них? Не все же командовать и стрелять. Помнишь, у Новой Одессы?

Василий Егорович улыбается. «Сейчас будет рассказывать», — подумал я. Достаю свою увесистую, туго набитую табакерку, предлагаю солдатам. Меньяло скручивает сигарку первым. Табак идет по кругу. Терпкий дымок стелется по траншее. Василий Егорович, затянувшись, степенно рассказывает, как спасался от вражеского пулемета. Солдаты дружно смеются.

— Так можно же за косогор схватиться! — вставил сержант Иван Федорович Гербовой, пулеметчик.

— А зачем мне тот косогор? — отвечает Меньяло. — Линия связи ведь не за косогором тянется...

Я хорошо помню, как это произошло. Меньяло приказали устранить повреждение на линии связи. В это время враг пошел в атаку. Чего только не выделял бывалый воин, чтобы выполнить задание! Как назло, пулемет противника строчил вдоль телефонного кабеля. Василий Егорович перебегал, ложился, снова вскакивал и перебегал. Но в сторону от прохода не уходил — иначе как бы удалось обнаружить место повреждения. А немецкий пулеметчик, по-видимому, догадался, в чем дело, и старался помешать советскому бойцу...

— Умереть — легко, — сказал Меньяло. — Так я ведь тогда никакого права не имел умереть — связь надо же исправить!.. Да, всяко бывает... — закончил Василий Егорович.

Вот так, слово за слово, тихо разгоралась увлекательная беседа о солдатской доблести. В такие минуты каждый рассказчик словно заново раскрывал свой характер, свои мысли. В это время нам, командирам и политработникам, особенно легко было находить новые тропки к солдатскому сердцу, не только сообщать воинам важные политические новости, но и самим учиться у них народной мудрости.

Новый наштадив. До сих пор не могу забыть этот страшный нелепый случай.

...«Бухтой спасения» называли мы маленький затончик на

нашем берегу, где прятали лодку, приспособленную полковыми саперами для безвесельной перевозки людей, боеприпасов, продуктов.

Днем в целях маскировки лодка наполнялась водой, затапливалась. Лишь втрое сплетенный телефонный провод, которым она была привязана, едва виднелся из воды.

Ночью из лодки вычерпывалась вода. Безэкипажное судно служило незаменимым средством связи между крохотным плацдармом и «Большой землей». По ночам можно было наблюдать странную на первый взгляд картину: пустая одинокая лодка без весел, без людей, словно издалека плывущая по быстрому Днестру, вдруг от середины поворачивает и идет к левому берегу. Вскоре она возвращается тем же путем. За ночь совершалось немало рейсов нашего безэкипажного и безвесельного транспорта, на дне которого лежал либо посыльный из штаба дивизии с особо срочным распоряжением, либо ценный груз для полка.

Противник долго не догадывался о назначении лодки. Както в один из очередных предрассветных рейсов над рекой прозвучали частые выстрелы, начался бешеный обстрел из пулеметов и пушек противника. Лодка уже была на середине реки. Вокруг нее, как в кипящем котле, бурлила вода, всплескиваемая от пуль и разрывов снарядов. Лодка металась, но поддерживаемая за шнур с обоих берегов, курса не меняла. Она вышла из зоны обстрела и каким-то чудом осталась целой и невредимой. На «Малой земле» лодку встретили напряженно следившие за ней наблюдатели. К их изумлению, из лодки поднялся высокий, довольно плотный мужчина. Здесь, в «Бухте спасения», он был уже в безопасности. Связной доложил мне о раннем госте, пустившемся в такое рискованное плавание. Это был новый начальник штаба дивизии подполковник Гайнулин.

В блиндаже я хорошо рассмотрел гостя: мужественное лицо, небольшие, с татарской раскосинкой черные глаза, черные, гладко зачесанные назад густые волосы. В этой должности подполковник находился всего несколько дней. Его назначили вместо раненого и отправленного в госпиталь прежнего начальника штаба.

Едва ступив ногой на берег, гость, как говорят, попал «с корабля на бал»: начались первые утренние атаки. Противник обрушил на оборону полка, казалось, все, что у него было в огневом арсенале. На плацдарме разбушевался ураган огня и металла. Затем, после артиллерийского налета, — лавина фашистских бомбардировщиков.

Подполковник доложил по телефону командиру дивизии о своем благополучном прибытии.

— Что-то затянули они налет, — прислушиваясь к несмол-

каемому грохоту разрывов, произнес он. — А времени мало. Необходимо как можно быстрее ознакомиться с позициями полка.

Гайнулин подошел к карте западной части СССР, висевшей на стене блиндажа. На ней я отмечал линию советско-германского фронта. Подполковник обратился ко мне:

— Вы позволите мне внести уточнения?

— Пожалуйста. Может, мы здесь кое-что и не учли.

Я с интересом наблюдал за тем, как наштадив уточнял линию фронта. Поправки были незначительные по масштабу карты, но мне понравилась осведомленность Гайнулина во всех деталях продвижения наших войск.

В то утро мы о многом переговорили.

Гайнулин взглянул на часы.

— Больше нельзя ждать, — сказал он. — Штабу армии нужна уточненная схема переднего края.

По ходам сообщения двинулись на НП. На протяжении всего пути над нашими головами грохотали разрывы снарядов, свистели шальные пули. От осколков мы в безопасности — ход сообщения был довольно глубоким. А от прямого попадания никто на войне не застрахован.

Гайнулин заметил:

— Жарко! У вас здесь очень жарко.

Как будто бы в подтверждение этих слов на наш плацдарм обрушился новый, еще более сильный огневой шквал. Снова в незыблемой последовательности, характерной для противника, следующую часть симфонии первыми начинали тяжелые орудия, затем подключались минометы и пулеметы. Финал каждой части принадлежал авиации. Все вокруг рвалось, трещало, горело, дымило и стонало.

Гайнулин быстро записывал что-то в блокнот, вычерчивал, негромко и лаконично комментировал обстановку. Временами рука, водившая карандашом по бумаге, останавливалась, в глазах появлялась грусть, мечтательность.

— Когда все это кончится, когда перестанут греметь пушки и все вернутся домой... Я попробую обо всем этом написать, — сказал он. — Мне в штабе многое рассказывали о плацдарме, но сегодня я своими глазами увидел, как живет здесь третий полк...

«Живет»... Гайнулин произнес это слово так, словно увиденное им происходит в мирное время, где-нибудь в летних военных лагерях. Первым на это среагировал Гаврилов:

— Для жизни, конечно, условия — не ахти какие. Но ничего, мы привычные! Выживем да еще вперед вырвемся. Нам бы только подкрепление не задерживали.

Все трое оглянулись. Весенний Днестр в эти дни стано-

вился все шире и шире. Паводок уже наступал на остров Турунчук.

— Да, — задумчиво начал наштадив, — еще денька два — и затопит перевалочный пункт. Тогда со снабжением будет очень трудно. Скоро, очень скоро снимемся с места — и тогда...

— Пожалуйста, к столу! — громко позвал адъютант.

На плацдарме — затишье. Поэтому решили позавтракать не в землянке, а на воздухе. Скатерть расстелили на густой, недавно пробившейся травке.

Только уселись, в землянке зазвонил телефон. Адъютант доложил о том, что штаб армии просит Гайнулина.

Пока наштадив разговаривал по телефону, мы ждали. Гаврилов налил по стопке и стал открывать еще одну банку тушенки.

— Уже одиннадцать, а во рту у нас маковой росинки не было, — сказал он.

— Да, надо подкрепиться, кто знает, когда еще сегодня пообедаем, — ответил я.

Наконец, Гайнулин вышел из блиндажа. В воздухе снова противно зануло, загромыхали разрывы артиллерийских снарядов. Один пришелся у блиндажа, из которого выходил подполковник. Мы с Гавриловым бросились туда, чтобы увести Гайнулина в укрытие. Но уже было поздно. Сжав зубы от боли, Гайнулин не смог сам двигаться. Вскоре он потерял сознание...

...До ночи, той единственной возможности, когда начинает работать переправа, было очень далеко. Полковой врач сказал, что он сделал все, что в его силах. Теперь надежда только на дивизионный медсанбат.

...Ночью раненого перевезли на восточный берег. Он не приходил в сознание до следующего утра. Ровно в полдень мы узнали: начальник штаба дивизии подполковник Гайнулин умер...

Весенние зори. В эти последние дни, которые нам осталось быть на плацдарме, погода была против нас. Над землей нависли низкие свинцовые тучи. Раз по пять в день на землю низвергался бушующий весенний ливень. Воронки от мин до краев заполнены дождевой водой. По балкам, оврагам в Днестр сбегали мутные шумные потоки. Окопы превратились в сплошное чавкающее месиво. Почва, до предела насыщенная водой, не держала человеческой ноги. Одежда и обувь не успевали просыхать. Облепленные толстыми комьями глины шинели давили на плечи солдат пудовой тяжестью и уже не могли служить защитой от ночного холода и сырости. Полы шинели мешали передвигаться в траншеях.

Вода в Днестре прибывала все сильнее и сильнее. Река мутнела, бурлила. Уровень воды у Турунчука стремительно поднимался. Пришлось и артиллерию с этого островка переправить на восточный берег. Теперь от нас до «Большой земли» было совсем далеко. На острове Турунчук незатопленной оставалась лишь узенькая полоска земли. Там, на востоке, за широко разлившимся Днестром, были наши дивизия, артиллерия. Впереди — враг. Теперь он хорошо видел наш сократившийся из-за паводка плацдарм и поэтому еще ожесточенней обстреливал полк. Мы с радостью и надеждой встречали оружейные залпы наших артиллеристов, которые стреляли по немецким позициям где-то далеко за правым флангом.

Перед закатом, словно соскучившись по земле и людям, солнце разорвало осточертевшие тучи и засияло молодо и ярко. В его лучах засверкали вершины молодого дубняка, четко, словно тушью вырисованные, показались на фоне неба три отдельные, чудом уцелевшие акации.

Бойцы, истосковавшиеся за долгие хмурые дни по светилу, улыбались ему. На их лицах разглаживалась сеть ранних морщин. Кое-кто, обрадовавшись солнышку, забыл об опасности и начинал бриться.

Но противник по-своему воспользовался ярким светом. Он обрушил на плацдарм новый налет. Зашикали в розовосинем воздухе черные мины. Тонко запели частые вереницы пуль крупнокалиберных пулеметов. Полетели вверх комья сырой земли. Посыпались вниз срубленные пулями ветви деревьев. С правого фланга донеслись трескотня автоматов и частые разрывы гранат.

— Опять немец на автоматчиков пошел, — сказал кто-то в окопе.

Минут через двадцать мне звонил капитан Хабаров:

— Немцы пошли в атаку двумя ротами. Мы их подпустили поближе, а потом резанули из всех автоматов, затем dobавили гранатами. Ни один гад живым не ушел. Потерь в роте нет!

— Молодчина, Хабаров! Какой же ты молодчина! — только и сказал я в ответ.

Об отражении атаки я доложил комдиву — генералу Парфенову. Вскоре после этого мне позвонил командир артдивизиона майор Михаил Андреевич Бородин, который тогда, во время атаки, поддерживал 3-й полк.

— Я все очень хорошо видел. Орлы у тебя, полковник! Кто это там у вас на правом? Хабаров, говоришь? Ему — сердечный привет.

...Мы по-прежнему держались здесь одни. Я снова попросил снабженцев послать Хабарову еще гранат и автоматных патронов. Атаки могут повториться.

Тучи снова плотно заволокли небо и спрятали еще не успевшую погаснуть вечернюю зарю. Быстро стемнело. Плацдарм погрузился в непроглядный мрак. Вытянешь руку — пальцев не видно.

С наступлением темноты через Днестр к нам на «Малую землю» потянулась первая лодка. Солдаты шли по грудь в воде на крошечный клочок незатопленного Турунчука и тащили на себе боеприпасы, горячую пищу, сухари. В мешках переносили ручные гранаты. Отсюда все грузилось в лодки для перевозки на плацдарм.

Работали без слов, вслепую: только накануне крупнокалиберный пулемет пронизал лодку, расстреляв находившихся в ней раненых.

На плацдарме с нетерпением ждали лодки с того берега. Старшины и их помощники стояли у самой воды, принимая термосы с горячей пищей, мешки с хлебом, сухарями, боеприпасы и долгожданную махорку.

Бывало и так, что приходилось потуже подтягивать ремень — фашисты сверлили ночь трассирующими снарядами автоматической пушки, не давая никакой возможности переправиться нашим лодкам.

— Что ж, — шутили солдаты, — потерпим сегодня, сухарик — тоже питание. Не умрем...

Сдержали свою клятву воины. Еще много дней и ночей бился полк на плацдарме. В дикой злобе фашисты непрерывно засыпали нас бомбами, снарядами, минами. Они вводили в бой свежие части и бросали их в яростные атаки.

Но не сгибалась воля советских воинов. В смертельных схватках только еще больше закалялись и крепили гвардейцы.

Плацдарм стоял непоколебимо. Рядом с нами вскоре начал укрепляться 11-й гвардейский стрелковый полк нашей дивизии.

А в это время на Днестре создавалась и росла грозная сила — та, которая осуществила Ясско-Кишиневскую операцию.

...Многие не дожили до светлых дней победы над фашизмом, смертью храбрых полегли там, на днестровском берегу. Кровью гвардейцев 3-го полка обильно полита молдавская земля. Память о них — это счастье всех ныне живущих в солнечной и плодородной республике, за процветание и светлое будущее которой бились мы тогда, в апреле сорок четвертого.

И. ТИТОВ,
полковник в отставке

О БОЯХ, ТОВАРИЩАХ...

Наши армии наступали все дальше на запад и во многих местах достигли государственных границ СССР.

Весной 1944 года 394-я Криворожская Краснознаменная стрелковая дивизия в составе 34-го стрелкового корпуса 46-й армии вела наступательные бои в направлении Яновка, станция Кучурган. В ночь на 9 апреля, находясь в первом эшелоне дивизии, наш 810-й полк освободил село Незавертайловку и вышел на левый берег Днестра. Таким образом, 810-й стрелковый полк на этом направлении в числе первых вступил на землю солнечной Молдавии. В то время многие части и соединения левого крыла 3-го Украинского фронта еще продолжали вести бои в районе Одессы и узловой станции Раздельной.

При освобождении Незавертайловки взято в плен 150 немецко-румынских солдат, захвачены минометная батарея и два орудия. В этом бою отличился командир батальона майор Давид Андреевич Дудин. Батальон ночью смело и решительно атаковал противника, несмотря на то, что личный состав батальона во время дневных боев за станцию Кучурган был измотан, устал. Внезапные и стремительные действия батальона ошеломили противника. Бойцы майора Дудина без потерь выполнили поставленную задачу, овладев Незавертайловкой.

Д. А. Дудин был ветераном 810-го стрелкового полка, службу в нем начал еще будучи лейтенантом. Трижды раненый, он каждый раз после выздоровления снова возвращался в родной полк. Мы всегда радовались его приходу, потому что это был смелый, опытный командир, человек огромных

волевых качеств, спокойный, немногословный. Он постепенно заботился о подчиненных.

В то время я командовал 810-м стрелковым полком, который закалился в горниле боев еще на Марухском перевале Главного Кавказского хребта, где вечно царствуют снега и льды. И вот оттуда с тяжелыми боями мы прошли через Кубань, всю Украину и приблизились к границам Молдавии.

Освобождение братского молдавского народа от фашистского ига мы считали прямым сыновним долгом, делом нашей чести и воинской доблести.

В ночь на 12 апреля 1944 года наш полк получил приказ форсировать Днестр, захватить плацдарм и обеспечить переправу других частей корпуса на противоположный берег реки.

Район форсирования выбрали в изгибе Днестра. Кроме основного района, наметили пункты ложных переправ: один против села Раскайцы, другой против Пуркар.

Для форсирования реки и захвата «Малой земли» создали десантный отряд из разведчиков и автоматчиков. Командовать отрядом поручили разведчику майору Орехову. Выдерживая сроки, определенные плановой таблицей переправы, в час ночи стали действовать подразделения на ложных переправах.

Цель была достигнута. Туда противник стал подтягивать свои резервы, тем самым ослабив участок обороны, выбранный нами для форсирования Днестра. Мы только этого и ждали.

В два часа ночи отряд майора Орехова форсировал Днестр. Скрытно преодолев реку, он нанес удар по противнику. Завязался бой в траншеях. Часть фашистов была уничтожена, а остальные бежали в сельхозуч «Пуркары».

Успех нашего отряда — это в значительной степени заслуга командира отряда товарища Орехова. Орехов был хорошо подготовленным в военном деле офицером, очень изобретательным разведчиком. Он сумел организовать форсирование Днестра настолько скрытно, что противник не произвел ни единого выстрела. Наш отряд неожиданно атаковал огневые точки противника. Противник опомнился только тогда, когда отряд завязал бой за вторую траншею. Тут уже дело дошло до рукопашной. В бою погиб майор Орехов. Прах доблестного офицера покойся в селе Незавертайловка.

Не могу не отметить заслуг командира роты связи капитана Антона Яковлевича Подопригоры. Находясь в десантном отряде, он быстро установил связь и начал корректировать огонь артиллерии полка по подавлению вражеских огневых точек, которые мешали передвижению подразделений отряда.

Сейчас А. Я. Подопригора проживает в Сумской области, работает первым секретарем Сумского райкома КП Украины. Как мне известно, за успехи района в развитии сельского хозяйства бывший воин отмечен высокими правительственными наградами: орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Вслед за передовым отрядом на правый берег Днестра стали переправляться главные силы полка. Вскоре они овладели второй и третьей линиями траншеи противника, успешно отразили две контратаки и вышли на высоты, которые расположены западнее роцци между населенными пунктами Раскайцы и Пуркары.

Затем через Днестр переправился 808-й стрелковый полк. Таким образом, задача была успешно выполнена: мы образовали Заднестровский плацдарм.

Тяжелые бои у нас завязались утром 12 апреля, когда фашисты бросили сюда из Олонешт свои крупные подкрепления.

В течение нескольких дней 808-й и 810-му полкам пришлось отбивать непрерывные атаки превосходящих сил противника, пытавшегося сбросить наши подразделения в реку.

Наши контратаки зачастую переходили в рукопашные схватки. В них фашисты несли большие потери в личном составе и боевой технике. 12 апреля на участке 810-го полка противник оставил 7 подбитых и сожженных танков и много трупов солдат и офицеров.

О напряженности боя в тот день может дать некоторое представление хотя бы такой эпизод. Во время одной из контратак противника командир второго батальона Стефанчук увидел, как на орудие, расчет которого был выведен из строя, ползет танк. Капитан бросился к орудью, зарядил его и первым же выстрелом подбил вражескую машину.

Даже будучи раненным в грудь, Стефанчук не покинул своих солдат, продолжал руководить боем. Вторая пуля ранила его в область живота, а третья попала в позвоночник. Когда я прибыл на наблюдательный пункт к товарищу Стефанчуку, он умирал. Слабеющими губами командир батальона произнес: «Жалко, меня не будет на нашем празднике победы. Но вы отомстите гадам за нашу кровь, за наши жизни».

Ему бы еще жить да жить, нашему дорогому товарищу. Он погиб в расцвете сил.

Среди тех, кто сложил свои головы за свободу молдавского народа, пусть всегда светится имя незабвенного Стефанчука, любимца всего полка, человека беззаветной отваги, прозванного в полку «нашим Чапаем».

Могила капитана Стефанчука также находится в Незавертайловке.

В том же бою отличились командир батальона капитан Свядзинский, командир минометной батареи старший лейтенант Мохов и другие. Они вступали в единоборство с фашистскими танками и выходили победителями.

808-м полком командовал подполковник Николай Тихонович Смирнов. Это был молодой энергичный, смелый и волевой командир. На его участке противник оставил четыре танка. Один из них вплотную подошел к наблюдательному пункту командира полка. Но помощник начальника штаба по разведке капитан Рогачев противотанковой гранатой подбил танк.

Так, благодаря стойкости и самоотверженности наших солдат, сержантов и офицеров, их безграничной преданности Родине, ленинской партии, несмотря на превосходство в силах противника, все его контратаки были отбиты. Заднепровский плацдарм в районе населенных пунктов Раскайцы и Пуркары был удержан и прочно закреплен. Овладев плацдармом, мы не раз предпринимали попытки прорвать вражеские позиции, но успеха не имели и перешли к обороне.

Теперь перед 394-й стрелковой дивизией, которой командовал генерал-майор Александр Иванович Лисицын, стояла задача удерживать отвоеванный у врага участок берега и в то же время готовиться к наступательным действиям.

Мы стали проводить большую работу по укреплению нашей обороны, совершенствовали систему огня. Дивизионная и приданная артиллерия всегда находились в боевой готовности.

Используя широкую сеть наблюдательных пунктов, оборудованных на деревьях, мы старались просмотреть глубину обороны противника, следить за его передвижением.

При организации системы обороны много потрудились наши саперы под руководством дивизионного и полкового инженеров товарищей Кулофметова и Прилепского.

Оборону строили в течение нескольких месяцев. Заботились о том, чтобы предохранить наши войска от поражения вражеским огнем.

Нужно иметь в виду, что глубина плацдарма была чрезвычайно мала, а во время разлива Днестра она уменьшалась до 300—400 метров. Вся оборона полка состояла из одной позиции, оборудованной тремя траншеями. На ней были созданы опорные пункты, занятые усиленными взводами. Обозначили мы и ложный передний край, куда ежедневно выставляли отдельные пулеметные точки. Выпустив несколько очередей, расчеты сразу же меняли свои позиции.

Систематически организовывали разведпоиски с целью захвата пленных. В разведку посылались только хорошо подготовленные небольшие группы. За май — август 808-й стрелковый полк захватил в плен 4 румынских и 2 немецких солдат. Разведчики 810-го полка доставили нам 7 немецких и 2 румынских солдат. Мы никогда не торопились с отправкой их в штаб корпуса, держали их сначала у себя, выводили на передний край, где они давали ценные сведения о расположении огневых точек, наблюдательных пунктов, минных полей, а потом уже отправляли их по назначению.

Больше четырех месяцев нам пришлось оборонять плацдарм и ежедневно вести тяжелые бои, отбивая атаки противника. Особенно яростными стали они, когда разлился Днестр. Во время весеннего половодья наш плацдарм оказался отрезанным от «Большой земли» на несколько километров. У нас оставался буквально клочок земли по фронту 3—4 километра, а в глубину 200—600 метров. Подвоз пищи и боеприпасов был затруднен, часто приходилось сутками оставаться без питания, патроны и снаряды экономили. Продовольствие, снаряды и патроны доставлялись только в ночное время на лодках, но и это не всегда удавалось, так как немцы все время освещали местность ракетами и, если обнаруживали переправочные средства, обстреливали их.

Нужно отдать должное жителям сел Незавертайловка и Коротное. Они на своих лодках подвозили нам боеприпасы и питание, а при возвращении вывозили раненых бойцов и офицеров.

Успешному осуществлению стоявших перед полками задач в немалой степени способствовали наши политработники. Хочу сказать о заместителях командиров по политчасти 808-го полка майоре Чамове и 810-го полка майоре Данилочкине, а также о начальнике политотдела дивизии подполковнике Иване Тимофеевиче Новикове. Весь политсостав постоянно был на передовой с бойцами. Политработники организовывали выпуск боевых листов, проводили с воинами беседы, пропагандировали подвиги отважных. Нередки были случаи, когда политработники в ходе боя заменяли выбывших из строя командиров, не раз вели подразделения в атаку.

Скажу еще об одном бойце из нашего славного отряда политработников — сотруднике дивизионной газеты Н. Ю. Демиховском. Когда я вспоминаю о нем, всегда думаю об огромной силе воздействия печатного слова на человека в любой обстановке, в том числе и в боевой.

Успех того или иного боя в немалой степени зависит от морального состояния воина. Это может быть боевое возбуждение, бесстрашие, уверенность в своих силах, решимость

биться с врагами до последней возможности — такое морально-боевое состояние война сулит ему победу. Если же воин находится в унынии, им овладевает отчаяние, неуверенность, чувство страха — его ждет поражение в бою.

Самообладание, мужество, способность к самоконтролю и самодисциплина — эти и другие высокие моральные качества, необходимые воину в бою, нужно воспитывать всегда.

Демиховский в своих статьях и заметках рассказывал о героях, о людях высокого долга, о тех, кто верно служит нашей матери-Родине.

Собирая материал для заметок, он находился на передовой, деля с воинами все трудности и опасности фронтовой жизни.

Невелики были заметки в газете, но они оказывали влияние на солдат, потому что в них отражалась героическая правда.

На всю жизнь запомнились мне два боя. 5 мая 1944 года немцы решили нас сбросить в воды разлившегося Днестра. Очень хорошо помню то тихое теплое утро. Примерно в 6 часов утра в небе раздался нарастающий гул авиационных моторов. Из облаков вынырнули 60 немецких бомбардировщиков, развернулись и стали бомбить наши боевые порядки. Бомбежка особого вреда нам не причинила, так как у нас были открыты траншеи полного профиля, однако связь оказалась нарушенной. После бомбежки в течение 35—40 минут по нашей обороне велся ураганный артиллерийско-минометный огонь, затем пошла в атаку пехота при поддержке танков.

Но и на этот раз фашисты просчитались. Пока они обстреливали наш ложный передний край, мы успели подготовиться к встрече врага.

Большую помощь оказала нам штурмовая авиация 17-й воздушной армии, вызванная на помощь полку командиром корпуса генералом Касабуцким. Немцы потеряли очень много своих солдат и офицеров, оставили на поле боя 13 танков, а успеха так и не добились.

Линия нашей обороны местами проходила по дубовой роще. В ней танкам противника трудно было маневрировать, и снаряды нашей артиллерии все чаще накрывали их.казалось, сама природа помогала бить ненавистного врага.

В этом бою проявилась воинская зрелость многих наших офицеров, сумевших сохранить четкое взаимодействие между подразделениями.

Основной удар немецко-фашистских войск был направлен в район обороны 3-го батальона, которым командовал майор Давид Андреевич Дудин. Он всегда находился вместе с солдатами в траншеях. Когда противник начал артподготовку,

Дудин сумел своевременно вывести батальон в укрытие и сохранить личный состав своих подразделений, а затем подготовить его к отражению атаки. Огнем пулеметов и стрелкового оружия бойцы отсекали пехоту от танков, а два из них, прорвавшиеся в расположение нашей обороны, подожгли бутылками с горючей жидкостью.

В отражении атаки и уничтожении танков большую роль сыграл артиллерийский дивизион, которым командовал майор Щибри, а также артиллеристы полка во главе с капитаном Коломниковым. Они метким огнем уничтожили много гитлеровцев.

Следует отметить смелость и отвагу начальника штаба полка майора Сокольского, который многое сделал для укрепления обороны полка. Самой высокой похвалы заслуживают наши бесстрашные связисты, обеспечившие надежную связь в бою. Когда на линии были убиты четыре связиста, командир роты связи капитан Подопригора и лейтенант Федоров заменили их на промежуточных постах и тем обеспечили непрерывное управление батальонами.

Военные фельдшеры Клавдия Семенова и Зинаида Яковенко вынесли с поля боя по 20 раненых.

Разведчики Бокаев и Маскин при отражении атаки немцев сумели захватить «языка».

После этого боя фашисты долгое время не предпринимали активных действий.

Особо хочу рассказать о санинструкторе 1-го батальона Марфе Рой. В первые дни боев на Заднестровском плацдарме девушка проявила необычайную отвагу при спасении тяжело раненного командира роты, фамилии которого, к сожалению, не помню.

Тяжело раненный, он оставался на нейтральной полосе.

Марфа Рой решила спасти его ценой своей жизни. Она покрыла голову красной косынкой, взяла плащ-палатку и пошла во весь рост к раненому командиру. В это время шел жестокий бой, но при виде идущей во весь рост женщины солдаты обеих сторон перестали стрелять.

Воспользовавшись заминкой, Марфа уложила раненого командира на плащ-палатку и ползком потащила в свою сторону. Когда она выбралась в тыл боевого порядка наших подразделений, бой возобновился с новой силой. За этот подвиг бесстрашная санитарка награждена медалью «За отвагу».

Марфа Рой отличалась не только в боях на плацдарме, но и в последующем наступлении в районе Карагасан и Плахтевки. За участие в освобождении этих населенных пунктов она награждена орденом Красной Звезды.

В этих боях она вынесла в укрытие 15 тяжело раненных бойцов и командиров с оружием.

2 июня 1944 года ночью, когда дивизия уже находилась в районе села Пуркары, мы заметили, что немецко-румынское командование подтянуло к нашей обороне пехоту и танки. На наше счастье, этой ночью к нам перешли молдавская девушка и парень, которые дали очень ценные сведения о расположении артиллерийских позиций, местах сосредоточения танков и пехоты.

В тот же день на участке обороны 808-го стрелкового полка через Днестр переправились два солдата 10-й румынской пехотной дивизии. Они также подтвердили, что немцы и румыны подтягивают большие силы с целью перехода в наступление.

Положение наше в это время было особенно тяжелым. После спада воды обнажились камыши и появилось много малярийного комара. Малярия стала косить всех. Бывали дни, когда все мы буквально валились с ног. Но стойкость и мужество не покидали наших воинов. Малейшее беспокойство со стороны противника — и солдаты, в том числе и те, что болели малярией, занимали свои места, готовые отражать атаки противника.

Непростительно было бы добрым словом не вспомнить наших врачей, медицинских сестер, санинструкторов и санитарок, которые в то время сами болели малярией, но день и ночь находились на передовой в траншеях и лечили нас.

Хирурги Григорий Берамия, Загнидзе и Миколадзе делали операции прямо тут же, в укрытии, недалеко от передовой. Во время операции врач Миколадзе была ранена, но от стола не отошла, пока не сделала все, что требовалось. Она спасла жизнь солдату. Товарищ Миколадзе награждена орденом Красного Знамени.

Не покладая рук трудились врачи-терапевты Шатанашвили, Гадзеев и другие. Медсанбат дивизии состоял в основном из грузин. Это был замечательный сплоченный коллектив, который в составе нашего соединения прошел боевой путь от Кавказских гор до Балкан.

В сложившихся условиях командир дивизии генерал Лицицын решил упредить противника и 7 июня провести разведку боем. Цель — выявить новые огневые точки, места сосредоточения вражеских резервов и захватить пленных. Для разведки боем на участке 810-го полка был выделен 2-й стрелковый батальон, которым командовал капитан Мельников. В течение 20 минут мы вели огонь из орудий, вызвав в фашистском стане замешательство. Над его позициями появилась наша разведывательная авиация. Противник открыл себя, что называется, полностью. Он вел беспорядочный

А. В. Промский вручает правительственные награды отличившимся в боях воинам. Сентябрь 1944 г.

огонь по нашей обороне. Разведчику Замараеву удалось захватить «языка», который сообщил, что их части прибыли из резерва, принадлежат 13-й танковой дивизии и 8 июня собираются наступать с целью уничтожения наших войск на плацдарме.

Располагая такими данными, командование 46-й армии решило артиллерийским и авиационным налетом сорвать наступление противника. 8 июня в 4.00 утра вздрогнула земля: 500 орудий разного калибра, в том числе знаменитые «катюши», в течение 20 минут обрушивали шквал огня на противника. Затем 60 штурмовиков и бомбардировщиков «утюжили» его резервы и артпозиции. Как нам стало известно позже, по свидетельствам пленных, наш артиллерийский и авиационный налет был произведен в тот самый момент, когда противник выходил на исходный рубеж для атаки.

Таким образом, план немецко-румынского командования был сорван. Немцам и румынам нанесен тяжелый урон. Мы наблюдали, как они несколько дней вывозили с поля боя своих раненых и трупы убитых.

10 июня мне было приказано сдать 810-й полк и вступить в должность заместителя командира 394-й дивизии. Откровенно говоря, мне не хотелось расставаться с моими однополчанами, с которыми я пережил много тяжелых дней и познал

М. Долголенко.

с ними радость наших первых военных успехов. Но приказ есть приказ. Я оставил полк и прибыл в дивизию. Там сразу же на меня возложили обязанность организовать подготовку частей к предстоящему наступлению.

810-й стрелковый полк принял мой замполит подполковник Алексей Васильевич Промский.

22 июля 1944 года немецко-фашистское командование предприняло еще одну решительную атаку с целью сбросить нас в Днестр.

На сей раз они избрали иную тактику: обрушили свои удары по нашим флангам, пытаясь отрезать нас от Днестра, окружить и уничтожить. Но и тут они просчи-

тались — пытаясь ударить по нашим флангам, они подставили свои фланги под массированный огонь нашей артиллерии, расположенной за Днестром.

В течение всего дня шел горячий бой. В нем как со стороны немецко-фашистских войск, так и с нашей стороны участвовало большое количество артиллерии и самолетов, что называется, земля и воздух были в сплошном огне.

Фашистам на правом фланге удалось прорваться к штабу 810-го полка. Создалась опасность потери боевого знамени. Старший лейтенант интендантской службы Шапкин с двумя автоматчиками Долголенко и Маскиным, писарями штаба Вологурой и Проничевым в течение двух часов вели неравный бой. Немецких фашистов к боевому знамени не подпустили. Шапкин в этом бою был тяжело ранен, но поля боя не покинул. Вторая вражеская пуля оборвала жизнь доблестного офицера Проничева. Теперь от наседавших врагов отбивались Долголенко, Маскин и Вологура. Им полк обязан спасением своей боевой святыни.

Еще один примечательный эпизод произошел в том бою. На участке 808-го полка румынам удалось одной ротой вклиниться в нашу оборону. Рядовой пулеметчик Бережной укрылся в траншее. Когда резерв полка контратаковал прорвавшихся румын, пулеметчик огнем преградил им путь к отступлению. Бережной уничтожил много вражеских солдат и нескольких взял в плен.

Обороняя плацдарм и отражая непрерывные атаки противника, мы усиленно готовились к наступательным боям по

освобождению Молдавии. В целях подготовки к наступлению мы начали по очереди выводить из обороны свои части в тыл. Там на полигоне, созданном применительно к местности, по которой проходили вражеские укрепленные позиции, проводились учения. Занятия, проходившие с боевой стрельбой артиллерии и при поддержке танков, обычно заканчивались атакой переднего края и боев в глубине обороны противника.

Бойцы и офицеры с нетерпением ждали наступления, они спрашивали нас, скоро ли оно начнется.

Примерно за десять дней до наступления командующий 46-й армией провел занятие с командирами корпусов и дивизий, на котором было отработано несколько вариантов прорыва обороны противника. В свою очередь командиры дивизий провели такие же занятия с командирами полков, а командиры полков — с командирами батальонов.

День наступления держался в строгом секрете. Чтобы сбить противника с толку, мы начали имитировать работы по укреплению обороны.

И вот пришел долгожданный день — 20 августа 1944 года. В 8.00 от выстрелов заколыхалась земля, в лицо ударила упругая взрывная волна, небо над плацдармом заволочло дымом, взрывы снарядов и авиационных бомб слились в единый гул. В 9.45 наша пехота поднялась на штурм вражеских позиций.

Умело используя силу огня, первую позицию мы взяли сравнительно легко. Тяжелые бои начались, когда наши части подошли ко второй оборонительной позиции. Но наступательный порыв советских войск был настолько высок, что меры противодействия, предпринятые противником, оказались безрезультатными. Успеху нашего наступления способствовало и то, что боевые порядки пехоты сопровождали артиллерия и танки. Их действия еще больше поднимали дух воинов.

Серией атак нам удалось довольно быстро выбить противника и из второй полосы обороны. Но окончательно враг еще не был сломлен.

810-й полк натолкнулся на упорное сопротивление румынского батальона и роты немецких автоматчиков у села Карагасаны. Чтобы отразить контратаки, мы подтянули артиллерию и прямой наводкой стали уничтожать огневые точки. В особенности нужно отметить действие артдивизиона, которым командовал капитан Шибра. Этот дивизион поддерживал 3-й батальон капитана Мельникова. Он обошел населенный пункт Карагасаны и нанес удар по противнику с тыла. Огонь артдивизиона привел в полное замешательство противника. Румынские солдаты и офицеры метались по селу из стороны в сторону.

Хочу отметить здесь солдата Карпова из 810-го полка, возглавившего группу автоматчиков. Во время боя за Карагасаны группа Карпова первой ворвалась в населенный пункт. На одной из улиц скопилось до 200 румынских солдат и офицеров. Карпов, увидя румын, закричал во весь голос:

— Стойте, ни с места, — и рукой подал знак складывать оружие. Румыны без разговора подчинились. Все они сложили в указанное место оружие. Так наши автоматчики пленили большую группу вражеских солдат.

За смелость и находчивость Карпов награжден орденом Красной Звезды.

При освобождении Карагасан погиб командир 3-го батальона капитан Мельников. Он посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

В ходе наступления 394-я стрелковая дивизия получила задачу изменить направление и совместно с десантом морской пехоты, которая наступала на Белгород-Днестровский, окружить и уничтожить немецко-фашистскую группу войск в районе Плахтеевка — Байрамча.

После выхода наших войск в глубину вражеской обороны командир корпуса генерал Касабуцкий ввел в бой свой передовой отряд, в состав которого вошли стрелковый батальон, посаженный на машины, противотанковый дивизион и дивизион артиллерийского полка. Отрядом командовал майор Дудин.

22 августа отряд овладел станцией Сарата, тем самым преградил путь отхода противнику в направлении Рени.

На станции Сарата отряд захватил большие трофеи: два продовольственных и обозно вещевого склады, четыре железнодорожных состава, в том числе один с горюче-смазочными материалами, в которых наши части очень нуждались.

О том, как панически бежали отсюда фашисты, можно судить по такой детали: впопыхах они бросили на станции санитарный поезд с тяжело ранеными.

Отряд быстро продвигался вперед. Он находился уже в 70—80 километрах от наших частей, когда мне было приказано форсированным маршем выдвинуть стрелковую роту к станции Сарата и прикрыть один из флангов отряда майора Дудина.

Мы уже оторвались от своей дивизии километров на 15—20. В нарушение уставных правил я выехал на машине вперед. Вдруг из кукурузного поля выскочили два автоматчика в немецкой форме и на русском языке крикнули: «Товарищ командир, стойте! Немцы!» После их оклика поблизости раздалась автоматная очередь. Мне удалось повернуть свой «виллис» в сторону. Ординарец втащил автоматчиков в кузов машины. Как выяснилось позже, это были власовцы,

которые решили искупить свою вину перед Родиной и вышли навстречу нашим войскам, чтобы предупредить об опасности.

Перебежчики рассказали, что численность немецко-румынских войск, обороняющих Белгород-Днестровский, достигает нескольких тысяч человек. Группой командуют три генерала. Им поручено организовать отход разрозненных соединений на запад.

Получив такие данные, я решил развернуть роту на выгодном рубеже и преградить путь врагу. Одновременно доложил обстановку командиру корпуса. Генерал Касабуцкий одобрил мои действия и отдал приказ усилить темп продвижения 259, 353 и 394-й дивизий в район Сараты.

Вскоре сюда, на подкрепление роты, стали прибывать артиллерийские батареи.

Прошло некоторое время, и рота, поддержанная артиллеристами, завязала бои с подходившими сюда частями противника. Огонь пушек, пулеметов и стрелкового оружия буквально косил цепи врага, но он продолжал наращивать силу своего наступления из глубины. К этому времени стали подходить передовые части дивизий 34-го стрелкового корпуса. Разыгрался встречный бой.

Бой был скоротечный. Он длился всего каких-нибудь 30 минут. Потом вдруг все затихло, только слышались стоны раненых. Мы разгромили остатки трех дивизий. Южная группа войск противника перестала существовать.

Это был последний бой 394-й стрелковой дивизии на территории Молдавской республики.

Г. АБРАМОВ,
капитан запаса

ПЕРВЫЙ БОЙ

В мае 1944 года я прибыл в штаб 52-й стрелковой дивизии, входившей в 64-й стрелковый корпус 57-й армии 3-го Украинского фронта, и был назначен на должность командира 3-й пулеметной роты 429-го стрелкового полка. К тому времени дивизия только что захватила небольшой плацдарм на правом берегу Днестра в пойме озера Бык.

Передовая проходила примерно в четырех километрах западнее села Гура-Быкулуй, в котором расположились тылы полка и дивизии. Немцы имели преимущество. Их позиции располагались на господствующих высотах. Они хорошо просматривали нашу оборону и открывали огонь, как только появлялась цель, даже по одиноко идущему человеку.

Но вскоре мы построили хорошие оборонительные сооружения, а передний край с тылом соединили ходами сообщения. Огонь противника нам стал меньше причинять вреда.

До занятия плацдарма наши войска вели напряженные наступательные бои на Украине. В ротах осталось мало людей. В пулеметной роте, которую я принял, было всего три или четыре расчета, да и они не полностью укомплектованы. Надо было удерживать плацдарм, одновременно готовить пулеметчиков из пополнения. Состояло оно в основном из местных жителей, призванных в Красную Армию. Занятия проводили в центре села Гура-Быкулуй, неподалеку от церкви. Немцы часто вели огонь из артиллерии и минометов, и нам порой приходилось укрываться в подвалах и щелях, вырытых в районе занятий.

Однажды я и сам чуть не погиб от шального снаряда. Рано утром иду к пулеметчикам. Тихо, солнечно, весело щебе-

чут птицы. Не слышно ни одного выстрела. Кругом сады, зелень. И вдруг в расположении немцев раздался артиллерийский выстрел, а через мгновение я услышал клекот летящего тяжелого снаряда. Я быстро огляделся. Позади меня, метрах в тридцати, возле дома находилась щель, а впереди, примерно на таком же расстоянии, возле каменного забора — окоп. Почувствовав, что до окопа не успею добежать, я упал там, где стоял. В тот же миг раздался взрыв. Меня оглушило и засыпало осколками камня и пылью. В правое плечо чем-то сильно ударило. Из ушей и рта текла кровь. Я ощупал плечо, раны не оказалось. Очевидно, ударило камнем. Поднялся. Ищу воронку от снаряда, но ее не видно. А каменный забор, тот, что был впереди меня, как ветром сдуло. Снарядом убита лошадь и ранен артиллерист. Я же отделался легкой контузией. Через несколько дней слух восстановился, и я продолжал занятия. Недели через три пулеметчики уже знали материальную часть пулемета, хорошо научились им владеть, неплохо стреляли. Мы шли на передовую.

В половине августа подразделения дивизии сосредоточились на одном из небольших плацдармов в районе Тирасполя. Прорвав 20 августа оборону противника, войска развивали наступление. Вместе с другими подразделениями дивизии наш 3-й батальон 429-го стрелкового полка 24 августа на машинах перебросили к реке Прут с задачей перекрыть пути отступления немцев. Нас высадили среди холмов. Населенных пунктов поблизости нет. Командир батальона быстро построил стрелковые роты и двинулся с ними в район села Сарата-Галбена. Пулеметная рота следовала за ними.

Люди сильно устали. Двигаясь наугад, мы поднялись на один из холмов и увидели впереди километрах в четырех большую группу отступающих немцев. Она направлялась к селу Сарата-Галбена. Нашего батальона не видно. Мы решили идти наперерез отступающему противнику. Пройдя километра три, поднялись на возвышенность. Перед нами предстала картина: около роты наших бойцов редкой цепью отходили назад, в нашем направлении. На них наступала большая группа немцев. Фашисты шли в рост и строчили из автоматов. Цепь наших солдат редела на глазах.

Нужно остановить немцев. Но как? Огонь нам вести нельзя: можем попасть в своих. Оставив один пулемет на месте, для прикрытия с тыла, мы с остальными пулеметами быстро перебрались на другую сопку, находившуюся впереди и правее.

Установив четыре пулемета «максим», открыли огонь по немцам. Сраженные огнем, падали фашисты. Остальные от неожиданности остановились.

За какую-то минуту-две от группы врага осталась поло-

вида. Фашисты бросились бежать. Но это мало кому удалось. Поле покрылось трупами. Под прикрытием огня пулеметов заняли круговую оборону. Я приказал расчетам окопаться, пристрелять местность и разыскать воду для пулеметов, а сам занялся изучением обстановки.

Перед нами находилась широкая, ровная долина. Километрах в трех от нас беспорядочно двигалась большая группа немцев: пешком, на лошадях, в машинах, на повозках.

Впереди идущие немцы, встретив препятствие, повернули в нашем направлении. Они пытались пройти к селу Сарата-Галбена.

Наткнувшись на наш огонь и потеряв несколько десятков убитыми, они повернули назад, вливаясь в общий поток отступающих. Немцы все подходили и подходили, их становилось все больше и больше. Когда немцев накопилось много, они решили нас атаковать. Группа автоматчиков, человек 300, пошла в атаку. Мы их подпустили метров на 400 и открыли огонь. Почти вся группа была уничтожена, а оставшиеся подняли руки и сдались в плен. Спокойно и метко вел огонь пулеметчик Кравченко.

Уже начало смеркаться, когда немцы, сколотив большую группу автоматчиков, пошли в атаку. Они шли в рост, поливая нас автоматным огнем. Подпустив немцев поближе, мы открыли огонь. Эту группу постигла та же участь, что и первую. До наступления темноты они не смогли пройти вперед, а ночью вообще не пытались продвигаться. За день мы израсходовали половину боеприпасов. С рассветом к нам пробрался связист с телефоном и наладил связь с командиром батальона.

Комбат сообщил, что рация разбита и мы не можем связаться со своей частью. Подкрепления и боеприпасов ждать неоткуда. Немцы все чаще переходили в наступление. Группы противника просачивались в тыл наших подразделений.

Мы оказались в окружении. Решили биться до последнего патрона, до последней гранаты и как можно дольше задерживать фашистов,двигающихся по долине. Отступать было некуда. Куда ни оглянешь — немцы. Я лег за пулемет на основном направлении противника. За другим пулеметом — Кравченко. Пулеметным огнем мы закрыли выход из долины. Я боялся, что немцы раздавят нас. Но этого не случилось. Немцы отступали в панике, беспорядочно. Войска перемешались между собой и двигались без какого-либо руководства. Они наталкивались на наш меткий огонь, в страхе шарахались назад, создавая еще больше панику и неразбериху.

Но вот от неорганизованного войска отделилась группа автоматчиков, человек около 400, и пошла на нас в атаку, стреляя на ходу.

Подпустив их метров на 300, мы открыли ответный огонь. Местность пристрелянная, ни одна пуля не пролетела мимо. Гитлеровцы падали как подкошенные. Через час мы отбили еще две атаки. Было уже 10 часов утра, когда к нашему пулемету подполз начальник штаба батальона. Он сказал, что немцы атакуют наших стрелков, занявших оборону правее нас. Фашисты подошли так близко, что стали забрасывать их гранатами. Развернув пулемет, я ударил во фланг противнику. Часть гитлеровцев была уничтожена, остальные откатились назад, в кусты. Чтобы лучше рассмотреть, куда они отошли и что собираются делать, я встал из-за пулемета. В этот момент из кустов раздался выстрел. Пуля просвистела рядом. От неожиданности на мгновение растерялся, подумал, что ранен. Но пуля, пробив рукав гимнастерки, прошла подмышкой.

Пока вставлял в пулемет очередную ленту, заметил, что немцы разворачивают три длинноствольные пушки. Мне стало не по себе. Все зависело от того, кто быстрее и точнее откроет огонь.

Повернув пулемет и стараясь быть как можно спокойнее, первым открыл огонь. В пулеметных лентах имелась часть патронов с бронебойно-зажигательными и трассирующими пулями. Хорошо было видно, как с первой же очереди цель оказалась накрыта: возле пушек что-то загорелось, часть вражеских солдат убита, остальные разбежались. В течение всего дня, отражая атаки немцев, мы не спускали глаз с этих пушек. К ним несколько раз пытались пробраться немцы, но мы их отгоняли огнем.

Ко второй половине дня фашистских войск в долине накопилось еще больше. Атаки против нас все усиливались, но мы их успешно отбивали. Экономя патроны, с риском для себя подпускали немцев близко, чтобы бить наверняка. В пулеметах кипела вода. Четыре бойца только и делали, что бегали за водой в балку.

В течение этого дня мы отбили, наверно, десяток атак. Патроны были на исходе, а немцы в долине все накапливались. Чувствовалось, что они вот-вот двинутся всем скопом на нас и раздавят. Ведь патронов у нас оставалось всего на 3—5 минут боя.

В этот критический момент неожиданно появилась наша авиация: одиннадцать штурмовиков и 3 истребителя. Заметив скопление вражеских войск, самолеты развернулись и пошли в атаку. Сначала мы обрадовались, но когда увидели, что они начали пикировать на нас, высочили на видное место, стали махать летчикам, кто портянкой, кто, сбросив гимнастерку, натальной рубашкой.

Летчик ведущего самолета понял нас, изменил угол пики-

рования, и штурмовики обрушили весь бомбовый груз на скопление врага. Потом сделали второй заход, сбросив реактивные снаряды. Третьим заходом полили долину пушечно-пулеметным огнем.

Когда рассеялись дым и пыль, нам представилась страшная картина: вся долина, насколько хватало глаз, покрыта трупами. Валяются исковерканные пушки. Уцелевшие немцы мечутся среди трупов, горящих машин и повозок.

Воспользовавшись передышкой, мы пополнили запас патронов за счет трофеев.

Все были уставшие, голодные. С наступлением темноты накормили людей. Обсудили создавшееся положение. Решили драться до последнего, как можно больше уничтожить немцев. Никто не высказал другого мнения. Все офицеры и солдаты были полны решимости умереть, но не сдаваться. Ни шагу назад с этого места. Каждый понимал, что здесь мы сдерживаем прорыв к Пруту большой группы вражеских солдат.

Мы опасались, что враг предпримет попытку прорваться ночью, приготовились к самому худшему. Ночь темная, ни передней линии, ни тыла — все перемешалось. Решили ждать. Никто не спал. Вспоминали отдельные эпизоды боя. Вспомнили и такой случай: после отражения атаки из кустов вышел немецкий солдат с поднятыми руками и пошел к нам. В правой руке у него что-то белело, но что — мы не могли понять. Когда он подошел ближе, мы увидели длинного, худого, рыжего, безоружного гитлеровца. В правой руке он держал живого петуха. Так с петухом и отправили его в штаб батальона. Жалко было смотреть на этого вояку.

Так, за разговорами, мы просидели часа четыре. Вдруг на соседней сопке, откуда мы ожидали ночного наступления немцев, услышали сдержанный шум, голоса людей, ржанье лошадей, скрип колес. Чувствовалось: там собралась большая группа противника.

Мы приготовились. Ждем полчаса, час. Немцы не появляются. Я послал трех человек во главе со старшиной роты в разведку. Через полчаса разведка возвратилась: но уже не три человека, а пять. Оказалось, что соседний полк сбился ночью с дороги, зашел на эту высотку. Командиры решили остановиться, дожидаться рассвета. С ними были полковая артиллерия и минометы. Мы очень обрадовались, познакомили их с обстановкой. Они слушали нас молча, но по глазам было видно: не верят. Думают, что мы преувеличиваем. Мы их не стали убеждать, но посоветовали к рассвету готовиться к бою. Как только забрезжил рассвет, немцы начали прорываться из окружения с новой силой. Но у нас уже рядом полк с артиллерией и минометами.

Полк расположился на склонах сопки. Пушки поставили на прямую наводку. Завязался бой. Огонь наш был настолько сильным и плотным, что ни один немец на нашем направлении пройти не смог. К десяти часам утра следующего дня движение немцев прекратилось. Наш батальон стал собираться в дорогу. В долине немецких трупов было настолько много, что трудно было найти место для построения.

В разбитых немецких повозках и автомашинах — награбленные вещи.

Построились. К нам подъехал командир дивизии полковник Л. М. Миляев. В штабе дивизии считали наш батальон погибшим, так как связи с нами не было. Полковник поздравил батальон с выполнением задачи, поблагодарил и приказал всех представить к правительственной награде.

Получив новую задачу, батальон двинулся вперед, к границе Румынии.

К. МОСКВИН,
генерал-майор в отставке

МОЛДАВСКИЕ ЗОРИ

Сто двадцать боевых дней на молдавской земле вошли в мою биографию, образно говоря, яркими зорями.

Сюда мы пришли ранней весной сорок четвертого года. Событий и встреч было много. Дневника я тогда не вел, но в памяти моей до сих пор не изгладилось то трудное и героическое время.

6-м гвардейским стрелковым корпусом, входившим в состав 37-й армии 3-го Украинского фронта, командовал в то время генерал Григорий Петрович Котов. Много, очень много отважных, стойких солдат и офицеров служило в корпусе. Но первое слово о его командире, с чьим именем связаны боевые дела корпуса, освобождавшего города Украины, Молдавии, Болгарии, Югославии, Венгрии и закончившего свой боевой путь в Австрии. Его нет в живых. Он погиб, не дождавшись победы, вдали от своей Родины. Останки генерала Котова ныне покоятся на военном кладбище в Одессе. О гибели своего командира я расскажу ниже. Храбрый волевой военачальник, он во многом напоминал нам Григория Ивановича Котовского.

Помните 1920 год? Станция Раздельная, лихой рейд котовцев на Одессу. Они первыми зимой 1920 года вступили на улицы приморского города, изгнав деникинцев... Так в апрельское утро 1944 года генерал Котов, вспоминая своего старшего товарища по оружию, вел свои соединения на разгром фашистских захватчиков в районе Одессы — там, где воевал когда-то Г. И. Котовский.

Дерзким броском корпус вышел на подступы к Раздельной. Отходящие немецкие войска, стремясь пробиться на запад, к Тирасполю, наседают с тыла, нависают на флангах, мелкие подразделения просачиваются в стыках наших батальонов. Боевые порядки корпуса оказались разорванными. Узнав о том, что командир 20-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Н. М. Дрейер со своим штабом оказался в окружении на станции Раздельная, с большим риском для жизни Котов проскочил в самое пекло, решив на месте разобратся в сложившейся обстановке и оказать помощь командиру дивизии в организации боя.

Григорий Петрович человек отважный. В минуты смертельной опасности, когда все возможности повлиять на ход боя оказывались использованными, он не раз сам вел атаку солдат. Могут сказать, что такая форма управления войсками не является наилучшей. Возможно. Но существуют неписанные законы, когда судьбу боя может решить только сильное психологическое воздействие на воинов. В такие минуты личный авторитет и воля командующего, его готовность умереть или победить вдохновляют воинов на беспримерные подвиги. Именно такое положение сложилось под Раздельной.

В ночь на 5 апреля наши части разгромили прорвавшуюся группировку противника и к утру овладели Раздельной. Решительные действия дивизий 6-го гвардейского корпуса способствовали выполнению задачи по прорыву обороны немцев на реке Кучурган и выходу советских войск к нижнему течению Днестра. 11 апреля соединение генерала Котова подошло к реке и очистило от фашистов левый берег Днестра на фронте от Тирасполя до Чобручей.

Вот он, долгожданный Днестр. Извилистой синей линией тянется он через всю Молдавию. Тихо вокруг. Только небольшие волны мягко накатываются на берег. Изредка ветер доносит хлопок выстрела — и опять тишина. Враг обнаружил лодки, когда они были уже на середине реки. И тотчас сотни ракет взвились в воздух, грохот орудийных выстрелов расколол тишину. Быстрее пристать! Яростно взлетают весла, вспенивая воду. Но чем ближе к вражеским позициям, тем сильнее огонь. Светло как днем. Сплошной огненной полосой сверкают вспышки на берегу. Снаряды поднимают огромные фонтаны воды у лодок. Слышны крики и стоны. Все ближе правый берег. Все больше и больше плотов и лодок на глади реки. Бойцы с передних лодок уже карабкаются на берег. Слышится «ура». Завязывается рукопашная схватка. Враг не выдерживает и откатывается ко второй линии траншей. За пехотинцами переправляются артиллеристы. Разрывы мин и снарядов, стрекот пулеметов, автоматные очереди — все

сливается в один оглушающий шум. Воздух наполнен дымом и гарью. А с левого берега все отчаливают и отчаливают лодки и плоты с нашими войсками. Плацдарм на правом берегу Днестра завоёван...

Молдавское население не только теплым словом содействовало нашей армии, оно оказывало большую практическую помощь. Жители прибрежных сел разведывали места затопления лодок противником, доставали их из воды, помогали сооружать плоты и паромы. В район села Суклея, где нашими саперами возводилась мостовая переправа через Днестр, прибыло много добровольцев. Неоценимую помощь оказали нам тираспольчане Прокофий Турта, Кондрат Тимотин, Василий Собко и многие другие патриоты. Все это позволило 24-му гвардейскому воздушно-десантному полку под командованием майора М. Я. Жеребцова с ходу форсировать Днестр, захватить плацдарм и расширить его в сторону Кицкан.

Захваченный нами плацдарм у села Кицканы имел важное значение для последующего удара советских войск по противнику. Развернув отсюда наступление, ударная группировка 3-го Украинского фронта имела возможность расчленил вражескую армейскую группу «Думитреску» на две части и выйти на тылы соединений наиболее сильной 6-й немецкой армии, оборонявшей кишиневское направление.

Понимая значение захваченного нами плацдарма, фашистское командование стремилось выбить советские войска с выгодного для нас рубежа. С этой целью в срочном порядке оно стало выдвигать из района Бендер войска и технику на рубеж Кицканы — Копанка. Разыгрался встречный бой, имевший решающее значение в дальнейших событиях на этом участке фронта... Передовой батальон 28-й гвардейской стрелковой дивизии вступил в Кицканы. В районе монастыря завязалась перестрелка. Под прикрытием огня одной роты командир батальона вывел две другие из села и, обходя его с юга, маскируясь садами, захватил высоту у Кицкан. Отсюда как на ладони просматривалась дорога, ведущая на Бендеры. Разведчики своевременно обнаружили две вражеские колонны: одна подходила к Кицканам, другая подтягивалась к западным склонам высоты.

Оценив обстановку, командир батальона развернул свои подразделения на гребне. Завязался ожесточенный бой с превосходящими силами противника. Батальон удержал рубеж и обеспечил выход главных сил дивизии. В это время передовой отряд 188-й стрелковой дивизии, находившийся в лесу восточнее Кицкан, стремительным броском выдвинулся к высоте и ввязался в бой, оттягивая на себя основные силы немецких колонн.

Упорный бой продолжался около трех часов. Части 28-й гвардейской дивизии, закончив форсирование Днестра, стремительно продвигались в район боя передового отряда. Противник не выдержал силы удара гвардейцев и стал отходить на запад. Наши части, расширяя захваченный плацдарм, достигли рубежа южнее Бендер и плавней восточнее Хаджимуса, Киркаешт, Копанки.

Зазеленел, задышал весенним теплом май 1944 года. Но солдатам некогда любоваться красотами весны: войска в тяжелых условиях весенней распутицы прошли с боями более пятисот километров. Нужно пополнить поредевшие роты и батальоны, подтянуть технику, закрепиться на новом рубеже.

Противник не раз пытался контратаковать переправившиеся соединения корпуса, сбросить их в Днестр, но был вынужден откатываться на исходные позиции с большими потерями. Вскоре линия фронта стабилизировалась. Не теряя времени, части приступили к подготовке плацдарма для последующих активных действий.

Штаб корпуса, где я был начальником отдела, расположился в саду и лесной чаще на юго-восточной окраине села Кицканы. Здесь мы почувствовали большую заботу мирного населения. Молодежь потянулась к нам с просьбой о призыве в армию. Жители Кицкан и Копанки оказали большую помощь нашим войскам в ремонте дорог и дали много ценных сведений о местности и противнике. Все это помогло нам в решении вопросов боевых действий. От местных жителей мы узнали, что обитатели Кицканского монастыря не рады нашему приходу. В кельях у святош имелись радиоприемники и передатчики. Они проводили враждебную пропаганду среди местного населения. Это осиное гнездо нужно было обезвредить.

Встал вопрос об эвакуации монахов на левый берег Днестра, в бывшие немецкие колонии. Пришлось вести переговоры с руководством монастыря.

С чувством гадливости подходил я к стенам монастыря. В дверях арки-колокольни меня встретил пожилой монах и, обращаясь ко мне на русском языке, спросил:

— Вам к кому?

— К настоятелю или игумену, — ответил я.

Монах поклонился и проводил меня к двери одноэтажного здания. В коридоре нас встретил монах средних лет. И опять последовал вопрос:

— Вам к кому?

Мой сопровождающий ответил за меня:

— К матушке игуменье...

— Меня передернуло: «Монастырь-то мужской, а руководит им игуменья!»

Перешагнув порог кабинета, я увидел со вкусом одетую, хорошо сложенную холеную даму лет пятидесяти. Строгость ее взгляда подчеркивала, что она здесь начальник.

Я представился.

— Приятно встретить, садитесь, — пригласила она.

С минуту мы изучали друг друга.

— Красная Армия освободила село Кицканы и монастырь в том числе, — нарушил я молчание. — Хотелось бы познакомиться с историей монастыря.

— Большое спасибо за вызволение нас из фашистского рабства, — поблагодарила игуменья.

Из ее рассказа я понял, что монастырь до оккупации был очень богатым, известным за пределами Молдавии. Он имел хорошие связи за рубежом. Когда пришли немцы, они разграбили монастырские ценности, вывезли золотую гробницу, золотые кресты, иконы в дорогой оправе, много хлеба, вина и другого богатства. Жить монахам стало тяжело.

— Теперь дела пойдут по-другому, — закончив свой рассказ, вздохнула игуменья.

— Какие у вас претензии к нашим солдатам? — спросил я.

— О, я забыла и, видимо, забыла потому, что мы не терпим той беды, что терпели при немцах. В первые дни ваши солдаты наведывались за вином, но теперь этого уже нет. Они нас даже охраняют.

В ее голосе чувствовалась фальшь. Когда я затронул вопрос о главном — об эвакуации монастыря за Днестр, она стала возражать:

— О, это невозможно. Мы здесь живем своим хозяйством. А если нас эвакуировать, то придется и обеспечить всем, что нам положено. По нашим законам мы сами не имеем права принять такое решение.

Такой ответ меня насторожил. Я аргументировал наши требования приказом военного времени: мирное население должно быть эвакуировано за 25 километров от переднего края.

— Я понимаю закон. Но вы же видите, с какими трудностями это связано, — сказала игуменья. — А уж если придется эвакуироваться, то мы сможем это сделать только при условии, если нам будет дано распоряжение за двумя подписями.

— С какими двумя подписями вам нужен документ? — спросил я.

— За подписью вашего и нашего начальства, — улыбнулась игуменья.

Я поблагодарил матушку за беседу и уехал из монастыря.

В штабе я доложил об итогах «дипломатических» переговоров командиру корпуса.

Генерал внимательно выслушал мой доклад, сказал:

— Подготовьте донесение командующему армией.

Дней через десять пришел ответ, и осиное гнездо из Кицкан вывезли. При переселении святош в их кельях были обнаружены не только иконы, но и средства для ведения шпионажа — приемники и передатчики.

Корпус готовился к активным наступательным действиям. Дни и ночи шли учения частей, готовившихся к штурму. С 9 августа начали готовиться к прорыву обороны противника в районе Копанки. Подготовка к операции носила сугубо секретный характер и проводилась при тщательной маскировке. Мы переодевались в комбинезоны и отправлялись на передний край обороны 244 и 333-й стрелковых дивизий 66-го стрелкового корпуса, которые обороняли участок от Фынтына-Мускулуй до Леонтьево.

Нам предстояло изучить передний край обороны, систему заграждения и огня, местность, определить полосы для наступления 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и 20-й гвардейской стрелковой дивизии, а также продумать управление боем.

После того как были получены сведения об обороне 549-го немецкого пехотного полка на участке предстоящего прорыва на глубину до села Попяски, его резервах и пунктах управления, мы разработали конкретный учебный план и целеустремленно готовили офицерский состав и штабы к предстоящим боевым действиям. За десять дней и ночей на плацдарме были сосредоточены силы, превосходящие противника в несколько раз. Все затаилось, спряталось в землю. С виду шла обычная фронтовая жизнь: наблюдали за противником, изредка постреливали.

Проходили партийные и комсомольские собрания. Значительно пополнялись ряды коммунистов. Стремление быстрее разгромить ненавистного врага и освободить молдавский народ из-под ига фашизма переполняло сердце каждого генерала, офицера, сержанта и солдата. Большую воспитательную работу проводили начальники политических отделов 20-й гвардейской стрелковой дивизии полковник Ященко и 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии подполковник Воронцов.

Немалую роль в подготовке личного состава к предстоящему бою сыграли командиры полков, входивших в 20-ю гвардейскую стрелковую и 10-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизии. Это командир 60-го гвардейского стрелкового полка подполковник И. Н. Макуха, командир 24-го гвардейского воздушно-десантного полка майор М. Я. Же-

ребцов и командир 30-го гвардейского воздушно-десантного полка подполковник И. С. Перегудов, чьи полки находились на главном направлении прорыва обороны противника. Результаты кропотливой воспитательной работы, проведенной командирами и политработниками этих полков, плодотворно сказались в первые же минуты боя. Идя в смертельную схватку с врагом, воины не дрогнули и одержали победу.

Смена войск и занятие исходного положения проводились в ночное время с 17 до 20 августа. В ночь перед наступлением офицеры штаба корпуса находились в боевых порядках полков и батальонов и помогали командирам лучше подготовиться к активным боевым действиям.

Штаб корпуса и тылы в это время располагались в районе Копанки.

И вот долгожданный день 20 августа наступил. Заговорила артиллерия, авиация, все окуталось дымом и пылью. Люди рванулись в атаку вместе со штурмующими самоходками и танками. Короткая рукопашная схватка в траншеях, пленные — это первые вестники победы.

— Я нахожусь у Дрейера, — сообщил по телефону на командный пункт корпуса генерал Котов. — Отсюда буду руководить боем. Всем остальным оставаться на наблюдательном пункте.

Наблюдательный пункт командира 20-й гвардейской стрелковой дивизии обеспечивал просмотр всего переднего края обороны противника в глубину до Попяски. Отсюда командир корпуса видел все поле боя. Когда строгий расчет сочетается с дерзостью стремительного натиска, результаты бывают отличными. Через два часа 60-й гвардейский стрелковый полк под командованием гвардии подполковника Макухи с танками ворвался на окраину села Попяска. Противник силою до двух батальонов с танками перешел в контратаку. Получилось замешательство. Наблюдая эту сложную картину боя, генерал Котов отдал распоряжение командиру дивизии на обеспечение полка артиллерийским огнем, ввод второго эшелона дивизии, вызов авиации. Командир корпуса выехал в район боя и вместе с командиром 60-го гвардейского полка стал руководить отражением контратаки противника. Нельзя было допустить заминки и снизить темп прорыва. Присутствие генерала Котова вдохновило солдат и офицеров на решительные действия, они проявили героизм и отвагу.

Ефрейтор Гусев с гранатами бросился под вражеский танк. Он героически погиб, но обеспечил успешный разгром контратакующего противника. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Гусева с почестями похоронили в селе Попяска. Жители

села заботливо ухаживают за его могилой. Слава о нем идет от поколения к поколению.

Когда соединения корпуса вклинились во вторую полосу обороны, противник предпринял решительные действия на рубеже Каушаны—Ермоклия. Выход наших войск за пределы этого рубежа предрешал крах вражеской обороны на смежных флангах 6-й немецкой и 3-й румынской армий и создавал условия для окружения Кишиневской группировки.

Пытаясь не допустить прорыва наших войск в оперативную глубину, командование группы армий «Южная Украина» решило силами 13-й танковой дивизии восстановить прежнее положение.

Утром 21 августа, после сильной артиллерийской подготовки, 13-я танковая дивизия противника совместно с отброшенными с переднего края соединениями нанесла удар по нашим 20-й гвардейской и 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизиям. Разыгрался ожесточенный бой. Действия противника сковали ввод в прорыв 7-го механизированного корпуса в направлении Комрат, Леово. Сложная обстановка требовала правильной ее оценки.

Находясь на наблюдательном пункте в районе Попяски, в боевых порядках 20-й гвардейской стрелковой дивизии, генерал Котов принял смелое решение: бомбовыми ударами поддерживающей корпус авиации и огнем из всех видов оружия остановить выдвижение вражеских танков, а затем нанести удар по противнику, измотать его силы и вводом в бой находившейся во 2-м эшелоне 195-й стрелковой дивизии во взаимодействии с 20-й гвардейской стрелковой и 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизиями и соединениями 66-го стрелкового корпуса разгромить контратакующего противника и развивать успех в направлении Бессарабка, Комрат.

После боя на наш наблюдательный пункт прибыл командующий 37-й армией генерал-лейтенант Н. М. Шарохин. Он был расстроен, заметно нервничал.

— Вы, Григорий Петрович, не учитываете одного: нам придется еще долго воевать, чтобы до конца разгромить фашистскую нечисть, а вы себя не бережете.

Генерал Котов отшутился:

— Командиру положено находиться там, где решается судьба боя.

— Так-то оно так, но на рожон лезть тоже не следует, — ответил генерал Шарохин.

Командующий армией понимал, конечно, что в сложившейся обстановке генералу Котову иначе и нельзя было действовать. Вмешательство командира корпуса быстро решило успех операции. Он умело организовал взаимодействие огне-

вых^{*} средств, обеспечил их маневренность, хорошо управлял ими.

Удар противника был сорван. Враг понес большие потери. 13-я танковая дивизия разбита, ее командир генерал-лейтенант Трегер бежал и только в сентябре был пленен на территории Болгарии. Мы выполнили поставленную задачу и стремительно с боями продвигались вперед на соединение с войсками 2-го Украинского фронта в районе Леово, где должно было замкнуться кольцо по окружению всей кишиневской группировки противника.

25 августа, когда наши войска приступили к уничтожению и пленению окруженных войск противника, создалась сложная обстановка. Наши части вели бой на фронте Цыганка, Леово, Купкуй, севернее Филипен, южнее Ченака. Все, чем мы располагали, было задействовано, и в резерве корпуса не оставалось ни единой роты. Разрыв между нашим правым флангом и соседом справа — 82-м стрелковым корпусом — составил около 80 километров.

В такой обстановке, когда противник старался во что бы то ни стало прорваться в направлении Леово и южнее, трудно было сдерживать его натиск. Бригады 4-го гвардейского и 7-го механизированных корпусов вели бой в районе Минжира, Томая.

Утром 25 августа командир 20-й гвардейской стрелковой дивизии доложил в штаб корпуса, находившийся в Филипенах, что его боевые порядки обстреливаются прямой наводкой «фердинандами» с окраины Леово. Нас это сообщение удивило: там прошли наши войска. С целью проверки достоверности факта мы с начальником разведки корпуса подполковником Нестеровым и офицерами-артиллеристами на «додже» выехали в район Леово. По дороге в одном километре от Леово стояла наша артиллерийская батарея. Когда мы приблизились к ней, офицер остановил нас. Из его доклада мы узнали, что на окраине Леово стоят немецкие «фердинанды» и ведут огонь прямой наводкой по дороге. Два наших броневика, проследовавшие на Леово 15 минут назад, были сожжены. Мы сами решили убедиться, свободна ли дорога в сторону Леово. В это время на большой скорости проследовал немецкий трофейный «штеер». В нем находилось до десятка наших офицеров и солдат-танкистов. Мы стали подавать сигнал для остановки, но они, не обратив внимания, продолжали следовать на запад.

— В машину, — командовал я, и мы устремились за удаляющимся от нас «штеером». Когда между машинами было метров триста, с окраины Леово последовал выстрел. Снаряд разорвался в машине «штеер». Послышались крики. Затем — второй выстрел, но он перелетел через «штеер» и

упал метров на 100 ближе к нам. Шофер развернул машину. Последовал третий выстрел. Разрыв пришелся в том месте, где недавно находилась наша машина.

Мы возвратились к батарее, и я извинился перед офицером-артиллеристом за свое недоверие, а командиру батареи приказал подобрать удобную позицию и выдвинуть орудия для ведения стрельбы прямой наводкой.

Не успел я дать необходимые указания, как к нам на «виллисе» подъехал командир корпуса генерал Котов. Заметно волнуясь, генерал рассказал нам, что он был в 195-й дивизии. Когда услышал стрельбу в районе Леово, немедленно выехал туда. Ради предосторожности пробирался по кукурузе. Он видел, как «фердинанды» вели огонь и сожгли два броневика. Изучив обстановку, решил накрыть их арт-огнем. Но в это время показался «штеер». Сначала он подумал, что прорвались немцы. Но «фердинанд» выстрелил и разбил «штеер».

Затем Котов перешел к анализу обстановки. Он сообщил, что противник, оказавшийся в окружении, предпринял отчаянную попытку ценой больших жертв прорваться на Леовском направлении. 195-й и 20-я дивизии отражали непрерывные атаки превосходящих сил врага. Отмечалось большое движение колонн противника из Котовска на Леово и Яргору. Прорвавшиеся в Леово немецкие самоходки, видимо, имели связь с окруженным противником, который ориентировал их. Необходимо было прикрыть Леовское направление, прочесать плавни реки Прут, усилить правый фланг, где образовался большой разрыв. 10-я гвардейская воздушно-десантная дивизия была снята с Фэлчевского направления и брошена на Леово.

Вслушав сообщение Котова, мы выехали в штаб корпуса в Филипены. Офицер разведотдела сказал нам, что наблюдатель, расположенный на высоте северо-восточнее Филипен, доложил о движении большой колонны противника с самоходками и танками в направлении расположения командного пункта корпуса. Размышлять было некогда. В нашем распоряжении, кроме гаубичного дивизиона, стоящего на огневых позициях в 2 километрах от штаба, ничего не имелось.

Вслушав доклад офицера, генерал Котов приказал вывести дивизион на высоту северо-восточнее Филипен и прямой наводкой расстреливать движущуюся колонну. Артиллерия корпуса и 195-й дивизии сосредоточила огонь по колонне. Прицельный огонь 18-ти гаубиц сделал свое дело. Противник, неся большие потери, изменил направление: стал удаляться в сторону населенного пункта Купкуй, а там попал под огонь частей 195-й и 20-й гвардейской дивизий. Этим маневром нам удалось деморализовать врага.

25 и 26 августа корпусу пришлось выдержать самые напряженные бои с окруженным противником. За два дня частями нашего корпуса пленено 15 950 немецких солдат и офицеров, захвачено огромное количество боевой техники и оружия. Врагу не удалось прорваться через Леово на Фокшаны.

За успешное выполнение задачи, героизм и мужество, проявленные в боях за Молдавию, тысячи солдат, сержантов и офицеров награждены орденами и медалями. Командир корпуса генерал Котов удостоен ордена Кутузова 1-й степени.

После разгрома войск противника в Яско-Кишиневской операции мы получили новую задачу: совершить марш к берегам Дуная, переправиться через него в районе Исакача и, выдвинувшись к государственной границе Румынии с Болгарией, снять пограничные части и помочь болгарскому народу освободиться от фашистского ига.

Мы заняли исходное положение на участке Черно-Воды. Против нашего корпуса оказалась пограничная застава. Командир заставы, болгарин, связался с командиром 20-й гвардейской стрелковой дивизии и попросил разрешения прибыть в штаб дивизии. Генерал Котов разрешил. Парламентера встретил командир 20-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Дрейер.

— Мы воевать с вами не собираемся, — заявил парламентар. — Возьмите все наше оружие, боеприпасы, продовольствие и нас самих к себе. Система инженерных сооружений и заграждений, огневые точки не приведены в готовность. Болгары не окажут сопротивления советским войскам.

Об этом сразу же доложили командующему армией генералу Шарохину.

— Заставу не брать до перехода границы. Указать пограничникам место сбора. Усилить боевую готовность, — последовал приказ командарма.

Наши войска без боя вошли на территорию Болгарии. Продолжались лишь боевые действия за порты и прибрежные города, где находились немцы, оказывавшие сопротивление нашим частям.

Трудно описать, с какой радостью болгарский народ встречал нас. Это был поистине всенародный праздник. С выходом частей корпуса в район Сливена, Ямбол, Старая Загора мы приступили к усиленной боевой учебе. В этом районе мы находились с сентября по конец октября 1944 года. В тот период развернулись решающие бои на территории Венгрии за Будапешт и в Югославии за Белград. В первых числах ноября 1944 года 6-й гвардейский стрелковый корпус, выведенный из состава 37-й армии, должен был перебазиро-

ваться в столицу Югославии город Белград и поступить в оперативное подчинение командующего 57-й армией.

Времени на выполнение приказа отводилось мало. Прибыв в штаб корпуса, генерал Котов собрал всех своих заместителей и разъяснил им, как обеспечить продолжительный марш и перевозку по железной дороге.

Мне было приказано утром 2 ноября выехать в Белград, установить связь со штабом 57-й армии и организовать встречу прибывающих частей. В Белград я прибыл 5 ноября. Столица была очищена от фашистских захватчиков, но бои еще шли за городом. В тот же день прибыли части 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, а 7 ноября — 20-й гвардейской. 195-я стрелковая дивизия осталась в составе 37-й армии, а вместо нее в состав корпуса передана 61-я гвардейская стрелковая дивизия из 57-й армии.

Югославский народ встретил наших воинов хлебом-солью, цветами. Генерал Шарохин, сменив генерала Гагина, вступил в командование 57-й армией.

Генерал Шарохин сообщил мне печальное известие:

— У нас было несчастье. Сегодня утром при выдвижении штаба корпуса из города Ниш осколком авиабомбы убит командир корпуса генерал-лейтенант Котов. Решите вопросы по организации похорон.

Югославские товарищи предоставили нам гарнизонное офицерское собрание для того, чтобы установить в нем гроб с телом покойного генерала, но затем последовало новое распоряжение нашего командования, и тело генерала Котова было доставлено на Родину. Его похоронили в Одессе.

Прощаясь с любимым командиром генералом Котовым, бойцы и офицеры корпуса поклялись с честью выполнить поставленную перед ними задачу. И гвардейцы сдержали слово. Войска корпуса выполнили свой долг, разбили врага, закончив войну в городе Грац — на территории Австрии.

И. СВИРИДОВ,
полковник запаса.

АВГУСТ, 44-й ГОД

В начале 1944 года советские войска развернули новое мощное наступление. Во второй половине марта — середине апреля войска 2-го Украинского фронта, действовавшие на Могилев-Подольском направлении, выходят к среднему течению Днестра, преодолевают его, освобождают северную часть Молдавии и достигают того рубежа, с которого фашистская Германия в памятное для советского народа воскресное утро 22 июня 1941 года начинала свой «Drang nach Osten».

В то же время армии 3-го Украинского фронта, развивавшие наступление на Одессу и Тирасполь, выходят к нижнему течению Днестра, очищают от гитлеровских захватчиков восточные районы республики, с ходу форсируют широкую водную преграду и овладевают несколькими важными плацдармами на западном берегу реки.

В результате такого продвижения советских войск в обороне немцев, которым удалось на некоторое время стабилизировать фронт по линии Днестра, восточнее Кишинева, севернее Ясс и далее по северо-восточным склонам Карпат, образовалась огромная дуга под названием «Кишиневского выступа».

Следует иметь в виду, что гитлеровское командование исключительное значение придавало сохранению за собой образовавшегося выступа, который как бы щитом прикрывал последующее продвижение наших войск в центральные районы Румынии и на Балканы. Кроме того, располагая таким мощным плацдармом между реками Днестр и Прут, немцы могли нанести сильный удар в северном направлении, в тыл

армий 2-го Украинского фронта, которым удалось форсировать пограничную реку Прут и вклиниться в пределы королевской Румынии.

Поэтому гитлеровское командование принимало все меры к тому, чтобы оборона Кишиневского выступа была достаточно прочной и глубокой. Особое внимание оно уделяло участку обороны, находившемуся на кратчайшем направлении к столице Молдавии, считая его наиболее уязвимым, разместив здесь самую сильную 6-ю армию. Этот рубеж обороны был укреплен в течение лета настолько, что, как казалось противнику, он обеспечивал возможность не только отражать «постоянно усиливающиеся удары русских, но и перейти на отдельных участках в контрнаступление»¹.

К началу Яско-Кишиневской операции на протяжении всей линии фронта были подготовлены сильные оборонительные позиции с густой сетью траншей и ходов сообщения, которые как паутиной покрыли высокий берег Днестра. Была заблаговременно создана хорошо продуманная система артиллерийско-минометного огня и минновзрывных заграждений, которые прикрывались колючей проволокой в несколько рядов кольев. Все прибрежные населенные пункты и отдельно стоящие строения гитлеровцы превратили в сильные опорные пункты и мощные узлы сопротивления.

Всю ответственность за подготовку к обороне и удержанию за собой Кишиневского выступа гитлеровское командование возложило на группу армий «Южная Украина», включавшую в свой состав 17-й отдельный корпус, 6 и 8-ю немецкие, 3 и 4-ю румынские армии, а всего 47 дивизий, в том числе три танковые, одну моторизованную и пять пехотных бригад. Общая численность войск противника, оборонявшихся перед 2 и 3-м Украинскими фронтами, превышала 900 тысяч солдат и офицеров (включая личный состав тыловых частей и учреждений). Враг имел 7618 орудий и минометов (без учета реактивной и зенитной артиллерии), 404 танка и штурмовых самоходных орудия, 810 самолетов².

Боевые действия, развернувшиеся на заднестровских плацдармах несколько позже, в конце апреля — первой половине мая 1944 года, показали, какое исключительное значение придавали немцы удержанию за собой этого выступа. Так, в десятых числах мая, подтянув крупные силы танков, артиллерии и авиации, а последняя была перебазирована главным образом на кишиневский аэроузел, они бросили их в бой против соединений 8-й гвардейской армии, которой командовал генерал-полковник В. И. Чуйков. Только ценою

¹ Ганс Фрисер. Проигранные сражения, Воениздат МО СССР. М., 1966, стр. 48.

² «Яско-Кишиневские Канны». Изд-во «Наука», 1964, стр. 55.

огромных потерь в живой силе и боевой технике противнику удалось несколько потеснить войска этой армии. Однако железная воля командования, мужество и массовый героизм воинов-гвардейцев, прошедших фронтовой путь от Сталинграда до Молдавии, их твердая решимость умереть, но сохранить «малую землю» за Днестром, содействовали отражению атак врага и удержанию плацдарма у села Шерпены, ставшего исходным рубежом для дивизий 5-й ударной армии, когда они развернули наступление в сторону Кишинева.

В 3 часа утра 14 мая соединения нашего 34-го гвардейского корпуса 5-й ударной армии (в оперативное подчинение корпуса была передана и 295-я стрелковая дивизия, командир дивизии Герой Советского Союза генерал-майор А. П. Дорофеев, начальник политотдела подполковник Г. Т. Луконин) после двадцатиминутной артподготовки перешли в наступление на противника, укрепившегося на левом берегу Днестра, вдоль дороги Дубоссары — Григориополь, закрывая вход в излучину реки. Задача корпуса заключалась в том, чтобы очистить от фашистов излучину, удерживаемую врагом в качестве плацдарма на нашем берегу, освободить крупные молдавские села Дороцкое, Кошницу и Перерытое, а затем, выдвинув сюда дальнобойные пушки, обстреливать кишиневский железнодорожный узел, нарушая его планомерную деятельность. Кроме того, как это мне кажется сейчас, цель нашего наступления в этом районе заключалась и в том, чтобы облегчить положение воинов 8-й гвардейской армии на пугачено-шерпенском плацдарме, которые с 11 мая отражали яростные атаки противника, стремившегося во что бы то ни стало ликвидировать нашу «малую землю» за Днестром, находившуюся на удалении всего 35—45 километров от Кишинева.

Как только вражеские позиции были прорваны, части и соединения корпуса устремились в излучину, глубина которой составляла 18 и ширина от 6 до 12 километров. Через некоторое время передовые подразделения достигли восточной окраины села Кошница, зацепились за отдельные строения и завязали ожесточенный бой за его освобождение.

Гитлеровцы упорно сопротивлялись, так как им была обещана помощь. Примерно к 14 часам первого дня боя сюда переправились моторизованные подразделения 13 и 14-й немецких танковых дивизий, снятых, по-видимому, с участка обороны войск 8-й гвардейской армии, и с ходу брошены в бой против соединений 34-го корпуса, успевших к этому времени прорваться к излучине дуги. Контратаки вражеской мотопехоты были поддержаны сильными ударами артиллерии, реактивных минометов и авиации, которая господствовала в воздухе. Вскоре немцам удалось прорваться на внеш-

них флангах 203 и 243-й стрелковых дивизий, части которых особенно глубоко втянулись в излучину реки. Противник стал теснить их, стремясь создать кольцо окружения. Жестокие кровопролитные схватки продолжались с переменным успехом до исхода дня 20 мая. Особенно жаркие бои проходили в районе села Кошница и за высоту 15,1. Последняя, находясь в самой горловине излучины, господствовала над всей местностью.

Должен сказать, что в боях за овладение излучиной советские воины проявили невиданный героизм и отвагу, первыми среди них были коммунисты. Это вынужден признать и гитлеровский генерал Фриснер, отмечая, что «советский солдат сражался за свои политические идеи сознательно и, надо сказать, даже фанатично»¹.

Во второй половине дня 14 мая, после очень напряженного боя, гитлеровцы были отброшены от высоты 15,1, которую они уже не раз пытались захватить. Получив подкрепление, они снова перешли в контратаку. Против шестидесяти бойцов 1038-го стрелкового полка (командир полка подполковник В. Н. Любко), которых возглавил помощник начальника штаба коммунист Владимир Русин, противник бросил свыше батальона пехоты, поддержанной штурмовыми самоходными орудиями и пикирующими бомбардировщиками. Цепи пьяных гитлеровцев двигались во весь рост, полыхая огнем из автоматов.

— Стрелять только по моей команде, — предупредил капитан Русин.

Когда фашисты оказались совсем рядом, капитан подал сигнал, и тотчас на врага обрушилась «карманная артиллерия», пулеметы открыли шквальный огонь, создавший непродоходимую завесу. Враг в замешательстве залег, а затем его поредевшая цепь вынуждена была попятиться назад. Как только противник замешкался, коммунист сержант Шубин подал команду: «За мной, товарищи!» и с громким криком «ура-а!» бросился вперед. Благородный порыв Шубина дружно поддержали все бойцы. Враг был отброшен, и высота осталась за нами.

О планах вражеского командования и потерях, которые понесли гитлеровцы за неделю боев в излучине Днестра, стало известно из показаний немецких солдат и офицеров, захваченных в плен в те дни. Командир роты, попавший в плен в ночь на 21 мая, показал:

«В армии я с 1941 года, на восточном фронте — с 1943. Командовал ротой. 16 мая наш полк был переправлен на

¹ Ганс Фриснер. Проигранные сражения. Воениздат, МО СССР. М., 1966, стр. 223.

левый берег реки у села Коржево. 108-й моторизованный полк, как я слышал, тоже переправлялся в излучину Днестра. Наш полк 17 мая занял оборону юго-западнее высоты 15,1. Рано утром он во взаимодействии с подразделениями 108-го моторизованного полка и другими частями нашей дивизии, которые действовали левее, предпринял крупную атаку с целью разгрома и окружения советских частей, прорвавшихся в глубь излучины. Мы наступали несколько восточнее села Кошница, имея в виду соединиться с другой группировкой наших войск, которые действовали северо-восточнее этого населенного пункта. Наш мотополк наступал двумя колоннами: 1-й батальон в юго-западном направлении, а второй — на Кошницу. Моей роте были приданы три штурмовых самоходных орудия.

В роте перед началом наступления насчитывалось 80 солдат и офицеров, а к исходу дня 20 мая остались единицы. В период переправы через Днестр был тяжело ранен командир первого батальона майор Думаш¹.

Попавший в плен на сутки раньше унтер-офицер саперного батальона немецкой танковой дивизии рассказал следующее:

«Как только наступила небольшая передышка в боях, мой приятель решил написать письмо жене в Германию. Я находился в окопе и, сидя рядом с ним, смотрел, что он пишет. Вдруг перед нами появились три русских солдата, одетых в маскировочные костюмы. Они навели на нас автоматы и знаками показали, чтобы мы вылезли из окопа. Не успев окончательно прийти в себя, как уже оказались в расположении советских войск»².

К концу мая наступило так называемое фронтовое затишье, когда сводки Совинформбюро сообщали: «На южном участке советско-германского фронта изменений не было». На самом же деле боевые действия и с нашей стороны и со стороны немцев не прекращались ни на минуту. Только они несколько видоизменились. Все, начиная от командующего фронтом и кончая рядовым вонном, хорошо понимали, что переход к обороне является лишь кратковременной передышкой, что впереди — еще более жестокие бои. Пока войска, находясь в обороне, готовились к решительным наступательным действиям, разведчики, используя ночное, а иногда и светлое время суток, непрерывно под самым носом у гитлеровцев, прощупывали каждый клочок земли, отыскивая слабые места в обороне противника. Направляясь за «языком», разведчики действовали внезапно, смело и решительно.

¹ Арх. МО СССР, ф. 295, сд. оп. 484 267, д. 1, л. 54.

² Там же, л. 50.

30 июля за три недели до Ясско-Кишиневской операции командир взвода отдельной разведроты нашей дивизии старший сержант Дмитрий Крижановский совершил боевой подвиг. В связи с начавшейся перегруппировкой войск 3-го Украинского фронта к району предстоящего прорыва полоса обороны 5-й ударной армии постепенно увеличивалась, что не могло долгое время оставаться тайной для немецкого командования. Естественно, это не могло не волновать Военный совет нашей армии, особенно ее нового командарма генерал-лейтенанта Н. Э. Берзарина, который, видимо, не раз задавал себе вопрос: «А не разгадал ли враг наши планы?» Короче говоря, требовались пленные, которые могли бы регулярно подтверждать данные нашего воздушного наблюдения и аэрофотографирования. Посоветовавшись со старыми разведчиками, накопившими огромный опыт и в горах Кавказа, и в кубанских плавнях, и на степных просторах Украины, мы пришли к выводу, что для быстрого захвата «языка» на нашем участке будет удобным утро, когда гитлеровцы, проведя бессонную и тревожную ночь на переднем крае, после завтрака укроются отдохнуть в блиндажах и «лисьих норах». Именно в это время бдительность врага резко снижается. Была создана разведывательная группа из наиболее смелых бойцов дивизионной разведывательной роты, которой командовал Я. Г. Эдельштейн. Во главе группы поставили ветерана соединения старшего сержанта Крижановского. В течение двух суток наши разведчики вели тщательное наблюдение за вражеской обороной, всесторонне изучая расположение переднего края, извилины траншей и их стыки с ходами сообщения на участке предстоящих действий. Каждую ночь наши артиллеристы, минометчики и станковые пулеметчики по несколько раз производили огневые налеты, создавая на глазах гитлеровцев видимость нашего наступления или броска силовой разведки, изматывали этим силы противника.

Наступило утро 30 июля. Двадцать отважных советских воинов в доли секунды выскочили из окопа и метнулись к вражеской траншее. Им предстояло на переднем крае вражеской обороны захватить пленного и так же быстро вернуться на исходное положение. Первым на левом фланге бежал командир группы старший сержант Крижановский. Неожиданно воздух разорвала длинная пулеметная очередь: немецкий пулеметчик, дежуривший в дзоте, обнаружил наших разведчиков. Но повторной очереди никто из разведчиков и нас, офицеров штаба дивизии, внимательно следивших за ходом разведывательного поиска, не услышал. Дмитрий Крижановский закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом. Огонь пулемета захлебнулся в крови героя. Смертельно раненный, напрягая последние силы, короткой очередью из

автомата он сразил пулеметчика. Ценой жизни старшего сержанта Дмитрия Крижановского разведчики выполнили боевой приказ командования, доставив в штаб пленного офицера. Верные славной солдатской дружбе, они не оставили тела Дмитрия Крижановского на вражеской территории.

Похоронили Дмитрия со всеми воинскими почестями в парке совхоза Виноградный, ныне имени Максима Горького Тираспольского района. Старший сержант Крижановский за этот подвиг был посмертно награжден орденом Ленина. К высоким правительственным наградам представили и других разведчиков.

На допросе пленный дал важные показания, свидетельствующие, что никаких перегруппировок в полосе обороны 6-й армии не происходит. Все это подтверждало прежние данные нашего командования, что немцы продолжают ожидать наступления наших войск в сторону Кишинева. Пленный рассказал нам и о местах расположения командных пунктов батальонов и полков, а также наблюдательного пункта командира 320-й пехотной дивизии полковника Шелль, части которой держали оборону перед фронтом 295-й стрелковой дивизии. Показания последнего подтвердили снижение боевого духа вражеских солдат, хотя об этом мы хорошо знали и раньше.

После многих отступлений гитлеровцы стали далеко не теми, какими они были в 1941 и даже в 1942 годах. И серьезно обеспокоенное командование стало прибегать к самым разнообразным приемам, направленным на то, чтобы поднять боевой дух своих войск. В этой связи читателю будет небезынтересным познакомиться с выдержкой одного из июльских приказов командира 30-го немецкого армейского корпуса генерал-лейтенанта Постеля, изъятых у убитого гитлеровского офицера при проведении поиска нашими разведчиками западнее села Красная Горка. Вот что он писал:

«...Еще раз указываю на необходимость систематической работы с солдатами относительно содержания и характера их писем на родину. Немецкий солдат должен писать домой жизнерадостные и зовущие к победе письма. Нужно помнить, что бодрые письма с фронта широко обсуждаются на родине. Наши семьи верят в то, что сообщает им отец или сын с фронта. Поэтому каждый фронтовик должен смотреть на это дело с чувством полной ответственности. Письма плачевного содержания с фронта привели к краху Германии в 1918 году. Кто сегодня из солдат пишет домой панические письма, тот саботирует победу»¹.

Много разведывательных поисков во вражеской обороне

мы провели в первой половине августа. В семь утра 12 августа бойцами разведроты был проведен очередной налет с целью захвата «языка» на участке первого батальона 1040-го стрелкового полка, находившегося в обороне на правом берегу Днестра у села Шерпены.

Получив задание, разведчики во главе с командиром взвода лейтенантом А. П. Рязановым в течение нескольких суток наблюдали за действиями гитлеровцев на переднем крае. В ночь, предшествующую поиску, саперы проделали проходы в минновзрывных и проволочных заграждениях противника. Как только путь оказался расчищенным, группа нападения, которую вел сержант Дуля, стала продвигаться вперед. В установленное время лейтенант Рязанов подал сигнал. Бойцы группы нападения, приблизившись под покровом темноты на 20—30 метров к первой немецкой траншее, бросали гранатами, а затем ворвались в нее, не дав гитлеровцам времени оправиться от внезапности нападения. В завязавшемся бою, который длился несколько минут, наши разведчики огнем из автоматов и гранатами уничтожили до трех десятков вражеских солдат и, захватив двух пленных, возвратились в свое расположение.

В этой короткой операции отличились многие бойцы разведывательной роты дивизии. Старший сержант Евдокимов первой же гранатой, брошенной им в немецкую траншею, угодил в пулеметную ячейку и вывел из строя ручной пулемет с его расчетом. Комсомолец рядовой Лучкин увидел слева от себя трех вражеских солдат, поднимавших на площадку станковый пулемет, один из которых успел метнуть в Лучкина ручную гранату. Отважный разведчик не растерялся. Перехватив летящую гранату, он швырнул ее обратно в немцев, а вслед за тем бросил и свою противотанковую гранату. Расчет немецкого станкового пулемета был полностью уничтожен. Вскочив в траншею, Лучкин и его друг Чебатареv за ее изгибом обнаружили двух гитлеровцев, которых и захватили в плен.

Подготовка к наступлению началась в первых числах августа, но особого напряжения достигла, когда к нам в армию прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза тов. С. К. Тимошенко. Вместе с командующим 3-м Украинским фронтом генералом армии Ф. И. Толбухиным и командармом 5-й ударной Н. Э. Берзариним он побывал и на нашем заднепровском плацдарме. С этого момента во все возрастающих темпах стали проводиться смена одних соединений другими, перегруппировка войск и боевой техники к месту предстоящего прорыва. Во всех штабах закипела, ни днем ни ночью не прекращаясь, работа по уточнению заблаговременно отработанных и под-

¹ Ф. 22509, оп. 53430, д. 5.

готовке новых документов, планирующих боевые действия подразделений, частей и соединений. Огромная работа в это время легла на плечи политработников, все время находившихся в гуще солдат на переднем крае. Большие задачи решали и тыловые органы, призванные полностью удовлетворить потребности войск и хорошо подготовиться к оказанию первой медицинской помощи и дальнейшей эвакуации в тыловые госпитали раненых.

С началом подготовки Яско-Кишиневской операции разграничительные линии ударной армии были раздвинуты как вправо, так и влево, при этом фронт обороны достиг более 140 километров. В состав армии был передан 26-й гвардейский стрелковый корпус, которым командовал Герой Советского Союза генерал-майор П. А. Фирсов. Для того, чтобы ввести в заблуждение гитлеровское командование относительно направления главного удара со стороны войск 3-го Украинского фронта, его штабом был подготовлен детально разработанный план оперативной маскировки. Значительная роль в реализации этого плана отводилась войскам 5-й ударной армии. В ее полосе проводилась имитация сосредоточения крупных резервов. (Для вражеских лазутчиков и разведывательной авиации мы до наступления темноты и на рассвете в течение нескольких дней, предшествовавших началу наступления, показывали сосредоточение танков в районе села Реймаровка, пехоты — в районе Карманово и артиллерии — в районе Ташлык и Бутор.) В это же время частями и соединениями 26-го гвардейского и 32-го стрелковых корпусов каждую ночь, а зачастую и на рассвете, как я уже говорил, проводились разведпоиски во вражеской обороне, а 18 августа, за двое суток до прорыва, были проведены демонстративные атаки, имевшие своей целью приковать к себе резервы немцев. В том, что хорошо организованное выполнение плана оперативной маскировки сыграло свою положительную роль, мы убедились уже в ходе развернувшегося наступления на Кишинев из документов и показаний пленных офицеров штаба 52-го немецкого армейского корпуса, располагавшегося в селе Мерены и попавшего под удар частей нашей дивизии.

Наконец наступило утро 20 августа. Стрелки часов медленно отсчитывали минуты. И когда они остановились на цифре «8», мы услышали, как с юга, со стороны Бендер, донесся гул орудийной пальбы. Задрожала земля. В течение одного часа сорока пяти минут длилась обработка переднего края вражеской обороны и ее ближайшей глубины на участке прорыва 3-го Украинского фронта, а в 9.45, как только «бог войны» нанес свой последний решительный удар, наша пехо-

та с танками непосредственной поддержки, прижимаясь к катившемуся впереди нее огневому валу, пошла в атаку.

Наступление, начавшееся южнее Бендер и северо-западнее Ясс, под ударом войск 2-го Украинского фронта развивалось успешно. Советские воины уже в первый день операции прорвали главную полосу обороны противника, чем были созданы предпосылки для ввода в бой крупных подвижных соединений, которые к исходу третьего дня наступления углубили прорыв до 60—70 километров. В то время как главные силы 3-го Украинского фронта успешно продвигались на запад, к реке Прут на встречу с войсками 2-го Украинского фронта, развернувшими наступление в южном направлении, перед соединениями 5-й ударной армии, успешно выполнившими задание командования фронта по отвлечению на себя основных сил 6-й немецкой армии, встала задача не допустить внезапного отхода противника с рубежа Днестра на запад.

Изучив повадки противника и зная, что, оказавшись в тяжелом положении в связи с быстрым продвижением ударных группировок обоих фронтов, он может пойти на хитрость и оставить небольшое прикрытие, а главные силы отвести, мы усилили наблюдение за поведением врага в обороне, за режимом его огня. Принятые меры позволили достоверно установить, что противник предпримет попытку оторваться от наших войск в ночь на 23 августа, о чем вечером 22-го в разведдонесении было сообщено штабу 32-го стрелкового корпуса. Выводы разведывательного донесения были таковы: «Обращает на себя внимание резкое повышение расхода противником снарядов и мин, а также усиленное движение пехоты западнее села Шерпены и севернее населенного пункта Спея, что, вероятно, связано с частичной переброской войск на другой участок фронта».

В соответствии с данными разведки командование дивизии приняло решение о переходе в наступление еще до рассвета 23 августа. Офицеры штаба и политического отдела должны были оказать помощь командирам частей и подразделениям в организации наступления, довести до личного состава обращение военных советов фронта и армии и воодушевить солдат, сержантов и офицеров на новые боевые подвиги.

Ночью, в 2 часа 30 минут, командир дивизии дал сигнал открыть огонь. Наша артиллерия нанесла короткий огневой удар по вражеским позициям, и в атаку перешли передовые батальоны 1038-го и 1040-го стрелковых полков, которые тесно взаимодействовали с передовыми подразделениями 60-й гвардейской стрелковой дивизии, действовавшей правее нас. Противник оказал сильное сопротивление, и мы вынуждены

были ввести главные силы дивизии, которые, успешно преодолев артиллерийско-минометный огонь, минные поля и проволочные заграждения, ворвались на передний край вражеской обороны.

Особую надежду мы возлагали на личный состав 1038-го стрелкового полка, которым командовал подполковник В. Н. Любко. Именно ему была поставлена задача с ходу овладеть сильным опорным пунктом в гитлеровской обороне — селом Шерпены, раскинувшимся на высоком берегу Днестра. В течение более полугода фашисты строили, укрепляли и систематически совершенствовали здесь свою оборону, глубина которой доходила до 3—4 километров. Этот участок был изрыт сплошными траншеями и ходами сообщения, тянувшимися в подвалы жилых домов, а также плотно насыщен боевой техникой. Прилегающая местность была открытая, ровная, и противнику благодаря освещению ее ракетами все было видно как на ладони.

Первой в атаку поднялась 8-я стрелковая рота под командованием бесстрашного командира старшего лейтенанта Василия Рыжкова. Он хорошо понимал, что брать Шерпены придется только в лоб, так как другого пути для овладения ими не было. Выскочив вместе с бойцами из исходной траншеи, Василий крикнул:

— Вперед, товарищи! Освободим Советскую Молдавию!

Он бежал впереди по заросшему бурьяном полю, спотыкаясь о колья проволочного заграждения, за ним в стремительном порыве — бойцы роты. Громовое «ура» потрясло поле боя, и воины роты, а вслед и другие подразделения полка ворвались на передний край вражеской обороны. Завязалась борьба в траншеях противника. Враг не выдержал губительного огня нашей артиллерии, минометов и штыковых ударов и отступил в направлении села Чимишены.

Усталые, запыленные бойцы овладевают вражескими позициями, преследуя гитлеровцев, которые предпринимают ожесточенные попытки сильными заслонами задержать развитие начавшегося наступления войск ударной армии. Запылали населенные пункты, поджигаемые фашистами, и на Кишиневском направлении.

Получив приказ неотступно преследовать врага, полки 295-й стрелковой дивизии устремились в направлении населенных пунктов Старая Кобуска, Мерены, имея целью выйти на юго-западную окраину Кишинева. Еще при подходе к Меренам наши части попали под сильный артиллерийско-минометный огонь. Противник решил прикрыть этот населенный пункт, пытаясь обеспечить выход из него штаба 52-го немецкого армейского корпуса и его подразделений обслуживания. Однако натиск подразделений 1038-го и 1042-го стрелковых полков

настолько усилился, что противник не выдержал, и наши части на его плечах ворвались в Мерены. Не задерживаясь здесь, они продолжали быстро продвигаться на запад.

Одновременно с дивизиями 32-го стрелкового корпуса, развернувшими наступление на Кишинев с востока, преследовать врага начали и соединения 26-го гвардейского стрелкового корпуса, находившиеся на реке Реут, в районе города Оргеев. Они наступали на Ишковец и далее на юг, в сторону столицы Молдавии.

Как только оборона гитлеровцев оказалась прорванной в полосе наступления 32-го стрелкового корпуса, в бой были введены передовые отряды от каждой дивизии и подвижной отряд корпуса, сформированный за счет подразделений пехоты, артиллерии и саперов 295-й стрелковой дивизии. Это была сильная в боевом отношении подвижная группа, в состав которой вошли 3-й батальон 1042-го стрелкового полка (командир батальона капитан М. С. Савченко), 3-й дивизион 819-го артиллерийского полка (командир дивизиона В. Г. Безбородов), рота противотанковых ружей, взвод разведки полка и саперный взвод. Подвижной отряд возглавил заместитель командира 1042-го стрелкового полка подполковник Я. К. Новак.

Отряд Новака, опередив части 60-й гвардейской дивизии, сразу же устремился к крупному населенному пункту Чимишены. К 12 часам дня его разведка, приблизившись к селу, попала под артиллерийско-минометный и пулеметный огонь противника. Получив донесение, подполковник приказал отряду спешиться и развернуться для боя. Две стрелковые роты, усиленные станковыми пулеметами и взводом 45 мм пушек, были направлены в село, занятое фашистами. Бой длился более тридцати минут. Гитлеровцы не выдержали и отступили. В этом бою наши воины захватили большие трофеи и пленных. Пленные показали, что они принадлежат к частям 320-й пехотной дивизии и имеют задачу как можно дольше сдерживать наступающие на Кишинев советские части.

Разгромив гитлеровцев в Чимишенах, отряд свернулся в

Командир подвижного отряда 32-го стрелкового корпуса подполковник Я. К. Новак.

пожодную колонну, продолжая выполнять приказ командира корпуса Д. С. Жеребина.

Недалеко от села Броаска разведчики, действующие впереди отряда, захватили в плен немецкого солдата, который рассказал, что восточнее этого населенного пункта должна занять оборону его рота, которая получила задачу удержат рубеж до наступления темноты. Точно зная силы врага (пехотная рота при двух 75-мм орудиях и одной самоходно-артиллерийской штурмовой установке) и его расположение, командир отряда принял решение одной ротой обойти немцев с севера и ударить во фланг, а двумя ротами атаковать с фронта.

Наступление рот с фронта противник вскоре обнаружил и открыл по ним огонь из орудий и пулеметов. Но это длилось недолго. Артиллеристы майора В. Г. Безбородова, установив точное расположение огневых позиций, с которых гитлеровцы вели огонь, нанесли ответный удар и подавили вражеские орудия. Воодушевленные действием своей артиллерии, бойцы дружно поднялись в атаку. Раскатистое «ура» раздалось и справа. Это бойцы роты, направленные в обход фашистских позиций, внезапно с тыла ворвались в оборону противника.

Продолжая расчищать путь главным силам корпуса, которые быстро продвигались вперед, отряд преследования в 15 часов 30 минут нарвался на засаду противника в районе высоты 143,3 в 3 километрах юго-восточнее Кишинева. (Здесь оборонялся батальон пехоты при двух артбатареях.) Нашим разведчикам своевременно обнаружить врага не удалось, и отряд был вынужден на глазах гитлеровцев, в удалении всего 500—700 метров, развернуться и с ходу принять ближний бой. В жестоком скоротечном бою, во время которого воины отряда проявили большую смелость, отвагу, решительность и стремительный натиск, противник оказался полностью разгромленным и здесь. Только небольшой его части удалось поспешно отойти на новый рубеж, подготовленный им вокруг Кишинева.

Подобрав оружие и захватив пленных, подвижной отряд, повернув на северо-запад, начал движение к столице Молдавии. Уже к 17 часам он вышел на ближние подступы к городу и вступил в огневой бой с гитлеровцами, укрепившимися на господствующих высотах. Попытки подразделений отряда подполковника Новака и подоспевшего сюда передового отряда нашей дивизии, возглавляемого командиром первого батальона 1038-го полка Героем Советского Союза майором М. А. Золотухиным, прорвать вражескую оборону и выйти на юго-восточную окраину Кишинева были отбиты врагом, и оба отряда залегли в ожидании подхода передовых частей корпуса. Бойцы горели желанием как можно скорее освободи-

дить город, по дымным улицам которого сплошным потоком двигались колонны войск и боевой техники немцев, но сил было крайне недостаточно.

В самый разгар артиллерийской дуэли на командный пункт подполковника Новака и майора Золотухина прибыл генерал Жеребин. Уточнив сложившуюся обстановку, он срочно вызвал к себе командиров дивизий и приказал им как можно быстрее подтянуть к рубежу, которым овладели передовые отряды, свои соединения и развернуть подготовку к штурму вражеской обороны.

Прошло некоторое время, пока подтягивались стрелковые полки, восстанавливалось нарушенное в ходе преследования взаимодействие. В 21.00 ударили артиллерия и минометы, открыли огонь «катюши», и дивизии прославленной в боях армии генерала Берзарина с криком «ура» поднялись на штурм вражеских укреплений. Противник, не ожидавший столь быстрого и столь решительного натиска советских войск, которые с боями прошли около сорока километров, начал отступать к городу, цепляясь за отдельные выгодные высоты и строения предместий Кишинева. Начались бои за освобождение столицы республики, окутанной со всех сторон сплошной дымовой завесой. Вскоре наши части ворвались на Рышкановку, ж.-д. узел и Ботанику. Бои шли буквально за каждый метр земли, за каждый дом, улицу и квартал и продолжались в течение всей ночи, то затихая, то вспыхивая с новой силой.

Среди первых освобождавших разрушенный Кишинев были воины батальона капитана А. И. Бельского, бойцы передовых отрядов подполковника Я. К. Новака, Героя Советского Союза майора М. А. Золотухина, бойцы подразделений 60-й и 94-й гвардейских дивизий. Так, продвигаясь от квартала к кварталу, воины соединений 26-го гвардейского корпуса, наступавшие со стороны Старой Почты и Скулянської Рогатки, и бойцы дивизий 32-го стрелкового корпуса, развивавших достигнутый успех со стороны Рышкановки и Ботаники, к 4 часам утра 24 августа 1944 года полностью очистили Кишинев от захватчиков. Над столицей Молдавской Советской Социалистической Республики после более чем трехлетней оккупации вновь развевалось Красное знамя.

Отмечая это важное событие в истории Советской Молдавии, бойцов и командиров 3-го Украинского фронта, которые при решительном содействии войск 2-го Украинского фронта освободили политический и административный центр республики, столица нашей Родины—Москва салютовала советским воинам, освобождавшим город Кишинев. Военный совет нашей армии обратился к своим воинам с приказом:

«Командирам 32-го стрелкового и 26-го гвардейского

стрелкового корпусов, 60-й, 89-й, 94-й гвардейских, 248-й, 266-й, 295-й и 416-й стрелковых дивизий.

24 августа войска нашей армии в результате решительного штурма овладели столицей Молдавской Республики — городом Кишиневом.

В боях за овладение городом Кишинев бойцы, сержанты, офицеры и генералы показали возросшее воинское мастерство, боевую выучку и героизм, мужество и отвагу.

Верховное Главнокомандование высоко оценило наши боевые действия и объявило всему личному составу благодарность. Столица нашей Родины Москва салютовала нам двадцатью четырьмя залпами из 324 орудий.

Поздравляю генералов, офицеров, сержантов и рядовых с этой высокой честью и выражаю твердую уверенность, что личный состав армии ответит на благодарность Верховного Главнокомандующего новыми славными боевыми подвигами.

Враг под ударами наших войск поспешно отступает. Не давайте ему закрепляться на промежуточных рубежах, стремительно преследуйте и уничтожайте его.

Освободим Советскую Молдавию. Пронесем наши боевые знамена за Прут и Дунай. Добьем раненого фашистского зверя в его собственной берлоге.

Командующий войсками
5-й ударной армии
Берзарин

Члены Военного
Совета армии
Боков, Власов

Начальник штаба
Куцев

24 августа 1944 года,
с. Пугачены¹.

Как только начало рассветать, узкие улицы только что освобожденного города оказались запружены колоннами советских войск. Огня и дыма как бы стало меньше, хотя пожары все еще продолжались. Частые взрывы, пулеметные и автоматные очереди, отчетливо слышавшиеся в течение всей ночи, постепенно затихали, отодвигаясь все дальше и дальше на запад.

Жаркий августовский день поднимался над Кишиневом, когда мы с командиром дивизии и начальником политотдела неторопливой походкой шагали по Александровской улице, обходя выбоины и зеленые пятна бурьяна, проросшего между камнями мостовой. Увидели мы и улицу Пушкинскую, изуродованную боями еще в 1941 году, с вывороченными булыжниками, полуразрушенными и сожженными домами. Вскоре

¹ Ф. 4885, оп. 204, д. 65.

мы вышли на улицу, выводящую на Котовское шоссе, во всю ширину которой даже по тротуарам шли сомкнутыми, хотя и неровными рядами, солдаты, с грохотом катились обозы и словно мягко шелестели колеса орудий на резиновом ходу. Изредка появлялись жители: изможденные старики, женщины и дети, которые в один голос заявляли: «Если бы вы задержались, немцы не оставили бы здесь камня на камне».

Большой урон был нанесен врагу в боях на подступах и на улицах города. Значительные потери были и у нас. Смертью храбрых пали заместитель командира дивизии подполковник В. И. Шорин, командующий артиллерией подполковник И. Е. Портнов, начальник артиллерии 1038-го полка двадцатилетний майор Ю. И. Жеребилов, сержанты Дмитрий Крижановский, Федор Лисачев и многие другие, память о которых свято чтят жители столицы республики.

В то время как войска 5-й ударной армии, завершив освобождение Кишинева, перешли к преследованию противника, поспешно начавшего отходить в сторону села Ганчешты (ныне город Котовск), подвижные соединения 2 и 3-го Украинских фронтов продолжали успешно продвигаться в направлении Хуши и Леово. К исходу того же дня, 24 августа, они замкнули кольцо окружения вокруг основных сил группы армий «Южная Украина». В молдавских кодрах оказались на прочном замке восемнадцать немецких дивизий и многие части специального назначения 6-й германской армии, той самой, которая была полностью разгромлена и пленена советскими войсками под Сталинградом, затем, заново сформировавшись, она понесла огромные потери на Правобережной Украине, а потом, получив пополнение в живой силе и боевой технике, уже в третий раз прекратила свое существование в пределах Молдавии, хотя Ясско-Кишиневская операция еще не была завершена.

Пытаясь прорваться через боевые порядки 37, 57-й армий, 4-го гвардейского и 7-го механизированных корпусов, гитлеровцы предпринимали отчаянные усилия отойти за реку Прут. Однако наши войска, преодолевая сопротивление противника, расчленили его полки, дивизии и корпуса, уничтожая их по рознь. Смелость, отвагу и большую инициативу проявили тысячи воинов 3-го Украинского фронта. Расскажу только о самоотверженных действиях нашей дивизии. С утра 24 августа отдельная зенитно-пулеметная рота дивизии (командир роты старший лейтенант В. И. Черников), имевшая на своем вооружении крупнокалиберные пулеметы, по предложению штаба, была превращена в подвижной отряд преследования. Имея на машинах пулеметы ДШК, рота, выдвинувшись вперед, у села Гырла догнала стремившуюся на юго-запад колонну противника. На расстоянии 200—300 метров зенитчики

открыли губительный огонь по колонне. Фашисты, потеряв около 80 солдат и офицеров убитыми и бросив 60 повозок с боеприпасами и другим военным имуществом, не приняли боя и рассыпались, укрывшись в кукурузном массиве. Продолжая продвигаться дальше, рота в тот же вечер настигла еще одну колонну немцев и завязала бой у села Ханска. В результате внезапного нападения зенитчики и здесь нанесли тяжелый урон фашистам, захватив четыре орудия с тягачами, 50 автоматов и 30 винтовок. В этих боях отважно действовали командиры взводов лейтенант С. Е. Гусев и младший лейтенант И. А. Дураков, командир расчета Чубенко, наводчики пулеметов Сабодин и Назаров, парторг роты молодой коммунист Охрименко и водитель автомашины Лавренко. За отвагу, проявленную в боях на молдавской земле, они были награждены высокими правительственными наградами.

Чем дальше шли вперед солдаты, тем все строже и сдержанней становились они, зная, что впереди их ожидают еще более ожесточенные бои с врагом, который, как зверь, мечется в кольце окружения, выискивая любую щель, через которую можно было бы ускользнуть от ожидавшей его кары.

25 августа на подступах к селу Ганчешты полки нашей дивизии были встречены ураганным заградительным огнем со стороны противника, которому удалось закрепиться на западном берегу реки Когыльник. Только в 10 часов утра, когда в дело была введена тяжелая артиллерия и наши штурмовики несколько раз проутюжили вражескую оборону, гитлеровцы не выдержали и отступили к селу Мерешены. В боях за Ганчешты особенно отличились подразделения 1042-го стрелкового полка под командованием подполковника С. Г. Артемова. Смело и настойчиво действовали и другие части нашего соединения. Здесь противник потерял более 200 человек убитыми, а около 800 солдат и офицеров попали в плен. Многие захватчики нашли свою смерть от ударов нашей авиации, когда она накрыла их в узком дефиле, где пролегалла дорога в сторону Мерешен.

За освобождение родного села легендарного героя гражданской войны Григория Ивановича Котовского храбро сражались подразделения второго батальона 1042-го полка, которым командовал капитан А. А. Бангин (его заместитель по политчасти капитан Д. Ф. Старшинов), бойцы полковой батареи 120 мм минометов под командованием капитана С. В. Прокопалова, личный состав стрелковой роты коммуниста старшего лейтенанта В. И. Моисеенко, стрелкового взвода — комсомольца лейтенанта А. А. Сладкова и другие. В этом же сражении большую личную смелость и отвагу проявили командир стрелкового отделения старший сержант

Тимошенко и рядовой Тимченко. Первый из них уничтожил семь гитлеровских солдат и двенадцать захватил в плен, а второй из своего противотанкового ружья уничтожил два вражеских пулеметных расчета, мешавших продвижению нашей пехоты. Замечательную инициативу в бою за Ганчешты показал рядовой Махоринс, направленный по приказу командира взвода в стрелковое отделение. Добравшись в отделение, он увидел, что его командир сержант Черников убит. Недолго раздумывая, Махоринс взял командование на себя и поднял бойцов в атаку, за которыми последовал весь взвод.

Образцом для всего личного состава полка в развернувшемся бою за освобождение Ганчешт, служили самоотверженные действия коммунистов первого батальона майора И. К. Скакуна, его заместителя по политической части лейтенанта А. Н. Ронжина, парторга батальона Я. Н. Козырева и комсорга Филиппова, находившихся вместе с красноармейцами в боевых цепях.

Когда ударили артиллерийские залпы и сотни снарядов полетели на врага, прижав гитлеровцев к земле, вторая рота, в которой находился младший лейтенант Козырев, вброд преодолела реку Когыльник и внезапно атаковала немецкие позиции. Первым на передний край вражеской обороны вырвался парторг батальона и с возгласом «вперед, товарищи!» начал в упор из пистолета расстреливать фрицев.

В это время со стороны господствующих высот, раскинувшихся западнее села Ганчешты, до бойцов донесся скрежет и вой шестиствольного немецкого миномета. Шесть огненных комет возникли в воздухе, и раздался сильный взрыв. Яков Козырев упал, обливаясь кровью. Когда к нему подбежали наши бойцы, он уже был мертв. Так погиб сын удмуртского народа, освобождая молдавскую землю от ненавистного врага.

Храбро, умело дрались за Ганчешты, Мерешены и Сарата-Галбенэ и наши артиллеристы. Так, дивизион под командованием капитана Г. Ф. Доценко, начав преследовать противника, вырвался вперед и был контратакован гитлеровцами с двух сторон. Не растерявшись, бойцы 2-го дивизиона 819-го артиллерийского полка развернули орудия и встретили врага огнем прямой наводки и картечью с дистанции в 300—400 метров. Только в этом бою артиллеристы дивизиона уничтожили около сотни солдат и офицеров, 55 лошадей и 18 повозок, а многих забрали в плен.

Как только немцы стали отходить от Ганчешт, командир 333-го отдельного противотанкового дивизиона майор С. Т. Карпенко приказал переместить боевые порядки артиллерии к перекрестку дорог, юго-западнее села Мерешены, чтобы не

допустить отхода противника на юг. В момент, когда крупная колонна гитлеровцев оказалась полностью на виду у истребителей танков, они открыли шквальный огонь по врагу с близкого расстояния. К рассвету 27 августа части 295-й стрелковой дивизии, медленно продвигаясь вперед, достигли восточной окраины села Карпинены, где и вошли в соприкосновение с войсками, которые наступали на окруженного противника с запада, юга и юго-востока. В этот день, предвидя свою неизбежную гибель и потеряв все надежды на выход из создавшегося положения, гитлеровцы стали большими группами сдаваться в плен. 29 августа 1944 года в молдавских Кодрах прозвучал последний артиллерийский выстрел, и вся территория республики была очищена от гитлеровских оккупантов.

В Кишиневе проходил парад войск 5-й ударной армии. Перед населением и воинами с взволнованной речью выступил будущий первый советский военный комендант фашистского логова — Берлина генерал Николай Эрастович Берзарин. На митинге труженики республики приняли теплое обращение к воинам 3-го и 2-го Украинских фронтов, в котором говорилось:

«Мы, граждане столицы Молдавской ССР — города Кишинева, собравшиеся на митинг в связи с освобождением нашей родной столицы и всей Советской Молдавии от немецко-фашистских захватчиков, шлем вам, доблестные воины Красной Армии, отважные сыны советского народа, свой горячий привет и искреннюю благодарность».

П. НАЗАРЕНКО,
полковник запаса

ТЫЛ ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Пристрастно ворошу свою память. Ищу нужных ответов, способных рассеять сомнения. Даже в мелочах не отступаю от правды. Не смею быть неточным, несправедливым.

Многих нет среди нас. Долг перед ними, заплатившими своей жизнью за свободу и счастье Отчизны, повелевает мне снова и снова допрашивать свою память. Мне кажется важным, чтобы никто не умолчал о пережитом в дни Отечественной войны.

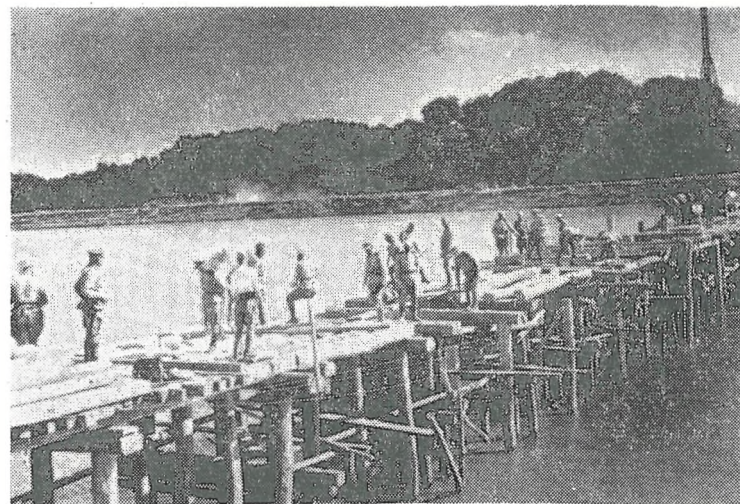
Страницы боевой истории 37-й армии полны ярких примеров героизма солдат и офицеров, их мужества и отваги, смелости замысла намечаемых операций, высокого искусства командиров.

Все дальше на запад продвигались наши войска. Днепр, Южный Буг, тысячи городов и сел Украины, освобожденные нашей армией, остались позади. Преследуя отходящие части противника, 37-я армия форсировала Днестр. Противник, переправившийся на западный берег реки, непосредственно на берегу не задерживался, поспешно отходил на близлежащие высоты: Липканы, Борисовка, Кицканы, Копанка и Леонтино.

Нашим войскам пришлось вести упорные бои за расширение плацдарма в течение полумесяца, и только 27 апреля 1944 года согласно приказу командующего 3-м Украинским фронтом перешли к обороне на рубеже Варница — озеро Ботна, вдоль восточного и части западного берега Днестра. Войска перешли к обороне обескровленными: часть личного состава отстала в пути, артиллерия, боевая техника, автотранспорт, тылы полностью израсходовали запасы материаль-

ных средств, коммуникации растянулись более чем на 400 километров. Обеспеченность войск армии на 17 апреля 1944 года составляла: боеприпасов — 0,5, боекомплекта, горючего 0,6 заправки, продовольствия 2,3 сутодачи, фуража 1,7 сутодачи. До 60 процентов боевой техники, артиллерии, тылов и автотранспорта отстало в пути. Армейская база снабжения, армейская госпитальная база и ремонтные мастерские находились за южным Бугом на станции Первомайск. Инженерные оборонительные работы были направлены на создание сильно развитой системы траншей и ходов сообщений, эшелонированных на всю тактическую глубину, на обеспечение специальных укрытий для войск и боевой техники. Инженерные работы проводились в условиях, когда противник просматривал всю оборону нашей армии. Мы стремились убедить противника в том, что наши войска переходят к длительной обороне и в скором времени наступать не собираются. Между тем, подтягивалась артиллерия, боевая техника, автотранспорт, горючее, боеприпасы, обмундирование, продовольствие и фураж; ремонтировались старые и строились новые военно-автомобильные дороги в армейском и войсковом тылах. Нужно было построить два моста через Днестр в районе Паркан и Карагаша; подтянуть отставшие армейские госпитали, ремонтные средства, походные пекарни, организовать эвакуацию раненых, обеспечить бойцов и командиров летним обмундированием и обувью. Обеспечение солдат и офицеров трехразовой горячей пищей было сопряжено с большими трудностями. Доставлять термосы с питанием на передний край приходилось через открытую местность. Невозможно было подняться во весь рост, местность хорошо просматривалась и находилась под прицельным огнем противника. Жители молдавских сел, опустошенных оккупантами, не имели ни лошадей, ни повозок. Взрослое мужское население было мобилизовано в армию. Солдаты и офицеры тыловых подразделений помогли жителям в прибрежных районах провести весенне-полевые работы, приняли меры по сохранению фруктовых деревьев и виноградников в районах, занятых войсками: Парканы, Терновка, Тирасполь, Кицканы, Копанка, Лентино.

Штаб тыла армии разработал и составил план материально-технического и медицинского обеспечения войск армии на оборонительную операцию. Здесь уместно сказать, что в сводках, представляемых штабом тыла, и действительным положением в войсках существовало некоторое несоответствие. Тылы были в движении, запасы и базы отставали, и поэтому приходилось автоматически сокращать одну сутодачу, половину заправки горючего и четверть боекомплекта. Кроме того, некоторые продовольственные запасы находились далеко от

Вскоре сквозь просветы деревьев увидели Днестр, в тени противоположного лесистого берега он казался черным. 160-й отдельный мостостроительный батальон приступил к сооружению переправы.

нас, в районе заготовок в Курской области, хотя и значились в сводках как в наличии на армейских складах. Нужно было уточнить тыловую сводку. Начальник тыла армии полковник Местеров приказал мне вместе с заместителем командира 82 стрелкового корпуса полковником Р. Ф. Варкалн поехать в соединения и на месте изучить состояние материально-технического и медицинского обеспечения, пути подвоза и строительство моста через Днестр, возле Карагаша. Ночью мы поехали в Тирасполь. Вскоре сквозь просветы деревьев увидели Днестр, в тени противоположного лесистого берега он казался черным. 160-й отдельный мостостроительный батальон приступил к строительству переправы. Из воды уже виднелись сваи. Убедившись в правильности выбора места для строительства, мы попрощались с командиром батальона майором Андросюком и поехали дальше.

Проезжая понтонный мост, с тревогой поглядывали на небо. То там, то здесь красные струи трассирующих пуль освещали его темные глубины. Вспыхивали ракеты. На парашютах повисали над Днестром осветительные бомбы. Самолеты противника нащупали переправу. Их ослепляли, сбивали с толку бело-синими щупальцами прожекторов. Проехав переправу, вздохнули с облегчением.

Тех переправочных средств, которыми располагали мы, оказалось недостаточно, и потому дорожники получали не-

ожиданные и трудные задания. Когда части 58-й и 15-й гвардейских стрелковых дивизий захватили и расширили плацдарм на правом берегу Днестра в районе ст. Варница, Липканы, Борисовка, вдруг поступил приказ: построить второй мост через реку севернее Паркан, напротив Борисовки, выдерживающий нагрузку в 16 тонн. Построить его нужно было за 48 часов. Срок был явно нереальным. Несомненно, срочность возведения моста была продиктована обстановкой.

До сих пор эвакуацию раненых, доставку боеприпасов, продовольствия, горючего и других материальных средств, требуемых для жизни и боя двух дивизий, на плацдарм доставляли на лодках под пулеметным и артиллерийским огнем. (Особенно сильный огонь вел противник из крепости Бендеры и высоты 385 западнее Липкан.) Поистине массовый героизм проявили в обеспечении этих перевозок воины саперного батальона 15-й гвардейской дивизии. Особо отличились гвардии старший сержант Г. В. Яровой и гвардии старший сержант коммунист А. Х. Мелконян. Они на спаренных лодках в течение трех ночей совершили 144 рейса. Не раз их накрывал артиллерийский огонь противника. За проявленный героизм оба они удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Строительство моста через Днестр в районе Паркан также возложили на 160-й отдельный мостостроительный батальон с условием, что вся техника и большинство батальона, занятые на строительстве моста возле Карагаша, остаются на месте. Работа там должна идти своим чередом. На месте пришлось уточнить, что в районе строительства нового моста ширина реки 60 метров, глубина до 3 метров, противоположные берега крутые, просматриваются. Удаление переднего края противника от 800 до 1200 метров. Мост строить можно только ночью, без шума. Были и другие затруднения: на месте строительства не имелось лесоматериалов, недостаточно было транспорта, мало людей. Майор Андросюк поехал в Парканы и обратился к местному населению с просьбой оказать помощь в строительстве моста.

Через некоторое время начали собираться люди. Людей разбили на группы, составили списки, назначили старших, и работа закипела. Солдатам батальона приходилось только руководить работами, так как все время подходили и подходили новые селяне. К концу второй ночи уже ставили перила, улучшали подъезды. Дело подходило к концу.

Хороших дорог на плацдарме не было, кроме одной, рокадной, идущей по правому берегу Днестра, где наш 28-й отдельный дорожностроительный батальон восстанавливал верхнее покрытие, ремонтировал мосты, ухабы и кюветы. Проезжая по этой дороге в июне месяце, я видел впереди ма-

шины строго прямое шоссе, мимо проносились полосатые будки, газоны и цветочные клумбы, обнесенные учебными трофейными авиабомбами, побеленные известкой. Все это было сделано руками воинов батальона, которым командовал подполковник Синкевич.

Говоря о войнах тыла, нельзя не сказать о наших девушках. В нашей армии в то время их служило около трех тысяч человек. Все они пришли на фронт добровольно. В преодолении трудностей фронтовой жизни не уступали солдатам-мужчинам, а в медицине, связи, регулировке уличного движения, в хлебопечении были просто незаменимы. Ненависть к врагу переполняла их сердца. Они забывали об усталости, не думали о грозящей опасности.

В 30-м отдельном дорожно-эксплуатационном батальоне было немало девушек. Часто приходилось слышать восхищенные отзывы об их отваге и умелой работе. Многие из них были награждены орденами и медалями. У моста возле Карагаша с флажками и винтовкой через плечо регулировала движением автомашин младший сержант Тоня Московкина. Свою службу она полюбила, быстро освоила, была трудолюбива и дисциплинирована. Со своим батальоном Московкина прошла большой и тяжелый боевой путь от Краснодара, через всю Украину, Молдавию, Румынию, Болгарию. В дождь и слякоть, в снежные бураны и морозы несла она службу на постах регулирования, часто под ожесточенной бомбежкой.

Взволнованная, счастливая и гордая за свою армию, за свою великую Родину, командовала она уличным движением в столице освобожденной Болгарии. В софийском музее хранится фотография А. Д. Московкиной, как реликвия освободительной миссии советских воинов.

После демобилизации А. Д. Московкина работала и училась. В июле 1965 года успешно закончила аспирантуру в академии общественных наук при ЦК КПСС, получила ученую степень кандидата исторических наук.

Ее подруга Попова прошла более долгий боевой путь. Веселая, жизнерадостная, внешне совсем не похожая на волевого, сильного духом человека. Стройная фигура, худенькие плечики, маленькие девичьи руки, зажигательная улыбка и теплый взгляд спокойных серых глаз. Она женственна, нежна, ласкова, добра. Вера хорошо помнит, как пришла в военкомат и попросила отправить ее на фронт. Ей исполнилось восемнадцать лет. Но Вере отказали.

— Давай домой, дочка, — сказал военком, — воевать — не женское это дело.

Но когда в сентябре 1941 года Вера снова пришла в военкомат с просьбой зачислить ее в действующую армию, ей не отказали. Девушку направили в 201-й запасной полк.

Со своим батальоном Москвина прошла большой и тяжелый путь от Краснодара, через всю Украину, Молдавию, Румынию, Болгарию. В дождь и слякоть, в снежные бураны и морозы несла она службу на постах регулирования, часто под ожесточенной бомбежкой.

ников отчитал Веру. А она застенчиво улыбалась:

— Так все же с утра ничего не ели. Как я могла оставить вас голодными.

Когда впервые рядом с регулировочным постом на руках ее умер от осколков бомбы раненый солдат, Вера вдруг почувствовала в горле комок. Она, забыв и про бомбежку и про опасность, глядела на побелевшее сразу лицо воина. Она плакала. А бомбежка продолжалась. Надо было рассредоточивать скопившиеся на дороге автомашины. И командир, оказавшийся рядом, сказал с сочувственной укоризной:

— Ну вот! Воюешь, как солдат, а плачешь, как баба. Это не пойдет!

Вера научилась не плакать, научилась перебарывать в себе страх. То, что она делала, уже не представлялось ей ни особенным, ни трудным.

...Проехали еще немного. Стрелка на столбе указывала: «Кицканы». Дальше — лес. Едем, словно в туннеле. Девушки-регулирующие, мигая фонариками, улыбаясь, приветствовали нас. Мысль об опасности казалась тут почти неуместной. Мелькали вспышки зажигалок, огоньки папирос, слышался

Весной 1942 года она была переведена в 30-й отдельный дорожно-эксплуатационный батальон и зачислена регулировщицей в 3-ю дорожно-комендантскую роту. В свое время Вера училась на курсах кулинарии, и ее иногда привлекали для работы поваром. Однажды командование роты решило выбросить вперед головной отряд. Он разместился в хатах на южной окраине села Копанка. Солдаты занялись своими делами. Попова готовила обед, чтобы накормить голодных воинов. Вдруг вечером гитлеровцы открыли артиллерийский огонь по размещению подразделения. Командир роты майор Красников подал команду:

— Бегом к машинам!

Солдаты, пригибаясь, побежали к замаскированным в посадке машинам. Вера задержалась. Захватив кастрюлю с горячей пищей, она догнала солдат. В автомашине майор Крас-

стук топоров, ломов и лопат. Работали на участке дорожники. В обороне солдату работы не уменьшается. День и ночь напролет, как крот, роет он своей саперной лопаткой землю. И на каждом километре фронта было отрыто около 19 километров траншей и ходов сообщения, сооружено 470 убежищ и других укреплений.

Побеседовав с солдатами, мы поехали по направлению к Кицканам. Кончился лес, потянулось село. Оно утопало в зелени. Миновав село, выскочили на возвышенность юго-западнее монастыря. За густым лесом виднелись бурые высоты крепости г. Бендеры. Там укреплял свою оборону 30-й армейский корпус противника. С большим трудом добираемся до командного пункта стрелковой дивизии. Нас встретил командир дивизии генерал Г. И. Чурмаев.

— Я думал, руководство армейского тыла отстало и находится далеко, где-нибудь в Веселых Тернах или Кривом Роге! — с улыбкой сказал генерал.

Генерал Чурмаев, метко прозванный «хозяйственный, деловой генерал», пожаловался нам на недостаток питания, однообразие пищи, плохое обмундирование, нехватку инженерного имущества. О хозяйственных делах дивизии генерал говорил охотно, со знанием дела.

— Людей в частях крайне недостаточно, — обратился он ко мне. — Для выполнения инженерных работ я приказал привлечь специалистов тыла.

Выслушав информацию и жалобы, мы распрощались с генералом и поехали дальше, в тыл одного из полков этой же дивизии. Тылы полка были хорошо замаскированы. Солдаты в ожидании обеда присаживались на полянку. Свободная минута — отдыхай. Присели и мы. Поначалу беседа не клеилась.

— Как дела? Как кормят? — спросили солдат.

Солдаты осмелели, вступили в разговор:

— До каких пор будут кормить перловкой? Когда выдадут новое обмундирование и обувь? Когда придет пополнение?

В это время два бойца принесли в ведрах обед.

— Может, с нами закусите? — обратился к нам старшина.

Мы едим холодную, с застывшим салом кашу, борщ с сухим картофелем и капустой...

По возвращении в штаб тыла мы подсказали арминтенданту Быстрякову дать указание варить первое блюдо из зелени, разнообразить меню, организовать сбор зелени. Провели армейский конкурс поваров на лучшее приготовление пищи, на культурное обслуживание солдат, отпечатали в типографии «памятку повара». Вечером 28 апреля 1944 года членом Военного Совета 37-й армии генерал-майором Сосновниковым было созвано совещание офицеров службы тыла.

Сосновников, отметив успешное решение задач работниками тыла в наступательной операции, остановился на недостатках при переходе к обороне. Жизнь заставляла и требовала напрягать силы по изысканию дополнительных материальных средств, необходимых для бесперебойного обеспечения войск. Слаженность работы тыла зависела от четкости и самоотверженности его работников. Горячая, сытная пища и доставка газет, боеприпасы и обувь, лечение больных и бумага для писем, горючее и запчасти для танков — все по-своему важно на войне.

После совещания во всех частях и подразделениях тыла были проведены партийные и комсомольские собрания, совещания с секретарями партийных и комсомольских организаций, поставлена задача политической работы. От политработников потребовали улучшить политическое воспитание, внимательно относиться к нуждам воинов. Были выпущены боевые листки, проведены беседы. Знаменательно, что инициаторами всех хороших начинаний стали коммунисты.

Часто у нас в штабе тыла стали бывать в те дни армейский интендант Быстряков, начальник отдела горючего Брюхачев, начальник автослужбы Руленков, начальник санитарной службы Сук и другие офицеры, отвечающие за снабжение соединений и частей боеприпасами, техникой, горючим, питанием, обмундированием, медицинским обслуживанием. Легко сказать — обеспечить всем необходимым войска армии, в которой насчитывалось на апрель месяц 1944 года более шестидесяти тысяч человек, около шести тысяч лошадей и огромное количество вооружения и боевой техники. (Тыловая сводка 37-й армии на 1.IV.1944 г., архив МО, ф. 392, оп. 8898.) Гораздо труднее все это сделать. Мы хорошо понимали, что переход к обороне — временное явление, войска израсходовали свои возможности для наступления, требуется время для подготовки новой наступательной операции.

На передовой Кицканского плацдарма шла обычная фронтовая жизнь: наблюдали за противником, изредка постреливали. Все затаилось, спряталось в земле. Внезапность на войне — одно из условий, необходимых для достижения цели малой кровью. В начале августа началась усиленная подготовка к наступлению: передислокация, уточнение данных о противнике, расчеты. Командующий, члены Военного совета, офицеры штаба и политотдела армии все чаще стали появляться в дивизиях и корпусах, беседовали с солдатами и офицерами, проверяя свои мысли, наблюдения, расчеты.

В основу подготовки войск, штаба и органов тыла к наступлению было положено боевое сколачивание частей. На учениях отрабатывались вопросы материально-технического обеспечения войск в наступательной операции. Наряду с об-

щевойсковыми учениями проводились тыловые учения, игры на картах. Во второй половине августа, за несколько дней до начала операции, была проведена теоретическая конференция, на которой рассматривались вопросы военно-политической обстановки, экономического состояния района в полосе вероятных боевых действий армии и организации материально-технического обеспечения армейской наступательной операции. (Штаб управления армейского тыла в июле переместили в поселок Константиновку, а к началу наступления в поселок Слободзея-Молдавская.)

К началу наступления основные армейские органы были приближены к войскам. Часть их разместились на плацдарме. Выгрузочная станция была развернута на станции Тирасполь. Отделения складов на грунте были выдвинуты на плацдарм: артиллерийский склад в 2 км западнее Суклеи, а продовольственный на северо-восточной окраине Копанки. Армейские госпитали первой линии были сосредоточены в районе Карагаш, Слободзея-Молдавская и южнее Копанки. Как только организовали выгрузочную станцию в Тирасполе, противник со стороны Бендер ежедневно в 17-00 стал вести артиллерийский обстрел наших складов. Обстрел усиливался, когда ночью приходили на станцию железнодорожные эшелоны с боеприпасами.

Памятен день, когда мы с полковниками Нестеровым и Быстряковым осматривали отделения армейской базы на станции Тирасполь. Там размещались артиллерийские склады, склад горючего, продовольствия, интендантского имущества. Казалось, в дневное время ничто не может нарушить спокойствия пустынной привокзальной площади. И вдруг — нарастающий свист снарядов. Султаны земли и дыма высоко поднялись в воздух у вокзала, на территории складов, где мы только что были. Сильный взрыв эхом прокатился по балке и отозвался в привокзальной посадке. Артиллерия перенесла свой огонь на поля между Тирасполем и Парканами. Сразу же возник пожар. Горела сметанная в стога пшеница.

Возвращаясь обратно в штаб, мы заехали в гвардейский стрелковый корпус генерала Г. П. Котова. Его дивизии находились во втором эшелоне армии восточнее Тирасполя. Устроились они как подобает в обороне: оборудованные землянки, пищеблоки, бани, клубы, учебные классы. Войска упорно учились, отрабатывая вопросы взаимодействия на местности с танками и артиллерией. На первый взгляд, обстановка казалась не фронтовой, а лагерной. Красивая местность, фруктовые сады располагали к мирной жизни.

Чтобы представить себе объем работы тыла в этой операции следует вспомнить, что на плацдарме было сосредото-

чено более 80 000 солдат и офицеров, более 3000 орудий, 9000 лошадей. Средняя плотность артиллерии на участке прорыва достигала 260 орудий и минометов, 40 бронеединиц на 1 км фронта. Нам для создания запасов в войсках, кроме текущих расходов, требовалось подвести 4 боекомплекта боеприпасов и 3 заправки горюче-смазочных материалов. Работникам тыла пришлось много строить дорог. Строить ночью. Все делать в строжайшей тайне. Солдаты и офицеры тыла строго следили за тем, чтобы днем в полосе предстоящего наступления все замирало, не двигалось, стояло там, где заставал рассвет. Дороги, которые просматривались противником, были закрыты, а вместо них построены в лесу и балках новые. Было восстановлено и заново сооружено 190 километров дорог. На них организованы контрольно-пропускная служба и офицерские посты, одностороннее движение автомобильного и гужевого транспорта.

Важное место в подготовке к операции занимала оперативная маскировка. Личный состав и боевая техника тщательно маскировались.

Заканчивались последние приготовления к наступлению в войсках. 19 августа мы с начальником тыла полковником Нестеровым и начальниками отделов поехали на плацдарм в войска генералов Куприянова и Котова. Заметно было, что дороги не клубились пылью, пустынно у переправ и в населенных пунктах: Тирасполе, Суклее, Карагаше и Слободзее-Молдавской.

На плацдарме (площадь около 75 кв. км) становилось тесно от железа. Никогда еще мы не видели такой плотной насыщенности боевой техникой. Стволы пушек торчали чуть-ли не из-за каждого куста. Ступить было некуда.

Все службы снабжения находились в частях. Начальник санитарной армии полковник Сук справлялся о состоянии медицинского обеспечения войск. Другие проявляли заботу об обеспечении солдат обмундированием, питанием и снаряжением.

Настало утро 20 августа 1944 года. В воздухе тихо, необыкновенно тихо, как перед грозой. Командующий 37-й армией генерал-лейтенант М. Н. Шарохин приказал дать сигнал к наступлению.

И. СЕРЕДА,
старший лейтенант запаса

ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ

Когда пишу эти строки, я отчетливо представляю все события того дня. На память приходят, казалось бы, уже забытые эпизоды боевых вылетов.

Грозный вал наступления катился все ближе и ближе к границам Румынии. Воздух содрогался от рева моторов. Летчики нашего полка работали без отдыха. Прилетят, перекурят, заправят самолеты горючим, сменят боекомплект — и снова в бой. По пять-шесть самолетовывлетов делал каждый. Да, советские летчики нередко делали то, что многим казалось невозможным. Ни ураганный огонь зенитной артиллерии, ни рой истребителей противника не могли остановить советских бомбардировщиков и штурмовиков на пути к цели.

Штурмовка. Спят молдавские поля. Медленно светлеет небо, и над Прутом, дрожа, дымится утренний туман. На травах и листьях играют бликами радуги прозрачные капли росы. Солнце неторопливо поднимается, словно не желая обжигать утомленных воинов своим зноем.

Большая группа штурмовиков подлетела к нашему аэродрому. Завертелись трехлопастные воздушные винты, и в воздух один за другим поднялись восемь истребителей «ла-вочкин-5». Пристроившись к штурмовикам, группа взяла курс на Корнешты, штурмовать железнодорожную станцию. На бреющем полете, прижимаясь к земле, ныряя в балки, «ильюшины» подошли к цели.

— Приготовиться к атаке! — приказал командир штурмовиков.

«Ильюшины», быстро сделав «горку», обрушили на достигнутого врасплох противника первый бомбовый удар. Часть вагонов исчезла в огне и дыму. Атака была такой стремительной, что фашисты в первые минуты растерялись. Быстро оценив обстановку, командир решил повторить удар. И вот по радио раздается команда:

— Подтянуться всем! Приготовиться... Атака!

Горели вагоны, высоко в небо поднимался пар от пробитого котла паровоза. Паровоз уткнулся в песок, несколько перевернутых вагонов валялось под откосом насыпи. Истребители прикрывали действия штурмовиков.

В результате этого внезапного и смелого налета штурмовиков на станцию Корнешты было уничтожено и повреждено два паровоза, около сотни вагонов.

Отштурмовавшись, «ильюшины» собрались в группу и взяли курс на свой аэродром. Эфир наполнился веселыми голосами, шутками, кто-то даже затынул песню. И вдруг... в наушниках шлемофона зашуршало, засвистело, послышалось что-то тревожное.

— Выше нас четыре «мессершмитта», — передавал кто-то.

— В воздухе противник!

— «Мессера»! «Мессера!» — то и дело слышались предупреждающие голоса.

Мои глаза изучают голубой простор. Как будто ничего нет. Но вот вдали показалась едва заметная цепочка точек. Точки с каждой секундой увеличиваются и превращаются в силуэты самолетов.

Мгновение для ориентировки — и наши истребители находят свое место в бою. Шесть «лавочкиных» прикрывают штурмовиков. Они не отходят. Я со своим ведомым Владимиром Погодиным сковываем боем истребителей врага, оттягивая их в сторону линии фронта. Мой «лавочкин», задрав нос, круто, почти отвесно ввинчивается в небо и оттуда, сверху, камнем падает на врага. Не успеваю нажать гашетку пушек, как немецкий летчик, сделав переворот, ускользает от меня.

«Ушел!» — с досадой подумал я.

Выбираю новую цель. Мы быстро сближаемся. Держу врага на прицеле. Проходят мгновения предельного напряжения, кажется, перестаю дышать. Расстояние между нами сокращается. Всем сердцем хочу побыстрее вогнать меткую очередь в ненавистного врага, прилетевшего в наше небо на сером самолете с паучьей свастикой на крыльях. Силует вражеского самолета все увеличивается в прицеле. Невольно рука стремится... Но разум подсказывает: «Рано. Бить, так наверняка, с небольшой дистанции». Подхожу к вражескому самолету вплотную и нажимаю на гашетку пушек. Мощный

сноп огня, и огненная трасса прочерчивает сигарообразный фюзеляж «мессершмитта». Самолет вспыхивает и, оставляя за собой шлейф черного дыма, врывается в землю.

Показалась передовая. Штурмовики в безопасности. Наши истребители зорко охраняют их и одновременно ведут бой с «мессершмиттами». Рядом проносятся с бешеной скоростью краснотелые «лавочкины». Мелькают плоскости с черными крестами. От самолета к самолету протягиваются огненные шнуры. А внизу огромным движущимся клубком догорают обломки сбитых машин. Наши самолеты становятся хозяевами в воздухе.

Леня Амуров. Когда солнце было уже высоко, над Скулянами появилась стая серобрюхих хищников с крестами на крыльях. С большого луга, ставшего по прихоти войны аэродромом, поднялась в воздух шестерка наших самолетов-истребителей. Среди них была машина Лени Амурова.

Леня — обыкновенный русский парень. Комсомолец. Внешне он не выделялся ничем: небольшого роста, курносый, с непокорным хохолком светлых волос и неизменной улыбкой на широкоскулом юношеском лице и похожий на тысячи его сверстников, делавших трудное дело войны.

Во время войны бывало иногда такое, что не расскажешь, а если расскажешь, не удивишь. Вероятно причиной — просто характер нашего народа. Всегда у нас необыкновенное в конце концов становится будничным. Этот случай, пожалуй, достоин, чтобы о нем рассказать: он и будничный, и необыкновенный.

Самолеты парами шли над садами и виноградниками, затянутыми легкой прозрачной дымкой. Из нее выступали раскинутые по балкам села, синевы молдавскими мазанками.

Не прошло и десяти минут, как впереди показался район прикрытия — переправы через Прут у Скулян. Командир группы связался со станцией наведения:

— «Рубин»! Я — «Сокол»! Наведите меня на противника.

— Квадрат тринадцать.

Вдали багряной лентой блеснула река. Пикирующие бомбардировщики шли двумя группами. Вот они сейчас свалятся на крыло, войдут в пикирование, и тогда... Взгляд на мгновение отрывается от самолетов и переносится вниз. Там узкая горловина переправы через Прут вбирает растянувшиеся на километры массы людей, машин, танков, сжимает, стискивает их. На правом берегу, обретая свободу, колонны вновь растекаются.

Имея преимущество в высоте, «лавочкины» устремились на «юнкерсов». Воздушные стрелки открыли ураганный огонь, но истребители уже атакуют их. Тотчас же показалась

встышка, и один «юнкерс», полыхая, свалился вниз. Второй бомбардировщик начал, снижаясь, уходить на свою территорию.

В бою обстановка меняется быстро и иной раз совершенно неожиданно. С безоблачной выси вынырнули вражеские истребители. Пара?.. Четыре?.. Сколько их?

У Лени тревожно забилося сердце. Но быстро проходит растерянность. Леня направил свой самолет в сторону «мессершмитта» и дал очередь. «Попал»,—радостно отметил он, но в это время над его головой красным пунктиром промелькнули трассирующие пули: это с другого «мессершмитта» летчик вел огонь по его самолету. Резкий толчок встряхивает машину. Острая боль пронизывает спину. «Ранен,—мелькает в голове.—Уходить из боя нельзя—товарищам трудно».

— Леня, как чувствуешь себя? — слышится голос ведущего.

— Продержусь до конца.

В глазах туманится. На ведущего насаждает «мессер», и Леня спешит на выручку. Из-под шлемофона катятся струйки пота. Трудно на поврежденной машине. Леня нажимает гашетку пушки, огнем отсекая врага.

Метким огнем летчики сбили еще два фашистских самолета и заставили врага покинуть поле боя. Возвратилась на свой аэродром и группа «лавочкиных».

— Леня! Садись первым, — приказывает командир.

Самолет неуверенно коснулся земли, взмыл, приземлился на одно, потом на другое шасси и, выделявая зигзаги, покатился по летному полю. Зарулив на стоянку, Леня вылез из кабины и прилег под плоскостью на траву. Осколок бронеспинки разорвал комбинезон и глубоко впился в тело.

Леня долгим, уходящим взглядом посмотрел на командира:

— Здорово мы им дали!.. И я одного сбил...

Я смотрел на Леню Амурова. Его лицо было спокойно и, несомненно, красиво...

По безбрежной сини неба тянулись стаи белоснежных облаков, от них по земле скользили прохладные тени. Командир полка Герой Советского Союза подполковник Ольховский медленно снял пилотку. Его примеру последовали остальные. Лейтенант Леня Амуров и мертвым был красив.

Группу ведет командир полка. В третий боевой вылет восьмерку «лавочкиных» повел на прикрытие наземных войск Герой Советского Союза подполковник Ольховский. Несмотря на свои сорок с лишним лет, он крепок, широк в кости. Яркие, чуть скошенные глаза будто сдерживают неукротимую силу могучего тела, а сам он — неторопливый и рассудитель-

ный — сгусток человеческой энергии, которая способна и на долгое терпение и на мгновенное, единственно верное решение.

До войны он окончил военную академию, работал инспектором ВВС Дальневосточной армии. На фронте он провел немало воздушных боев, сбил 19 самолетов врага...

Самолеты взлетели, построились в боевые порядки и повернули в район прикрытия. Внизу непрерывным потоком двигались наши наступающие части. Идя вдоль Прута, летчики внимательно осматривали все видимое пространство вокруг. Линия фронта близко, и можно было предвидеть всякие неожиданности. Когда восьмерка наших истребителей подходила к району прикрытия, Ольховский издали заметил большую группу вражеских бомбардировщиков, направляющихся на прутские переправы.

Со скоростью грозового разряда сработали разум и воля командира.

— За мной! В атаку! — прозвучала по радио команда командира полка.

Сколько мгновений отведено летчику на бой?

Круто пикируя, вся восьмерка сверху внезапно свалилась на «юнкерсов».

Как всегда, в минуту крайней опасности летчиков охватило чувство дерзкой отваги, стремление победить во что бы то ни стало. Ольховский сбил ведущего. Почти одновременно загорелся еще один «Ю-87». Его поджег Герой Советского Союза старший лейтенант Брызгалов. Не прекращая огня, наши истребители прошли через весь строй бомбардировщиков. «Юнкерсы» сбросили бомбы на свои войска, начали уходить. Весь строй рассыпался.

Сделав боевой разворот, Ольховский со своими ведомыми снова очутился выше бомбардировщиков. Но в этот миг с высоты устремились на «лавочкиных» истребители противника. Нашу группу окружили «мессершмитты» — угловатые крылья со свастикой, трассы огня навстречу, блеск плексигласа фонаря кабины и черные шлемофоны фашистских летчиков. Маневр и огонь с самых коротких дистанций. В вихре дымного пламени рухнул один «мессершмитт». За ним потянул к земле шлейф черного дыма второй.

Павел Брызгалов со своей четверкой связал боем вражеских истребителей. Увидев, что Брызгалов отбивает «мессершмиттов», Ольховский, пикируя, поймал в прицел ведущего бомбардировщика и нажал гашетку пушек. Меткая очередь прошла еще один «юнкерс». Воздушный бой длится минуты. Победу в нем одерживает воздушный боец в какое-то мгновение. И в это мгновение перед летчиком проходит вся жизнь, в это мгновение он сильнее ощущает, как дорога ему Родина.

Воздушный бой закончился разгромом противника. Но на земле шло ожесточенное сражение. Восьмерка советских истребителей во главе с командиром Ольховским то и дело появлялась над kloкочущим полем боя, надежно прикрывая наши наземные части.

В наушниках шлемофонов слышался знакомый голос дважды Героя Советского Союза капитана Евстигнеева:

— Батя, иди домой. Пришел сменить тебя.

Евстигнеев уже связался с наземной рацией:

— «Рубин», «Рубин». Я — «Сокол». Пришел на работу. Сообщите обстановку.

— В воздухе спокойно, — отвечал ему по радио с земли командир гвардейского авиационного корпуса генерал-лейтенант авиации Иван Дмитриевич Подгорный.

В это время группа Ольховского подходила к своему аэродрому. Командир полка первым посадил свой самолет и, тяжело дыша и вытирая пот, вылез из кабины.

Один за другим шли на посадку его истребители. Не хватало только одной машины. Не было Павла Брызгалова.

Ольховский курил папиросу за папиросой. Взглядом, полным тревоги, всматривался в высоту. Но самолета Брызгалова не было видно. «Паша, Паша. Ты должен прийти», — твердил он про себя.

И словно в ответ ему слышался гул мотора, и из-за холма вынырнул «лавочкин». Летчики и механики удивлялись, как только он держался в воздухе. Все хвостовое оперение было искромсано осколками снаряда, не было руля высоты.

Неуклюже зарываясь капотом, самолет шел на посадку. В неуловимый миг времени Паша успел мотором «вырвать» свой самолет в горизонтальный полет у самой земли и посадить его.

Машина с выключенным мотором развернулась к стоянкам. Брызгалов снял шлемофон и долго сидел в кабине. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Сказывалось нечеловеческое напряжение всех душевных и физических сил.

Над Кишиневом. Летчик Александр Шпынов с ведомым Николаем Поляковым, вернувшись из очередного вылета на разведку, доложил, что на аэродроме Кишинева сосредоточено большое количество фашистских самолетов.

Было приказано произвести доразведку и при обнаружении самолетов противника отштурмовать. Руководить штурмовой восьмеркой самолетов-истребителей было приказано мне.

Оставляя клубы пыли, истребители поднялись в воздух. Впереди четверкой шел Шпынов, чуть выше вел четверку я.

Самолеты шли на бреющем полете, и оттого скорость казалась огромной. Линию фронта мы пересекли настолько быстро, что немецкие зенитчики не успели открыть огонь.

Пролетев передний край, насыщенный артиллерией врага, мы набрали высоту. Под крылом самолета проплывали молдавские пейзажи с меловыми кручами, зеленью садов и виноградников. Вдали показался Кишинев, покрытый лиловой дымкой. На подступах к городу немцы встретили нас мощным огнем. К аэродрому вышли с юго-запада. «Ю-87» и «ФВ-190» стояли на аэродроме — часть в капонирах, часть без всякой маскировки. На краю летного поля, возле церкви, под деревьями располагались цистерны с горючим и автомашины.

И вот, как внезапная молния, над аэродромом пронеслись советские истребители. Первой, переворотом через крыло, вошла в пикирование четверка лейтенанта Шпынова. По аэродрому хлестнул смертоносный свинцовый дождь. Два фашистских самолета загорелись.

Я со своим ведомым лейтенантом Погодиным появился над аэродромом позже других. Пролетая уже над морем бушевавшего огня и дыма, в котором метались, спасаясь бегством, гитлеровцы, я выпустил несколько очередей из пушек. За мной неотступно следовал Володя Погодин, расстреливая в упор врага...

Мы собрались в группу и взяли курс на свой аэродром. Израненная глубокими воронками и окопами, лежала внизу под крылом истребителя молдавская земля. В балках стояли замаскированные танки, пушки, дымили полевые кухни — обычная картина прифронтовой жизни. Вот и наш аэродром. Делаем посадку. Летчики возбуждены от только что проведенного, четвертого за этот день, успешного боевого вылета.

Солнце уже спряталось в далеких холмах, над землей сгустились сумерки.

Прошли годы. Неузнаваемо похорошела и расцвела столица Молдавии — Кишинев. На месте летного поля аэродрома возвышаются многоэтажные дома. Едва на востоке обозначится теплящаяся полоска зари, как оживет город. Раньше города просыпается Кишиневский аэропорт. С летного поля поднимаются в воздух самолеты с пассажирами, грузами и летят в Киев, Минск, Москву, скрепляя узы дружбы молдавского народа с братскими народами Советского Союза.

Проходя по тенистым улицам Кишинева, я чувствую чудесный запах цветущих лип, чувствую пульс жизни, настоящий и властный.

В. ЕРМУРАТСКИЙ,
майор запаса

С ВЕРОЙ В ПОБЕДУ

Война застала меня в Кишиневе. После первого же налета вражеской авиации на город явился в военкомат и получил направление в артиллерийский полк 15-й Сивашской Краснознаменной дивизии. На третий день разыскал свою часть. Ее дивизионы, заняв огневые позиции западнее селения Глодяны, вели бой с немецкими частями, переправившимися на восточный берег Прута и пытавшимися с ходу прорваться к городу Бельцы. Танки противника напористо осаждали позиции полка, но его воины, ведя беглый огонь из пушек, успешно отражали яростный натиск.

После того как атаки гитлеровцев на этом направлении были отбиты и враг перешел к обороне, наш полк по приказу командования был переброшен на другой участок.

В начале июля противник нанес сильный удар из района Штефанешты, прорвал оборону советских войск и начал продвигаться в северо-восточном направлении. Наши части вели упорные бои за каждый рубеж, каждый населенный пункт. Но преимущество временно еще находилось на стороне врага.

16 июля фашисты ворвались в Кишинев. Советские войска, вынужденные отходить за Днестр, оставляли города и села Украины. Но мы не теряли веры в нашу победу, и она пришла несколько позже.

...Весну 1944 года воины 295-й стрелковой дивизии, агитатором политотдела которой я был с мая 1943 года, встречали на левом берегу нижнего течения Днестра. 12 марта наши части форсировали эту широкую водную преграду и развернули наступление на Херсон. На следующий день воины ди-

визии выбили врага из города, а вскоре были освобождены другие города и села Правобережной Украины.

Мог ли я тогда, сражаясь с врагом в кубанских плавнях, а затем и в устье Днестра, думать о том, что вместе с бойцами этого прославленного соединения буду освобождать молдавскую землю? Нет, на войне вперед не загадывали, но знали твердо: победа будет за нами. И мы добывали ее в кровопролитных боях. Отходя на запад, противник яростно огрызнулся. Всесторонне подготовленный к длительной обороне, он цеплялся за каждый населенный пункт.

Записи сохранившегося дневника помогают восстановить в памяти отдельные события тех суровых дней. К 26 марта полки нашей дивизии вышли на ближние подступы к Николаеву. Минировали поля, дороги и дома. Десант моряков под покровом ночи высадился на берег, занятый противником, и, захватив один из элеваторов, закрепился в нем. Многие из десантников погибли в неравном бою, но те, кто остался в живых, удерживали здание элеватора до тех пор, пока мы не выбили фашистов из города.

«Не давайте закрепляться врагу, уничтожайте захватчиков!» — гласили слова приказа. И мы делали, казалось, невозможное. Воспитывая у бойцов и командиров высокое чувство советского патриотизма и интернационализма, работники политотдела придерживались испытанной народной мудрости: «Слово учит, а пример ведет». Примером же служили сыны великой ленинской партии — независимо от занимаемых должностей. «Коммунисты, вперед!» — слышалось там, где было наиболее трудно. «Хочу идти в бой коммунистом», «Если погибну, считайте меня коммунистом», — писали воины в своих заявлениях о приеме в партию.

Весенние дожди размывали дороги. Транспорт застрял. Снаряды, мины, патронные ящики бойцы без усталости подносили на себе. Так было, когда мы освобождали Николаев, Очаков и Одессу, когда приближались к Молдавии.

10 апреля была освобождена героическая Одесса. Советские войска, продолжая развивать наступление, отбросили немцев за Днестр и стали готовиться к завершающим боям за освобождение Советской Молдавии, ее столицы Кишинев. Наверное, не только у меня замирало сердце от предчувствия скорой встречи с родным городом после трехлетней разлуки.

В середине мая нашей дивизии и другим соединениям, входившим в 34-й гвардейский корпус, которым командовал генерал-майор Макавчук, была поставлена задача на проведение частной операции. Она заключалась в том, чтобы очистить от противника значительный участок местности на левом берегу Днестра и освободить села Дорожкое, Погребы,

Кошницу и Перерытое, раскинувшиеся в днестровской излучине.

Огромную помощь в период подготовки и проведения операции нам оказали жители этих селений. Приведу только один из многочисленных примеров. Максим Васильевич Наку, житель села Погребы, с риском для жизни пробрался в наш штаб и сообщил, что немцы накапливаются у кошницкого парома с целью переправы на левый берег реки. Он рассказал также, что в районе села Погребы имеется мостовая переправа, которая с нашего берега не просматривалась.

Учтя это, наши артиллеристы нанесли массированный огневой удар. Немцы, бросившись врассыпную, бежали. Повреждена была и вражеская переправа у Погребов.

В этот же день соединения корпуса заняли Дороцкое, Погребы, Кошницу и Перерытое. Однако близлежащие сады и перелески оказались непрочесанными, и немцы, сосредоточив в них достаточно сил, перешли в контратаку и потеснили части корпуса. Дорого обошлась нам эта оплошность.

Семь дней шли здесь бои, а затем нашу дивизию отвели на пополнение. Во время передышки к нам приехали артисты эстрады Киевской филармонии. На лужайке у опушки леса, находившегося недалеко от передовой, расположились бойцы и командиры, а перед ними импровизированная сцена — грузовая машина с откинутыми бортами. Запомнилось выступление братьев Астаховых и чудесная песня «Россия», которую пела артистка Лалидус. В песне этой каждый из нас слышал стоны родной земли. Душу переполняли гнев и ярость против ненавистного врага.

В первых числах июня части дивизии, переправившиеся у населенных пунктов Ташлык и Бутор на правый берег Днестра, закрепились на «малой земле», передний край которой вплотную подходил к селению Шерпены. Более двух с половиной месяцев находились мы на заднестровском плацдарме, днем и ночью слушая свист пуль и оглушительный треск от разрывов снарядов и мин. Здесь редко выпадали так называемые часы фронтового затишья. Ох как угнетающе действует оборона на фронтовиков, вынужденных круглые сутки укрываться в глубоких траншеях, которыми вдоль и поперек безжалостно изрезаны пойменные сады и виноградники. Радовал глаз их зеленый наряд. Природа никак не хотела мириться с войной. Даже на деревьях, казалось, до смерти покалеченных осколками и пулями, наливались чудесным соком яблоки и груши. Земля как бы чувствовала скорое освобождение и старалась вознаградить людей щедрым урожаем.

С личным составом, находившимся за Днестром, мы ежедневно проводили беседы и политинформации. Чаше всего мне приходилось бывать в 1038-м стрелковом полку, которым

командовал подполковник В. Н. Любко. Как-то во время беседы я обратил внимание на молоденького солдата, небольшого роста, но крепко сбитого.

— Это наш Яша, из Кишинева, — рекомендовал его мне командир взвода.

— Будем знакомы, земляк, — сказал я.

— Как, вы тоже кишиневец? — обрадовался солдат.

— Почти, до войны жил там.

Яков Сапожников, так звали моего нового земляка, родился и вырос в Кишиневе. Отец его в первые дни войны ушел на фронт. Яша эвакуировался в глубь страны. Спустя два года он пристал к воинской части, следовавшей на передовую, правдами и неправдами добился зачисления в ряды Красной Армии. Прошел Донбасс, освобождал Каховку, Херсон, Николаев, Одессу. На груди у парня я увидел орден Славы. Командир взвода лейтенант Кулиничев поведал мне, как отважен и смел Яша.

— Береги себя, не проявляй ненужной лихости, — сказал я, прощаясь с ним.

— Да нет, товарищ майор, я понимаю, в разведке надо быть осторожным, а то, если убьют, ведь задание не выполнишь. А так хочется поскорее в наступление, освободить Кишинев. Хочется побыстрее прогнать немцев с родной земли...

Там же, на «малой земле», принимали в партию наиболее отличившихся. Прочитав заявление автоматчика Ивана Емельяновича Шнура, парторг 1038-го стрелкового полка И. М. Портной предложил высказаться. Но коммунисты проголосовали без обсуждения. Боевые друзья хорошо знали двадцатилетнего воина-сибиряка.

Взволнованный большим доверием, рядовой Шнур обещал коммунистам:

— Не пожалею сил, а если понадобится, то и самой жизни ради победы над заклятым врагом. Готов выполнить любое задание командования.

Слова бойца звучали торжественно, как клятва.

С получением нового пополнения из освобожденных районов Молдавии особое внимание обращалось на работу по его интернациональному воспитанию. С парторгами, комсоргами частей проводились специальные семинары: «Политика партии и Советского государства в национальном вопросе», «СССР — многонациональная страна», «Дружба народов СССР — основа нашей силы и могущества», «О поведении личного состава при вступлении на территорию Румынии».

Воспитание патриотических чувств у солдат играло важную роль в боевой обстановке. Повышалась бдительность бойцов, крепились их боевой дух, смелость и отвага...

Время работало на нас. Неумолимо приближалась раз-

вязка. Развернувшаяся подготовка к наступлению поднимала у солдат боевой дух. Но не дремал и враг. Словно обожженный зверь, он, чуя опасность, творил черное дело. Участился обстрел наших позиций. Немцы усилили вылазки, пытались прощупать крепость нашей обороны, раскрыть планы. Сильно донимали нас шестиствольные минометы. Фронтвики метко окрестили их «скрипухами» за отвратительный звук, который сопровождал выстрелы.

Чтобы оттянуть роковую схватку, немцы пытались ликвидировать плацдарм и сбросить нас в Днестр. Фашистские политofiцеры убеждали своих солдат, будто Германия располагает еще большими резервами и превосходит Красную Армию и в технике, и в живой силе. Эту ложь мы разоблачали. Служил у нас младший лейтенант Голденко. В его задачу входила организация радиопередач для немцев. Забавный был человек. Гражданский до мозга костей, с очками на носу, в пилотке, надетой часто задом наперед или даже поперек. Вместо приветствия он всегда произносил «здрасьте!» Никак не вязался его внешний облик с самозабвенной смелостью. Бывало, включит радио, а противник сразу же открывает прицельный огонь. Но Голденко переходит в другое место и продолжает передачу до конца.

Возвращаясь однажды с переднего края со своей аппаратурой за плечами, он попал в расположение другого соединения. Там его приняли за немецкого лазутчика. Конечно, все обошлось. Но после этого случая он подтянулся.

Наступил август. Напряжение росло. Разведчики дивизии и полков охотились за «языками». В это дело включились и линейные подразделения. Отобрав группу добровольцев, командир батальона майор Золотухин организовал разведпоиск. Помогла педантичность немцев. Наблюдая за противником, разведчики установили, что днем его солдаты уходят на отдых во вторую и третью траншеи, а в первой остаются только наблюдатели и пулеметы. Комбат дерзнул провести поиск среди бела дня.

В полдень семь человек во главе с командиром 3-й стрелковой роты старшим лейтенантом Рыжковым за считанные секунды ворвались в траншею, оглушили наблюдателей, а одного ефрейтора прихватили с собой. Разведпоиск длился несколько минут. Спohватившись, немцы открыли сильный огонь, но «язык» уже был на командном пункте. Отличившиеся разведчики были награждены орденами.

Утром 20 августа тишину разорвал гром советской артиллерии: началась знаменитая Ясско-Кишиневская операция. После мощной артподготовки советские войска перешли в наступление. Не выдержав удара, фашисты стали отступать, прикрывая свой отход сильными арьергардами. В 2 часа 30

минут 23 августа наша дивизия перешла в наступление и, обходя Кишинев с юга, своим правым флангом, на котором действовал 1038-й стрелковый полк, ворвалась на юго-восточную окраину города.

Завязались уличные бои, продолжавшиеся всю ночь на 24 августа. Находясь впереди своего подразделения, коммунист рядовой Шнур погиб, как герой. Вражеская пуля оборвала жизнь сержанта Лисачева и других бойцов. Если будете в парке Пушкина, положите цветы и на их могилы...

Утром 24 августа город проснулся свободным. Мне довелось встретиться с Яшей Сапожниковым. Возбужденный и счастливый, он радовался своей сбывшейся мечте, не замечая страшных ран, которыми война изуродовала лицо города.

— Ничего, товарищ майор. Вот увидите, разобьем фашистов и построим новый Кишинев.

Освобождение Молдавии от фашистских захватчиков завершилось уничтожением окруженной группировки, зажатой в Кодрах. Никогда не изгладится в памяти митинг жителей села с представителями нашей дивизии у остова разбитого немцами памятника Григорию Ивановичу Котовскому. Слова попросил земляк легендарного героя товарищ Попеску:

— Спасибо вам, родные, — сказал он, — что возвратили нам настоящую человеческую жизнь. Спасибо, что избавили нас от угнетателей и их издевательств. Великому русскому народу спасибо!

В боях за Молдавию отличились многие бойцы и командиры. Среди них — командир батальона Герой Советского Союза майор Кутепов, старший лейтенант Моисеенко, младший лейтенант Наливайко, командиры отделений и расчетов Целенко, Середин, Карпенко, рядовые Вяликов, Асауленко, Хмелевой. Под Карпиненами рядовой Хмелевой подполз к вражеским окопам и строчил из автомата, пока не кончились патроны. Около двадцати фашистов выскочили из траншей, чтобы голыми руками взять смельчака. У нашего солдата оставалась «карманная артиллерия» — гранаты. И он выиграл поединок. А как важно было обеспечивать бесперебойную связь! Телефонистке Жигайловой не раз приходилось устранять порывы линии, бесменно дежурить у коммутатора. Заслуженно получила она орден Красной Звезды.

С рядовым Яковом Сапожниковым я встречался потом на Кюстринском плацдарме на Одере и в Берлине. Его наградили вторым орденом Славы; там мы и отпраздновали победу.

Уже после войны я получил письмо из Берлина. Написал его Федор Федорович Сивоконь. Какую радость доставил мне старый боевой друг! Он тоже вернулся в Кишинев. И теперь, встречаясь, мы вспоминаем живых и мертвых однополчан.

М. НОВАШЕВСКИЙ,
старший сержант запаса

«ПОМНИТЕ ЭТОТ ДЕНЬ»

Весна сорок четвертого.

После тяжелых боев под Уманью и Шполой, стремительно преследуя отступавшего врага и отбивая его яростные контратаки, 232-й полк 80-й гвардейской стрелковой дивизии в первых числах апреля вышел к Днестру в районе села Гармацкое. На противоположном берегу реки — старинное молдавское село Вашкауцы.

Под покровом ночи разведчики во главе с помощником начальника штаба полка Федором Татенко на рыбацкой лодке переправились на правый берег Днестра. Нужно было разведать село, выявить наличие противника, его огневые средства.

Ожидая их донесения, на берегу стояли командир полка полковник Маркелов, его заместитель подполковник Гомолко и командир первого батальона капитан Глазырин.

Тот, кто знал Маркелова и встречался с ним в повседневных делах, чувствовал в нем человека большой души и горячего сердца. Маркелов был не только взыскателен и требователен, но и по-отечески заботился о подчиненных. Лаконичный и не терпящий многословия, полковник резко обрывал того, у кого за потоком слов трудно было понять основную мысль. И вот сейчас, находясь на берегу Днестра, он вполголоса разговаривает со своим заместителем, подполковником Гомолко. Напряженно всматривается в темнеющий противоположный берег капитан Глазырин. Через несколько часов он переправит свой батальон на правый берег и поведет его по молдавской земле. Ему всего двадцать два, но за спиной — Сталинградская битва, форсирование Днепра, Корсунь-Шевчен-

ковское сражение. Недавно Глазырин стал коммунистом. Когда его принимали в партию, он взволнованно произнес:

— Не щадя жизни, выполняю любое задание партии!

И вот сейчас ему доверили первому из дивизии преодолеть со своим батальоном широкую водную преграду, овладеть плацдармом за Днестром.

Только в три часа ночи появился разведчик-связной, доложивший, что в селе немцев нет. Сразу же подразделения батальона начали переправляться на имеющихся лодках, плотах и других подручных средствах. Вот и правый берег. Безлюдное, словно вымершее, село встречает нас.

За селом батальон развернулся в боевой порядок. Достигнув большого леса западнее

Вашкауц, мы встретились с группой молдавских партизан. Короткая остановка, крепкие рукопожатия, братские объяснения. Они сообщили: только что разогнали конвой немцев, угонявших жителей, и освободили их.

Выйдя за село Березложь, наши подразделения нарвались на подготовленную оборону противника. Сильный артиллерийский огонь заставил залечь цепи бойцов. Из-за пригорка показался «фердинанд». Выпустив несколько снарядов, он скрылся. Батальон спешно окопался, так как наша артиллерия находилась еще за Днестром. В перестрелке прошел остаток ночи.

Как только забрезжил рассвет, на КП батальона появился подполковник Гомолко. Уточнив задачу, он приказал начать наступление.

В атаку поднялись наши цепи. Разрывом вражеской мины был ранен коммунист Глазырин. Острая боль в ноге и груди заставила его опуститься на землю. Попытка встать была безрезультатна, через шинель и сапог сочилась кровь. Ординарец Коля Блесткин уложил раненого капитана на плащ-палатку и под огнем оттащил его в ложбину. Последнее, что запомнил Глазырин в это весеннее утро, — непрекращающееся «ура», сильную артиллерийскую канонаду и полковника Маркелова, осадившего около него взмыленного коня:

Командир 1-го стрелкового батальона 232-го гвардейского стрелкового полка гвардии капитан Глазырин.

Командир 232-го гвардейского стрелкового полка гвардии полковник Маркелов.

— Ну, браток, держись! Мы отомстим за тебя!

Гвардейцы смяли противника. К концу дня батальон, командование которым принял на себя старший лейтенант Рябчиков, достиг берега разлившегося от весенних паводков Реута. Справа горел Оргеев. Облака дыма закрывали заходящее солнце. И когда оно опустилось за горизонт, красное зарево всю ночь полыхало над городом, который очищали от гитлеровцев воины сорок первой гвардейской дивизии.

Всю ночь саперы Николая Табакаева и Кирилла Ренёва изготовляли плоты.

Наутро гвардейцы двух рот форсировали реку. Первые сотни метров от берега бойцы прошли, не встречая сопротивления. Но вдруг ожила оборона врага, шквал огня ударил по атакующим. Справа и слева, отрезая пути отхода к реке, на полном ходу мчались бронетранспортеры и танки с эмблемой дивизии СС «Мертвая голова»...

После боев в районе Оргеева наша дивизия была переброшена на новое направление. Там, в долине реки Кула, уже несколько дней шли ожесточенные бои за овладение Бессарабской возвышенностью. Подразделения нашей части сменили уставших бойцов 204-го полка 69-й гвардейской стрелковой дивизии, но и они добиться успеха не смогли. Враг укрепился на выгодном рубеже, к тому же сказались наши потери на подступах к Днестру, а также отставание артиллерии и тылов в связи с весенней распутицей.

Наш полк, как и другие части дивизии, вынужден был перейти к обороне.

Большую помощь оказывали нам в те дни жители Гирова, Гиришен, Будей. Заботливые женские руки стирали солдатское белье, готовили пищу, ухаживали за ранеными.

В один из майских дней был тяжело ранен командир взвода ПТР гвардии лейтенант Георгий Копейкин. Состояние раненого не позволяло отправить его в тыл — даже в медсанбат. Георгия оставили в доме крестьянки села Гирова Марии Васильевны Цуврилэ. Как за родным сыном ухаживала эта женщина за раненым лейтенантом. Когда Георгий Тимофее-

вич ночами метался в бреду, Мария Васильевна не смыкала глаз, поправляла подушки, бегала в санроту за врачом. Но командир умер. Здесь же и похоронили его.

Крестьяне на каруцах, запряженных волами, подвозили из Рыбницы к передовой снаряды, патроны, продовольствие, военно-техническое имущество. В эти дни полк получил пополнение. В подразделение пришли люди, которые до этого находились на временно оккупированной территории. Они испытали на себе зверства фашистов, видели, как горела рыбацкая тюрьма с военнопленными и политзаключенными. И они горели желанием отомстить ненавистному врагу. Но их, пока еще не прошедших суровую школу войны, нужно было обучить, рассказать им о славных традициях полка.

Большую работу проводили в те дни политработники. Ежедневно в боевых порядках бывал замполит гвардии майор Тяжелыников. Скупой на слова, неторопливый и невозмутимо спокойный, он часто появлялся на переднем крае. Присядет, закурит и как бы невзначай спросит:

— А покажите-ка, хлопцы, ваш сегодняшний «Боевой листок»...

И если комсорг замнется и доложит, что пока еще не успели выпустить листок, майор сердитым голосом обязательно спросит:

— Да у вас что, одни малограмотные собрались, что ли? Ведь вас, дорогие мои, советская власть в школах учила, а вы «Боевой листок» выпустить не можете. Может, прислать к вам кого из другой роты?

Старый коммунист капитан Казаков был парторгом батальона. Часто его видели в боевом охранении у села Гирова, нередко он говорил молодым солдатам:

— Сегодня пойдете со мной.

И брал с собой молодого солдата, учил его нелегкому ратному труду. Учил презирать смерть и свято выполнять долг перед Родиной.

Душой полка был в те дни лейтенант Володя Якименко, комсорг полка. Он успевал повсюду — быть на передовой, доставлять литературу из политотдела дивизии, вести документацию и организовывать самодеятельность в тех подразделениях, которые выводились во второй эшелон полка.

Все лето сорок четвертого мы совершенствовали оборону. Превратили ее в настоящую укрепленную полосу с широко развитой сетью траншей, ходов сообщений, дзотов и блиндажей, а подступы к ней заминировали.

Почти каждую ночь проводились поиски наших разведчиков. Ребята «прошупывали» оборону врага, приводили «языков», уточняли места огневых точек противника, узлы его связи.

В начале августа полк был переведен на новый рубеж — в район сел Редены и Корнова. Здесь все говорило о том, что на протяжении лета противник тоже хорошо укрепился. Его передний край проходил вдоль склонов холмов севернее села Редены. Личный состав полка с нетерпением ожидал начала наступления.

И этот день наступил.

Активные действия наш полк начал утром 22 августа 1944 года. В ночь перед наступлением саперы проделали проходы в минных полях, а на рассвете гвардейцы, поддержанные огнем полковой и дивизионной артиллерии, атаковали врага.

После того как была прорвана вражеская оборона, началось стремительное преследование. Бросок вперед — и мы вышли навстречу соединениям 3-го Украинского фронта, сжимавшим кольцо окружения. Незабываемые встречи с населением освобожденных сел, в памяти — восторженные глаза стариков, радостные улыбки женщин, смех детей...

Утром 25 августа мы достигли большого села Лапушна. По шоссе, рассекавшему село на две части, торопливо уходила на запад (к Пруту) бесконечная лента вражеской пехоты, автомашин, повозок.

Взаимодействуя с соседними 217-м и 230-м полками, подразделения нашей части атаковали вражескую колонну. Решение командира полка было смелое и дерзкое — неожиданно выйти из лощин и оврагов наперерез противнику, расчленив его и уничтожить.

Это был наш последний бой на территории Молдавии.

На следующий день в лесном урочище во время привала принимали в комсомол отличившихся в этом бою молодых солдат. Комсорг Володя Якименко, поздравляя их, сказал:

— Помните этот день всегда. Помните имена своих товарищей, за смерть которых вы должны отомстить.

В Кишиневе, на площади Победы, высится триумфальная арка. Говорят, она была построена в честь русских чудо-богатырей, изгнавших турецких янычар из Молдавии. В колонны этой арки вмурованы мраморные плиты с текстом приказа Верховного Главнокомандующего, где золотыми буквами высечено и имя командира 80-й Гвардейской дивизии полковника Чижова.

С. БУРЛАКА,
рядовой запаса

В РАЗВЕДКЕ

Широкую степную долину, по которой петляет речонка Кула, кутает теплая ночь. Аспидно-черное небо усыпано крупными августовскими звездами. Скрытые ночной темнотой, я и старшина Зимин лежим в буйном разнотравье над глубоким руслом Кулы. Навевая сладкую дрему летней ночи, внизу под обрывистым берегом журчит вода. Оттого что долго и напряженно всматриваемся в густую темень, наши глаза устают и невольно смыкаются. В ушах стоит тягучий звон. Чтобы не уснуть, изредка толкаем друг друга, но это помогает мало. Тогда старшина тянется рукой к растущей надо мной высокой лебеде, легонько трясет ее, и мне на шею осыпаются студёные капли росы. От неожиданности я вздрагиваю. Липкий сон, готовый свалить усталого солдата, как рукой снимает. Я смахиваю впившегося в щеку комара, устраиваясь поудобнее и слушаю ночь.

В сотне метров от нас, у подножия гряды холмов, тянутся передовые траншеи противника. Оттуда стучит пулемет, и над нами, словно желтые шмели, проносятся трассирующие пули.

Пулемет умолкает, и слышится одинокий хлопок выстрела. В небо взвивается осветительная ракета. Шипя, она описывает дугу и заливают мертвенно-бледным светом провололочные заграждения, искореженные снарядами редкие вербы, густые заросли бурьяна. Ракета догорает, и до нашего слуха доносятся отдельные слова вражеского разговора, звон металла.

Из-за гряды лесистых холмов, занятых противником,

наплывает тяжелый гул. Он медленно приближается и заглушает все звуки. Высоко в небе проплывают самолеты. По мелодичному рокоту определяем: свои. Видно, летали бомбить тылы врага. Вся оборона немцев ощеривается стеной огня. В небо устремляется поток трассирующих пуль. Не обращая внимания на ружейно-пулеметный огонь, самолеты спокойно проходят над потревоженной обороной противника и скрываются где-то за нашими позициями.

С низовьев Кулы тянет предутренней свежестью. Над долиной медленно поднимается слоистая дымка тумана. С листьев лебеды и цикория скатываются капли росы. Где-то кричит перепелка, ей отвечает перепел. Над немецкой обороной гаснут последние осветительные ракеты. Становится светло. Наступает утро. Из-за орговских лесов выкатывается огромное солнце. Первые лучи оно бросает на оборону противника, ослепляя немецких наблюдателей. Это мне и Зимину на руку: не будут блестеть стекла наших биноклей. Из-за этих утренних часов и коротали мы с ним целую ночь под носом у врага.

Зимин долго смотрит в бинокль, а я разглядываю перед собой знакомое устье Волчьего оврага, и мне очень хочется, чтобы на этот раз нам сопутствовала удача.

Вот уже неделя, как дивизионные разведчики ищут в обороне противника слабое место, по которому можно скрытно пройти в тыл врага. Но это нелегко. После четырех месяцев стабильной обороны фашисты укрепили свои позиции проволочными заграждениями, минными полями, установили сигнализацию, пристреляли каждый метр ничейной земли. Куда ни сунешься, везде тебя ждет ненасытная смерть.

Под вечер я возвращался из расположения нашего саперного батальона на НП стрелковой роты. По дороге мне встретился старшина Зимин с разведчиками.

— Здорово, ребята! — как можно веселее сказал я.

— А-а, сапер, привет! — нехотя ответил ефрейтор Бабенко.

— Чего это вы? Убили кого из ваших?

— Да нет, не убили, — ответил тот же ефрейтор.

— Так в чем же дело? Почему старых друзей не признаете?

— Не шуми. Садись-ка ты лучше да покури с нами, — произнес старшина.

Удивленный такой встречей, я поставил на траву котелок с ужином для наблюдателя Седика и присел рядом. Зимин протянул мне папиросу, подождал, пока я прикурю, и продолжал:

— В общем, дело такое. Нужна скрытая лазейка к фрицам.

— В тыл, что ли?

— Примерно.

— А поточнее?

— Ладно, в тыл. Пять ночей не спим. Облазили все известные нам места, и везде от ворот поворот.

— В Волчьем овраге были?

— Нет, а что? — вскинул на меня свои голубые глаза Зимин. Его спутники тоже заинтересованно повернулись ко мне.

Я рассказал разведчикам о своих предположениях относительно Волчьего оврага и добавил:

— Думаю, что это то, что вам надобно. Но нужна проверка. Без нее за успех не ручаюсь.

— Ты когда там был?

— Позавчера. Минные поля разведывали.

— Пойдешь с нами, — как о чем-то уже решенном, сказал Зимин.

— Как начальство прикажет.

Начальство, конечно, приказало командиру 122-го отдельного саперного батальона майору Шульману немедленно откомандировать сапера-разведчика Бурлаку в распоряжение командира взвода дивизионных разведчиков старшины Зимина. К таким распоряжениям мы давно привыкли. Нам, саперам, часто приходилось делать для разведчиков проходы в минных полях противника, бывать в группах прикрытия, а иногда наравне с ними вступать в схватки с врагом. Сегодня мы проверяем правильность моего предположения.

Старшина медленно поворачивается ко мне и весело шепчет:

— Порядок, — и протягивает бинокль.

Я навожу бинокль на глубокий овраг, в котором еще прячется прохладный сумрак. С обеих сторон к оврагу подходят проволочные заграждения. К ним подвешены пустые консервные банки, бутылки, патронные гильзы. Стоит дотронуться до проволоки, как пойдет перезвон. Это нам давно знакомо и сейчас не интересует.

Я всматриваюсь в то место, у которого оканчиваются заграждения. Там овраг перекрыт колючими ежами. Перевожу бинокль на дно и начинаю понимать, почему так весело Зимин прошептал слово «порядок». Мое предположение сбылось. Летние ливни углубили дно, и теперь под растопыренными ежами можно свободно проползти. Но неужели немцы не замечают этого? Я немного приподнимаю бинокль, и в окуляры попадает дощатый мостик, перекинутый через овраг. Он скрывает вымоину. Днем, при переходе через него, фашистам некогда рассматривать состояние ежей, а ночью проход под ними не виден. Потихоньку перевожу бинокль и начинаю исследовать овраг за немецкими траншеями. Постепенно мелея, он тянется через крестьянский виноградник, делает небольшой изгиб и выходит в запущенный сад.

А дальше, скрытый рослыми деревьями, становится виден только за садом. Начало оврага теряется где-то в отрогах кодр, перемахнувших через гребень холма на эту сторону.

Я опускаю бинокль, вытираю глаза и начинаю все сначала. Только теперь меня интересуют приовражные берега. По правую руку от меня, повторяя все изгибы Волчьего оврага, прячется в траве хорошо найденная тропа. Видно, ночами немцы по ней носят на передовую боеприпасы, еду, ходят в тылы. На левой стороне замечаю дот. От него расходятся заросшие бурьяном и поэтому еле приметные запасные линии траншей и хода сообщений. Все увиденное запоминаю на всякий случай. Передаю бинокль старшине. Зимин подносит его к глазам и снова изучает Волчий овраг.

Тем временем солнце поднимается все выше, его лучи начинают бить прямо в глаза, и вести наблюдение становится опасно. Блеск стекол может нас выдать. Старшина прячет бинокль и задумывается.

Лежать неподвижно в бурьяне становится невмоготу. Давно расстегнут ворот, ослаблен ремень, а по лицу пот градом катится. Сейчас бы выкупаться в озере, освежиться, но приходится лежать, терпеть.

В полдень в верховьях Кулы загромыhalo, по земле пока- тилась дрожь. Подумали, что бомбежка. Ан нет! Через некоторое время налетел порывистый ветер. Зашумели вербы, закачались заросли бурьяна. Исчезли комары. Видно, там бушевала гроза. Старшина подмигнул мне:

— Рискнем?

— Давай.

Я сую за пазуху гранаты, беру автомат и осторожно отползаю по проделанному нами в высоком бурьяне коридору. Используя порывы ветра, качающего верхушки разнотравья, я рывками удаляюсь от места нашей засады. Нестерпимо мучит жажда. В носу становится до того щекотно, что, кажется, чихнул бы на всю долину. Но приходится пересиливать и жажду и готовый сорваться чих и ползти дальше.

Под вывороченной снарядом вербой нас ждут разведчики из группы прикрытия.

— А где старшина? — читаю в их глазах немой вопрос.

— Позади, — показываю рукой и скатываюсь в воронку.

Вскоре появляется Зимин. Он смахивает ладонью с иску- санного комарами лица обильный пот, часто дышит. Маск- халат на нем весь в овечьем репейнике и трухе. Сержант Батуев протягивает ему солдатскую флягу.

Здесь мы в относительной безопасности. Не будь с нами старшины, мы бы, наверное, и перекур себе разрешили. Над нейтральной зоной стоит тишина. Ни наши, ни немцы не на- рушают ее спокойствия винтовочными выстрелами и пуле-

метными очередями. Обе стороны «отдыхают». Далекие пере- каты становятся глуше. Гроза прошла стороной, подарив дыхание ветра, которое помогло нам незаметно выбраться из-под носа фашистов. И за то спасибо.

Зимин оглядывает каждого из нас и приказывает шепотом отходить по старой межевой канаве, идущей наискосок скло- на к нашим траншеям. Один за другим вползаем в канаву и медленно продвигаемся к своим.

С того памятного дня, когда мы с Зиминым уточнили место перехода вражеской обороны по Волчьему оврагу, по- шли третьи сутки. Ни там, на нейтральной полосе, ни потом, в расположении разведроты, ни даже после того, как наш отряд, готовый к переброске, ждал в первых траншеях под- ходящей минуты, я не надеялся оказаться в немецком тылу.

Старшему сержанту Воронову, мне и саперу Седиду было приказано сопровождать разведчиков только до оврага. Там обождать, пока они преодолеют укрепленную полосу, и, убе- дившись в благополучном исходе операции, вернуться назад. На случай, если враг обнаружит наших ребят, мы должны были совместно с группой прикрытия поддержать их огнем. Но еще у наших траншей один из приданных разведчикам саперов, Федя Дудник, был убит шальной пулей. Зимин на ходу попросил Воронова заменить вышедшего из строя. При этом он выразил пожелание, чтобы заменил его я. Старший сержант согласился и передал мне вещмешок убитого.

Волчий овраг встретил нас таинственной темнотой, нервно вздрагивающей при вспышках осветительных ракет. Мне и саперу Закирову приказано двигаться первыми. Маленький Закиров прополз под ежами, словно вьюн. Следом за ним пролез и я. Тяжелый вещмешок пришлось зацепить лямками за ноги и тянуть за собой. Ежи остались позади. Мы бес- шумно проскользнули под мостиком, осмотрелись и поползли дальше. За нами один за другим двигались разведчики. Ста- новилось жарко. То и дело приходилось останавливаться, отдыхать несколько минут, прислушиваясь к обманчивому спокойствию, и снова продолжать движение.

На изгибе путь преградил высокий выступ. Я подсадил Закирова, он подал мне руку, и через минуту я уже помогал подниматься старшине. Закиров тем временем вел наблюде- ние со стороны гребня холма, и на фоне звездного неба он заметил силуэты вражеских солдат. Они шли приовражной тропой в нашу сторону. Отряд замер. Шаги все ближе. Вот они уже рядом с нами. Нервы напряжены до предела, мы готовы в любую секунду пустить в дело оружие. Проходит несколько томительных минут ожидания, и мы облегченно вздыхаем: пронесло.

Но радоваться еще рано. В заброшенном саду обнаруживаем минометную батарею. Насколько мне известно, о существовании ее у нас не знают. Овраг здесь намного мельче, но под деревьями темнее, чем в степи. Это нас выручает. Мы ждем и, как только часовые отходят немного в сторону, быстро проскакиваем опасное место. Проходит еще час, и мы почти на вершине холма. Вдруг неподалеку слышится громкий разговор, смех. Отряд залегает. Но лежать нет времени. Необходимо что-то предпринять. Мы с Закировым отползаем в стороны. Я натыкаюсь в темноте на бруствер траншеи и докладываю старшине. Он возвращает Закирова, и через минуту мы уже в траншее, которая тянется вдоль гребня холма. По нашему предположению — это запасная позиция вражеской обороны.

За очередным изгибом сворачиваем и по ходу сообщения переваливаем через гребень. Прямо перед нами темнеет стена леса. С левой стороны то ли мелколесье, то ли вырубка. Мы останавливаемся в раздумье. Приближается старшина и указывает новое направление. Мы выбираемся из хода сообщения наверх и, пригибаясь, спешим укрыться в кустарнике. Двухлетняя рубка круто спускается под уклон. Идти становится легче, но мы находимся в самом логове врага. Приходится глядеть в оба. Со всех сторон чуткое ночное эхо леса доносит до нашего слуха говор вражеских солдат, голоса возниц, понукающих лошадей, рокот автомашин, раскатистые звуки редких артиллерийских выстрелов. Ноздри щекочет аппетитный запах варена — где-то рядом находится кухня.

Меня и Закирова сменяют сержант Батуев и рядовой Назаренко. Они, словно ночные призраки, проходят вперед, поочередно возвращаются и шепчут старшине на ухо о всем замеченном и снова исчезают в темноте.

Глубокая балка, в которую мы спустились, обдаёт нас сырою прохладой. По ее дну струится лесной ручеек. Все опускается на колени, жадно утоляют жажду и поднимаются по склону противоположного холма.

Когда мы всходим на его округлую макушку, небо на востоке начинает сереть. Утомленные переходом и нервным перенапряжением, мы забираемся в густые заросли терна и валяемся на траву.

Я лежу с закрытыми глазами рядом с Закировым и слушаю, как просыпаются молдавские кодры. Недалеко от нас весело тенькает стайка синиц. Навеявая тихую грусть, воркуют лесные голуби. Попискивает дятел, обстукивая вершину сухостоя. Где-то далеко трещат сороки. Ветер покачивает вершины могучих дубов. Монотонный шум листвы убаюкивает. Надо мной склоняется старшина Зимин.

— Вставай, сапер.

Через несколько минут он приводит меня и разведчика Назаренко к старому боярышнику.

— Идите, ребята, отдыхать, — обращается он к сержанту Батуеву и солдату Новожилову, лежавшим под разлапы ветками дерева. И когда они уходят, Зимин ставит перед нами задачу вести круговое наблюдение, ни на секунду не забывая, где мы находимся, обо всем подозрительном немедленно докладывать ему. Самим ничего не предпринимать. Последнее касается Назаренко. Отдыхать отряд будет по очереди.

Так я оказался в немецком тылу. Весь день мы вели наблюдение и по очереди отдыхали.

На востоке занимался рассвет памятного всем нам 20 августа 1944 года. Укрепленная полоса немцев вздрогнула и затрещала под мощными артиллерийскими и бомбовыми ударами советских войск. Над молдавскими кодрами вставало утро освобождения от фашистских захватчиков.

Наступила пора и для нашего диверсионно-разведывательного отряда. Старшина разбил отряд на две группы. Под свое начало он взял разведчиков Назаренко, Бабенко, Новожилова, Завьялова и меня, сапера. Мы ускоренным шагом направились в сторону лесной дороги.

В кодрах стоял сплошной гул. Надрывно рвались снаряды наших дальнбойных орудий, громыхали ответные залпы немецких гаубиц. Между холмами раскатывалось, не умолкая, плотное лесное эхо. Я увидел телефонный кабель. Перерезал его финкой и побежал вдоль линии за разведчиками. Через сотню метров Бабенко снова перерезал кабель и этот кусок забросил в кусты.

После этого мы быстро миновали лощину и поднялись к вершине холма. Шагавший впереди Зимин подал знак: вижу противника. Мы залегли за стволами деревьев, осмотрелись и поползли к старшине. Перед нами на поляне целился в небо зенитный пулемет, вокруг него стояла наготове встревоженная прислуга. Разведчики смотрели на старшину и ждали сигнала, чтобы дружно броситься на врага, но нас опередил Назаренко. Используя гром близкого разрыва, он несколькими меткими очередями расстрелял пулеметный расчет и снял с дерева наблюдателя за воздухом. Старшина погрозил ему кулаком за своеволие и вместе с нами выскочил на поляну, за которой под высоким обрывом проходила дорога. Группа быстро рассредоточилась, повела наблюдение. С севера все ближе громыхала канонада. Лесное эхо троекратно повторяло далекий перестук наших станковых пулеметов. Старшина подозревал меня.

— Ну, сапер, теперь за тобой дело. Минируй дорогу, мы прикроем.

— Нет, старшина.

— Что нет? — нахмурил белесые брови Зимин.

— Мои мины здесь ничего не помогут, — и я показал на вновь хлынувший с горы поток отступавших немцев и румын. — Лучше сделать завал.

— Так не стой, делай, черт тебя побери!

Я выхватил из вещмешка готовые толовые заряды, быстро привязал их к стволам растущих над обрывом деревьев, соединил детонирующим шнуром, вставил зажигательную трубку в отверстие в толовой шашке в последнем заряде и показал старшине рукой, что у меня все готово. Зимин с разведчиками отбежали назад, я зажег бикфордов шнур и укрылся за комлем толстого граба.

Резкий взрыв потряс воздух. Могучие деревья, как бы нехотя поднялись и, помедлив минуту, рухнули на дорогу. Мы подбежали к обрыву, грянули что есть мочи «ура» и забросали налетевшую на завал машину гранатами и пустили в дело автоматы. Ошарашенные внезапным взрывом и частыми очередями, солдаты противника заметались. Когда же Назаренко застрочил из захваченного зенитного пулемета, паника среди отступающих еще больше возросла. Не дав фашистам опомниться, мы так же быстро скрылись.

В глухой лесной чащобе Зимин и Бабенко бросают мне, Завьялову и Новожилову пустые автоматные диски, забирают у нас запасные и уходят на разведку. Назаренко, догнавший нас в ложине, садится поодаль и зорко поглядывает по сторонам. В кодрах стоит сплошной гул. Низко проносятся «илы». Впереди кто-то бьет короткими очередями. Видно, группа Батыева выполняет свою задачу.

Завьялов вынимает из вещевого мешка пачку автоматных патронов, вскрывает ее, и мы начинаем заряжать диски. При этом разведчик не забывает напомнить:

— Ты смотри, сапер, не набивай диск полностью. Лучше недозарядить несколько патронов, чем набить до отказа. Недозаряженный диск никогда не откажет.

— Знаю. Слышал уже не раз.

— То, что ты слышал и знаешь, хорошо. Но делай, как тебе велят, — тоном, не терпящим возражения, говорит разведчик. Новожилов прислушивается и улыбается.

И я делаю. Один за другим заряжаю диски товарищей, потом дополняю свой, израсходованный наполовину, и собираюсь закурить. Но не успеваю вынуть кисет, как перед нами, словно из-под земли, появляются Зимин и Бабенко.

— Приготовили? — тяжело дыша, спрашивает старшина.

— Порядок.

— Тогда пошли.

Мы вскакиваем на ноги, но старшина некоторое время медлит. Он еще не отдышался как следует и не может спокойно говорить. Из его обрывистого, как слова команды, объяснения перед нами вырисовывается следующая картина: у подножия возвышенности расположен какой-то штаб. Он вот-вот может сняться — нужно спугнуть фрицев.

Мы приближаемся к штабу, когда немцы уже покидают свое расположение. Груженные машины одна за другой вытягиваются по лесной просеке и скрываются за поворотом на дороге. Немецкие связисты встревоженно прислушиваются к отзвукам боя. Офицер, стоя у раскрытой дверцы, поторапливает их. Моторы машин работают на малых оборотах.

Старшина Зимин взмахивает рукой, и в штабистов летят шесть наших гранат. Не успевают они взорваться, как мы кричим «ура» и начинаем поливать врага свинцовым ливнем. Машины срываются с места. Вслед им стучит автоматная очередь. Одна из них загорается. Из кузова выскакивают немцы и спешат укрыться в лесу. Некоторым это удается. Остальные, прошитые пулями, остаются на месте. Наши автоматы умолкают, и над бывшим расположением штаба воцаряется тревожная тишина. Мы осторожно осматриваем место боя. Тут и там валяются трупы немецких солдат. Висят оборванные провода. В стороне догорает машина. Я перезаряжаю автомат. Вдруг Зимин прикладывает палец к губам: тихо! Мы замираем и прислушиваемся. Впереди зуммерит телефон. Новожилов метнулся к штабной землянке, дал по зиявшему чернотой входу очередь и скрылся внутри.

И снова мы в пути. Движемся параллельно дороге, по которой отходит противник. У лесного родника Зимин останавливает группу и сверяется по карте. Пьем студеную воду, дозаряжаем израсходованные диски.

— Ну, орлы, — обращается к нам старшина, — мост на дороге во что бы то ни стало должен остаться целым. Если дадим фрицам уничтожить его, то грош нам цена в базарный день.

Мы хорошо понимаем старшину и поэтому, забывая об усталости, ускоренным шагом приближаемся к месту назначения.

Деревянный мост перекинут через глубокое русло лесного ручья. Под ним уже возятся минеры. Одни подносят взрывчатку, другие привязывают к дубовым сваям заряды. За мостом стоит заведенная машина. Шофер нетерпеливо поглядывает на мост. Ему, видно, очень хочется, чтобы подрывники быстрее сделали свое черное дело. Но по мосту еще проносятся отдельные подводы и автомашины, спешат запленные солдаты.

Минеры закончили установку зарядов, вылезли из-под моста, поговорили о чем-то между собой и направились к машине. На месте остался только один из них. Он поднес к глазам бинокль и стал смотреть на пустеющую дорогу.

Я показываю старшине на него и говорю:

— Этот будет поджигать шнур.

— Ясно, — кивает головой Зимин.

— Назаренко, смотри за ним. Новожилов, уберешь шофера, а мы остальных.

Разведчику Назаренко старшина всегда поручает самое главное. У того с оккупантами свои счеты. Его родное село на Украине фашисты сожгли дотла. Отца за помощь партизанам повесили, мать с маленьким братишкой бросили в колодец, сестру угнали в рабство.

Наконец по мосту промчалась противотанковая батарея, и ждавший, видно, ее подрывник метнулся туда. Застрочили наши автоматы. Вражеский минер взмахнул руками и рухнул в ручей. Сидевший в машине шофер уронил голову на баранку. Из кузова никто не успел выпрыгнуть.

Разведчики выбежали на дорогу, кинулись к машине, а я спустился под мост, вынул из зарядов капсули-детонаторы, сбросил в ручей взрывчатку и выбрался на обочину.

И. НЕНАХОВ,
подполковник запаса

О СЛУЖБЕ ПОГРАНИЧНОЙ

В пути. 26 марта 1944 года войска Красной Армии вышли на Государственную границу СССР с Румынией по реке Прут на фронте протяжением 85 километров. В это время в южных городах нашей страны формировались пограничные части для охраны западных границ.

Вот уже больше трех недель наш эшелон находится в пути. Паровоз медленно тащит небольшой состав к глухому полустанку. По обеим сторонам дороги тянется лес. Вдруг эшелон остановился. По цепочке вагонов передается команда начальника эшелона: выделить по пять человек от каждого вагона для подноса дров к паровозу, остальным на десять минут можно выйти из теплушек. Такие «передышки» устраивались каждый раз, когда нужно было пополнить паровоз топливом.

Все выпрыгнули из вагонов. Солдаты, попавшие в пятерки, под командой офицера побежали к штабелям дров, сложенным у дороги. Остальные разбрелись по лесу. Мы с парторгом комендатуры Михайлом Мараниным вышли из вагона и направились в глубь леса.

Солнце уже поднялось, и лес, озаренный его лучами, сбросил с себя ночную угрюмость, посветлел. Широко раскинув свои кроны, деревья словно приглашали нас в свои объятия.

По траве прыгали дрожащие легкие тени, муравьи начали свой трудовой день. Отовсюду доносилось разноголосое пенье птиц. В лесу было так тихо и мирно, как будто война его совершенно не коснулась. Но так казалось только на первый взгляд. Не пройдя и десяти шагов, мы увидели ее первые следы. Тут и там лежали молодые дубки и елочки, срублен-

ные одним ударом топора, валялись корни, выдранные вместе с толстыми пластами земли. Кусты вдоль дороги частью вырублены, частью изломаны и примяты. Узкие щели уже стали осыпаться. Даже муравьев не пощадила война. Весь их общественный дом разметало в стороны, а «транспортные» магистрали завалены сучьями и землей. Мы постояли минут пять и пошли к своему вагону. Подали сигнал сбора. И как муравьи, с обеих сторон дороги полезли к вагонам люди. Паровоз хрипло загудел и тихонько тронул вагоны с места.

К вечеру прибыли на станцию Слободка. Всюду виднелись разбитые дома, пепел пожаров, одиноко маячащие трубы. Воронки, воронки... Они виднелись везде: и на улицах, и во дворах, и на железнодорожной станции. А возле них перевернутые автомашины, расщепленные телеграфные столбы с обрывками скрутившихся проводов, рваные изогнутые рельсы, обгоревшие вагоны и цистерны, вывернутые с корнем деревья. А вокзал... От него остались только груды камней.

Прибывший для встречи офицер поторапливал нас с выгрузкой, передал, что до темноты необходимо уйти от станции, а то немецкие стервятники каждую ночь прилетают в гости. Пока мы разгружались, он рассказал любопытную историю.

Когда на станцию стали прибывать наши эшелоны, то ночью во время налетов немецких самолетов лазутчики стали подавать ракеты для наводки их на бомбометание.

Чтобы выследить наводчика, подающего ракеты, организовали секреты. Но в первые дни обнаружить никого не удалось.

Однажды до наступления темноты вокруг станции Слободка были выставлены наряды. Один из нарядов располагался у лесопосадки, несколько удаленной от станции. В его задачу входило при налете немецкой авиации давать ракеты в противоположную от станции сторону.

Замысел удался. Как только стемнело, послышались звуки самолетов. Наряд у посадки стал давать ракеты различных цветов. Самолеты долго ждать себя не заставили: развернулись, и бомбы посыпались на пустырь. В это время над станцией взвились одна за другой три ракеты разного цвета. Располагавшиеся поблизости наряды устремились туда.

К удивлению пограничников, на месте, откуда подавались ракеты, стояла одинокая лет тридцати женщина. Ее задержали. При внешнем осмотре у нее ничего подозрительного не оказалось. Ватная куртка, ботинки, в руках небольшая дамская сумка с продуктами питания. Ей предложили следовать с нарядом.

В пути женщина стала просить пограничников, чтобы ее отпустили, что она возвращается домой в село, но при налете

авиации, испугавшись бомбежки, убежала со станции. Когда уговоры на пограничников не подействовали, она стала предлагать двадцать пять тысяч рублей.

Но пограничники ответили, что они не продаются. Неизвестную доставили к офицеру.

При обыске оказалось: за подкладкой ватной куртки пришито несколько карманов, в которых находились ракетница, набор разных ракет и большая сумма советских и румынских денег...

С наступлением темноты мы уже были в селе и устраивались на ночлег. Гостеприимные молдаванки угощали нас свежим вечерним молоком.

Впереди граница. В мае и июне 1944 года на станцию Слободка прибывали части пограничных войск для выхода в последующем на охрану Государственной границы на территории Молдавии.

По прибытии пограничные отряды пополнялись личным составом за счет частей внутренних войск. Этот личный состав никогда не служил на границе, но зато это были обстрелянные солдаты-фронтовики.

Подразделения в основном были расквартированы в окрестных населенных пунктах, размещались на квартирах у колхозников, в зданиях школ и других свободных помещениях.

Устроившись, как говорили тогда, с «комфортом», принялись за усиленную боевую и политическую учебу. Главное внимание уделялось подготовке к пограничной службе. Занятия проводились практически на местности днем и ночью, на учебной границе, которая выбиралась с таким расчетом, чтобы по условиям в какой-то мере походила на границу по реке Прут.

Обучали и ведению боевых действий с гитлеровскими захватчиками с учетом опыта войны. В пограничных отрядах готовили снайперские команды, которые в последующем проходили боевую стажировку в частях Красной Армии на фронте. Каждый снайпер во время стажировки уничтожил от 5 до 15 солдат, офицеров противника.

Наиболее отличившиеся из них, как-то: лейтенант Юсим, старший лейтенант Кириченко, сержанты Савченко, Гвиченко и другие награждены орденами и медалями Советского Союза. Снайперы только одной части за короткое время стажировки уничтожили до 300 гитлеровских захватчиков.

Перед Ясско-Кишиневской операцией пограничные части проводили мероприятия по очистке тылов действующей армии от разведчиков противника, преступного элемента и изъятию оружия, оставшегося у местного населения.

В начале августа командирам пограничных частей были

вручены карты с указанием постоянных мест дислокации и участков, которые они должны были принять под охрану.

Недели через две частям были вручены Боевые Красные Знамена.

23 августа 1944 года во время Ясско-Кишиневской операции одни пограничные отряды двинулись за частями Красной Армии к границе, другие получили новые задачи.

По маршрутам следования пограничные части проводили так называемые пограничные операции по ликвидации мелких групп и подразделений недобитых в Ясско-Кишиневской операции немецких войск.

Н-ский пограничный отряд успешно провел такую операцию в районе Бендер, уничтожив и захватив несколько десятков фашистов. Его передовой отряд под командованием майора Дудкина участвовал во взятии одного из пограничных городов, где уничтожено 75 и взято в плен 925 гитлеровских солдат и офицеров.

Не менее успешно действовали пограничники и на других участках. Например, одно из подразделений И. Ф. Кольги под командованием замполитрука Иванова проводило проческу местности, вылавливая мелкие группы и одиночек, разбежавшихся по лесам и оврагам гитлеровских войск. За Котовском в лесу у села Каракуй разведдозор натолкнулся на охранение, завязалась перестрелка.

Развернувшись в боевой порядок, подразделение стремительной атакой сбilo охранение и овладело землянками, в которых размещался штаб немецкого пехотного полка.

До 20 оставшихся в живых солдат и офицеров были взяты в плен. Трофеи оказались невелики: несколько десятков автоматов, штабные документы, знамя части, два вола и до полсотни баранов и ящик с немецкими крестами, присланный Гитлером, видимо, для поддержания духа.

В первой декаде сентября 1944 года пограничники приступили к охране священных рубежей нашей Родины.

В ознаменование дня выхода на охрану границы в парке Н-ского погранотряда сержант Дьяков построил памятник в виде пограничного столба, а командир отряда полковник В. П. Ашахманов в одну из стен штаба замуровал памятную записку.

В первый месяц охрана границы была своеобразной и сложной. Одиночки, мелкие группы, а то и целые подразделения разгромленных под Кишиневом немецких войск шли к границе, намереваясь как можно скорее убраться с нашей земли. При встречах с пограничниками, как правило, вступали в бой, пытаясь любой ценой прорваться за границу. Пограничники в наряды ходили чаще всего отделениями, а иногда целиком заставой.

Только за месяц один из пограничных отрядов на различных участках задержал и отправил на сборный пункт около 800 военнопленных, несколько сот было убито при столкновении.

В первый период особой бдительностью и умением бить врага отличились парторг старшина заставы Русаков, пограничники коммунисты Сериков, Маликов, Султанов, Худайбердиев, Джамашвили и другие.

Постепенно охрана границы входила в обычное русло. Офицерский состав осваивался с особенностями участков, а солдаты и сержанты приобретали опыт бдительной охраны границы и ведения борьбы с бандитами.

Большую работу провели тылы частей по восстановлению, а то и строительству новых жилых и служебных помещений.

К зиме 1945 года обстановка в основном стабилизировалась, однако на некоторых участках она продолжала оставаться напряженной. Часто пытались перейти границу лица, ранее работавшие на немцев, полицаи, старосты и другие фашистские ставленники.

2 мая 1945 года радостная весть облетела все пограничные заставы Молдавии. Пал Берлин. Над рейхстагом взвилось Красное знамя страны Советов — Знамя победы. Настроение у всех по-весеннему радостное. И вот 9 мая. Победа! Война окончена!

Трубачи ансамбля Н-ского отряда, находившегося на одной из застав, 9 мая в 22 часа сыграли символический отбой, обозначающий прекращение огня. Личный состав отряда исполнил Гимн Советского Союза, и все подразделения и пограничные наряды по распоряжению полковника Ашахманова дали салют Победы.

На другой день на всех заставах при участии местного населения были проведены митинги. Все праздновали День победы.

Сколько было радости! Сколько добрых слов сказано в адрес Красной Армии, русского народа!

Смурыгин на льдине. Начальник заставы неторопливо, обдумывая каждое слово, отдавал приказ на охрану государственной границы. Перед ним стоял наряд, возглавляемый ефрейтором Смурыгиным.

— Повторяю, — сказал офицер, — основная ваша задача — охрана ведущей к реке ложины. Понятно, товарищи пограничники?

— Так точно, понятно! — ответили хором воины.

— Хорошо. Учтите: эта ложина — весьма вероятное направление движения нарушителей...

Дежурный по заставе, провожая наряд, заметил:

— Смотрите, вам даже луна подсвечивает.

— Да, видимость определенно хорошая, — отозвался тихим баском Смурьгин.

Было в самом деле светло, почти как днем. Домик заставы, просторный широкий двор, обнесенный плетеным лозниковым забором, вышка во дворе, проселочная дорога, поросшие кустарником холмы с пятнами снега, — все обито ровным голубоватым светом.

— Чем лучше видимость, тем тщательнее необходимо маскироваться, — напутствовал дежурный. — Желаю успеха, ни пуха ни пера!..

Наряд, обойдя свой участок, вернулся к ложине. Лощина соединяла населенный пункт с рекой и у берега густо заросла лозой. Наряд спустился в ложину и, ничего не обнаружив, притаился за кучей хвороста. Обзор отсюда отличный. Тихо, безветренно. Пахнет прошлогодними листьями.

Весна 1946 года только началась; дни теплые, солнечные, со звоном ручьев и пеньем птиц, а по ночам еще крепко подмораживало.

Смурьгин, поживаясь, посмотрел на восток, где занималась заря. До смены оставалось немного. Промерз он основательно.

Ночь, как и предыдущие, прошла спокойно. По реке, тихо потрескивая, двигался лед к водам голубого Дуная.

Вдруг треск послышался более сильный.

Смурьгин насторожился и шепотом спросил товарища:

— Ничего не слышал?

— Никак нет, товарищ ефрейтор.

Треск повторился.

— Вот теперь слышу, лед трещит.

— За мной на берег! — скомандовал ефрейтор и, согнувшись, быстро побежал кустарником к берегу Прута. Выйдя к реке, ефрейтор Смурьгин в ста метрах от себя увидел двух человек, отталкивающих от нашего берега лодку. Нарушители?

Смурьгин прибавил шаг.

— Вперед на сближение! Возьмем живыми! Ты, Миша, их на мушку, но стрелять только по моей команде, а я их причаю, — продолжал он отдавать на ходу команду.

Лодка с нарушителями уже отплыла, но лед мешал ей двигаться быстро, течение то и дело прибывало ее к нашему берегу.

— Стой, назад! — крикнул Смурьгин, но нарушители продолжали грести и не обращали внимания на наряд. Не остановила их и предупредительная автоматная очередь Смурьгина. Они только поспешней стали толкать лодку к румын-

скому берегу. До границы оставалось несколько метров, раздумывать некогда.

— Живыми так живыми, — сказал Смурьгин и, сбросив шинель, сапоги, вскочил на льдину плывущую по реке.

Прыгая с льдины на льдину, Смурьгин приближался к лодке. Несколько раз он срывался в ледяную воду, снова выбирался на очередную льдину и продолжал двигаться. Вот и лодка. Смурьгин навел автомат на гребца и заставил нарушителей повернуть лодку к нашему берегу.

На заставе отличившихся поздравлял весь личный состав, а начальник заставы, пожав руку Смурьгину, сообщил, что ему за мужество и находчивость командир части присвоил звание младшего сержанта.

Кто-то заметил:

— Зачем было лезть в ледяную воду. Дал по ним очередь из автомата, и делу конец, а то чего доброго и утонуть недолго.

Услышав это, Смурьгин ответил:

— Дать очередь не мудрено. Труднее задержать нарушителей живыми.

Ликвидация банды. Стояла осень. Из темно-серых низких туч круглые сутки лил мелкий надоедливый дождь. С холмов бежали ручьи. Они с каждым днем становились все обильнее и шумнее. Мутная, по-осеннему холодная вода собиралась в оврагах, широким бурным потоком устремлялась к реке. Таких оврагов на участке заставы было немало.

В тылу заставы органами госбезопасности совместно с пограничниками проводились мероприятия по ликвидации банд. Бандиты заняли лесные землянки, построенные еще немцами, и терроризировали население, убивали активистов в селах, грабили магазины, поджигали административные здания и дома активистов.

Одно такое логово наша разведка нащупала. Его окружили солдаты резервного подразделения. Однако бандиты обнаружили, что их окружают, дали несколько автоматных очередей и ушли через подземный ход, о существовании которого пограничники не знали.

В связи с этим охрана границы была усилена.

На рассвете вдоль вспаханной полосы двигался офицерский наряд, возглавляемый заместителем начальника заставы лейтенантом Лосяковым. Офицер двигался впереди, за ним Смурьгин. Наряд, ничего не подозревая, шел своим традиционным шагом, наблюдая и прослушивая.

Тем временем четыре бандита, вырвавшись из окруженного бункера, пытались прорваться за кордон. Они шли оврагом по мутной воде, чтобы не оставлять следов. Часто оста-

навливаясь, убедившись, что никого поблизости нет, двинулись дальше.

Бандиты заметили офицера. Расположившись у тропы в кустарнике, стали ждать, когда он поравняется с ними. Бандиты, видимо, надеялись поодиночке расправиться с нарядом.

Вдруг из кустов на офицера навалились четыре вооруженных бандита, стали его душить.

Смурыгин бросился на помощь лейтенанту, ударом приклада свалил одного бандита, остальные отпрыгнули в кусты, отстреливаясь бросились к реке. Смурыгин выстрелил им вдогонку и побежал следом. Бандиты скрылись в лозняке и лишь иногда серой тенью мелькали между мелкой лозой. Перебегая от бугорка к бугорку, отстреливаясь, они старались как можно скорее оторваться от наряда. Но младший сержант Смурыгин, переходя от укрытия к укрытию, стрелял на ходу, неуклонно следовал за ними.

Сколько прошло времени? Полчаса, час? Смурыгин не мог определить. Он помнил твердо одно: сменил уже второй магазин. От непрерывного бега, от резкого треска выстрелов, от волнения пограничник сильно устал. Во рту пересохло, свинцовой тяжестью наливались ноги. Но Смурыгин, чертыхаясь, все бежал и бежал.

Вот и берег реки. Раздался выстрел, и пуля просвистела у самого уха. В двадцати шагах в стороне от пограничника стоял саженого роста бандит и целился в Смурыгина.

Очередь, и верзила повалился на землю как подкошенный. Второй бандит пытался прыгнуть с кручи, но на лету был сражен очередью автомата Смурыгина. Третий бандит перестал стрелять.

Ранен? Убит? Смурыгин даже усомнился: не подвох ли? Но нет, у обрыва стояла фигура с поднятыми руками. Смурыгин подбежал к бандиту, в одно мгновение связал ему руки, обыскал... На земле валялся пистолет. В обойме — ни одного патрона.

— Ах, вот почему ты сдался,—сказал Смурыгин.

— Просчитался я, — заговорил вдруг бандит, подняв от земли грязное лицо, изрезанное глубокими морщинами. — Хотел и для себя пулю... Забыл в горячке.

— Да, ты действительно просчитался, — спокойно сказал Смурыгин, — и не один просчитался, а вместе со своими хозяевами.

На границе становилось все светлее. На востоке засияли первые лучи солнца. Потянул ветерок. За холмом послышался топот конских копыт: группа пограничников спешила на помощь наряду.

За этот подвиг младшего сержанта Смурыгина награ-

дили орденом Славы третьей степени. В историю заставы была вписана еще одна страничка.

1 января 1947 года газета «Советская Молдавия» под рубрикой «Пожелания знатным людям» поместила рисунок, изображающий воина у пограничного столба, со следующими словами:

Где Смурыгин — на границу
лезть бандитам не рука.

Даже ветер там боится

гнать свободно облака.

Поднимайте выше чарки

за отважных часовых —

за героев схваток жарких

на заставах боевых!

Нарушитель задержан. Еще до захода солнца с севера подул резкий ветер и принес волну холода. Потом ветер стих, но теплей не стало. Небольшой лес стоял задумчивый, таинственный. Опавшие листья густо устлали землю.

Тропа светлой змейкой выбиралась из леса, по косогору спускалась к реке, где проходит государственная граница Союза Советских Социалистических Республик.

Маскируясь зарослями кустарника, вблизи границы шли рядовые Гаврюшин и Колалб. Гаврюшин — опытный, закаленный пограничник, а Колалб — солдат, не так давно начавший свою службу, но уже познавший многие ее секреты.

Колалб озяб, ему хотелось скорей на заставу, в тепло. Но, видя, что старший наряда как ни в чем не бывало идет, вглядываясь в темноту, Колалб продолжал молча шагать за ним. В легком плаще Гаврюшину тоже было не тепло, но он не хотел показывать это подчиненному.

Молодые солдаты любили ходить в наряд с Гаврюшиным. Никому он послабления не давал, но к новичкам проявлял особую внимательность, терпеливо учил их.

Гаврюшин принес на заставу замечательные качества молодого рабочего — трудолюбие, уважение к коллективу. В дружной пограничной семье эти качества помогли ему стать отличным воином. На заставе он получил более двадцати поощрений и наград. И вот приближалось время, когда он должен был уволиться в запас, проститься со своими боевыми товарищами. Вот простится и по комсомольской путевке уедет на большую стройку.

«Не последний ли раз с ним в наряде?» — думал Колалб, дороживший дружбой с Гаврюшиным.

Время истекло. Воины возвращались на заставу тропинкой, тянувшейся вдоль границы. Оба вслушивались в шорохи ночи. И вдруг в монотонный, однообразный шелест камыша ворвался треск ветвей. Эти звуки ветер принес откуда-то со

стороны. Пограничники осторожно вышли к зарослям и притаились в кустах. Треск сухих сучьев приближался, но в темноте никого не было видно.

Ждали терпеливо, не шевелясь. Прошло не меньше часа. И вот рядовой Гаврюшин сделал предостерегающий знак Колалбу: «Кто-то идет. Приготовиться!»

Колалб почувствовал, как приток горячей крови ударил в лицо. Ни разу еще не встречался солдат лицом к лицу с врагом. От бывалых пограничников он наслушался всяких историй. Да и сама история заставы, на которой он служил, была полна примерами самоотверженной борьбы с вражескими лазутчиками.

Неужели сейчас настала та ответственная и опасная минута, ради которой ему приходилось столько учиться, часами лежать на холоде, мокнуть под дождем, не спать ночей? Скорее бы старший давал сигнал, что ли!

Нарушитель шел осторожно, но сухие ветки, валявшиеся в кустарнике, выдавали его. Звук шагов теперь слышался явственнее. Потом наступила тишина.

Гаврюшин легонько стукнул пальцем по автомату. Колалб моментально вскочил и, крепко сжав в руках автомат, нырнул в кусты, стараясь обойти нарушителя с тыла. А тот не замечал действий наряда. Добравшись до забора у края кустарника, он залег и стал напряженно осматриваться, видимо, выбирая направление, куда идти дальше. Но в этот момент рядовой Колалб осветил местность фонарем, строго приказал:

— Руки вверх!

Гаврюшин рванул вперёд и подоспел как раз вовремя. Нарушитель был задержан. А вскоре сюда прибыла группа пограничников и увезла задержанного.

За решительные и умелые действия пограничники удостоились поощрения. Рядовому Николаю Колалбу был представлен краткосрочный отпуск.

Славно служил на границе бывший кузнец механического завода из города Запорожья Николай Колалб — отличник боевой и политической подготовки.

Морозным утром. Раннее морозное утро. Николай Стародуб поднял воротник полушубка, замаскировался в снегу и вглядывался в сверкающую белизну равнины. Впереди, сжатая берегами, скованная льдом, лежала река. Позади равнина вздувалась небольшими буграми, заросла камышом и мелким кустарником.

От мерцания голубоватого снега у Стародуба болели глаза. Он то и дело протирал их и напряженно всматривался.

Каждый куст, каждый бугорок видны как на ладони. Простраивалась и сопредельная сторона. Такая же равнинная, она переливалась синевато-золотистыми искрами.

Пограничник старался не двигаться и дышал в меховой воротник, чтобы пар от дыхания не обнаруживал его. Брови и ресницы Стародуба заиндевели, мороз покусывал пальцы ног. Но солдат терпел и единственное, что позволял себе, — это думать, перебирать в памяти минувшие годы. Так быстрее шло время... Здорово все-таки получилось, что он, парень с Киевщины, попал именно на эту заставу. Давным-давно, когда Николая еще на свете не было, прибыли сюда несколько пограничников. Они отремонтировали старый сарай, когда-то служивший складом для зерна, приколотили над входом красный флаг и установили круглосуточную службу.

А потом в этих далеких от его села местах загремели оружейные залпы. Началась война, которая своим смертоносным огнем прокатилась через родное село на Киевщине.

Вот изгиб реки, где 22 июня 1941 года в 3 часа 50 минут пограничный наряд в составе трех человек под командой ефрейтора А. И. Макарова заметил шесть больших лодок, плывших к нашему берегу. В каждой лодке находилось по 15—18 вражеских солдат. Пограничники скрытно приблизились к берегу, и Макаров, приказав подготовить оружие к бою, распределил цели и установил сигнал открытия огня. Когда первые лодки подошли к нашему берегу, пограничники забросали их гранатами и открыли по ним меткий огонь. Противник, потеряв свыше 40 солдат, вынужден был возвратиться на свой берег. Ефрейтор Макаров был ранен, но продолжал руководить боем пограничного наряда. Впоследствии он был награжден орденом Ленина.

А вот там у заставы в течение первого дня войны противник 12 раз переходил в атаку, но все они были успешно отбиты. 11 раз пограничники, ведущие бой в районе заставы, переходили в контратаки, опрокидывая превосходящие силы врага. За проявленный героизм, мужество и отвагу трем воинам, участвовавшим в боях на этой заставе, Константинову, Бузыцкову и Михалькову, присвоено звание Героя Советского Союза.

И пусть снежная пелена закрыла старые окопы, воронки, блиндажи, Николаю казалось, что он видит на земле раны от снарядов, ползущих по камышу солдат, слышит их «ура».

Стародуб гордится тем, что служит именно здесь, на этой прославленной заставе.

Старательный и добросовестный, он уже на первом году службы не раз удостоивался благодарности. О нем заговаривали на собраниях. Казалось, чего бы еще желать: начальство хвалит, товарищи уважают и любят...

А разве только в этом счастье солдата?

Как и любому его товарищу, ему хотелось быть таким же, как те пограничники, которые впервые сюда пришли, как те, что отбивали вражеские атаки превосходящих сил противника.

В это морозное утро перед его глазами расстилалась равнина, недвижимая, погруженная в пелену тумана.

Но вот неожиданно что-то вдруг изменилось в ней, что-то новое прибавилось к ее однообразному пейзажу. В том месте, где небольшие бугры сливались с кустарником, Стародуб показалось, будто лиса выглянула из своей норы и, увидев опасность, нырнула обратно.

Интересно, что дальше будет делать лиса? Стародуб напряг зрение и стал ждать. Но лиса не появлялась. Вместо нее в кустарнике мелькнула человеческая фигура. Издали человек был похож на лису, прижавшуюся к земле и приготовившуюся к броску на свою жертву.

Стараясь подавить охватившее его волнение, Стародуб сообщил на заставу: к границе, маскируясь кустарником, пробрается неизвестный.

В это время неизвестный скрылся в кустарнике. Пограничник прикинул разделявшее их расстояние. Далековато. Стародуб встал, распахнул полушубок и, вскинув автомат, побежал наперерез врагу. Бежать было тяжело, путались полы полушубка, сапоги проламывали снежный наст. Николай проваливался то по колено, то по пояс.

Морозный воздух обжигал легкие. Глубоко дыша, Николай бежал что было сил, спотыкаясь, падал, но сразу же вскакивал и бежал снова.

Неизвестный уже выходил из кустарника и приближался к границе. То ли он увидел пограничника, то ли услышал тяжелое дыхание, только вдруг замер на месте. Затем резко оглянулся и бросился в сторону границы.

В груди солдата похолодело:

«Уйдет! Что делать?» Николай шелкнул затвором и горячей щекой прижался к ложу автомата.

Мушка тотчас совпала с прорезью прицела. Осталось нажать на спусковой крючок. Но пограничник не выстрелил, а решил задержать живым. Николай громко крикнул: «Стой!» Напряг свои силы, броском настиг нарушителя и, угрожая оружием, задержал его.

Только теперь Стародуб почувствовал внезапную усталость, когда против него с поднятыми руками стоял задержанный нарушитель, пытавшийся уйти на сопредельную сторону.

Так и застали его подоспевшие товарищи: твердого и непоколебимого в выполнении приказа на охрану границы.

Когда теперь Стародуба спрашивают, за что ему командир части объявил благодарность, он отвечает:

— За то, что выполнил свой долг.

За неоднократные умелые действия по задержанию нарушителей Стародуб был награжден медалью «За отличие в охране государственных границ СССР».

Когда рядом друг. Служба на заставе шла своим чередом. Одни наряды уходили на участок, другие возвращались. Начавшаяся с утра метель к вечеру достигла такой силы, что буквально в нескольких шагах ничего не было видно. Ледяной ветер валил с ног. Шумела пурга по холмистым просторам Молдавии, что в этих краях бывает редко. Метель гнала струйки жесткого, как песок, снега, заметала все дороги.

Когда опустились сумерки, начальник заставы капитан Алексеенко вызвал дежурного.

— Дошли до стыка?

— Никак нет! Докладывали от Садика.—Дежурный знал, что речь идет о наряде—о рядовых Зотове и Петрове.

— А пурга?

— Еще сильнее, товарищ капитан, в двух шагах ничего не видно.

— Когда они позвонят, доложите мне.

Дежурный ушел. За окном завывал ветер, ему аккомпанировали мерзлые провода. Офицер хорошо представлял, каково сейчас его подчиненным, которые несут службу, и с каждой минутой волновался все больше.

Мысли Алексеенко прервал звонок.

— Докладывает рядовой Зотов,—услышал он в трубке. — Признаков нарушения границы не обнаружено, нахожусь на стыке.

— Продолжайте выполнять задачу, будьте бдительны и осторожны в пути, чаще докладывайте на заставу, — приказал капитан.

Ветер тем временем усилился. Вокруг все заволокло, бушевала метель, и наряд уже не шел, а буквально полз навстречу колючему снегу. Они старались держаться рядом, чтобы не потерять друг друга.

Двигавшийся впереди рядовой Зотов заметно ослабел. Он часто останавливался, а иногда падал.

— Черт побери! — выругался Зотов. — Надо было взять лыжи!

— Разве мы знали, что повалит снег? — старался успокоить его Леонид Петров.

— Пограничники все должны предвидеть, понятно?

— Понятно, — ответил Петров.

А потом Зотов предложил:

— Зайдем в село или приткнемся где-нибудь, посидим.

Но Петров был против.

— В села заходить нам не приказано. На заставе волнуются. Идти надо. Медленно, но идти. Пошли.

Чтобы было легче товарищу, Петров пошел впереди. В снежных многометровых наметях он пробивал тропу, и они медленно продолжали двигаться вперед. А вокруг — только ветер и снег.

Петров с трудом находил розетки и пробивался к ним, чтобы доложить на заставу. С каждым шагом усталость сказывалась все больше, но пограничники шли вперед, поддерживая и подбадривая друг друга, карабкались и ползли по снежным заносам.

При возвращении на заставу Зотову стало совсем плохо. Его тошнило, и идти он уже не мог. Петров доложил дежурному офицеру.

— Сейчас высылаем помощь, — ответили солдатам по телефону.

Петров, взвалив на плечи товарища, двинулся дальше. Около двух километров пронес Леонид Петров Зотова. Только на опушке леса, недалеко от заставы, встретили они высланных им навстречу товарищей. Благополучно возвратились в расположение.

— Товарищ капитан, пограничный наряд прибыл, — доложил рядовой Петров.

Он глядел прямо перед собой и больше не мог вымолвить ни слова. Того, что чувствовал он и его товарищи, словами, пожалуй, не передашь.

За мужество, находчивость и физическую выносливость, проявленные при охране государственной границы, командир части предоставил рядовому Леониду Петрову краткосрочный отпуск.

Это и есть подвиг. Граница! Одно это слово заставляет взволнованно биться сердце. Мысленно представляешь себе нашу огромную страну и линию, обозначенную пограничными знаками. Проходит эта линия по горам и лесам, через тайгу и пустыни, по озерам и рекам, теряется в волнах морей и океанов. И где бы она ни проходила, всегда и всюду ее зорко берегут воины в зеленых фуражках. Пограничники в глазах советского народа — символ мужества, находчивости, неутомимости.

Вот уже прошло много лет после войны, но каждый раз, собираясь в наряд на границу, старшина Михаил Шаповалов испытывал сильное волнение. Снова он будет стоять с оружием в руках на рубеже родной державы, охранять ее от

вражеских лазутчиков, оберегать покой и мирный труд Родины.

При мысли об этом Шаповалов делался собранным, с большей тщательностью готовился к службе. Он отлично понимал, куда идет, и верил в возможность встречи с нарушителями — хитрым и коварным врагом.

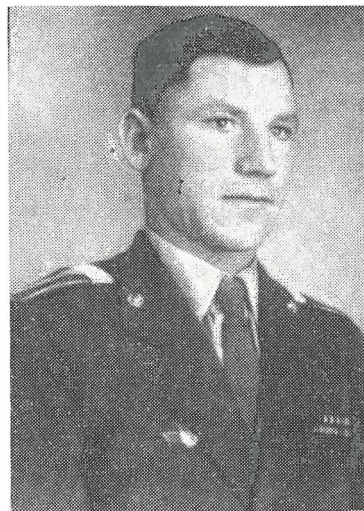
Старшина Шаповалов бывалый пограничник. Он не раз вступал в единоборство с вражескими лазутчиками на земле молдавской и выходил победителем. За бдительную службу Михаил Шаповалов имеет ряд наград и поощрений.

В то утро, когда старшина и сержант Бичурин вышли на границу, они и не помышляли, что совершат поступок, который можно назвать подвигом. Как всегда, старший наряда повторил задачу, отвязал от будки своего верного друга Ральфа, тщательно проинструктировал помощника, и они покинули двор заставы. Шли по тропе, знакомой до каждой мелочи, только сейчас тропа была местами немного припорошена снегом и все вокруг как будто сжималось от надвигающегося холода. Сухой морозный воздух пощипывал лицо и перехватывал дух.

Как и положено инструктору, Михаил Шаповалов шел впереди, пристально присматриваясь к местности, наблюдая за поведением собаки.

Пройдя около двух километров, Ральф вдруг остановился и стал беспокойно кружиться на месте. Остановился и Шаповалов. Сначала он подумал, что собака заинтересовалась заячьим следом, но, пройдя немного вперед, увидел потревоженные комочки земли на полосе. Подошел Бичурин, и им удалось установить по примятым стеблям травы следы врага, которые пересекли границу на реке Прут и уходили в нашу сторону. Надо было действовать как можно быстрее, чтобы не позволить нарушителю уйти.

Сообщив о нарушении границы за заставу, они пошли на преследование. Собака с силой натягивала поводок. Солдаты прибавили шаг. Сначала следы шли вдоль границы, затем круто повернули в кусты, потом потянулись в тыл. На-

М. Шаповалов.

рушитель делал зигзаги, иногда останавливался, а переходя канаву, сильно примял сухую траву.

Чтобы получить более точные данные о нарушителе, пограничники стремились найти четкие следы, но грунт был твердый. Через некоторое время они поднялись на южный скат возвышенности. И тут, при тщательном осмотре, около обрыва воины обнаружили ясный отпечаток следа. Шаповалов установил, что неизвестный обут в сапоги. Размеры отпечатков и длина шагов позволили ему сделать вывод: нарушитель мужчина, среднего роста, на каблуках обуви подбиты подковки, а на носке одного сапога набит косячок. И то и другое рельефно вырисовывалось на отпечатке. Эти особенности следа облегчили розыск нарушителя.

Навстречу ветру было трудно бежать. Впереди слышался лай собак — там находилась колхозная ферма, которой не было видно в морозном тумане. «Неужели уйдет? — подумал старшина. — Неужели не успеем?»

Участки, где признаки следов были ясно видны, они пробегали бегом, когда же следы терялись, им приходилось продвигаться медленнее. Особенно большая задержка произошла около шоссе.

Нарушитель вышел на дорогу, идущую параллельно границе, и здесь его следы затерялись. Вполне понятно, что по открытой дороге он не мог долго продвигаться. Лазутчик вышел на нее лишь для того, чтобы запутать следы.

Старшина начал осматривать противоположную сторону дороги влево, а сержант Бичурин — вправо. Пройдя около 500 метров, Шаповалов заметил около края дороги знакомый след сапога с отпечатками подковок. В другом месте он обнаружил такой же след на значительном удалении от дороги. Дал сигнал Бичурину следовать за ним и побежал по направлению следа. Ральф менее активно вел по следу, чувствовалась усталость.

Мужественные воины прошли около 15 километров. За это время следы часто терялись, но они снова находили их.

Чувство высокой ответственности за выполнение боевой задачи двигало их вперед. Несмотря на сильную усталость, они продолжали вести активный поиск врага и жили одними мыслями — быстрее захватить его и обезвредить.

След привел к кустарнику. Собака заметно уменьшила скорость движения. Тут в кустарнике Шаповалов заметил на земле свежий окурок сигареты, на нем была иностранная марка. Сухая трава в одном месте примята — значит здесь отдыхал нарушитель.

Подобрав окурок сигареты как вещественное доказательство, Шаповалов проговорил: «Хоть мы и не дворники, но

окурок поднимем, пригодится». Воины продолжали преследование.

По проселочной дороге пограничники вышли на окраину большого населенного пункта. Они знали, что с противоположной стороны села дорога выходит к железнодорожной станции.

Сержант Бичурин высказал предположение, что лазутчик в селе задерживаться не будет. Он, видимо, стремится выйти быстрее к железнодорожной станции, чтобы успеть к отходу поезда, который вскоре здесь будет проходить.

Пограничники вышли на противоположную окраину села и направились в сторону железнодорожной станции. Здесь напасть на след не удавалось.

— Ральф, ищи след! — приказал старшина Шаповалов овчарке.

Ральф оживился, становился все более напористым и энергичным. Вдруг на обочине дороги Шаповалов заметил спичечную коробку и, когда поднял ее, сразу увидел на ней чужую этикетку. У него учащенно забились сердце: «Значит, идем правильно». Как драгоценную находку, положил он спичечную коробку в карман.

Несколько километров прошли вдоль дороги по следу. Затем он пропал. Ральф, прижимаясь к земле, храпел, безуспешно обнюхивал камни, траву и кучи песка на дороге.

— Ищи, Ральф, ищи! След!

Это была очередная хитрость нарушителя. Выйдя на дорогу, он сделал сильный прыжок через кювет в сторону и, пройдя несколько метров по полю, вернулся на дорогу.

Впереди показался небольшой населенный пункт. Притомились и хозяин, и его собака. Шаповалов шершавой ладонью вытер с запяленного лица пот и остановился. Подошел сержант Бичурин, немного прихрамывая на правую ногу.

— Что, скат спустил? — пошутил Шаповалов. — Терпи, атаманом будешь.

На окраине села они узнали от местных жителей, что недавно здесь проходил один мужчина и направился к железнодорожной станции.

Не теряя времени, напрягая все силы, воины устремились ближайшим путем к станции.

...На перроне пограничники заметили человека, стоявшего в стороне от группы пассажиров, ожидавших поезд. Он курил и, не отрывая глаз, смотрел в ту сторону, откуда должен был появиться состав.

Докурив папиросу, неизвестный бросил окурок и направился к группе пассажиров.

Обойдя незнакомца так, чтобы тот его не заметил, Шапо-

валов поднял с земли окурок. Марка на нем была такая же, как и на том, который они нашли у кустарника. Шаповалов подошел к неизвестному и потребовал документы. Тот, недовольно взглянув, протянул права шофера и какую-то потертую справку.

— А где паспорт?

— Я живу в селе, какой тебе еще паспорт?

— Куда едете?

Неизвестный назвал станцию в Молдавии. Он говорил, что приехал утренним поездом к брату. Брат живет недалеко от станции, но вчера еще выехал в город. Сам он живет и работает недалеко от Кишинева. Вот справка с места работы. Что еще нужно?

Неизвестный отвечал с чувством собственного достоинства и убежденности, что вся эта история с его задержанием не стоит и ломаного гроша.

Шаповалов слушал участливо, поддакивал да подсказывал. Потом попросил пройти с ним в вокзал. Как только неизвестный ступил на мягкий грунт, пограничники сразу увидели знакомые отпечатки следов.

Да, это был он, тот кого преследовали сорок пять километров!

Когда на станцию прибыл начальник заставы, старшина Шаповалов доложил:

— Товарищ капитан, во время несения службы задержан нарушитель государственной границы. Докладывает старший пограничного наряда старшина Шаповалов.

По дороге на заставу Шаповалов признался сержанту Бичурину:

— Ты знаешь, когда бежали за нарушителем, не чувствовал усталости. А вот на вокзале сразу почувствовал, ох, и почувствовал...

На контрольно-пропускном пункте. Воротами страны называют контрольно-пропускные пункты. Тысячи людей ежедневно пересекают государственную границу, проходя через эти ворота.

Едут к нам люди из разных стран. Одни за опытом, другие провести отпуск на чудесных курортах Кавказа и Крыма, третьи — посмотреть страну, первой в мире пославшую в космос человека, познакомиться с ее людьми, побродить по улицам прославленных городов-героев, приобрести сувенир. Едут отовсюду.

В этом большом потоке людей можно встретить и таких «туристов», которые охотятся за секретными «сувенирами», чьи экскурсии по Советскому Союзу продиктованы другими интересами...

Здесь нужен особый глаз. Это хорошо понимают пограничники КПП и работники таможни.

Поезд прибыл на станцию. Впереди река, граница.

Последние минуты перед отходом.

Отъезжающие проходят таможенный досмотр — процедуру, обязательную на границах всех стран мира. В чемоданах туристов личные вещи, сувениры, купленные на память о незабываемой поездке по стране Советов.

Начался досмотр вещей господина из далекой заокеанской страны. В руках таможенника хозяйственная сумка. Обыкновенная сумка, с которыми домашние хозяйки ежедневно ходят в магазины за покупками. Но что-то едва уловимое, вызывающее подозрение есть в поведении ее хозяина. Нет, он не суетится, не проявляет никакой нервозности. Стоит и терпеливо ждет, когда таможенный инспектор Попович возвратит сумку. И все-таки здесь что-то не так. Опыт подсказывает инспектору: этот выхолщенный, смуглый, с тонкими усиками господин волнуется, хотя и умеет скрывать свое волнение за маской безразличия.

Инспектор освобождает сумку от содержимого.

Да, так и есть: глубина сумки не соответствует внешним размерам. Сумка с двойным дном. Под искусно вклеенной фанеркой контрабанда — большая сумма советских рублей, американских долларов и английских фунтов.

Что ж, господин из далекой страны, мы принимали вас как доброго гостя и так же хотелось проводить в дальнюю дорогу. Но теперь уже придется тщательнее, чем обычно, осмотреть все, что вы везете в своих желтых чемоданах, ознакомиться и с тем, что припрятано в карманах вашего костюма.

На столе таможенного инспектора появляются фотокиносъемочная аппаратура, часы, бинокли, столовые наборы из серебра и даже цигейковые воротники.

В рукавах пиджака зашиты золотые монеты. Вот как человек хотел использовать наше гостеприимство — в целях личной наживы. Как только не ухитряются контрабандисты. Тайники для контрабанды они устраивают в самых неожиданных местах: в узлах галстуков, в каблуках обуви, в чулочных резинках, поясах и разных безделушках.

Как-то из нашей страны уезжал за границу священник. На КПП он держался с достоинством человека, твердо уверенного в своей святой непогрешимости.

Пограничники и сотрудники таможни прикинули, что святой отец, убывая за границу на постоянное жительство, наверняка продал свое имущество. Но в документах валюты значилось мало. Инспектор выразил удивление.

— Не хлебом единым сущ человек, — ответил святой отец. — Есть нечто высшее.

Начали досмотр вещей. Старые сапоги! Зачем везти за границу такую дрянь? Разглядели хорошенько, и в каблуках нашли спрятанные червонцы царской чеканки. Стали искать в других вещах. Золотые монеты покоились повсюду, даже в колбасе и в куске сала.

Пограничники обратили внимание еще на одно необычное обстоятельство. Святой отец в летнюю пору был одет в ватные брюки. Оказывается, и в них зашил монетки.

Не помог святому отцу всевышний.

Практика пограничной службы показывает, что вражеские лазутчики в своих гнусных целях стараются проникнуть через советские рубежи не только на участках пограничных застав, а и через контрольно-пропускные пункты, применяя при этом различные ухищрения и уловки.

Чаще всего враги пытаются нарушать границу, укрывшись в различных грузах, во всевозможных приспособлениях, имеющихся на транспортных средствах, а иногда стараются проникнуть через границу под видом членов поездных бригад. Поэтому пограничники должны хорошо знать устройство транспортных средств и порядок укладки и транспортировки грузов.

Однажды ночью из-за границы прибыл поезд. Старшине И. Резванову поручили произвести досмотр паровоза. Он зашел в кабину машиниста, просмотрел все ящики, заглянул за топку. Пользуясь электрофонарем, со всех сторон осмотрел паровоз. Ничего не обнаружил. Затем поднялся на тендер. Прошелся по углю, заглянул в люк, через который наливается вода.

Освещая поверхность налитой воды, заметил, что она колышется, несмотря на то, что поезд уже стоит продолжительное время. Старшина стал тщательно осматривать резервуар. Через несколько секунд из-под воды показалась голова нарушителя, пытавшегося пробраться на советскую землю.

...Ранним утром пассажирский поезд пересек государственную границу и подошел к досмотровой площадке. Старшина Резванов, проверяя состав, шел по крышам вагона, освещал фонарем вентиляторы. Вдруг внимание старшины привлекли еле заметные следы человека на пыльной крыше. Это насторожило Резванова. Тщательно осмотрев крышу, он тут же решил проверить лестницу и буфера. Когда луч фонаря скользнул по лестнице, то осветил прижавшегося к стене вагона человека в форме военнослужащего.

— Куда едешь? — спросил старшина Резванов.

— Я служил в частях Советской Армии, отстал от эшелона, а сейчас пробираюсь в Советский Союз.

— Что пробираешься, то это видно, а вот зачем — придется проверить, — сказал старшина задержанному и приказал следовать с ним.

Переодетый нарушитель границы стал что-то бессвязно доказывать, потом предлагал деньги, закуску — лишь бы его отпустили.

— Иди вперед и знай, что советские пограничники не продаются, — строго прервал его один из напарников старшины. Задержанного отвели к дежурному офицеру.

Им было по 17 лет. Война, отгремев на молдавской земле, покатила на запад. За окном тихая молдавская ночь. На черном небе мерцают россыпи звезд, как на огромном ковре. Они висят над крышами домов и кажутся большими и близкими. Если открыть окно, они входят в дом, принося с собой прохладу и свежесть ночи. Но окно, у которого сидел Дмитрий Иванович, не открывалось. Можно было только откинуть занавеску и через стекла вглядываться в молчаливую черноту ночи. Там за окном граница. Стоит лишь спуститься с пригорка — и окажешься на берегу Прута.

Дмитрий Иванович Чобота только что вернулся с собрания. Оно было необычным. Пограничники организовали бригады содействия. Начальник заставы рассказал об успехах на фронте, о мерах по укреплению границы. Он говорил:

— Отступая, враг оставил на молдавской земле свою агентуру, которая будет мешать нам восстанавливать народное хозяйство. По лесам бродят недобитые гитлеровские вояки, которые пытаются прорваться за границу. Будьте бдительны.

Дмитрий Иванович сидел и думал: сколько у него работы, ведь он председатель сельского Совета. Хоть и не новичок на этой должности, но все приходится начинать сначала.

Еще в 1940 году ему одному из первых доверили односельчане руководить сельским Советом. Но работать долго не пришлось. Началась война. Молдавию оккупировали румынские бояре и их немецкие хозяева. Дмитрия Ивановича арестовали. Вскоре ему удалось вырваться из застенка румынской сигуранцы. Дмитрию Ивановичу разрешили жить только в своем селе, обязали ежедневно являться на регистрацию в полицейский участок в соседнее село.

Жилось нелегко, жена умерла. Четверо детей осталось без матери, один другого меньше. Большие заботы легли на плечи Дмитрия Ивановича и старшей дочери Марии. Наконец пришел праздник. В августе 1944 года Красная Армия освободила их село. Снова красный флаг стал развеиваться над сельским Советом.

Дмитрий Иванович сидел и думал, кого он пошлет завтра

М. Чобота.

за дровами для школы, кого для починки дороги, а кого на помощь пограничникам.

На следующий день Лиза Комашук и Мария Паун поехали за дровами. Мария Чобота еще с рассветом ушла собирать виноград на участок вблизи леса.

Лиза и Мария Паун, оставив повозку на опушке леса, стали собирать валежник и подносить его к повозке.

Вдруг Лиза заметила за кустами незнакомца в немецкой форме.

Запыхавшись, Лиза подбежала к повозке.

— Вон там, в кустах у землянок, какой-то немецкий

солдат. Он все рукой машет, меня зовет.

— Постой. Какой солдат?—насторожилась Мария.

— Да немецкий. Все зовет меня, а я одна боюсь туда идти. Пойдем вдвоем.

Мария направилась к кустам, а за ней, озираясь по сторонам, пошла Лиза. Солдат сидел на земле, поглядывал на девушек и с жадностью ел дикie яблоки. Острые обтянутые серой кожей скулы, глубоко запавшие глаза в темных орбитах, потрепанный мундир едва прикрывает сутулые плечи.

«Ну и страшилище»,—поморщилась Маша, но разговор повела приветливый:

— Добрый день! Чего это лесную кору гложете? Зашли бы в село, покушали, и к своим.

— Спасибо, — ответил на ломаном русском языке немец. — Я не один, нас трое, — и он крикнул что-то по-немецки. Подошли еще два вооруженных автоматами солдата. Один из них обратился к девушкам:

— Дайте нам хлеба, иначе вам капут,—и показал на автомат.

Девушки не сразу нашлись что ответить.

Первая сообразила Лиза. Оглянувшись по сторонам, она подошла к сидящему солдату, нагнулась и заговорила тихо, словно они были давнишние знакомые:

— А я знаю, куда вы идете. Если хотите, мы вам поможем, свезем в село, накормим, дадим продуктов и переправим через границу. А то напоретесь на пограничников. С ними разговор короткий.

— В селе военных нет?

— Никаких военных нет, — ответила Лиза.

— Пограничников тоже нет?

— Никого нет.

— Фронт далеко отсюда? — прошептал гитлеровец.

— За Яссами.

— А не подведете? Головой отвечать будете! — выйдя из кустов, строго предупредил солдат.

Лиза в упор посмотрела на немца и не то с сочувствием, не то с насмешкой ответила:

— За кого вы нас принимаете? Мы в прятки играть не собираемся. Поехали. Накормим, а потом проводим куда надо, — последние два слова она сказала как-то подчеркнуто.

— Ну, смотрите! — пригрозил скуластый солдат, и они направились к повозке.

Лиза размашисто шагала впереди, ни разу не обернувшись. Она шла знакомой, много раз исхоженной тропой, по-хозяйски оглядывая все вокруг. Вот неподалеку от тропы стоит повозка, и привязанные к ней кони хрустко пережевывают корм. Отфыркиваясь, они бьют ногами, отгоняя мух.

Там внизу, в огромной долине, зеленеют луга. Выше, на склонах, синеют виноградники, а за ними лес.

Подошли к повозке. Лиза запрягла коней. Мария предложила солдатам сесть в повозку, подала им мешки, велела укрыть головы и лечь на самое дно. Сверху немцев положили хворост и тронулись в путь.

Перед железнодорожным переездом к девушкам присоединилась Мария Чобота.

— Маловато вы везете, — сказала Мария.

— Мало, да дорого, — многозначительно ответили девушки.

— Кто это? — тревожно спросил один из солдат.

— Это Маша, наша подруга, соседка, — успокоила его Лиза. Теперь уже втроем они сопровождали необычный груз.

Повозка, натужно скрипя колесами, медленно поднималась в гору.

Вот уже и окраина села виднеется.

— Стой! — крикнул один из немцев, — куда вы нас везете, что это за казарма?

— Это школа, — хором ответили девушки.

Мария Чобота свернула на тропу и быстро зашагала к селу.

— Хальт! Стой! — заорал солдат. — Куда она пошла?

— Домой, она вон там на окраине живет, — ответила Лиза.

— Все будет в порядке, — подтвердила Мария и подстегнула коней.

Вот и село. Телега, скрипя и пошатываясь, въехала во двор пограничной заставы.

Когда сержант Демин приказал фрицам открыть головы, они увидели вокруг себя пограничников с автоматами, а в стороне, улыбаясь, стояла Мария Чобота.

На второй день Лиза Комашук и Мария Паун таким же образом привезли на заставу еще двух немцев.

Тогда кто-то их спросил:

— Как же вы, девушки, сумели привезти пятерых вооруженных мужчин?

Они ответили:

— Мы не маленькие, нам уже по семнадцать.

В настоящее время Мария Дмитриевна Чобота-Плачинта живет в селе Семены Унгенского района, работает в колхозе.

Мария Васильевна Паун живет в селе Новые Варзарешты Каларашского района.

Лизы Комашук уже нет в живых.

Юный друг пограничников. У затухающего костра на берегу пограничной реки собрались солдаты и офицеры, колхозники и учащиеся, русские и украинцы, осетины и молдаване, литовцы и грузины. Все они говорили по-русски и были очень взволнованы происшедшим.

— Молодец! — офицер-пограничник обнял за плечи мальчугана.

— И вам, товарищи, спасибо, — офицер обращался к стоявшим рядом с мальчиком двум колхозникам, те в ответ улыбнулись. Федор Иванович Подгурский этаким солидным баском произнес:

— Дело привычное, не впервой.

Офицер поблагодарил присутствующих и, обернувшись к солдатам, скомандовал:

— В машину, на заставу.

В кузов рядом с собой они посадили плечистого, в темных очках парня. Как только машина тронулась, парень зло и грязно выругался. Впереди его ждала расплата...

Домик в селе Мынзатешты ничем не отличался от всех других соседних домов. Но Саша любил его больше всего. За огородом проходил большак, напротив, за соседними домами, — пригорок и лужайка, а еще дальше виден Прут, берега которого поросли лозняком. В Мынзатештах все ребята знали, что ходить без дела к реке нельзя: там граница.

Когда Саша подрос и пошел в школу, мать разрешила ему выходить за село играть с товарищами. С наступлением летних каникул книжки и тетради забрасывались подальше на полку, и Саша целыми днями гонял с друзьями по улице.

Нередко они собирались на лужайке за селом, весь день проводили у костра, пекли картошку, кукурузу, рассказывали друг другу различные истории, услышанные от родителей и учителей.

Но больше всего ребята любили играть в войну. Ведь каждый порядочный мальчишка — в душе знаменитый командир, отважный разведчик.

Когда родители уходили на работу в поле, ребята собирались на лужайке и разрабатывали планы очередных военных действий. Сашу Рошку не выбирали командиром: ростом был очень маленький. Поэтому и доставалось ему или ходить в разведку или залезать на дерево и вести наблюдение.

Но чаще всего ребята играли в пограничников. Юра Скрыпкар уходил в кустарник изображать шпиона, а Гриша Подгурский, как признанный командир, на поиск «шпиона» высылал пограничный наряд: Деониса и Николая Рошку. Саше, как обычно, оставалось вести службу наблюдателя. Он взбирался на высокую акацию и передавал на землю все, что видел.

— Исчез, как сквозь землю провалился! — с досадой сказал Саша, спустившись с дерева и усаживаясь рядом с ребятами.

— Скоро найдут! — протянул Гриша.

Вдруг в кустах послышался свист. Ребят точно ветром сдуло, все устремились в кустарник. Через двадцать минут окруженного, со связанными руками «шпиона» вели к командиру.

— Нашли-таки! — сжав кулаки, воскликнул Гриша.

И так почти каждый день.

Однажды Саше Рошке велели позвать отца обедать. Саша оставил у дома маленького братишку, намеренно выбрал подальше путь, чтобы встречные односельчане при случае могли оценить его обновки: длинная стеганка вполне могла сойти за пальто, только рукава пришлось подвернуть, зато молдавская папаха из черного каракуля пришлась как раз впору.

Саша Рошка.

По дороге шагал чинно. Слегка сдвинув кушму на бок, как это делают взрослые, мальчик оглянулся. Пологие, местами изрезанные оврагами скаты холмов, по-осеннему голые, упирались в Прут. А за рекой, уже в Румынии, тянулись такие же холмистые поля, на которых, как и в Сашинем колхозе, летом поспевала кукуруза и зрел виноград.

Саша заметил только одного дядю Федю Подгурского, вырубавшего кусты, что росли почти у самой реки. Отца с ним не было.

«Видно, уже домой ушел», — решил Саша и повернул обратно. Из оврага, пересекавшего надвое кукурузное поле, к границе шел высокий в темных очках парень. Саша присел в бурьян и стал наблюдать.

В их селе такой ни разу не встречался. Да и одет не по-здешнему. «Чужой!» — подумал Саша.

Парень шел, изредка останавливался, поглядывая то на забор и вспаханную полосу, то на берег Прута. Держался он уверенно, как будто не однажды ходил в этих местах, очевидно, заранее ознакомился с местностью и проследил, что пограничный наряд отошел далеко. «Ищет, где удобнее махнуть на ту сторону», — предположил мальчик и крикнул:

— Дядя Федя!

Сильный встречный ветер заглушил его голос. Подгурский не обернулся. Но незнакомец зачем-то сунул за пазуху руку, повернул назад и пошел к колхознику.

С досады Саша едва не заплакал. Как ему, ученику второго класса, помочь дяде Феде? А вдруг парень вооружен, если не пистолетом, то нож наверняка есть.

Сашина учительница Артина Савельевна много им рассказывала про шпионов и диверсантов, которые тайком переходят границу и, когда им угрожает опасность, не считаются ни с чем.

Единственное, что мог придумать Саша, — бежать за взрослыми и звать их на помощь. И Саша побежал. Высокий бурьян путался под ногами, колючки хлестали по лицу, полы стеганки били по коленам, волосы взмокли от пота. Но все это пустяки. Только бы не опоздать помочь дяде Феде.

От усталости Саша несколько раз падал и неизвестно, как добрался бы до села, если бы не увидел другого своего соседа.

— Дяденька Касьян! — задыхаясь, еле выговаривал Саша, — Там, на границе, дядя Федя... и чужой... Вы идите скорей, а я отдохну немного.

...Обернувшись на шорох шагов и увидев высокого, плечистого парня, Федор Иванович продолжал спокойно рубить куст и распрямился только тогда, когда парень подошел вплотную.

— До меня, что ль? — кивнув головой в ответ на приветствие, спросил Подгурский.

— До вас, — попытался улыбнуться парень.

— Ну, что ж, сидай к огоньку, побалакаем, — пригласил Федор Иванович.

— Да ты кто? — парень оценивающе осмотрел Подгурского — молдаванин? Хохол?

— Не все ли равно! — сердито раздувая потухший костер, отрезал Федор Иванович.

— Не переправишь ли на ту сторону? — небрежно, словно о пустяковом деле, заговорил парень. — Деньгами не обижу. За год столько в колхозе не заработаешь.

— Отчего не переправить, пока пограничников нет, — согласился Федор Иванович. — Только у меня нет лодки, есть у соседа, он вот-вот подойдет. Подождать надо.

— Пока ждем, папаша, солдаты появятся, — с подозрением взглянул парень на Подгурского.

— А солдатам до нас какое дело? Нам разрешено. Мало ли сейчас людей работает вдоль границы. А не хочешь ждать, не надо. Шагай дальше. Небось, в другом месте переберешься, — недовольно проворчал Федор Иванович.

— Ладно, не волнуйся, старина. Подожду, — и парень уселся у костра.

— Закуривай, — протянул он Подгурскому «Казбек».

— Спасибо. Я предпочитаю сигареты, — ответил дядя Федя, доставая из кармана «Нистру», — вот только мундштук оборонил где-то, — собираясь подняться, сказал он.

— Сиди! — насторожился парень. — Потом отыщешь. Поговорим о цене.

— Давай поговорим, — и Подгурский стал деловито торговаться.

— Вот такая цена меня устраивает, — согласился он наконец. — А за лодку соседа отдельно заплатишь. Да вот и он сам.

К костру не спеша подходил Романюк.

— Касьян, не дашь ли лодку перевезти за реку человека? — обратился Федор Иванович к соседу.

— Это можно, если в цене сойдемся, — ответил Романюк, протягивая над огнем руки.

— Вот и поговорите о цене. — Подгурский, поднявшись, сплюнул. — А я пока поищу мундштук. Без него от сигарет горько во рту.

Отойдя за кусты, он достал из брезентовой сумки телефонную трубку и воткнул штепсель в розетку, едва видневшуюся на столбике.

...Едва отдышавшись, Саша снова направился к границе: «Может быть, нужен буду...»

Но опоздал. С холма он увидел тонкую голубоватую струйку дыма и подъезжавшую к костру машину. Из нее на ходу выскакивали пограничники.

Еще долго после ухода автомашины беседовали у костра Подгурский и Романюк.

— На что он рассчитывал? — рассуждал Подгурский. — Что мы продадимся за деньги? Такого у нас еще не бывало.

— И не будет, — добавил Романюк.

За оказанную пограничникам помощь в охране границы Ф. И. Подгурский награжден медалью «За отличие в охране государственной границы СССР». К. Романюк и Саша Рошка поощрены командованием пограничного отряда.

Приведенные здесь факты не единичны. Жители пограничных сел всегда помогают охранять рубежи своей дорогой Отчизны. Здесь и колхозник — часовой.

СОДЕРЖАНИЕ

В САМОМ НАЧАЛЕ...

Вместо предисловия	3
С. Цыленков. Поднятые по тревоге	7
М. Зубрицкий. Первые удары по врагу	38
В. Сахаров. 95-я Молдавская	51
Г. Речкалов. Страничка из дневника	69
П. Гриценко. 109-й Чонгарский в бою	73
А. Мисочник. Мы ушли, чтобы снова вернуться	95

НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ

Н. Фролов. Поезда летели под откос	105
Я. Мухин. Будни зеленой крепости	128

ЯССКО-КИШИНЕВСКАЯ...

Б. Монастырский. От Ямполья до Скулян	161
Е. Скворцов. Смелый рейд	172
А. Левин. «Малая земля...»	177
И. Титов. О боях, товарищах	191
Г. Абрамов. Первый бой	204
К. Москвин. Молдавские зори	210
И. Свиридов. Август, 44-й год	222
П. Назаренко. Тыл перед наступлением	241
И. Середа. Один день войны	251
В. Ермуратский. С верой в победу	258
М. Новашевский. «Помните этот день»	264
С. Бурлака. В разведке	269
И. Ненахов. О службе пограничной	279

В БОЯХ ЗА МОЛДАВИЮ
Книга вторая

Редакторы А. Миронова, Э. Кулак. Художник В. Зеленский. Художественные редакторы Н. Семенихин, Н. Тарасенко. Технический редактор М. Пьянова. Корректоры С. Гехтляр, С. Нечаева, Н. Свинкина.

Сдано в набор 25.I 1968 г. Подписано к печати 8.X 1968 г. АБ 04468. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага тип. № 1. Печатных листов 19,25 + вкл. Уч.-изд. листов 18,02 + 0,18 вкл.
Тираж 8000. Цена 92 коп. Зак. № 8087.

Издательство «Картя Молдавеняскэ, Кишинев, ул. Жуковского, 44.

Типография газетного издательства Крымского обкома КП Украины,
г. Симферополь, проспект Кирова, 32/1.